

Ирина Котова и Валерия Панина,
Анастасия Мамонкина,
Дарья Руд,
Татьяна Гуркало

ЛЮБОВЬ
и
прочие проклятья
сборник юмористических повестей

Annotation

Любовь – это проклятье? Или это награда, которая может прийти в любом облике: харизматичного эльфа или бравого оборотня, по совместительству – убежденного холостяка, невезучей феи, заколдовавшей соседа, или мага, знакомство с родителями которого – то еще испытание?

Специально для вас – четыре юморные повести к Дню всех влюбленных от авторов, влюбленных в своих читателей! Хорошо вам провести время – с любимым человеком или с любимой книгой!

- [Дарья Руд, Анастасия Мамонкина, Татьяна Гуркало, Ирина Котова, Валерия Панина](#)
 -
 - [Дарья Руд](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Заключительная глава](#)
 - [Анастасия Мамонкина](#)
 -
 - [Часть первая, биографическая](#)
 - [Часть вторая, соискательная](#)
 - [Часть третья, исполнительная](#)

- [Часть четвёртая, спиритическая](#)
 - [Часть пятая, романтическая](#)
 - [Часть шестая, финальная](#)
 - [Татьяна Гуркало](#)
 -
 - [Часть 1](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Часть 3](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Валерия Панина и Ирина Котова](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Эпилог первый, повествовательный](#)
 - [Эпилог второй, романтический](#)
 - [Эпилог третий, философичный](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

**Дарья Руд, Анастасия Мамонкина,
Татьяна Гуркало, Ирина Котова,
Валерия Панина
Любовь и прочие проклятья**

© Дарья Руд, Анастасия Мамонкина, Татьяна Гуркало, Ирина Котова, Валерия Панина, текст, 2023

© Ирина Толочко (tsir), обложка, 2023

© Антонина Бересклет, иллюстрации, 2023

© RUGRAM, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

* * *

Дарья Руд

Книжная лавка с сюрпризом

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ КОНКУРСА «ЛЮБОВЬ И ПРОЧИЕ ПРОКЛЯТЯ»

Сложно вести честный бизнес в столице, когда ты не в ладах с местными стражами порядка, а бухгалтерские счета для тебя – тёмный лес. Это если забыть о том, что ты фея без капельки магии и даже лягушку не можешь заколдовать. А тут ещё под боком открывается лавка, грозящая твоему книжному магазинчику разорением. И что делать? Вырастить поганки на голове конкурента не получится, но кто сказал, что феи не умеют развлекаться по-другому?

Глава 1

– Плешивые твои крылышки!

Зои подскочила на кровати и не меньше минуты пыталась осознать, откуда раздаются визги, а после сломя голову бросилась из спальни вниз по лестнице.

– Что? Горим?!

Фея носилась между книжными стеллажами, как ужаленная. Самым страшным кошмаром любого хозяина букинистической лавки был именно пожар.

– Зои!

– Ли? – Девушка протерла заспанные глаза и уставилась на сестру. – Мы не горим?

– Сейчас твоя фейская задница будет гореть! Это что?! – Офелия потрясла в воздухе носком туфли.

Зои наконец увидела, что Ли с грациозностью пингвина прыгает на одной ноге, а на другой же весело болтается вверх-вниз мышеловка.

– Отлавливаю грызунов.

– И как? Я похожа хоть на одного?! А если бы я в босоножках пришла?

– Ну... маникюр бы сделали. – Зои зажмурилась, пытаясь спастись от полетевшей в нее сумки, получилось не очень, повезло, что та не была набита кирпичами, а то с сестренки станется.

– Прости, я же не знала, что ты решишь вломиться ко мне с утра пораньше.

Фея присела на корточки и осторожно сняла мышеловку с ноги Офелии.

– Кстати, что ты тут делаешь так рано?

– Знаешь, Зои, тебе определенно надо спать больше.

– Я бы и спала, если бы меня кое-кто не разбудил...

– Поговори мне тут еще! – Офелия пригрозила кулаком. – Ты забыла, что обещала мне посидеть с Джо-Джо?

– Это сегодня? – всполошилась Зои. – Но...

– Никаких но! Мое спа оплачено!

Когда Ли заковыляла к входной двери, Зои закатила глаза. Старшая сестра всегда отличалась особой артистичностью. В свое время родители были уверены, что девочка станет актрисой. Но Офелия хоть и подалась в театр, но трудилась там в лице главного декоратора, предпочтя руководить, а не заучивать монологи.

Джо-Джо в этот момент спокойно ковырялся в какой-то маленькой деревянной шкатулке, сидя на лавочке в окружении клумб.

– Дорогой, иди сюда, сынок, тетя Зои сейчас тебя и накормит, и напоит, и погуляете с ней, да? – И испытующий такой взгляд на фею, что той оставалось только мило улыбнуться племяннику и кивнуть.

Джо-Джо тихо поздоровался и вошел в книжную лавку, так и не оторвав взгляда от своей вещицы.

– Замечательно, – Ли наклонилась и чмокнула сына в нос. – Зои, дай ему хотя бы кусочек мяса, договорились? Раньше шести не ждите. Веселитесь!

Офелия послала воздушный поцелуй Зои и исчезла за дверью.

– Ну что, Джо? Будем веселиться?

Мальчик поднял свое серьезное личико и протянул девушке шкатулку.

– Тетя Зои, а у тебя есть книжка про нее?

Фея осторожно взяла из рук Джо коробочку и открыла крышку. Округу второй раз за утро сотряс пронзительный крик.

Шкатулка упала к ногам Зои, а по полу запрыгала жирная лягушка с непропорционально худыми ногами.

– Лови ее! – завизжал Джо и кинулся вслед беглянке. Фея с замиранием сердца смотрела, как мальчик прыгает за лягушкой от одной полки к другой.

Зеленое чудо-юдо запрыгнуло напрямик на коробку с привезенными накануне книжными новинками. Зои готова была испустить дух прямо в этот самый момент и на этом самом месте, все равно она всегда считала, что со своей книжной лавкой распрощается только ногами вперед.

– Джо, ты поймал ее? – крикнула Зои, когда мальчик исчез из вида.

А в ответ была лишь тишина.

– Джо? – Фея наконец отмерла и сделала шаг вперед, как в дверь постучались.

Зои собиралась проигнорировать ранних визитеров, лягушка среди книг интересовала ее куда больше, но стук повторился. Настойчивый такой.

– Ух, синюшные гномики!

Фея распахнула входную дверь и выругалась снова, но уже про себя.

На пороге стоял давно знакомый ей страж местного отделения Королевского патруля.

– День добрый, госпожа Янг.

– Утро доброе, господин Мурак.

Страж глянул на фею из-под кустистых бровей и усмехнулся в усы:

– И уже с самого утра на вас жалобы прилетают.

Зои сдержала страдальческий стон. «Быстро сработано, Эвелина».

– Да вы что? – Фея удивленно прижала руки к груди. – Я только проснулась, вон, племянника собиралась чаем поить. Мы даже еще не открылись, какие жалобы, господин страж?

– На крики. – Мурак выудил из папки белый лист, испещренный знакомым убористым почерком. – Цитата: «Словно поросенка режут». Было такое?

– Вот госпожа Гризмор, видно, и резала поросенка у себя на кухне. Наверное, сытные пироги делала. Вы же знаете, феи-то мясо не употребляют.

Страж вздохнул и спрятал соседский донос.

– Послушайте, госпожа Янг, думаете, мне нравится службу начинать в шесть утра? Но работа такая. Все проверять, что неправильно – исправлять. На вас уже вторая жалоба за две недели.

– Я думала, что мы разобрались: не портила я ей витрину!

– Разобрались-то, может, и разобрались, но жалоба имеется.

Зои сложила руки на груди и заломила бровь. Отлично у них стражи работают! Обвиняют во всем подряд, а на так называемое разбирательство можно плюнуть с высокой колокольни. Вот зачем Зои надо было бы рисовать на двери булочной неприличные картинки интересных форм и контуров? Фея не удивилась бы, если бы узнала, что Эвелина Гризмор сама все это и изобразила, лишь бы Зою обвинить.

Страж тем временем продолжил:

– Вы же сами знаете, три жалобы – и вас вызовут в участок, придется платить штраф, или трое суток ареста.

«Да, я знаю», – недовольно просопела про себя Зои. В прошлом месяце она имела счастье познакомиться с камерой местного отделения стражей. Тогда платить просто грабительский штраф она напрочь отказалась, ну а благодаря трем дням на каше и воде скинула два килограмма. Да еще и денег сэкономила. В общем, Зои тогда посчитала, что осталась даже в выигрыше.

Однако те жалобы были почти правдивыми и почти без всяких но. Она действительно не выдержала и кинула кусок пирога в госпожу Гризмор, когда та в очередной раз начала обвинять ее в том, что она строит глазки ее мужу. Оправдываться тем, что целилась она вовсе не в лицо, а в ноги, даже не стоило пытаться. Зои всего на секунду забыла, что госпожа, будучи гномихой, ей и до груди не доставала. Потом Зои действительно распивала спиртные напитки в палисаднике госпожи де Брио, но она же не знала, что хозяйка цветочной лавки устраивает променады под луной, иначе бы не попалась. И, наконец, девушка и правда влетела на велосипеде, пока показывала Джо, что такое залихватское катание на двух колесах, в только-только разгруженный товар Виллоби. Он тогда хохотал до слез и не написал бы никаких жалоб, если б не сообразил, что в коробках-то – партия дорогущего самогона. Но Зои была не в обиде на своих соседей.

Однако сейчас она не собиралась ни платить, ни сидеть под арестом за то, чего не делала.

– Господин Мурак, честное слово, если и покричали, то неужели вы будете обвинять ребенка в том, что он испугался лягушки?

Страж растерялся и заглянул фее за спину. Как по велению звезд, рядом возник Джо-Джо и пристально уставился на мужчину. Тот весь стушевался, не зная, как реагировать на такой серьезный взгляд ребенка. Да, в чем в чем, а в этом племянник был мастер, особенно со своими вертикальными зрачками, доставшимися от папы-оборотня.

– Джо, милый, скажи, чем мы тут занимаемся?

– Ловим лягушку.

Мурак почесал затылок и вздохнул:

– Предположим, что об этом мы забудем, так уж и быть. Но будьте аккуратнее.

– Премного благодарна за заботу.

– До скорой встречи, госпожа Янг. – Страж отсалютовал фее и сковано кивнул мальчику, прежде чем уйти с порога книжной лавки.

– Да не приведи крылатые духи, – едва слышно вымолвила Зои и захлопнула дверь.

– Ну что? Где она? – сразу поинтересовалась фея у племянника, тот в ответ пожал плечами и понуро опустил голову.

– Кажется, нет ее больше. Тетя Зои, а ты можешь наколдовать мне новую лягушку?

«На самое больное...» Но мальчик же не виноват, что Зои уродилась феей без капли магии.

– Не могу, Джо. Ты везде посмотрел?

Племянник грустно кивнул.

– Не переживай, наверное, она убежала к себе домой.

«Да, к себе, у меня дома обитать не надо».

– Она же такая маленькая! Ее кто-нибудь раздавит!

С губ Зои чуть не сорвалось: «А это уже не наши проблемы». Для феи она была достаточно странным экземпляром. Магии ноль, даже пыльцу не могла собрать. Мяса, конечно, не ела, но и в живом виде ушастых, рогатых и всех остальных недолюбливала. Да и с цветами, которые обычно считались призванием всех законопослушных фей, у Зои были проблемы – даже кактусы сохли после недели ее заботливого ухода. Только одно хоть как-то выдавало в девушке фею – сиреневые волосы. Но не сказать, что Зои была в полном восторге от них. Под их цвет было сложно подобрать хоть какой-то наряд, кроме черного, чтобы не выглядеть разноцветной клумбой.

– Наколдовать лягушку я, конечно, не смогу, но мы можем ее с тобой сложить из бумаги. У меня была дивная книжка со схемами оригами. Лягушка получится как настоящая!

– Правда? – со скепсисом поинтересовался Джо.

– Правда-правда. Ты пока поищи книгу за прилавком, она была там, а я пойду чай заварю. С плюшками. Хочешь?

– Хочу! – Тут уже никакого скепсиса. Ну и кто там говорил, что детям нужно мясо? Им нужен сахар.

Зои, довольная собой, смотрела, как Джо вприпрыжку поскакал к прилавку, позабыв обо всех лягушках, и хотела было отправиться на кухню, как в дверь снова постучали. Фея была уверена, что второй раз за утро не переживет вида господина Мурака.

Этим утром Зои было суждено выжить, так как за дверью оказался не страж. По крайней мере формы на мужчине не было, а была только лохматая копна рыжих волос и такая же яркая борода. Не то чтобы только, ниже были вполне приличная синяя рубашка и коричневые штаны.

– Чем могу помочь? – С незнакомцем фея решила быть любезнее, а то мало ли кого занесло к ним на главную торговую улицу.

– Здравствуйте, я ищу... – Мужчина замялся и нахмурился, вспоминая нужное имя, затем с извиняющейся улыбкой залез в нагрудный карман и достал небольшую записную книжку. – Мне нужен Зой Янг.

– Кто? – удивилась фея.

– Господин Зой Янг, хозяин этой книжной лавки, – увереннее повторил мужчина и выжидающе уставился на девушку.

Зои, конечно, решила быть вежливой с ранним гостем, кто бы он ни был, но не стоило ему коверкать ее имя, ведь когда тебя путают с мужчиной, согласитесь, не очень приятно. А в школе и Академии это случалось достаточно часто, ведь стоило только поставить небольшую черточку над последней буквой ее имени, и получи распишись, мама, у тебя появился сын, которого ты так хотела.

– Господин Янг? – уточнила фея еще раз.

– Да.

– Секундочку. – Зои закрыла дверь перед носом незнакомца и выдохнула. В общем-то, желание просто закрыть лавку изнутри и больше никому не открывать было весьма сильным, но тут к фее подошел Джо.

– Тетя Зои, я не нашел книгу.

Девушка глянула на мальчика и хитро улыбнулась.

– Джо, книга будет у тебя через две минуты, а сейчас просто молчи и кивай.

Племянник промолчал и кивнул. Прямо золото, а не ребенок!

Зои снова открыла дверь. Мужчина все еще стоял на пороге.

– Вот Зой Янг. – Фея положила руки на плечи Джо и слегка подтолкнула его вперед.

Мужчина посмотрел на мальчика, потом снова на девушку.

– Это Зой Янг? Вы уверены?

Фея опустила взгляд на племянника, словно и правда проверяла, кого представляет, а то мало ли, ненароком не того прихватила, и кивнула:

– Вполне. Какие-то проблемы?

Глава 2

– Пожалуй, я зайду позднее. Извините за беспокойство. – Незнакомец немного потоптался на пороге и, еще раз взглянув на Джо, все-таки ушел.

– Ваше право, – протянула ему в спину фея и захлопнула дверь.

Как и было обещано, Зои отыскала самоучитель по складыванию оригами, налила чайник чая и выставила на середину стола вазу со сладкими булочками, тем самым заняв племянника на пару часов.

Стоял второй вторник месяца, и в книжной лавке по плану должен был быть учет. Но по законам жизни именно в этот день всем приспичило повесить свой словарный запас и поднять вес в глазах общества через покупку нескольких томиков книг.

Зои устала открывать входную дверь через каждые десять минут, указывать на вывеску, где крупными буквами было написано: «САНИТАРНЫЙ ДЕНЬ». Отвечать, что да, в книжной лавке тоже иногда надо пыль смахивать с полок, нет, продать сейчас ничего нельзя и не можно, даже если очень срочно нужен целительский справочник из-за появления неясных симптомов какой-то явно страшной болезни.

– Вы с такими хворями лучше дома сидите, а не по центру столицы разгуливайте! – припечатала Зои, закрывая дверь перед женщиной, покрытой желтыми пятнами.

В общем, все это было настолько утомительно, что Зои просто перестала реагировать на стуки в дверь и порой жалобные завывания под ней же. А их было много, даже для их Торговой улицы, где мог ошиваться любой сброд в любое время суток.

Зои бы не так бесилась из-за очаровательной слепоты и непонятливости людей, если бы не папки со счетами, доходами, расходами и десятки столбиков цифр на рабочем столе. Да, «санитарный» день существовал именно для подсчета всей бухгалтерии.

А так как Зои была хозяйкой, идейным вдохновителем лавки «Александрия», ее основным и, собственно говоря, единственным работником, то все счета тоже были на ней. Кто бы сказал фее пару лет назад, что она будет сидеть за умножением в столбик, покрутила бы у

виска. Она всегда считала, что ее как гуманитария видно издалека. Особенно когда считаешь на пальцах, сколько сдачи должны дать после покупки хлеба.

Для бизнеса же способности Зои были просто катастрофичны. То расходы превышали доходы, то получалось, что она где-то потеряла пару сотен, и приходилось все пересчитывать снова. И даже годы тренировки не помогли улучшить ситуацию.

Не то чтобы Зои не пыталась нанять профессионала. Еще как, место счетовода занимали за четыре года работы книжной лавки человек двадцать, и нелюди среди них тоже были на любой вкус, однажды даже вампир устроился. Зои все в нем устраивало, она не имела ничего против его красных глаз и полуночных скитаний среди полок. Вот только не устроил он госпожу Гризмор, которая уверилась, что вампир хочет испить ее гномьей кровушки, и принялась травить несчастного молодого человека, регулярно подкармливая его пирогами и булочками со знатной порцией чеснока. Умереть от него, конечно, вампиры были не в состоянии, но вот аллергиками они были жуткими. В общем, выдержал вампир всего месяц на новой должности и однажды просто взял и сбежал. В ночи. Как последний упырь.

Так и получалось, что все работники Зои сталкивались либо с ее соседями по Торговой улице, либо с ее неугомонными родственниками в виде двух сестер, веселого зятя, милого племянника, ученого папочки и заботливой мамочки. Игра на выживание, не иначе. Выдерживали не просто не все, а вообще никто. Точно так же, как фея не выдерживала головной боли от подсчетов. Когда пятая точка совсем затекла, девушка решила проведать племянника.

– Как успехи, Джо?

Зои вернулась из кабинета в торговый зал и застыла, пораженная «успехами».

– Тетя Зои, нравится? – спросил Джо-Джо, оглядывая свою работу.

На фею взирало не меньше сотни бумажных лягушек всех цветов радуги. Видимо, Зои погорячилась, когда принесла мальчику целую коробку бумаги.

– Какого... как много лягушек! – воскликнула девушка. – Когда же это ты успел?

– Уже пять часов, и это оказалось совсем не сложно.

– Как пять?! – всполошилась Зои.

Видно, счета совсем унесли ее в мир иной.

Девушка шагнула вперед, но сразу же наступила на одну из лягушек, грубо смяв ее.

Джо-Джо закричал:

– Нет! Тетя Зои, ты же убила ее!

– Убила? Что ты, Джо, я не могла. – Фея присела на корточки и попыталась вернуть лягушке ее первоначальный вид, но получилась все равно странная лепешка.

– Нам надо всех их сложить вместе. Они успели подружиться, – Джо поднял одну из синих лягушек и одну из желтых, – вот, например, Лаймик и Солнечный стали кровными братьями.

– Прямо кровными? – уточнила Зои.

«Он им еще и имена дал? Что, всей сотне?!»

Джо кивнул и любовно оглядел свои творения. Зои же размышляла, куда деть все эти бумажные недоразумения, не выкидывая и не сжигая. В общем, так, чтобы не травмировать психику ребенка.

Следующий час Зои с племянником потратили на то, чтобы перенести всех лягушек в подсобку. Причем под руководством Джо складывать их надо было аккуратно и бережно. После этого измывательства над взрослой тетей Зои поняла, что совсем скоро за своим чадом пожалует мать, а увидев пустую тарелку из-под булочек, в который раз поняла, что как няня она на золотую медаль явно не тянет, даже до бронзовой ей как пешком до северной границы.

– Джо, ты голодный?

– Нет, – покачал головой мальчик, рассматривая страницу в книге, где учили складывать лебедей.

– Если мама будет спрашивать...

– Я ел не булочки, а курицу? – сообразил Джо-Джо, вызвав улыбку тети.

– Именно. Какой ты у нас умный растешь! А книжку можешь забрать себе.

«А то у меня начнется нервный тик от одного ее вида».

После трудного дня требуется здоровый сон. Это вселенский закон. Но вселенная на этот раз играла против Зои Янг. Как только фея нашла такую удобную позу, в которой было не жарко и не холодно, не твердо и не слишком мягко, а главное – не думалось о забытых под

вечер счетах, что-то квакнуло. То есть кто-то. А если совсем точно, квакать могла только лягушка.

Зои не открыла глаз на странный звук, думая, что приснилось. Протяжное и скрипучее «ква-а-а» повторилось, и пришлось признать реальность. В книжной лавке, стараниями Джо, сидела сотня лягушек, но ни одна из них не могла бы подать голоса. Осознав это окончательно, Зои распахнула глаза, приподняла голову и встретилась взглядом с двумя красными бусинками на склизкой мордочке.

Фея несколько секунд рассматривала лягушку, сидящую на одеяле, прежде чем заорать, вскочить с кровати и, не переставая орать, схватить плед и начать лупить им по кровати, полу, стенам, креслу.

Отчаянная схватка длилась минут пять. Зои выдохлась и с крайней внимательностью осмотрела сначала одеяло в попытке найти расплющенное тельце лягушки, а затем и все поверхности в комнате, у которых могла случиться встреча с земноводной.

Лягушки не наблюдалось, как и не слышалось кваканья. Зои не верилось в столь легкую победу, поэтому, забрав подушку, она спустилась в кабинет, чтобы устроить себе ночлег на диване. Взгляд феи упал на бумаги на столе, и пришлось признать этот раунд за вселенной, так как девушка решила вернуться к брошенным столбикам цифр. Все равно уснуть этой ночью она уже не надеялась.

Адреналин так и бил в крови, поэтому стук в дверь Зои встретила испуганным вскриком. Зои хотелось в тот момент только одного – издать закон, запрещающий стучать в двери, потому что ей это порядком надоело за последние сутки.

– Не книжная лавка, а проходной двор какой-то...

На пороге Зои увидела Эвелину Гризмор в розовом халатике, с бигуди на голове и со сковородкой в руках. Гномиха олицетворяла собой праведный гнев.

– И шо вы, госпожа Янг, орете?

– Доброй ночи, госпожа Гризмор, – улыбнулась Зои. – Мне вот интересно, почему вы всегда все так чутко слышите? И реагируете, словно под дверью ждете.

– Вы еще и огрызаетесь? – прищурилась Эвелина, взвешивая в руках чугунную сковородку.

Зои была впечатлена и предусмотрительно отступила.

– Что вы, как можно! Госпожа Гризмор, идите спать, приличные соседи не ходят в такое время в гости.

– Приличные соседи в такое время не мешают спать своими орами.

– Я больше не буду, – сдалась Зои, устало вздыхая. – И вообще, зачем вам сковородка? Вы меня убивать пришли?

– Шо вы городите, – возмутилась Эвелина и спрятала свое «оружие» за спину. – Я, как крайне заботливая соседка, думала, что вас спасать надо. Авось маньяк какой залез к вам или вор.

– Эвелиночка! – услышала Зои и первая увидела, как из булочной, натягивая на плечи подтяжки, вышел господин Гризмор.

Гномиха преобразилась на глазах. Лицо приобрело вместо ехидного милое выражение, а грудь сразу же выкатилась колесом вперед.

– Дорогой, я тут с госпожой Янг беседы веду, сейчас приду, ты иди лучше в кровать.

– Так какие беседы среди ночи-то?

«Вот мне тоже интересно», – подумала про себя Зои.

– Деловые, дорогой, деловые, – изрекла Эвелина, качая головой.

И вот как она сейчас была похожа на здравомыслящую женщину! Но длилось это недолго, бес вселился в нее через минуту, когда муж подошел ближе и любезно поздоровался с Зои, извиняясь за столь поздний визит.

– Ты куда эт смотришь, старый хрыч?!

– Эвелина, что ты... – стусевался гном и весь покраснел.

Гномиха переводила злобный взгляд с Зои на мужа и обратно. Точнее, смотрела она на шелковую пижаму феи, состоящую из коротких шортиков и майки на тонких бретельках.

– Слюни уже распустил? А ну, шуруй в кровать, богатырь! Нечего ночью шляться где попало!

– Эвелиночка, да я же просто...

– Домой иди, ловелас!

Господин Гризмор согласно кивнул и, не поднимая глаз на Зои, быстро затопал назад через дорогу. Эвелина проводила мужа взглядом и снова повернулась к фее:

– А вы, госпожа Янг, срамоту развели! В каком виде честному народу показываетесь?! Шо, где совесть лежит, совсем забыли?!

– Госпожа Гризмор! Прекратите! Ваш муж если что и может увидеть, так только мой пупок, выше-то он просто физически не в состоянии заглянуть.

Эвелина надула щеки от возмущения:

– Да вы недостойны даже ног моего Вернончика целовать!

– А я и не претендовала. Вот вы и ступайте, целуйте у него чего хотите. Доброй ночи!

Зои захлопнула дверь быстрее, чем Эвелина снова открыла рот. Фея дождалась, пока за порогом стихнет возмущение, и вернулась в кабинет. Что ж, сколько бы госпожа Гризмор ни ругалась с феей, ни обвиняла ее во всех грехах, а спасать-то прибежала. Жаль только, не от себя.

Глава 3

– И шо вы думаете, дорогая госпожа Анна, он разве вернулся, шоб долг отдать? Да конечно, будет ему, пропал бесследно, теперь век с веком не сыщешь... Вот такие нынче времена беспокойные.

Зои, завидев Эвелину, вещающую на всю улицу о своих бедах, решила обойти госпожу Гризмор и госпожу де Брио по дуге, дабы не мозолить глаза гномихе, но хозяйка цветочной лавки заметила девушку еще издалека и, как только та подошла на приемлемое для беседы расстояние, позвала:

– Госпожа Янг! Давно не видели вас, – любезно пропела Анна, поправляя высокую прическу, украшенную желтыми розочками.

Зои растянула губы в улыбке, подходя к женщинам и ловя на себе внимательный взгляд гномихи, словно обвиняющий ее в том, что она всю ночь кутила с дорогим Вернончиком.

– Да вот, была на именинах мамы.

«И после двух дней с родственниками мне катастрофически нужен отдых».

Мало того что Зои так и не купила подарок, надеясь, как обычно, приткнуться вместе с Лавандой к поздравлению от Офелии, так еще и отец устроил полемику на тему генетических перепадов фейского рода Янг, при этом муж Офелии принял это на свой счет и начал защищать честь оборотней.

В конце концов папа и зять переругались, Офелия сначала накричала на отца, затем на мужа, потом вообще случился кошмар – мать расплакалась. После ее слез все вроде как помирились, но приехала младшая сестренка, а Лаванда умела вставить свою копейку куда надо и не надо, и жаркий спор разгорелся пуще инквизиторского костра. Зои оставалось только взять попкорн и наблюдать за трагикомедией в трех актах, но все дошло до того, что и саму Зои обвинили в том, что она молчит, успевая только глазами хлопать. И вообще, ей якобы наплевать на благополучие семьи. Зои, взбесившись, хлопнула дверью, чем вызвала новый поток слез мамы, после чего вся семейка сделала врагом номер один именно ее.

– Как приятно проводить дни в кругу семьи, за тихим ужином в компании самых родных, – зачарованно проговорила Анна, любуясь чем-то над ухом Зои.

Взгляд госпожи де Брио всегда блуждал где-то далеко, ни на чем долго не фокусировался, словно материальное ее нисколько не интересовало.

«За тихим ужином – это, безусловно, хорошо, вот только не про нас...»

– А шо за страсти творятся! – вскрикнула Эвелина, привлекая внимание.

Анна медленно опустила голову и глубоко вздохнула. Вообще, хозяйка булочной и цветочница составляли потрясающую картину вместе. Прекрасное в безобразном, как говорится, игра на контрасте и так далее. Метровая пышногрудая и румяная гномиха в разноцветной рубашке рядом с высокой, трепещущей аки ивовая ветка на ветру светлой магиссой с острым носом и тонкими паучьими пальцами.

Это был тот случай, когда противоположности притягиваются и быстро находят общий язык, как бы дополняя друг друга. Зои всегда считала, что они сдружились благодаря умению Анны слушать и любви Эвелины поговорить.

– Пока вас не было, ту часть вашего здания, шо пустовала, купили! Представляете? Говорят, откроется чуть ли не девятое чудо света.

– Восьмое, – мягко поправила Анна.

– Хоть седьмое! – отмахнулась гномиха.

О том, что она вошла в раж, найдя новую жертву для вешания той на уши порции сплетен и новостей, говорили загоревшиеся азартом глаза. Но Зои после слов Эвелины была готова хоть на две порции, так как давно заметила помещение, о котором гномиха говорила, для себя. На будущее, в котором планировалось богатство, процветание и расширение «Александрии».

– Как купили? Кто?

«Да кому нужен этот чулан?»

– Так ученые! Говорю – чудеса у нас тут происходят! Откроется лавка по продаже этих самых... магических таблеток, шо ли.

– Тачпадов, – поправила Анна.

– Ну да, я и говорю – тачблеток. И тут же будет цех по их производству, значит. Каково, а?

Зои поудобнее перехватила пакеты с мамиными соленьями и посмотрела в сторону своего книжного.

– Вон прикатили! Целый табор, не меньше, важные такие ходят.

Дальше по улице Зои увидела два новомодных магических экипажа со стеклянными крышами и открывающимися по щелчку пальцев дверьми. Рядом сновали люди в синих комбинезонах и таскали с места на место многочисленные коробки.

Прохожие посматривали на это действие с особенным интересом, чуть ли не сворачивая шеи.

– Госпожа Янг, так вы шо, правда не в курсе были?

– Нет, – отстраненно покачала головой Зои.

– Так вы это, если шо, скажите им, шо мы свои права знаем! – прокричала госпожа Гризмор в спину удаляющейся Зои.

Фея хотела всего лишь вернуться к себе и засесть за чтение в прикуску с ежевичным вареньем. Неужели она многого просила? Но получается так, что придется снова с кем-то ругаться, возмущаться и разбираться. Действительно, открывать лавку в столице на главной торговой улице было ошибкой всей ее жизни.

Дверь по соседству с «Александрией» всегда была заколочена и заставлена кашпо с разросшимися папоротниками и плющом, оплетающими стены, покрытыми облупившейся краской кирпичного цвета. Теперь же проход был расчищен, а ставни на окнах открыты. Изнутри раздавались голоса и звуки молотка. Смеха, снова молотка и всевозможного дребезжания.

Зои оставила пакеты с банками под дверью книжного и заглянула внутрь соседнего помещения, громко кашлянув:

– Можно кого?

На девушку уставились семь пар глаз, разговоры и работа прекратились. В пыльной комнате с покосившейся лестницей на второй этаж царил полный хаос из мешков, кирпичей и валяющихся кругом инструментов.

– А кого вам надо? Скажем, можно или нет, – усмехнулся загорелый мужчина в клетчатой рубашке с белыми разводами краски, вызвав гогот остальных.

Зои мазнула по нему равнодушным взглядом и снова спросила:

– Могу я поговорить с хозяином? Или кто тут главный?

– У-у-у-у, – протянули мужчины, и голос подал снова тот, что был в грязной рубашке:

– Так, а что, если скажу, что главный я? Будете говорить со мной?

Девушка цыкнула и не успела ответить раздражающему субъекту, как по шатающейся лестнице, придерживаясь за стеночку, начал спускаться рыжий незнакомец.

Заметив, что кругом царит тишина и работа застопорилась, он весело поинтересовался:

– Что у нас тут за кризис? Нам надо закончить сегодня со стенами.

Зою сразу оценила обстановку и поняла, кто заправляет в этой компании. Мужчины проследили за тем, как девушка перешагнула через порог и, лавируя между мешками с цементом, подошла к лестнице.

– Добрый день. Я хозяйка книжной лавки «Александрия», Зою Янг. Хотела бы поинтересоваться, что тут происходит?

Незнакомец оглядел сарафан в веселый цветочек, надетый феей после того, как мама «случайно» прожгла с утра ее черную майку, и улыбнулся.

– Наконец-то вы нашлись! Знаете, а вы кардинально отличаетесь от того хозяина книжной лавки, что мне представили.

«Сначала думай, потом делай... что, трудно запомнить?» – проворчала про себя Зою.

– Произошло небольшое недоразумение, – деловито проговорила девушка.

Мужчина усмехнулся, приподняв широкие темно-рыжие брови, но, заметив, что работники так и глазают на них, ловя каждое слово, галантно уступил Зою дорогу, кивая головой в направлении второго этажа.

– Я это уже понял, госпожа Янг. Пройдемте, поговорим в более тихом месте.

Девушка с сомнением посмотрела на старую лестницу, и мужчина рядом улыбнулся еще шире:

– Не бойтесь, если что, поймаю.

– Кто сказал, что я боюсь? – возмутилась Зою, смело шагая вверх и вздрагивая от каждого скрипа ступенек.

На втором этаже оказался наскоро обставленный кабинет, а точнее, в комнате были лишь рабочий стол, заваленный планами и чертежами, торшер рядом и стул. Вот и вся обстановка. Зои посмотрела на грязные стекла в окнах и заметила внизу на улице госпожу Гризмор, успевшую завести разговор с одним из работников, таскающих мешки и коробки из магэпа. Девушка предусмотрительно отошла от окна, дабы не провоцировать Эвелину на новые сплетни, а то с гномихи станется разглядеть Зои даже с такого расстояния сквозь пыльное стекло.

– Так чем вы тут занимаетесь? – спросила фея мужчину, краем глаза посматривая на бумаги на столе.

– Ремонт. Капитальным. Готовимся к открытию.

– Открытию?

– Мастерская по производству тачпадов. Иначе – лавка магических экранов.

Про тачпады Зои слышала, они появились пару лет назад и взорвали общественность. В столице иметь сие чудо уже было не из области фантастики, а стало скорее новой реальностью. С помощью магических экранов можно было звонить другому обладателю этого последнего слова науки и магии, передавать короткие сообщения, хранить нужную (и ненужную) информацию, распрощавшись с многочисленными папками на работе. В общем, ничего хорошего. В понимании Зои.

Не то чтобы девушка была врагом прогресса. С отцом-ученым такой не уродишься, и на прошлый Новый год фея даже получила в подарок тачпад, но, запутавшись в программе ввода сообщений и за день уронив его тонкий корпус на землю раз десять, отдала племяннику. Для таких новшеств она нашла себя уже староватой, хотя вот отец заправски работал на магическом экране и... читал. Последнее было самым ужасным для сознания Зои. Тачпады могли заменить книги, что они и делали в последнее время. Единственное было хорошо – пока не все книги были переписаны на магические ленты, продаваемые специально для тачпадов. Но это пока.

В общем, для Зои как для хозяйки книжной лавки, большой поклонницы старых изданий и бумажных книг, новое изобретение, совершенствующееся из года в год, было злом, что подло уничтожало прекрасное в и так подпорченном мире.

– Да, это я уже слышала, – призналась Зои и взглянула на мужчину. – Простите, как, вы сказали, вас зовут?

– А я и не говорил.

– Разве?

– Закери Дрейк, и у меня к вам будет несколько вопросов.

Глава 4

Зои поняла, что где-то уже слышала это имя, но покопаться в омуте памяти решила попозже.

– «У меня к вам»? – переспросила фея и, поняв, что сморозила, поправилась: – Точнее, у вас ко мне?

– Да, видите ли, в прошлый раз я искал хозяина книжной лавки, чтобы урегулировать пару моментов. Я приношу извинения за то, что перепутал ваше имя, но поверьте, я и сам был неправильно проинформирован. Видите ли, по пути я встретил госпожу Гризмор, и она спросила меня о том, считаю ли я нормальным кричать с утра пораньше и будить соседей.

– И что вы ответили? – заинтересованно спросила Зои, несколько не удивляясь, что в этой истории замешана гномиха, и абсолютно не шокированная, что Эвелина пристала с таким разговором к незнакомцу.

– Что тут надо смотреть по обстоятельствам. Никто ведь не будет спорить, что они бывают довольно разными?

– Никто, – согласно кивнула Зои, припоминая свои «обстоятельства». – И что же дальше?

– Я поинтересовался, знает ли она хозяина книжной лавки «Александрия». Госпожа Гризмор сказала, что знает лучше самой себя.

– Ну-ну...

– Мне было интересно, какой вы человек. Вот я и решил узнать у нее как у самой ближайшей соседки.

– Надо думать, вы получили ответ?

– Вы правда уголовник? Простите, то есть уголовница?

Зои закашлялась, подавившись воздухом.

– Эвелина сказала, что я уголовник?

– Если быть точнее, она изрекла нечто вроде «да у этого хозяйничка привод на приводе. С утра в книжный лучше не соваться, крики, визг, чего доброго, попадете под горячую руку». Как-то так, – Закери развел руками. – Так это правда? – спросил он снова, так как Зои все еще молчала.

– А что будете делать, если да?

– Буду весьма осторожно подбирать слова.

Зои не сдержала ответной улыбки. Если рассказы госпожи Гризмор позабавили его, то, значит, с ним еще можно было найти общий язык.

– Раз с этим мы разобрались, то давайте приступим к делу. Понимаете, осмотрев купленную часть дома, я понял, что у вас имеется незаконная перепланировка, так как по плану в моей собственности не хватает десяти квадратных метров... К большому сожалению, узнал я об этом довольно поздно, лишь после осмотра комнат строителями, и возникает вопрос: насколько вы осведомлены об этом? Или мы оба оказались немного обмануты?

«Нет, общий язык мы с ним, похоже, не найдем...»

– Да вы что? Как так не хватает? – удивилась Зои, надеясь, что пройденные в свое время под гнетом Офелии курсы актерского мастерства не прошли даром.

Вот знала фея, что когда-нибудь те несчастные десять квадратов, выуженные под подсобку, ей еще аукнутся. Знала, но свято верила, что никто ничего не поймет.

Вообще, все получилось совершенно случайно. Да, именно случайно Зои экспроприировала десять квадратных метров. Сначала фея просто хотела вбить гвоздь в стену, потом оказалось, что в этом месте стена представляла собой полуую картонную перегородку, состряпанную в свое время из чего попало. Знала ли Зои, что у нее тяжелая рука? Предполагала. И все же она не могла представить, что, хорошенько замахнувшись и ударив молотком, останется без части стены.

Тогда, только-только открыв книжный и по молодости и глупости не желая получать от родственников никакой помощи, Зои наняла работника для ремонта со стороны, вместо того чтобы попросить разобраться мужа Офелии, хозяина строительной компании. И вот этот работник, будем говорить прямо – работничек, стену-то поставил, но немного прихватил лишнего.

На вопрос Зои по поводу того, почему подсобка увеличилась в три раза, он пожал плечами и изрек:

– А вам что, плохо, девушка?

Притом что за работу он взял гроши, да еще удивительным образом прибавил Зои пространство для размещения коробок с

книгами, девушка и сама задалась вопросом: «А тебе что, плохо?» Зои никогда не была из тех, кто слишком много размышляет и анализирует, когда подарки судьбы сами летят тебе в руки. Но, видимо, порой стоило. Что ж, как говорится, все мы пожинаем плоды своих решений.

– Я даже могу показать, где именно у вас захвачены от моего помещения эти квадраты, если вы пустите меня в вашу лавку.

– В каком смысле – «захвачены»? – возмутилась Зои.

– Извините, я некорректно выразился. Но, уверяю, что возникшую неурядицу мы решим очень быстро. Не волнуйтесь, все за мой счет.

– Я вовсе и не волнуюсь, – пожала плечами Зои.

Закери Дрейк с каждой минутой начинал раздражать ее все больше и больше. Слишком уж много и правильно он говорил.

– И когда вы планируете открыться?

– Как только закончим с ремонтом. По плану – недели через две. А если вы сегодня позволите нам разобраться со стеной, то дело пойдет еще быстрее.

«Недели две? Что у него за работники такие? Они что, без перекуров работают? С какой это они планеты?»

– Знаете, сегодня не получится, у меня тоже свои планы.

– Тогда завтра?

– Посмотрим, – уклончиво протянула Зои.

– Надеюсь, что вы найдете время, госпожа Янг.

Девушка улыбнулась:

– Конечно! Я же хочу, чтобы все проблемы решились и вы быстрее открылись.

«Или нет».

* * *

Зои еще находилась в полной прострации, когда в лавку пожаловала Лаванда.

– Я знаю, что ты специально не взяла этот мешок, – проворчала младшая сестра, затаскивая в комнату мешок картошки из купленных мамой по скидке впрок для всего семейства.

– Зачем ты его притащила?

– Чтобы не спорить с мамой. Ты мне теперь должна. Я тащила это на себе! – известила Лаванда, тряхнув гривой сиреневых кудряшек.

Вот кого-кого, а сестру никогда не смущал цвет ее волос. Даже наоборот, в той богемной среде, в которой крутилась Лаванда, ее внешность только приветствовалась, и она с особенной тщательностью подчеркивала ее всевозможными нарядами с цепями, фиолетовыми колготками в сетку, полосатыми платьями и другими творениями молодых дизайнеров.

За стеной послышались сверлящие звуки, и внезапный визит сестры заиграл новыми красками.

– Лави! Знаешь, ты вовремя!

– У тебя картошка закончилась? – усмехнулась фея и вопросительно подняла брови после очередного пассажа «музыкальных» инструментов за стеной.

– Кто это у вас ремонт решил делать?

– Зришь в самый корень! – Зои весело улыбнулась, щелкнув пальцами, и схватила мешок. Тот с первого раза поддаваться отказался, и Лаванда поспешила на помощь.

– Как ты сама его сюда доволокла? – кряхтя, поинтересовалась Зои.

– Теперь ты оценила всю силу моей сестринской любви? То-то же. А это все ради того, чтобы ты голодная тут не сидела...

– Просто скажи, что пыльца помогла, и не выдумывай, мелюзга.

Лаванда возмущенно бросила мешок и уперла руки в бока.

– И это твоя благодарность?

Зои глянула на баул картошки, размышляя, с какой стороны тут благодарить надо, и зеркально повторила позу сестры.

– Скажу тебе спасибо, если ты мне поможешь кое в чем.

По взгляду Лави Зои поняла, что заинтересовала ее.

Младшая сестра всегда была горазда на выдумки и поиски приключений на свою фейскую точку ниже поясицы. А вписаться в какое-нибудь сомнительное предприятие вообще было ее смыслом жизни.

– Это в чем же?

– Ты видела магэпы рядом с соседним входом?

Лаванда кивнула.

– А вещи, что из них таскают?

Новый кивок.

– Надо от всего этого избавиться.

Очередной понимающий кивок. Но потом до Лави дошел смысл слов сестры, и она замахала руками:

– Так, стоп, что значит «избавиться»? Я, конечно знаю, что ты не очень жалуешь людей, да и вообще в прошлом месяце отличилась, побывав в кутузке, но чтобы прям так?

Зои предпочла проигнорировать лестные замечания Лаванды и пояснила:

– У меня тут под боком планируется открытие лавки магических экранов. Это для моего бизнеса чуть ли не похороны, понимаешь? Можешь уже венок заказывать. Тем более, они покушаются на мою подсобку. Нам надо этому помешать.

Зои не стала вдаваться в подробности, что подсобка вовсе не ее, точнее, не ее в ней десять квадратных метров.

– Чего это сразу – похороны? И кто «они»? И как можно покушаться на подсобку? И почему «нам надо»? Мне тут вообще ничего не надо. Я мешок притащила и могу быть свободна.

– Да потому что кто будет заходить в пыльный книжный, когда рядом сверкающая последними новинками техники лавка? Как это тебе ничего не надо? А как же сила сестринской любви? Из нас двоих только ты способна использовать магию пылицы. Помоги мне, наколдуй что-нибудь! Чтобы они все разом взяли и уехали.

– Как хорошо, что ты понимаешь, что уборка тебе тут не помешает. – Лаванда показательно провела пальцем по первой подвернувшейся под руку полке. – Предположим, что у тебя не одна сестра, владеющая магией.

– Офелии ни слова! – вскрикнула Зои.

– Так и быть, я не стану рассказывать никому о твоих зверских идеях. Но даже если бы я хотела тебе помочь, то не смогла бы. Магия так не работает. Колдовство фей – тонкое дело. Бить им наотмашь не получится.

– Сделай так, как получится.

– Ну я могу, конечно, сломать ключ на входной двери там или крыс им запустить...

– Мысли шире, – посоветовала Зои. – Про крыс хорошая идея, но боюсь, что они и ко мне могут пробраться, а это уже не есть хорошо.

Лаванда задумалась, присаживаясь прямо на мешок с картошкой.

– А что, если...

Фея не смогла закончить фразу, уставившись прямо за спину Зои с приоткрытым ртом.

– Когда ты успела завести такую интересную живность?

Зои резко развернулась и лицезрела лягушку, устроившуюся на нижней полке с поэзией Темных веков, куда никто не заглядывал уже очень-очень давно. Зеленое создание, казалось, смотрело прямо на девушку, так и провоцируя ее.

– Вот же смертница, – тихо проговорила Зои и, не двигаясь с места, стараясь даже дышать через раз, чтобы не спугнуть лягушку, попросила сестру:

– Смена планов. Сначала избавься от этой, – осторожный кивок на склизкое пучеглазое создание.

– У тебя что, со всеми такие плохие отношения?

– Лави, пожалуйста, не сейчас. Пока она снова не сбежала, прогони ее, и вбей в мозги, если они имеются, что моя лавка – плохое место обитания.

– Ты уверена? – усмехнулась Лаванда.

– Лави! – взмолилась громким шепотом Зои.

– Хорошо-хорошо...

Кончики пальцев Лаванды начали зеленеть, ногти замерцали, вокруг закружилась фейская пыльца, а в воздухе появился легкий цветочный аромат.

Зои гипнотизировала взглядом лягушку, чтобы та не ускакала в самый ответственный момент, как вдруг раздался стук в дверь, испугавший всех присутствующих в лавке. Лягушку в том числе. То, что было дальше, Зои предпочла бы забыть. Все случилось за одну секунду.

Зеленое длинноногое тело резко прыгнуло вперед. Зои, поспешно отступив назад, столкнулась с Лавандой. Сестра ругнулась и повалилась спиной назад; падая вместе с мешком картошки, она прихватила за собой Зои, запутавшуюся в собственных же ногах.

Все бы было ничего, если б не то, что с пальцев Лави успела слететь пыльца, а дверь в книжный отворилась, явив Закери Дрейка.

– Извините, что... – Мужчина замолчал, увидев открывшуюся картину, а лягушка совершила очередной грациозный прыжок, попадая

в самый центр облака пылицы. Но это ее нисколько не остановило, а даже наоборот, прибавило сил, так как лягушка сделала невероятный кульбит и, пролетев над феями, обнимающимися с мешком на полу, дальше к двери, приземлилась прямо на голову господина Дрейка, замершего то ли в шоке, то ли в панике.

– Упс, – пропищала Лаванда под ухом Зои, которая, в свою очередь, наблюдала, как мужчину на пороге окутывает пыльца, принесенная на него лягушкой.

В следующий миг Закери, прямой, словно каменный столб, рухнул лицом вперед. Лягушка же совсем по-человечески схватилась перепончатыми лапами за рыжие пряди, дабы не упасть с головы мужчины.

– Ну вот, мы ото всех и избавились. Получите и распишитесь, так сказать, – бодро пролепетала Лаванда и поймала на себе предостерегающий взгляд сестры.

Зои кое-как оттолкнула от себя и Лави, и мешок и на корточках подползла к будущему соседу. Избавляться от него в таком смысле она вовсе не планировала.

– Что здесь происходит? – послышался с головы Закери Дрейка голос... Закери Дрейка. – И почему вы такая большая?

Феи во все глаза смотрели на лягушку, взгляд которой стал каким-то слишком осмысленным, а губы шевелились, словно у человека, при этом выдавая связную речь.

– И почему я... – лягушка встала на обе задние лапы и, выставив перед собой две другие, не меньше минуты рассматривала склизкие перепонки. Затем, подняв красные глаза на Зою, икнула. Тоже как-то по-человечески. И сипло продолжила: – Лягушка?..

Глава 5

– Ты чего наделала? – тихо спросила Зои сестру, не отрывая взгляда от лягушки.

– Все так, как ты хотела. – Лаванда подползла ближе к телу Закери и осмотрела лягушку на его голове. – Ну, почти.

– Лави, я чего-то не понимаю или...

– Да не виновата я! – вскрикнула Лаванда и запричитала: – Я говорила, магия – дело тонкое. И тебя спросила, уверена ли ты. Да ты вообще сказала сделать так, как получится. Вот и все! Нечего меня обвинять!

Зои открыла рот, чтобы возразить, но сразу же закрыла, потому что, вообще-то, слов у нее не было.

– Я сплю? – загробным голосом позвала лягушка.

Феи снова опустили взгляды вниз.

– Феечки мои, вот это я наколдовала... – протянула Лаванда, а Зои наконец отмерла и кинулась закрывать дверь. Слегка помешали ноги развалившегося на полу мужчины, но фея быстро это поправила, бесцеремонно подвинув их пинком в сторону.

– Эй! – закричала лягушка. – Попрошу поосторожнее! Это же... мои ноги... Черти этакие, вы что, превратили меня в лягушку?!

Закери, тот, который кричал, а не тот, что лежал, попытался сойти с головы собственного тела, но длинные ноги, предназначенные для прыжков, а не ходьбы, подкосились, и зеленое чудо свалилось кубарем вниз.

– Мы не черти, а феи, – поправила Лаванда. – И потом, если быть чуть точнее, вы не превратились в лягушку, а ваше сознание, ну или душа, называйте как хотите, вселилось в нее.

– Лави, лучше помолчи, – проговорила грозно Зои, запирая дверь, – и быстро верни все на свои места. Лягушку в лягушку, а господина Дрейка в господина Дрейка.

– Я полностью согласен! – поддержал Закери, потирая круглое зеленое пузико, при этом размазывая собственную слизь.

Лаванда закусила губу и призвала пыльцу. Ее пальцы снова заискрились, и вскоре лягушку окутало новое облако сверкающих

звездочек. Закери зажмурился, Зои тоже.

– Ну, что? – Фея уставилась на лягушку, так и не открывшую глаза даже тогда, когда пыльца растворилась в воздухе.

– Я человек?

– Нет, – покачала головой Зои и гневно уставилась на сестру. – Лаванда! Это уже не смешно. Верни ему человеческое тело!

– Легче сказать, чем сделать, – начала защищаться Лави, – я сама с таким первый раз сталкиваюсь!

– Если сейчас же не исправишь, что натворила, я все расскажу Офелии.

– И чего это ты ей расскажешь?

Зои промолчала, понимая, что ничегошеньки она не расскажет старшей сестре.

– Попробуй еще раз!

– Да, еще раз! – вторил девушке Закери.

– Не получится, на сегодня мой лимит пыльцы исчерпан. – Лаванда грустно развела руки в стороны, мол, не серчайте.

– Как исчерпан? – не понял Закери и наконец отлепил лапу от живота.

Он более-менее справился с тонкими ногами и снова встал в полный пятнадцатисантиметровый рост.

– Феи не могут создавать пыльцу круглые сутки, – пояснила Лаванда. – Попробуем теперь завтра.

– Завтра?! – в один голос воскликнули Зои и Закери.

– Заодно я поспрашиваю, у кого такое было и что там надо делать в таком случае, – затараторила Лави.

– Зная тебя, не удивлюсь, что ни у кого такого не было, – скептически отозвалась Зои.

– Ну хватит! Это, вообще-то, ты все начала! Я сразу сказала, что мое дело – принести мешок картошки. Я принесла. И все!

– Вот не надо сейчас с больной головы на здоровую...

– Это у кого голова здоровая, сестренка? У тебя? – засмеялась Лаванда, на что Зои натурально зарычала, готовясь наброситься на сестру и вцепиться в ее длинные лохмы.

– Так-так-так, – остановил начинающуюся было потасовку голос снизу. – Я, конечно, понимаю, у вас тут свои семейные разборки, но, черт возьми, посмотрите на меня! – Закери красноречиво обвел

лапками свое маленькое тело, а затем простер их к человеческому телу, устроившемуся на полу, и закричал:

– Я лягушка! Лягушка!!! И я не знаю, как так получилось и что тут происходит, но мне надо вернуться в свое тело! Ясно?! Прямо сейчас, а не завтра! Сейчас же!

Видеть гнев и возмущение на мордочке лягушки было странно, так странно, что Зои истерически расхохоталась. Закери вперил в нее суровый взгляд, и фея сквозь смех извинилась несколько раз подряд.

– Я понимаю ваше недовольство, – спокойно начала Лаванда, не в пример старшей сестре намного лучше держа себя в руках в сложившейся ситуации, – но и вы меня поймите, господин Дрейк. Я сейчас не в силах ничего сделать. А завтра, обещаю, вы снова станете человеком.

Закери скептически оглядел сестер и сложил лапки на груди, вызвав совсем невоспитанное хрюканье старшей феи. Даже Лаванда осуждающе скосила глаза. Но Зои просто не могла понять, как она оказалась в центре таких сумасшедших событий, а главное – как выйти из них без последствий для себя.

– Завтра точно? В каком часу? – деловито осведомился Закери, словно назначал встречу в офисе. Ему только не хватало маленького портфельчика.

– В каком – не скажу. Но завтра. Точно завтра, – уверенно закивала Лаванда.

– Клянетесь? – не унимался пострадавший.

– Клянусь. – Лави закивала еще сильнее, что заставило Зои насторожиться, ведь эта картина напомнила ей, как сестра уверяла родителей, что идет в библиотеку, а не на танцы с подругами, и что вернется не позже десяти, когда сама потом залезала в окно под утро и, выбив шпилькой стекло, разбудила весь дом.

Лаванда как ни в чем не бывало поцеловала сестру в щеку и, помахав Закери рукой, упорхнула, видимо спеша, пока он не спохватился и не понял, что его одурачили.

– Зря вы это.

– Что?

– Отпустили ее.

– О чем вы?

– У Лаванды семь пятниц на неделе, вот о чем...

– Тогда быстро ее верните!

– Поздно, – пожалала плечами Зои и посмотрела на мужское тело посреди своей лавки.

– Послушайте, госпожа Янг, вы не могли бы положить меня куда-нибудь?

С губ феи так и норвило сорваться: «В гроб?», но она сдержалась.

– Я бы сам это сделал, но, как вы понимаете, я сейчас немного не в состоянии.

– А какая вам разница? Вы же все равно не чувствуете, насколько пол жесткий.

– И все-таки... Знаете, вы ведете себя так, словно ни в чем не виноваты. Вообще-то, могли бы и извиниться для начала! – внезапно перешел Закери на обвиняющий тон.

– А в чем я, собственно говоря, виновата? Это вы решили заявиться ко мне и войти без разрешения.

– Я постучался! И если бы вы сразу согласились решить все с перепланировкой, то ничего...

– Не говорите «перепланировка».

– Почему?

– Да потому что из уст лягушки это звучит странно.

– Привыкайте к новым реалиям!

– Это вы себе или мне говорите?

– Вам же лучше, если я снова стану собой. Так что постарайтесь, чтобы ваша сестра завтра явилась.

– Чего это мне лучше?

– Ну, мое тело валяется у вас, а это уже какая-никакая, а улика. – Закери обошел свою голову по кругу.

– Тоже мне, проблему нашли, от тела избавиться можно в два счета. – Зои схватила ногу мужчины в бессознательном состоянии – или бездушном?.. – и у нее вдруг возник закономерный вопрос: «А если душа Закери в лягушке? То где же душа самой живности?..»

– Не трогайте меня! – переполошился Закери, потянув свое тело за ухо.

– Вы же хотели, чтобы я перенесла вас с пола? А теперь нет? Ну, воля ваша...

Было крайне странно садиться за маленький кухонный стол, жевать салат под прицельным взором лягушки. Особенно говорящей и сидящей на коробке из-под хлопьев, положив ногу на ногу, то есть лапу на лапу.

– Хотите есть? – осторожно спросила Зои, не зная, куда деть глаза.

Закери квакнул и удивленно приложил лапу к широкому рту.

– Нет, вовсе нет. – Одновременно с этими словами в животе у лягушки характерно заурчало. – Это не я, это она, – поспешил добавить Закери.

Зои подавилась куском огурца. Она и подумать не могла, что лягушка может издавать такие звуки. Все-таки, видимо, это урчание шло от человека в теле зеленого чуда.

– Еще неизвестно, сколько времени вам придется провести в «ней». Так что, может, стоит накормить лягушку?

– В каком плане «еще неизвестно»? Меньше суток, надо пережить только ночь и дожждаться вашей сестры и ее магической пылицы.

– Да-да... – закивала Зои, натянуто улыбаясь.

Через пять минут гробового молчания, в котором раздавалось лишь тиканье настенных часов, Закери все-таки сдался:

– Ладно, что у вас там?

Зои придвинула тарелку ближе к нему, и лягушачья головка низко склонилась, рассматривая зеленый салат. Во всех смыслах этого слова. Однажды в одном диетическом альманахе Зои вычитала, что полезнее всего для сосудов, да и всего организма и общего состояния духа, так сказать, совмещать между собой и есть продукты одинакового цвета. Вот и получались у феи зеленые, красные, сиреневые и желтые салаты. Чего только Зои не перепробовала, вызывая нервный тик у матери, когда готовила себе отдельно.

– М-м-м, – протянул Закери, рассматривая огурцы, капусту, перец, кабачки и тыквенные семечки, – пожалуй, не буду лишать вас ужина.

Фея поймала себя на мысли, что сам Закери в образе лягушки очень даже подходит для состава ее зеленого салата. Пришлось даже напомнить себе, что феи исключительно миролюбивые создания, тем более не отравляющие свой организм мясом земноводных.

– Могу поймать вам муху, – тоном самой гостеприимной хозяйки предложила Зои.

– Очень уморительно, – кисло ответил Закери.

– А я вовсе и не шучу.

– Пожалуй, я воздержусь.

Следующие десять минут прошли для Зои в самом неловком ужине за всю ее жизнь, если только не считать того раза, когда Офелия привела будущего мужа знакомиться с родителями, и папа попросил Редклифа дать информацию о своих параметрах. Как это бывает, стыдно было всем, кроме отца. Особенно тогда, когда папочка принялся самостоятельно измерять размер ступней, носа, бедер, талии и всего остального, ведь потенциальный зять не знал, с каким соотношением головы к телу и мизинца ко всей руке родился.

– Что же, – быстро ополоснув тарелку и даже отказавшись от чая с печеньками, заговорила Зои, – время позднее.

Стрелки предательски показывали девять вечера, и девушке пришлось театрально зевнуть.

– Не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома, а я пойду.

– Где мне устроиться? – спросил Закери, останавливая стратегический побег Зои.

– Простите?

– Где я смогу найти кровать?

«Ах вот как, кровать ему...»

– Право, падайте куда хотите!

– Упаду, если вы скажете, в какой стороне спальня.

– Для вас – в любой!

Смотреть на то, как лягушка подрыгивает лапкой и при этом ведет разговоры, было странно. Зои все никак не могла избавиться от мысли, что она видит сон. И единственное избавление от этого «сна» в ее ситуации – закрыть глаза и заткнуть уши.

– Не понял вас, – слышался голос Закери, раздающийся словно из-под толщи воды. – И чего это вы делаете?

Идея заткнуть уши с треском провалилась, и девушка отвела руки от лица.

– Вам зеркало принести?

– Премного благодарен, но не стоит, – протянул Закери, рассматривая себя в отражении блестящей поверхности кастрюли.

– Отлично, – весело хлопнула в ладоши Зои и развернулась, чтобы выйти из кухни.

Но красиво уйти в закат снова помешали.

– Вы что, предлагаете мне спать на столе?

– Ну-у-у, отчего же, можете на стуле, полках, на коврике около двери, хоть на люстру забирайтесь. Мне не жалко.

Вы когда-нибудь видели, как у лягушки дергается глаз? Вот и Зои никогда не видела. До этого момента.

– Госпожа Янг, это уже переходит все границы. Я на вас в суд могу подать!

– За что это?

– За предумышленную магическую порчу.

Зои возмущенно засопела:

– Во-первых, что значит «предумышленную»? Во-вторых, мы не ведьмы, чтобы порчу наводить. И, в-третьих, подавайте тогда в суд на мою дорогую сестру. Я тут совершенно ни при чем! Да, и еще! Если что не нравится, можете выйти, дверь там. – Зои кивнула вглубь коридора, ведущего в торговый зал.

– Вы забыли, что мое тело находится у вас в лавке? Куда я без него? А так бы я уже давно вышел из этого сумасшедшего дома.

Фея злорадно улыбнулась, привалившись спиной к косяку двери.

– Ну, госпожа Гризмор вас же предупреждала! Осторожнее, попадете под горячую руку. Считайте, что вы совету не вняли. Кто же вам виноват?

– Знаете, госпожа Янг, вы удивительная девушка! – вдруг воскликнул Закери, и Зои прищурила глаза, недоверчиво разглядывая весело улыбающуюся лягушку. – Прете напролом! Вам бы быть полководцем, равных не было бы в желании пойти в атаку.

– Сочту за комплимент, – поджав губы, ответила Зои и добавила: – Хорошо, в кабинете есть диван, прямо по коридору вторая дверь направо.

– Откройте, пожалуйста, – попросил вежливо Закери.

Фея еле сдержала ехидное высказывание и молча прошла по коридору, как бы ненароком приоткрыв дверь на пару сантиметров, и величественно взошла на второй этаж, правда, немного запнувшись на последней ступеньке, но все-таки держа голову прямо и пряча так и норовившую появиться усмешку.

«Право слово, что тут происходит, кому расскажешь – не поверят...»

Глава 6

Закери Дрейк удобно устроился на диване, на котором в своем прежнем теле поместился бы, только поджав колени к груди. Ему бы отдохнуть после изматывающих дней согласований проектов планировки, урегулирования вопросов с рабочими и документами на разрешение торговли, таскаемыми по всевозможным инстанциям. Но нет, на его пути появилась Зои Янг.

Естественно, Закери с самого начала не понравилась мысль разбираться с незаконной перепланировкой соседей, но он решил быть вежливым и уладить все быстро и полюбовно, лишь бы скорее открыться и заняться наконец-то тем, что приносило ему удовольствие, – исследованиями и разработками новых приложений для тачпадов.

Но то, что случилось, превзошло все его мыслимые и немыслимые ожидания. Стать лягушкой не входило в его планы. Он мог наткнуться на гнев или нежелание сотрудничать хозяина книжной лавки, который оказался привлекательной феей с копной непослушных сиреневых волос, но и надеяться не мог, что окажется лежащим на диване без одежды в кабинете госпожи Янг в первый же день знакомства. Но в теле лягушки. ЛЯГУШКИ. Зак ущипнул себя за бок, все еще надеясь, что он заснул и видит весьма чудной и очень правдоподобный сон.

Ощущения были до ужаса странными, ведь мужчина действительно чувствовал себя маленькой лягушкой с пугающим бульканьем в животе и тусклыми красками вокруг. А еще все окружающее было слишком большим и гнетущим, словно стремилось раздавить его. Заснуть в такой обстановке было сложно, а мысль о вероятности навсегда остаться в теле земноводной удручающе нависла над разумом.

Закери сел, рассматривая в полутьме свои новые конечности. Вздохнул, отчего маленькая грудная клетка лягушки поднялась и тяжело опустилась. Понимая, что вряд ли заснет этой ночью, Зак осторожно приподнялся, вставая с четверенек. Наедине с собой держать лицо было абсолютно не нужно, а передвигаться на

лягушачьих лапках оказалось посложнее, чем освоить двухколесный велосипед на магическом приводе.

Осмотревшись по сторонам, Закери заметил рабочий стол в двух метрах от дивана. Прыжок получился сам собой: тело лягушки среагировало привычно и прежде, чем заточенный в нем мужчина успел подумать о том, стоит ли так делать и не окажется ли он в результате размазанным по ковру пятном. Но лягушка явно прыгала чаще и лучше, чем Закери катался на велосипеде.

Отойти от прыжка тоже оказалось той еще задачей, легкие как-то сразу будто загорелись, появилась одышка. Все-таки слабое тельце было у лягушки. Или это давала о себе знать человеческая половина, неподготовленная к передвижению таким способом? В любом случае Закери просто завалился на спину, уставившись в потолок и примяв собой бумаги, на которые обратил внимание только после того, как выровнял дыхание.

Перед ним лежали исписанные мелкими цифрами листы с кучей подчеркиваний и зачеркиваний неудачно подсчитанных столбиков. Полистав бумаги, Закери понял, что наткнулся на местную бухгалтерию. И тот, кто ее вел, явно не отличался ни аккуратностью, ни природным даром к подсчетам.

Лягушачьи глаза раскрылись шире, когда Зак увидел итог горесчетовода. Минус восемьдесят семь золотых, при том, что в каждом новом столбике доходов и расходов минус постоянно увеличивался. Закери прикинул на глаз, немного пересчитав в уме, и понял, что никакого минуса вообще не имеется. Усмехнувшись, Зак перелистнул страницу и углубился в подсчеты. Это всегда здорово освобождало мозги от посторонних мыслей. Пришлось только немного подпортить карандаш, укоротив грифель. Через пятнадцать минут Закери смог приспособиться к перепонкам, и ряды цифр стали ложиться на бумагу ровно и плавно.

С каждым новым столбиком Зак все больше удивлялся. В его понимании никак нельзя было занять в уме пятерку, прибавить к ней восемь, вычесть четыре и на выходе выдать единицу. В общем, он не заметил, как дошел до прошлого месяца, а затем принялся за перерасчет средств позапрошлого месяца. После нескольких часов сплошной арифметики и переписки циферок в аккуратные столбики,

Закери уснул прямо на столе, абсолютно не заботясь о каком-либо удобстве. Лягушка оказалась совсем непритязательной.

Так его и застала с утра Зои. Спросонья первым делом фея хотела возмутиться, мол, какого он выбрал такое экстравагантное место для сна. То ему кровать подавай, то здравствуй стол и вполне себе бумага сойдет за простынку. А простыней ведь стали с таким трудом подсчитанные расходы.

Зои вытащила из-под зеленого тельца, скрюченного в позе эмбриона, счетоводную книгу, раскрытую на позапрошлом месяце. Закери даже не шелохнулся, а фея аж села от осознания увиденного. Пролистав страницы вперед, она поняла, что доходы и расходы были расписаны в ровные столбцы, все пункты, что вводили Зои в депрессию вот уже как несколько дней подряд, прописаны четко и понятно, а по итогу ее лавка оказалась не в минусе, а в плюсе.

– Это как так?.. – пробормотала девушка вслух, пытаясь понять, откуда взялись такие суммы.

– А? – скрипуче отозвался Закери, распрямляя лапы.

– Чем вы тут занимались? – непонимающе спросила Зои, прижимая счетную книгу к груди, словно подарок на день рождения. Лучший в своей жизни, на самом деле!

Закери зевнул и заплетающимся языком промолвил:

– Вам надо... уво... уволить своего счетовода, он некомпетент... комен... некомпетентен, вот.

– Что так сразу? У него просто выдались не очень хорошие дни... – возмутилась Зои.

– Вы хотели сказать, месяцы? – спросил Закери и вместо смешка громко квакнул.

– Я поговорю с ним... – уклончиво протянула Зои и мило улыбнулась: – Как вам спалось?

Лягушка прищурила глаза, то есть Закери прищурил глаза и насмешливо поинтересовался:

– Откуда такая любезность с утра пораньше? Помнится, вчера вечером вы ясно дали понять, что все это, – Зак показательно обвел контуры своего тела, выставив вперед одну ножку, – мои проблемы.

– Это было до того, как вы разобрали все счета. «И до того, как я не смогла выйти на связь с Лавандой по магическому зеркалу, но об

этом позже», – мысленно добавила Зои. – Да и потом, мы правда виноваты перед вами...

– Прекрасно, что вы осознали данный факт. Но не переживайте, сегодня же все вернется на круги своя, вот только...

– Да... разумеется! – поспешила вставить Зои и сменила тему: – Знаете, вы так понятно все расписали, но я все равно не могу взять в толк, где же мой плюс-то?..

Девушка пыталась припомнить, когда в последний раз откладывала деньги в свою опустевшую шкатулку с записочкой на «черный день». Копить у нее получалось из рук вон плохо, ведь «черный день» наступал каждый раз, когда на горизонте маячили старинные, коллекционные рукописи.

– Вам виднее.

– Действительно... – кивнула Зои, воскрешая в памяти, как на прошлой неделе заказала себе через каталог дорожное платье после бутылочки вина с сестрами и под их шушуканье за спиной. И ведь с утра она не могла понять одного – откуда у нее взялись деньги на такую покупку?

Стоило только Зои на секунду углубиться в размышления, как господин Дрейк начал гнуть свое:

– Ваша сестра еще не давала о себе знать?

– Лаванда? О, она разбирается, да...

– Звучит не очень обнадеживающе.

– Еще рано! – отмахнулась Зои, вставая с дивана. – Давайте лучше поедим!

– Вы смеетесь?

– А вы не проголодались? – крайне озабоченно поинтересовалась фея. – Вы вздумали уморить бедную лягушку голодом? Я, знаете ли, очень переживаю за ее здоровье, ей еще возвращаться в свое тело.

«Что я несу?!»

– Что с вашей сестрой, госпожа Янг?

– А что с ней? Знаете, я думаю, что овсянку вы потянете, могу ее водой из-под крана залить. Как считаете, она потянет на болотную? Мне порой по запаху кажется, что льется прямо оттуда...

Зои уже сделала шаг за порог, когда Закери в несколько прыжков оказался на ее пути. Фея сдавленно пропищала, вздрогнув от неожиданности.

– Вы тему не переводите. У вас что, проблемы с сестрой?

«О, у меня проблемы с Лави с момента ее рождения, но именно сейчас проблемы с ней не у меня, а у вас...» – подумалось Зои, но она лишь натянуто улыбнулась:

– Никаких проблем! Я уверена, что она в поте лица ищет выход из сложившейся ситуации!

«Надеюсь, что эта любительница выходить сухой из воды еще не нашла выход из города».

– Уверены? То есть вы не знаете?

– Это одно и то же! – заявила Зои и просто взяла и перешагнула через лягушку на своем пути, запоздало вспомнив, что надела с утра юбку.

– Вы что делаете? – возмутился Зак, прыгая вслед за быстро удаляющейся по коридору покрасневшей девушкой. – То, что вы теперь выше меня, не дает вам права просто брать и перешагивать через меня!

– Извините, – буркнула Зои, – это произошло непроизвольно...

Закери обогнал фею, и та испугалась, что не заметит, как наступит на нового соседа, и остановилась, в раздражении всплеснув руками:

– Чего вы за мной увязались? Хотите без лапы остаться?!

Лягушка испуганно схватилась за одну конечность другими и, прижавшись к стене, сузила глаза.

Зои снова вздрогнула от вида слишком человеческого выражения лягушечьей мордочки и прикрыла глаза.

– А куда мне, по-вашему, деться? В болото ускакать? Я тут в таком виде по вашей милости, знаете ли.

– Хорошо, я сейчас поеду к Лаванде и потороплю ее. «Найду ее и вытрясу весь фейский дух вместе с пылью, – добавила про себя Зои. – И даже не буду жаловаться, что лавку снова придется закрыть!»

– Я поеду с вами, – кивнул Закери.

– Зачем?

– Я хочу быть уверен, что вы вместе с сестрой не скроетесь в неизвестном направлении.

– Правда считаете, что мы можем так поступить? Что я брошу свой бизнес? Друзей и семью? Только потому, что убоюсь праведного гнева лягушки?

– Я не считаю. Я сомневаюсь в вас, уж простите, но повод есть. Так что я с вами.

– Что ж, прекрасно!

Зои прошла в торговый зал, в который только-только начинал проникать солнечный свет сквозь щели закрытых ставней. В пробивающихся лучах витали поблескивающие пылинки. Девушка всегда шутила, что хоть она родилась без дара фейской пылицы, но зато у нее была магия книжной пыли, порой уносящая в такие дали, о которых колдовству было даже не известно.

Именно среди этой книжной пыли Зои обожала встречать утро с чашкой кофе в руках. Но не это утро. О, это утро было действительно особенным! В частности, из-за вида так и валяющегося посреди зала тела мужчины.

Девушка смерила рыжего увальня быстрым взглядом, проверяя, на месте ли все части тела, а то мало ли, и вытащила из-за прилавка сумку.

– Залезайте.

Закеки тоже внимательно оглядел свое человеческое тело, уже не настаивая на более мягкой, чем пол, кровати, и глянул на черную сумку с брелоком в виде серебряных крылышек.

– Куда? Туда?

Зои заглянула в сумку и кивнула.

– Нет уж, увольте, я что – зверушка какая?

– Вообще-то, сейчас вы именно зверушка, – напомнила фея. – Ладно, но как вы хотели передвигаться по городу, на своих двоих? Извините, своих четырёх?

– Я не... – Зак замаялся, чем и воспользовалась Зои.

– Да вы хоть знаете, сколько опасностей поджидает маленького лягушонка на улицах столицы?! Безразличные люди, которые не глядят под ноги, кошки, желающие полакомиться свежатиной, сточные канавы, унесшие жизни сотен таких же беспомощных созданий! А чего стоят одни лишь колеса магических экипажей! Я уж молчу о детях! О да, дети и правда бывают жестоки в своих играх...

Закеки во все глаза уставился на разошедшуюся фею и сглотнул.

– У вас весьма богатая фантазия...

– Не жалуюсь, – согласилась Зои, убирая с лица зловещую ухмылку. – Так вы все еще хотите отправиться со мной? Может, лучше

останетесь в лавке? В тепле и уюте...

– Должен сказать, что вы меня впечатлили, но своего решения я не поменял. Только воспользуюсь все же вашей сумкой. Пожалуй, в ней безопаснее.

Глава 7

Зак погорячился, посчитав, что в сумке феи будет безопаснее. Он не учел того, что в сумку девушки, кроме ее хозяйки, лучше никому не соваться. По-хорошему. Потому что сначала Закери запутался в каких-то листочках и мешочках, наступил на тюбик помады и повалился на спину, больно ударившись об угол книги. Придя в себя, он увидел перед собой, сквозь пробивающийся сверху свет, фен с потускневшим магическим накопителем. Не понимая, как сей агрегат поместился в небольшую на первый взгляд сумку, Закери прижался к упаковке шоколадных конфет и попытался представить, что медленно колышется на волнах, мысленно переместившись на прогулочный пароход, курсирующий по каналам столицы.

Но это были еще цветочки. Как только фея закинула сумку на плечо, вызвав у Зака приступ головокружения, и закрыла дверь лавки на ключ, прямо на горизонте материализовался Виллоби. На круглом лице сияла широкая белозубая улыбка. Утреннее солнце подсвечивало лысую макушку.

Зои обожала Вилли всем сердцем, еще с того момента, как он помог ей починить ставни и поменял все дверные замки. Совершенно бесплатно! Разве только за небольшой презент в виде рябиновой настойки. И в любой другой ситуации фея сама была бы не прочь поболтать с соседом и узнать, как идут дела в его «чайной», особенно после обещанных господином Мураком проверок, которые, скорее всего, закончились на пороге, а дальше уже пошли серьезные мужские разговоры с припрятанной между травяными чаями бутылочкой выдержанного бренди.

– Зои! Вот ты-то мне и нужна... – Вилли радостно потер руки.

– Доброе утро, Виллоби.

– Ага. Не буду церемониться, уж не неделю знакомы. Собираю я, значит, деньги на именины госпожи де Брио.

– Опять? – нахмурилась девушка, прижимая к себе сумку чуть сильнее.

– Почему это опять? – не понял Виллоби.

– Так в прошлом месяце ты уже собирал на ее день рождения, на празднование которого я, между прочим, так и не получила приглашения.

– Ты на омнибус?

Зои кивнула.

– Я провожу! – воодушевленно изрек Вилли и подхватил девушку под руку, зашагав с ней к омнибусной остановке в двух кварталах от Торговой улицы.

Вилли имел отличную деловую хватку и мог заговорить любого. Зои всегда об этом забывала.

– День рождения свой Анна, то есть госпожа де Брио, разумеется, провела в уединенной обстановке, так сказать, – сказал Виллоби, кашлянув в кулак. – Но я считаю, что это просто соседский долг – быть внимательным к таким вещам. Это показывает наше уважение и хорошее расположение. Да это же просто повышает дружескую атмосферу нашей улицы, общий дух и ауру. А именины – это ведь особый праздник, не какой-то там день рождения! Тем более Анна такая образованная и интеллигентная женщина, она ведь все подмечает! Да это же она первая вспомнила про твой день рождения!

Вспомнить она, может, и вспомнила, вот только ошиблась маленько месяцем. Теперь Зои отмечала свой день рождения два раза в год, потому что травмировать тонкие чувства Анны де Брио Вилли отказывался напрочь.

– А потом, устроенный праздник на парад звезд? Разве не чудесно было собраться на ужин в ее саду? Диво дивное, как вспомню тот вечер... – Вилли начал мурлыкать какую-то мелодию, покачиваясь на полном ходу из стороны в сторону, унося в свой странный танец и Зои.

Тут фея согласилась: да, вечер был и правда замечательным, даже Эвелина Гризмор ее почти не нервировала.

– Ой! – вдруг отстранился Виллоби с громким восклицанием.

Зои проследила за его удивленным взглядом и заметила торчащую из сумки зеленую макушку и два мутных красных глаза.

– Это чего такое? – Вилли, не церемонясь, ткнул пальцем прямо в сумку.

Закери наконец осознал, что его инкогнито оказалось раскрыто, и медленно опустил голову, пытаясь спрятать зеленое тело в недрах сумки феи. Выглядело это донельзя странно.

– Подарок. Племяннику. Так сколько ты там собираешь? Золотого хватит? Сделайте Анне лучший подарок! От чистого сердца! – затараторила Зои и сунула Вилли аж два золотых, найденных в кармане юбки. – О! Мой омнибус! Вилли, пока!

Фея припустила к остановке и одним прыжком запрыгнула в уже отъезжавший омнибус.

Обернувшись и взглянув в заднее окно, она увидела, что Вилли так и остался стоять на месте, вглядываясь ей вслед. Поймав его взгляд, Зои остервенело замахала рукой на прощание, словно отправлялась в дальнее плавание. Только платочка не хватало.

– Девушка, на проходе не стоим, присаживаемся, – попросил пожилой водитель, кидая взгляд в зеркало и вертя в руках магическую сферу старой модели, пускающую от напряжения искры в морщинистые руки мужчины.

К счастью феи, омнибус был почти пуст, и она спокойно заняла место около окна, подальше от других пассажиров, пристроив сумку на коленях.

– Какого гномьего зада вы высунулись? – прошептала Зои, наклоняясь к сумке и делая вид, что очень внимательно что-то ищет.

Закери нахмурился и встал на задние лапы в полный рост, высунувшись наружу и глотая свежий воздух.

Зои тут же оглянулась, делая большие глаза.

– Вы его слышали? «Чего такое»? Сам-то когда последний раз в зеркало смотрел?

– Вот только не говорите, что вашу лягушечью честь задели.

Зак фыркнул и отвернулся, странно остановив взгляд прямо перед собой.

Фея медленно повернула голову и встретилась с двумя изумрудными глазами на маленьком личике, обрамленном светлыми кудряшками. Девочка лет шести появилась из ниоткуда, должно быть, проворно пролезла под сиденьями, и уставилась с приоткрытым ртом на Зои и Закери.

– Тебе-е-е мере-ещится-а-а... – загробным голосом пропел Зак. А Зои захотелось шибануть его по башке, чтобы только мокрое место и осталось. Но так как ей предстояло еще возвращать господина Дрейка в господина Дрейка, а лягушку в лягушку, то девушка подавила свое желание и только неуверенно предложила свой вариант:

– Это просто игрушка.

Девочка попятилась и с криками «Мама! Мама!» убежала.

Зою захлопнула сумку и с самым невинным видом повернулась к окну.

– Мама! Там говорящая лягушка! – взволнованно кричала малышка, тыкая пальцем в Зою.

Женщина с такими же светлыми кудрями, как у девочки, виновато посмотрела на фею.

– Милая, что ты такое говоришь? Не кричи, разве можно себя так вести?

– Но мама! Там правда лягушка! И она говорила!

– Вот ведь фантазия у ребенка, – неловко засмеялась женщина, принимая понимающие кивки окружающих.

– Но ма-ам...

– Все, садись около меня, и ни шагу, поняла?

Девочка надулась, но послушала родительницу.

Зою же выдохнула, а когда краем глаза увидела, что Закери снова пытается поднять голову, не выдержала и сказала громче, чем планировала:

– Хватит, залезьте назад!

В ответ она услышала кваканье, а после поймала на себе осторожные взгляды пассажиров и один предвкушающий – девочки.

– Не смотри туда, отвернись, – громко прошептала женщина, одной рукой прижимая дочь к себе и спешно отворачиваясь от Зою.

«Ну да, ну да, а то еще заразишься сумасшествием...»

А вот Закери явно было весело, судя по доносящимся звукам из сумки. Фея, уже не заботясь, что ее кто-то услышит, наклонилась и угрожающе изрекла:

– Я бы на вашем месте так не радовалась, я ведь все еще могу выбросить вас в канаву.

Звуки в сумке смолкли, а остаток поездки Зою провела с веселой усмешкой на губах, и не важно, сколько косых взглядов она получила.

* * *

Притон, ой, извините, постоянный двор, в котором проживала уже несколько месяцев младшая госпожа Янг, сбежавшая из отчего дома после очередной ссоры с отцом по поводу ее незаконченного высшего магического образования, Зои нашла по памяти довольно быстро. Недоадептка снимала здесь квартиру вместе с такими же дарованиями.

Четырехэтажный кирпичный дом со старинным побитым витражом на самом чердаке и давно уже облезшими пилястрами располагался в живописном проулке между рыбным рынком, обойдя который, можно было попасть к давно не используемому форту, и центром оптовой торговли отечественными тканями. Нетрудно предположить, что такое соседство натолкнуло юные умы на идею здание форта переделать в новомодное молодежное пристанище.

Местная администрация перво-наперво подумала, что ребяташки будут собираться книжки читать да хоровым пением заниматься. Но нет, форт решили занять не дети архивариусов и далеко не выходцы из храмовых школ, а золотая креативная молодежь – лучшее скопление звезд, астероидов, ну и простых булыжников тоже, на орбите столицы. Молодые, еще не признанные дизайнеры, креативщики с большой дороги и со всех уголков страны.

Надо понимать, почему проверяющим верхам идея не зашла, но горячие и юные сердца свои права знали и умели их знатно качать. Пара несанкционированных митингов, шумиха в местной прессе, желтизну которой можно было аж учуять, и вот вам новый Дом НеМод, плевавший на законы и постулаты всей модной индустрии. Спустя время к дизайнерам, ювелирам и другим мастерам на все руки присосалось огромное количество и тех, кто по жизни еще не знал, насколько они креативны, а по возрасту им пока не надо было платить налоги, так что развлекайтесь, пока не пришли по ваши души.

В общем, Лаванда Янг стояла у истоков создания Дома НеМод. Когда отец первый раз увидел имя дочери в газете, а затем и ее саму, запечатленную шагающей по Центральной аллее перед Авьенским королевским дворцом с плакатом в руках, скажите спасибо, что не красным (красный совершенно не гармонировал с сиреневыми волосами), то вот тогда-то все и завертелось, и Лави втихую забрала документы из Академии цветочной магии.

Зои запах рыбы не переносила, но в переулке, выложенном серым булыжником, морепродуктами на любой вкус несло из всех щелей. А к

вечеру этот аромат обычно переходил в фазу протухшего карася, ну или лосося, тут уж кто что предпочитает.

Фея почти бегом влетела во входную дверь, шустро миновав пустую стойку охранника, по должности обязанного регистрировать всех посетителей. На самом деле охранник этот существовал, просто очень часто выходил, как говорится, «на пять минут» около черного входа скрутить самокрутку.

– Чего мы бежим, как на пожар? – услышала Зои под ухом и только тут поняла, что на третий этаж к сестре неслась все так же на полном ходу.

– Вот видите, какая я сознательная? Ужасно хочу вам помочь!

«И оказаться подальше от этого запашка», ведь только квартиры были заколдованы от проникновения посторонних звуков и витающих по соседству благовоний.

Остановившись около двери под номером двадцать семь, разрисованной сине-голубыми летающими по звездному небу бегемотами, Зои наконец поняла, как запыхалась, и вспомнила, что давно минуло ее золотое безналоговое прошлое.

Открыли ей только на четвертый, уже панический и под прицельным взглядом красных глаз из сумки, стук.

Зои радостно улыбнулась, готовясь схватить сестру за шкурку, но запоздало до нее дошло, что младшая из отпрысков семьи Янг не зарабатывала столько, чтобы снимать квартиру одной.

На пороге возник субтильного вида парень с торчащими в разные стороны пепельно-белыми волосами. Заломил израненную серьгами черную бровь, мол, чего кого.

Зои в первую секунду растерялась. В гостях у сестры она была один раз, когда вместе с Офелией помогала Лаванде перевезти весь ее немаленький гардероб. Тогда этого соседа они не видели, и, видимо, к лучшему, потому что Офелия, переживающая за младшую кровиночку почище матери, выпорола бы и Лаванду, и этого тонкого паренька, особенно если бы смогла полюбоваться на его выпирающие ключицы в широком вороте розового халата в пол.

– Добрый день, – отмерла Зои, – я ищу Лаванду.

– Зачем? – хмуро спросил парень и слегка прикрыл дверь, оставив щелку размером в ладонь.

«Вот это наглость! Да я ему в матери гожусь! Ладно, погорячилась... Мать из меня вышла бы такая себе... Мне бы еще пару годочков практики на Джо-Джо».

– За делом! – вторя тону наглеца, Зои подошла ближе к двери и попыталась взглядом поставить «мальчика» на место.

– Посторонних личностей не пускаем, – отрезал парень и окинул в ответ таким взглядом с головы до пят, что Зои сразу поняла, как эта «золотая молодежь» вытрясла себе целый форт.

– Кто «посторонняя личность»? Я?! – взвизгнула фея и, схватившись за ручку двери, потянула ее на себя.

Парень в халате не растерялся и тоже начал тянуть на себя дверь, пытаясь закрыть. Но Зои оказалась посильнее щупленького паренька, и преимущество быстро оказалось на ее стороне. Победно ухмыльнувшись, девушка приготовилась ворваться в квартиру в поисках любимой сестренки, но тут сумка на плече предательски начала съезжать.

Знаете, как это бывает? В каждой руке по пакету, и не одному, даже поудобнее никак не перехватить, на глаза еще вдруг падает какая-нибудь бесстрашная прядка, и тут ручки сумки на плече куда-то предательски соскальзывают, и ты ускоряешь ход до ближайшей скамейки, пока сумка полностью не скатилась по руке, угрожая твоим последним нервным клеткам.

Так вот, волосы в глаза хоть и не лезли, но руки были заняты перетягиванием двери в борьбе с наглым малолеткой в кричащем розовом халате. И Зои бы наплевала на сумку, пытаясь отстоять гордость «посторонних личностей», но раздалось кваканье, а в следующую секунду в самое ухо Зои прилетело что-то отвратительно мокрое. Фея от неожиданности отпустила дверную ручку и рефлекторно прикрыла уши.

Ожидаемо – дверь квартиры двадцать семь громко захлопнулась перед самым носом, сумка осталась раскачиваться на сгибе локтя, а правое ухо странно зудело. Девушка недоверчиво опустила взгляд. Из сумки торчало зеленое тельце, лягушка остервенело терла кончик своего языка, глазами вертя в разные стороны, но пытаясь сфокусироваться именно на языке.

– Ы уть иня не улонили! – обвиняюще выдал Закери.

– Что? – тихо переспросила Зои, отнимая руки от ушей и кидая сумку на пол.

– Эй! – Зак отлепил лапы от языка и схватился за ручки сумки, боясь выпасть на грязный пол общего коридора. – Чего вы разбушевались?

– Я? – еще тише уточнила Зои и прошипела: – А чего вы суете свой язык куда ни попадя?

Фея увидела, что Зак ступешевался, явно не зная, что сказать.

– Я звал вас, но вы так разгорячились, что, видно, не заметили, что я, вообще-то, соскальзывал! – Закери воздел лапы к небесам для пущей убедительности.

– И вы решили остудить меня таким образом? – с иронией спросила девушка, потирая ухо.

– Это получилось... случайно.

Зои тяжело вздохнула и уставилась на парящих на синем фоне бегемотов. Постучала. Стараясь ни одного бегемота не задеть. А в ответ тишина.

– Кажется, нас не очень ждали... – донеслось снизу глубокомысленно.

– Вас-то однозначно, – буркнула Зои и снова постучала.

– А ваша сестра точно здесь?

Фея ничего не ответила. Она уже готова была тащить молоток и отмычки, как в голову ей пришла более удачная мысль.

Присев на корточки, Зои уставилась на Закери.

– Что вы так смотрите? Лягушек не видели?

– Уж больно вы симпатичная лягушка, – нашлась девушка и добавила: – И маленькая. А пролезете в щелочку? – Зои кивнула на узкую щель между полом и дверью и улыбнулась.

– Никуда я не полезу, – воспротивился Зак, да таким возмущенным тоном, словно ему предлагали взлом Королевского банка устроить нагишом.

– Но это вам самому и надо в первую очередь! Как говорится, сам себе не поможешь, никто... – Увещевания были прерваны.

Дверь вдруг снова отворилась, чуть не заехав Зои по лбу.

– А ты, случайно, не ее сестра? – спросил белобрысый парень, ничуть не удивившись, что застал девушку перед дверью на корточках.

– Святые духи! Прозрел!

– Это да? – меланхолично уточнил тот.

– Зои Янг, сестра Лаванды Янг, – вскочив на ноги, быстро представилась девушка, пока снова не пришлось устраивать борьбу около двери.

– Ну да, вроде так, а вот когда сидела на полу и беседы вела сама с собой, так вообще очень похожа.

Зои непроизвольно глянула под ноги, где так и осталась стоять злополучная черная сумочка. Закери предусмотрительно скрылся с глаз честной публики.

– Поясните? – не поняла Зои и сложила руки на груди.

– Сиреневые волосы и придурко... странное поведение, – кивнул парень, и фея приоткрыла рот.

– Вот же мелкая... – Порядочных слов для любимой сестры не находилось, но Зои должна была признать, что сейчас ее поведение на нормальное тянуло с натяжкой размером в путь до северных пределов. – А чего сразу не признал? – грубо поинтересовалась фея, даже не стараясь особо любезничать. Этого белобрысого крысеныша Зои запомнила теперь на всю жизнь.

– Мадам Лаванда просила передать письмо, если ты появишься, – вместо ответа на вопрос выдал молодой креативщик.

«Мадам Лаванда? Мамочки, что у них там за игры?..»

Оставив весьма интересующие ее вопросы до встречи с сестрой, Зои протянула руку.

– Ну? Я тут. Письмо где?

– Скажи пароль.

– Не поняла? – Зои покачала головой, не веря, что пытки продолжаются.

– Письмо у меня. Ты говоришь, что ее сестра. Но я не знаю, правда ли это. Так что пароль.

«Чего они там употребляют?..»

Зои заглянула за спину парня, надеясь увидеть какого-нибудь свидетеля этого разговора, ну или в надежде встретить более адекватного персонажа в этой квартире, но не везет так не везет.

– Ты сам сказал, что я ее сестра, – попыталась вразумить собеседника девушка.

– Пароль, – не унимался тот.

– Я не знаю. Может, подсказка? Пароль Лаванда придумала?

– Пароль.

– Я сейчас засуну этот пароль тебе глубоко в... – Зои прикусила язык, напомнив себе, что она взрослая уравновешенная хозяйка уважаемой книжной лавки на главной торговой улице столицы.

– Пароль, – вдруг донеслось из недр сумки мужским басом.

Зои и донимающий ее парень дружно опустили взгляды.

– Верно, – глубокомысленно кивнул он, потирая гладкий острый подбородок, и вытащил из широкого розового кармана сложенный вдвое листок бумаги. – Зачарованная сумка поумнее будет. Здоровская вещь. Я бы только цвет поменял. Черный сейчас не в моде, – поделился крайне полезными замечаниями молодой человек и протянул записку девушке.

Зои на автомате приняла ее. В молчаливой тишине дверь снова захлопнулась. Закери тут же появился на свет и закатил глаза при виде остолбеневшей феи.

– Он же сказал: «Скажи пароль».

– Не знаю я никаких паролей, – огрызнулась Зои.

– Он сказал сказать «пароль». Я сказал. Что в записке?

До Зои очень медленно доходил смысл вопроса Закери, потому что девушка мысленно все еще сражалась с загадкой «скажи пароль». Хотелось стукнуться головой о дверь, до звездочек перед глазами. Хотя благодаря рисунку под белыми цифрами номера квартиры, с этим бы проблем не возникло.

– Прием! Ау! – позвал Зак, и Зои со вздохом наконец развернула послание от Лави.

«Дорогая, не переживай, у меня все схвачено. Что бы ты там ни напридумывала себе, я своих в беде не бросаю, но мне нужно время хорошенько подумать, ну и поговорить с тем, кто все-таки Академию цветочной магии закончил, не обессудь. Целую в обе щеки, твоя сама, любимая сестра».

Зои прикрыла глаза. Как она и думала. Выход из города Лаванда все-таки нашла, ведь Академия находилась от столицы в дне тряски в экипаже.

Глава 8

Возвращалась Зои с господином Дрейком назад в «Александрию» уже под вечер и под гнетущее гробовое молчание, которое билось о шлейф окружающего гомона, царящего на Торговой улице.

– Работаете? – внезапно услышала фея у самой двери в книжный, к которому проталкивалась против хода толпы, прижимая сумку к груди. Она огляделась и увидела, что ее окликнула женщина средних лет в монструозной шляпе с желтым пером.

– Отдыхаем, – не удержалась Зои.

– И завтра будете отдыхать? – уточнила особа, подходя ближе.

«Ну уж нет...»

– Приходите завтра, – сообщила уже более миролюбиво фея и вставила ключ в замок.

– А может, сегодня? – тоном «ну мы-то с вами знаем, как делаются дела», хитро спросила женщина.

У Зои перед глазами возникла картина, как покупательница заходит в лавку и с интересом осматривает новое приобретение книжного – бездушное тело. Может, правда его стоило в ископаемые записать, то есть в экспонаты?

– Завтра, лучше завтра, – уверенно кивнула Зои и бочком протиснулась в лавку под внимательным оком женщины, выглядывающим из-под полей диковинной шляпы.

Фея осмотрела темное помещение лавки, по наитию обошла тело на полу и щелкнула пальцами. Магические лампы над прилавком зажглись теплым светом. Зои хотела чая. Чайник чая. Но кинуть сумку с лягушкой в угол и отойти в мир чаепития ей помешало странное чувство. Что-то было не так. Но вот что?

Девушка обернулась, оглядела с особым вниманием стены, стеллажи, пол. На нем и зависла. Поняв, что петлю у двери она делала зря и одного конкретного ископаемого не хватает, Зои вскрикнула:

– Нас обокрали! – и запричитала не хуже соседки-булочницы: – Феечки, что это делается, при белом свете, никакого стыда, что за времена...

При этом Зои начала нервно мерить шагами торговый зал, и сумочка быстро оказалась на полу, что вызвало переполох у обитающей в ней живности.

Закери почти выкатился из сумки на подгибающихся задних лапах, подозрительно сонный и позевывающий.

– Вы там что? Дрыхли?! Пока честных людей тут обворовывают?!

– Зачем так орать? Что за постоянное повышение децибелов? – скривился Зак и потер голову.

– Ох, какие мы чувствительные! Я посмотрю, как вы запоете, заквакаете, простите милостиво, когда посмотрите вот на это. – И Зои направила обе руки в сторону пола возле двери.

Закери честно посмотрел в указанное направление. Честно не понял.

– Кража со взломом среди бела дня!

– Какая кра... – Лягушка резко замолчала и вытаращила красные глаза, прошлепала несколько шагов вперед и испуганно спросила: – Где я? Куда я делся?

– Ну раз встать и уйти вы не смогли бы, ясно, что тело украли! – фыркнула Зои и закатила глаза, словно не понимала, как можно не понять очевидного.

– В смысле «ясно»? Как украли? Кому я нужен?

– Разумно, – кивнула на последний вопрос Зои.

– Я не понимаю, где мое тело? Что, украли только его?

Зои замерла на секунду и кинулась к шкафчику с коллекционными фолиантами. Удостоверившись, что все на месте, девушка вернулась к Закери, шагающему по месту преступления, словно обводя контуры когда-то лежащего на полу тела.

– Не понимаю... – шептал он.

Предложить не очень разумную идею позвать стражу Зои не успела. Сверху что-то грохнуло.

Фея и лягушка одновременно запрокинули голову к потолку.

– Так он еще здесь... – прошептала девушка, начиная подбираться к двери.

– Кто?

– Злоумышленник.

Зои оставалось до стратегического побега всего пару шагов, когда Закери наконец распознал ее маневр и прыгнул между выходом и феей.

– Куда-то собрались?

– Звать помощь, разумеется, – не растерялась девушка.

– И что вы будете сочинять, когда эти «помощники» найдут то, что бы они там ни нашли? – заумно спросил Закери.

– Какая сейчас разница? Что вору со стажем, да еще такому здоровому, могут противопоставить я и лягушка? – Зои критически осмотрела зеленое тельце Зака.

– С чего это вы взяли, что он со стажем и здоровый?

– Так он проник в лавку, оставив ее закрытой – и не попался на глаза госпоже Гризмор, что посложнее будет, – а сдвинуть с места ваше тело мог только здоровый валенок.

Преширательство Зои и Закери было прервано новым грохотом со второго этажа.

– Вон как топает... Так что посторонитесь. – Фея снова попыталась пробиться к двери, но лягушка прыгнула ближе.

– Прыгаем наверх и спасаем мое тело, – твердо и безапелляционно заявил Закери.

Зои не совсем поняла, почему послушалась лягушку и почему через пять минут кралась по лестнице с самым толстым томом Королевской энциклопедии вместо чугунной сковородки, но отступить было поздно.

Второй этаж встретил тишиной. В темном коридоре можно было рассмотреть контуры приоткрытой двери, ведущей в спальню, однако Зои не помнила, в каком виде ее оставляла, – может, кто-то другой постарался. Слушая свое дикое сердцебиение и раздражающее дыхание сидящего на плече Закери, Зои взвесила пятикилограммовую энциклопедию неудачного издания с плохо пропечатанной буквой «а», что напрочь ломало глаза читателю, и с победным кличем ворвалась в комнату. Однозначно не хуже пирата с ручной обезьянкой на плече во время взятия на бордаж торгового корабля.

Проверить боевые навыки Зои, правда, не удалось. Спальня оказалась пуста и нетронута.

– И где ваш валенок? – съехидничал Закери.

– Что вы лыбьтесь? Вам же хуже, нет валенка – нет тела.

Где-то рядом раздался странный писк, похожий на скулеж.

– Что за той дверью? – кивнул Зак назад в коридор.

– Ванная...

– Валенок?..

– Валенок.

В этой мысли Зои и Закери были солидарны. У обоих проснулся инстинкт охотника. Но вот если фея о его существовании в недрах своего второго я подозревала давно, то Заку оставалось списать сей факт на то, что он временно находился в теле лягушки.

Приложившись ухом к двери купальной комнаты, Зои расслышала тихую возню. Не мешкая, чтобы не растерять боевой запал, фея распахнула дверь и в замешательстве опустила занесенную над головой энциклопедию.

– Чертовы валенки...

* * *

На Зои смотрели с сумасшедшим блеском два черных омута. И только тонкая светлая каёмочка вокруг расширенных зрачков напоминала, что человеческие глаза когда-то имели серый цвет.

– По... п-почему я?..

«Да, почему я? Почему именно я попала в этот переплет?» – повторила Зои вопрос Закери, переиначивая его под себя.

На белом кафеле ванной комнаты сидел господин Дрейк на корточках, прижав плечи к ушам и корча лицо в непонятных гримасах. Это один господин Дрейк, а вот другой устроился на плече Зои и в ужасе глядел на изуверские рожи, рождаемые своим же лицом.

– Господин Дрейк? – позвала Зои.

Мужчина на полу не ответил, а только широко открыл рот, демонстрируя ряд прекрасных белых зубов.

– Я тут, – напомнил Закери под ухом.

– Я уже сомневаюсь...

– Может, это какой-то рефлекс? Тело помнит, что оно двигалось, вот и пришло сюда...

– Ага, фантомные боли.

Мужчина на полу резко повернул голову и скривился, когда голова повернулась отдельно от тела, затем его будто что-то напугало, и он подскочил на месте, задев спиной край ванны.

Зак на плече застонал, словно удар причинил ему физическую боль.

– Сделайте что-нибудь!

– Я?

Раздался новый удар, теперь уже края ванны о стену, и скрежет о кафель красивых ножек в виде львиных лап. Мужчина попытался залезть под ванну, неестественно сгибая ноги, но габариты не позволяли.

А вот портить отреставрированную своими собственными ручками ванну Зои не позволила, кинувшись вытаскивать мужчину и снимать с его хребта завалившуюся набок посудину, пока тот не перевернул ванну окончательно и не превратил ее в раковину.

– Остановись, несчастный!

Зои схватила мужчину за плечи и потянула на себя. Тот взбрыкнул и, семеня на четвереньках, переполз к противоположной стене. Глаза дико вращались, а когда под нахмуренным взглядом девушки тот вообще высунул язык, фея опешила окончательно, но и кое-что поняла:

– Вот и потерянная душа.

– То есть... вы же не хотите сказать, что в моем теле сейчас... та лягушка, в теле которой сейчас я? – не с первой попытки сформулировал мысль Закери, сползая на пол.

– Определенно.

– Не может быть.

– А почему, собственно, нет? Что, вам можно, ей – нельзя? Что за дискриминация?

Зак перевел гневный взгляд на Зои.

– Мне вот интересно, вы книжку с умными ответами вызубрили, что ли?

Зои фыркнула и потянулась за полотенцем, висящим на крючке. Не обращая внимания на вопросы Зака о ее планах на полотенце и чего это у нее так глаза горят, фея медленно подходила к мужчине, жавшемуся в углу и высовывавшему с завидной регулярностью язык, словно ему было сложно удержать его.

– Тише, лягушонок, все хорошо, – ласково приговаривала Зои, опускаясь на корточки.

– Серьезно? Может, еще кляп в рот засунем? – вознегодовал Закери, когда фея быстро перехватила ногу мужского тела и привязала

ее к ножке магического обогревателя.

– Боюсь спрашивать, откуда такие идеи.

Зои скорее почувствовала, чем увидела, как Зак покачал головой, закатывая красные глазки, которые и так всегда были на выкате.

– Мы же не хотим, чтобы тело сбежало, верно? – Зои поднялась на ноги и, окончательно осмелев, потрепала Закери Дрейка по рыжей макушке.

– Хорошо, Закери, молодец.

– Издеваетесь?! – грозно просипела лягушка.

– А что такое? Он, – кивок на привязанного мужчину, – больше похож на господина Закери Дрейка, чем вы на нормальную лягушку.

– Я нормальная лягушка.

– Ага, – флегматично кивнула девушка и вышла из ванной, Зак запрыгал за ней.

– И что? Вы оставите меня тут? Связанным?

– Опять какие-то фантазии... Не связанным, а привязанным. – Зои замедлила ход только у лестницы. – А есть другие предложения?

Закери разумно промолчал и осторожно начал спуск по ступенькам лестницы, медленно переставляя по одной лапе. Как это обычно бывает, в такие ответственные моменты тебя всегда что-то отвлекает. Сейчас это было урчание лягушачьего брюшка, которое напомнило Зои о том, какая она на самом деле голодная. Позавтракать ей никто нормально не дал.

– Может, теперь вас все-таки накормить? – спросила Зои скорее риторически и, посвистывая в предвкушении припрятанного куса вишневого торта, направилась в кухню, без зазрения совести оставив Зака сражаться с лестницей.

Зои успела поставить чайник и нарезать дольками яблоко, закусывая на ходу бананом и заправляясь орешками из маленькой стеклянной вазочки около плиты, пока на пороге кухни не появилась лягушка и с самым серьезным видом не заявила:

– Нам нужно поговорить.

Фея утрамбовала листья малины в заварник и развернулась, опустив взгляд на Закери:

– Так уж и быть, я поймаю мух.

– А?

– Еда – это святое, и кто я такая, чтобы осуждать чужие предпочтения...

– Послушайте, я снова не улавливаю смысла в ваших словах, поэтому предпочту пропустить мимо ушей.

Зои весело улыбнулась, целиком заглатывая дольку зеленого хрустящего яблока. Закери в этот момент запрыгнул на стул, а затем, немного примерившись, прыгнул и на стол, задев деревянный угол лапой. Вместе с шипением чайника на плите и хрустом яблока во рту Зои в комнате раздалась новые волны зова из недр лягушачьего желудка.

– Знаете, мы с вами уже столько повидали... Можно перейти и на ты, тем более оскорблять друг друга так будет легче, – усмехнулась Зои, кладя на тарелку ветку зеленого винограда. Краем глаза фея увидела, что Зак был готов начать возражать, но подумал немного и просто кивнул.

– Не стесняйся. – Девушка придвинула к Заку тарелку с фруктами. Тот осмотрел щедрое угощение, а фея приготовилась выслушать заверения в том, что он не желает есть в теле лягушки, однако длинный розовый язык одним броском захватил в плен виноградинку. За ней быстро последовала вторая, третья.

– У нас проблемы, – наконец Закери взял контроль над животом в свои лапы.

На этой явно очень серьезной ноте раздался свист закипевшего чайника.

– Ой! – Зои подпрыгнула на месте и поспешила к плите. Зак застыл в ожидании.

Когда фея присела за стол, водрузив на него заварник черного чая с малиной, и с удовольствием воткнула ложку в кусок торта, Закери напомнил о себе:

– Так вот, как я сказал, у нас проблемы, и...

– Подожди-подожди, – остановила его Зои, и тот с удивлением смотрел, как фея отделяет гигантский кусок торта и запикивает его целиком себе в рот. Затем с самозабвением жует, долго, зажмурившись и с блаженной улыбкой. Глокает. Но не поднимает век, пока послевкусие остается на языке, чувствуя, как шоколадный бисквит с муссом и прослойкой вишневого желе наполняет удовольствием

каждую клеточку тела. Последние шоколадные крошки тают, и Зои открывает глаза. Занавес.

– Отлично, теперь давай о проблемах.

Закери качает головой, словно сомневается в здравом уме одной конкретной феи, но все-таки повторяет в третий раз:

– У нас проблемы.

– То есть помимо того, что ты лягушка?

Зак скривился, словно съел дольку лимона без сахара или ему наступили на больную мозоль, но кивнул.

– И того, что неизвестно, когда объявится Лаванда?

Новый кивок.

– И ты сейчас даже не о том, что у нас наверху лягушка в теле связанного господина Дрейка?

– Не связанного, а привязанного, – поправил Закери, возвращая девушке ее же слова.

– В общем, ты не к тому, что я абсолютно не знаю, что со всем этим делать? – облегченно закончила Зои и, поймав на себе злой взгляд глазок на выкате, поняла, что от счастья глюкозы в крови она, видать, разомлела и начала говорить много-много лишнего.

– Хорошо, ладно. – Зак глубоко вздохнул и попытался заново начать конструктивный разговор. – У нас очередная проблема.

– Какая?.. – осторожно спросила Зои, грустно глядя на вишневый торт.

– Завтра должны приехать рабочие, а в полдень у меня встреча с дизайнерами, после назначены переговоры насчет закупки некоторых деталей, не говоря уже о том, что на вечер у меня запланирован ужин...

Зои ждала продолжения, но его не последовало, и она с энтузиазмом вернулась к поеданию десерта.

– Ничего не скажешь?.. – уточнил Зак через минуту.

– А должна? Ну, я поняла, что Закери Дрейк весьма занятой человек. – Девушка неопределенно повела ложкой перед лицом.

– Хватит прикидываться дурочкой, госпожа Янг! – взбесился Зак.

– Почему «прикидываться»?

Видя, что Закери уже готов разразиться проклятьями на ее голову, Зои решила сдаться и перестать нервировать и так нервную лягушку.

«Вот бы кто о моих нервах так заботился...»

– Я поняла твой намек. Но что ты хочешь от меня? Чтобы я пошла и объяснила всем, что у них отныне начальство будет прыгать на работу, а не ходить? А вечером – это у тебя свидание? Так с этим вообще проблем не будет. Подумаешь, продинамишь девушку. Ты же не замуж ее звать планируешь... Или планируешь? – поправились фея, заметив взгляд Закери, а потом и вовсе замолчала.

– Какая забота... – тихо протянул Зак, наворачивая круг по столу возле тарелки, важно сложив лапки за спиной.

«Ему бы костюмчик и тросточку», – поймала Зои себя на гениальной мысли как привлечь с помощью заводной лягушки клиентов в книжный. Фея была уверена, что на такое чудо придут посмотреть со всех уголков столицы.

– Не надо никому ничего объяснять. Точнее, надо, но вовсе не это. – Зак остановился и, склонив голову к плечу, прокомментировал: – Какой-то у тебя плотоядный взгляд...

– Ага, думаю, какие сочные... ляжки.

Закери отошел на пару шагов назад под смеющимся взглядом девушки.

– Опять несешь... – Зак замолчал, видимо, не подобрав цензурного слова.

– Добро? – подсказала Зои.

– Добро сеют, а ты именно несешь! Так, вернемся к нашим проблемам. В общем, ты должна будешь завтра навестить рабочих, сказать, что пусть работают по плану, мол, господин Дрейк все видит и знает, скоро сам проверит вашу работу. Ни в коем случае их не отпускай! А то разбегутся в два счета. Короче, будь построже, даже поопаснее, так сказать... Ну, с этим ты точно справишься.

Зои картинно заломила бровь, не зная как воспринимать этот сомнительный комплимент.

– Потом надо будет среди рабочих найти Савьера и сказать, чтоб он передал Килихрану о том, что плитка готова, чтоб он вместе с Маликом забрал ее после шести у господина Оза в лавке на углу Вишневого бульвара и Край-Дюн, пять.

Закери встретил внимательный взгляд Зои, проверяя, запомнила ли девушка, кивнул своим мыслям и бодренько продолжил:

– Затем тебе придется подняться наверх, мне нужна одна папка с документами, там же лежат мой магический экран, связывающий

камень и записная книжка. Но тут я подумал, что я лучше пойду с тобой под прикрытием, в сумку снова залезу, главное, чтоб тебя пустили одну на второй этаж. Там я уже все покажу, что надо унести. Благо, мой голос при мне, улажу все дела через звонки. То, что можно, по крайней мере, да и писать я могу спокойно. Только вот почерк... Ладно, что-нибудь придумаем. Все понятно?

Зои закинула в рот последнюю дольку яблока и кивнула:

– Конечно, я поняла, что ты совсем обнаглел.

– Прости?

– Ой, не надо извинений, против природы не попрешь.

– Но ты просто должна мне помочь! – вознегодовал Закери, и уже тише произнес:

– Иначе никак. Пожалуйста.

– О, да вы исправляетесь, господин Дрейк. – Зои поднялась со стула и начала медленно и методично убирать со стола, жалея, что второго куска торта нет и не предвидится. – Но все по порядку. Во-первых, не собираюсь я быть с твоими рабочими ни построже, ни поопаснее. Во-вторых, почему это я должна искать каких-то там Хавьеров и Кили... Кихи... Килек, да что-то там передавать? И, наконец, в-третьих, я в секретари и даже в помощники не нанималась! Так что придумывай что-нибудь сам!

– А если я заплачу?

Повисла пауза. Зои никогда не считала себя меркантильной, скорее дальновидной и практичной. Именно так.

– Три золотых в день, – добавил Закери, так и не дождавшись ответа от девушки.

Зои фыркнула.

– Хорошо, пять, – без вопросов поднял цену Зак.

– Десять, – назвала свое условие Зои и выжидательно скрестила руки на груди.

– Это грабеж средь бела дня!

– Согласна. Двенадцать, – кивнула фея, вызвав гневное сопение лягушки.

– Семь!

– Двенадцать!

– Семь!

– Пятнадцать!

– Семь!

– Десять!

– Отлично! Десять! – подхватил Закери, но через секунду понял, как его развели, и закрыл глаза.

– Договорились! Так, я сейчас за ручкой и бумагой, надо записать, что там этим килькам передавать. Почему бы не помочь хорошему человеку? То есть лягушке, простите, фейские духи.

Глава 9

– Я никак не могу пустить вас наверх, – повторил старший рабочий Савьер, разведя в стороны руки.

– Но я действую напрямую от имени господина Дрейка. Вот же письмо. – Зои уперла руки в бока и кивнула на листок бумаги в руках мужчины. Между прочим, труд не одного часа. Закери заставлял переписывать Зои текст письма раз десять. То недостаточно официально, то слишком официально, то рука дрогнула, то абзац там, где надо, не начала. В общем, новое начальство у Зои было с приветом и с требованиями. – И роспись аккурат в уголке его же? – напомнила фея.

– Ну, вроде его. – Савьер почесал подбородок загрубевшими пальцами и сощурил карие глаза, отчего веер морщин вокруг них разросся вдвое. – Но вот почерк не его точно.

– Да я же вам говорю, уже в который раз, – писал его секретарь. Господин Дрейк – чрезвычайно занятой человек!

– Да-да, – закивал Савьер, складывая письмо пополам и пряча его в нагрудном кармане синего комбинезона.

– Отлично! – Зои выдохнула и шагнула в сторону лестницы.

Савьер сделал шаг за девушкой и перегородил ей дорогу.

– Я думала, мы поняли друг друга.

– Мы, может, и поняли, но вот господин Дрейк меня по головке не погладит, если чужие люди будут хозяйничать у него в документах.

– Так это же с его разрешения я и буду хозяйничать! – Зои в бешенстве повысила голос. Ситуация довела ее до предела, особенно нервировало спокойное лицо Савьера.

– Надо уточнить. У меня есть номер господина Дрейка. Я все проверю и непременно вас пушу.

Из сумочки на плече раздалось красноречивое кваканье. Говорить о том, что связывающий камень и магический экран господина Дрейка находились в этот момент совсем не при господине Дрейке и он при большом желании на звонок не ответил бы, не стоило.

– Что это? – удивился Савьер. – Мы же с самого начала все углы продезинфицировали от гадов. – Рабочий огляделся по сторонам.

– До господина Дрейка вы сейчас не дозвонитесь. В который раз объясняю вам, что он занят, поэтому-то вместо него сейчас здесь я...

– Я все-таки попытаюсь, – мягко возразил Савьер, – подождите немного тут. Две минуты, и все уладим!

Непробиваемость Савьера бесила Зои. Объясняют ведь человеку по-хорошему! А он ну ни в какую. Прорваться на второй этаж силой фея даже не надеялась. Оглядывая работающих повсюду верзил, Зои оценивала свои возможности здраво, все, что она успела бы сделать, – это, пожалуй, выцарапать по паре глаз, ну или пнуть кого-нибудь в коленку, а потом бы ее уже скрутили под белы ручки. Проскользнуть незаметно тоже бы не получилось. Мало того что лестница нещадно скрипит, так еще прямо у ее подножия работал молодой парень, кидающий на Зои подозрительные взгляды через плечо. Хотела бы Зои сказать, что они были флиртующими, но нет, именно подозрительными.

Был еще, конечно, вариант залезть в окно. Но всевидящее око госпожи Гризмор явно бы не пропустило такой картины. Да, девушка боялась именно любопытства госпожи Гризмор, потому что другие не отличались большой любовью к рассматриванию соседских окон. Или по крайней мере не были в этом замечены. Ну а проходящие мимо люди махнули бы рукой, потому что на Торговой улице могло произойти все что угодно. Взять хотя бы, как на прошлой неделе патруль стражей гнался за клоуном, укравшим двое подштанников. И вот гадай, это клоуну понадобились новые портки или вор решил посмеяться над дружной братией клоунов? Надо сказать, что вора так и не поймали, но госпожа Гризмор уверяет, что она его разглядела хорошо и что это точно сапожник с Роковой улицы. Да, тот самый, что месяц назад починил туфли Эвелине так, что подошва отлетела через час, а деньги тот возвращать не захотел. Тогда-то, по ее словам, она и пронюхала всю воровскую натуру сапожника. В общем, мысль лезть через окно фея нашла плохой идеей.

Однако Зои Янг была не из тех фей, что бросали дело на половине пути и сдавались, особенно когда за дело было заплачено. За десять золотых ведь и немного повоевать можно, правда?

– Ну, звоните-звоните. Посмотрим, что он скажет, когда узнает, что вы не пустили его невесту! – выкрикнула Зои в спину Савьеру.

Тот притормозил, обернулся.

– Невесту?

– Именно! Будущую госпожу Дрейк.

– Но...

– Закери сейчас крайне занят, его секретарь попросил просто-напросто забрать одну папку, которую Закери забыл. Он, знаете ли, такой забывчивый стал с этой подготовкой к свадьбе. Да еще этот ремонт... Постоянно пропадает на работе! – Зои печально покачала головой.

– Но все-таки...

– Что еще? Считаете, я вру?! – Зои подняла голос до визга и начала обмахивать разгоряченное лицо ладонями.

– Конечно нет...

– Думаете, мне легко? Кому вообще сейчас легко?! Я уже почти опаздываю на примерку платья! Мало того что выбранные нами приглашения перепутали, и мне с утра звонит мама и кричит в трубку! Нет, ну натурально кричит, честное слово, а потом еще и обижается, когда просишь ее не кричать в самое ухо о том, что зеленые инициалы ужасно смотрятся! Полная безвкусица! Ну а мы ведь золотые заказывали! Да еще у меня увели лучшего флориста в столице! Конечно, кто такая, не принцесса ведь... Теперь искать нового, а вы вообще знаете, каково это? Подобрать флориста, чтобы всё всех устраивало? Знаете?! Но разве это кого-то волнует? Бегай себе, ищи, развлекайся, дорогая... Нет, вы не подумайте, я понимаю, работа есть работа, он все-таки для нашего блага, но я же хочу обычного, простого понимания... Понимаете? – Зои страдальчески заломила руки и всхлипнула.

– Говорите, одну папку? – уточнил тихо Савьер.

Зои краем глаза видела, что ее монолог собрал вокруг почти всех рабочих, они разглядывали ее, как диковинную зверушку.

– Всего одну... одну маленькую папку, – закивала фея, пряча глаза.

– Конечно, да берите хоть две. – Савьер почесал затылок и несмело улыбнулся, явно не зная куда себя деть, если девушка перед ним вдруг разразится слезами.

– О, вы святой человек! Вы спасли мой день! – радостно воскликнула Зои и заспешила к лестнице, пока у рабочих не прошел первый шок.

Кидая благодарные улыбки растерянному Савьеру, Зои неумолимо поднималась по шатающейся лестнице, и все бы ничего, если бы на последней ступеньке не услышала чей-то громкий шепот:

– Будущая госпожа Дрейк?.. Да-а, свезло ему так свезло...

– Тише, услышит ведь.

«Поздно. Услышала и запомнила».

Зои сдержала порыв заткнуть смельчака и закрыла за собой дверь в импровизированный кабинет не менее импровизированного «жениха».

– Да ты просто актриса тысячелетия, – съязвил Закери, выпрыгивая из сумки на стол.

– Спасибо.

– Считаешь, что это комплимент?

– Предпочитаю думать так.

– Жаль, что ты не думала, когда сочиняла бред про невесту.

– А что ты хотел? Чтобы он пытался связаться с тобой? И долго бы мы ждали? Месяц? Год?

– Хорошая же у тебя вера в сестру.

– О, если Лаванда не объявится в течение недели, я вас вместе с телом попрошу из моей лавки. Дальше вас терпеть я не смогу, даже за десять золотых.

Закери хотел промолчать, ведь пускаться в новую ссору у него не было желаний, но выдержка в присутствии Зои Янг слабела не по часам и даже не по минутам, а по песчинкам секунд.

– Настоящая невеста была бы со мной и в радости, и в горе.

– Жена, может, и была бы, а вот невеста таких клятв еще не давала. Спаси себя никогда не поздно.

– Это ты сейчас свой взгляд на брак озвучила?

– Ну, ведь говорят, что хорошее дело браком не назовут.

– А мне вот всегда было интересно, кто первый это сказал?

– Есть разница? – пожала плечами Зои, выглядывая в окно и рассматривая улицу в утренний час, еще с редкими покупателями и «без дела слоняющимися гуляками». Так тех, кто просто смотрел, но ничего не покупал, величала Эвелина Гризмор. Не стесняясь и в лицо. Зои до сих пор с содроганием вспоминала, как оказалась рядом в тот момент, когда гномиха ругалась с женщиной, зашедшей в булочную, но вышедшей из нее с пустыми руками. «Слоняющаяся гуляка» сама

оказалась не промах и накатала жалобу на госпожу хозяйку булочной и на ее подстрекательницу – госпожу хозяйку книжной лавки. А ведь Зои просто попросила женщин не шуметь так сильно и решить свои проблемы любовно. Ну назвала их в запале склочницами, что такого?

– Конечно есть, тогда бы мы все узнали, от какого такого горя бедный человек обронил эту крылатую фразу, – заметил Закери, вырывая Зои из невеселых воспоминаний.

– Нашел все, что хотел? – любопытствовала фея, рассматривая высокую стопку бумаг, собранную Закери.

– Да, уносим.

– На одну папочку не тянет, конечно, – заметила Зои, складывая бумаги в сумку. На самый верх девушка положила магический экран. Совсем новенький и блестящий, с небольшой серебряной эмблемой сверху: «Дрейкар».

Фея внимательно посмотрела на Закери, словно вспомнив нечто важное, но тот повернул ее мысли в другое русло, присвистнув:

– Да она у тебя бездонная. Правда зачарованная, что ли?

– Любая сумочка девушки зачарована. На то, чтобы потеряться в ней. Так что прыгай, я тебе тут местечко оставила.

Смотреть, как лягушка утрясает важные дела, было не то чтобы странно. Немного обидно. Особенно когда за два часа в открытую наконец книжную лавку не заглянули даже по ошибке.

Закери, пристроившись за прилавком, разложил бумаги перед собой и вел спокойным, твёрдым и уверенным голосом переговоры о каком-то чрезвычайно важном магическом чипе для вживления в какую-то другую суперученую штуку. Так бы Зои описала этот разговор.

Сама фея с крайне умным видом бродила между стеллажами и протирала пыль, коей накопилось достаточно много, так что падать в грязь лицом перед Закери не пришлось, а можно было имитировать бурную деятельность вместо заливания глаз чаем за чтением остросюжетного романчика.

Слушать мужской голос, разносившийся по торговому залу, оказалось на удивление приятно. А если забыть, кому он принадлежит и в каком теле его хозяин сейчас находится, так вообще было дивно.

Зои отыскала в серьезности голоса некое очарование и даже нотку пикантности, что вовсе ввело ее на несколько минут в транс.

– Да. Нет. Я сейчас занимаюсь некоторыми разработками. Да. В планах кое-что интересное. Нет, пока секрет. Конечно будем. Что за вопросы? Да, это так важно, что я пока буду занят. Не знаю точно. Я сообщу. Да, спасибо, передам.

Быстрые, лаконичные ответы Закери, произнесенные отрывистым и не терпящим возражений тоном, покрывали спину Зои мурашками.

Голос Зака смолк, и вздох феи в тишине книжного показался громоподобным. А затем звонко звякнул колокольчик над дверью, и Зои расплылась в милой улыбке, поворачиваясь к потенциальному покупателю.

– Госпожа Янг, – приветливо улыбнулась Анна де Брио.

Пыл Зои продать хоть одну книгу заметно поостыл при виде соседки из цветочной лавки.

– Добрый день, ищите какую-то книгу?

– Книгу? – удивилась Анна и растерянно огляделась, словно только сейчас заметила стеллажи, заполненные томами на любой вкус и цвет.

– Нет, вовсе нет, в другой раз. А это вам, милая. – Анна изящно достала из корзинки в руке небольшой букет полевых цветов и протянула его Зои.

– Какая красота! – Фея рассматривала сияющие на солнце колокольчики, словно подмигивающие девушке. В носу странно засвербело, и Зои углядела несколько ромашек по краю букета. Ромашек, на которые у феи была аллергия. Она, между прочим, первая знакомая себе самой фея, имеющая аллергию хоть на какой-то цветок.

– Изумительно, – кивнула еще раз Зои и отстранила от себя букет на расстояние вытянутой руки, делая вид, что любит подарок. Было похоже, что его собрали методом: что попало, то сойдет. В общем, это была полная несуразица, а не прекрасная восточная икебана.

– Я так и думала, что колокольчики вам пойдут, – просияла Анна. – Знаете, вы ведь очень похожи! Сиреневые лепестки такие же тихие и романтичные, как ваш образ, но с ноткой игривости, – на последних словах госпожа де Брио мелодично рассмеялась, Зои же

оставалось только улыбаться, кивать и показывать, насколько она «тихая и романтичная».

– На следующей неделе у меня именины, хочу устроить званый ужин. Приятная компания обещается. Проводим последние теплые летние ночи, как думаете?

– Какая замечательная идея.

– Знала, что вы оцените. – Анна развела руки в стороны, словно собиралась сделать дворцовый поклон, и величественно кивнула: – Тогда в субботу я вас жду к восьми.

– Всенепременно буду.

Анна сладко улыбнулась и, не переставая кивать головой, вышла из лавки. Зои кинула букет на полку и громко чихнула.

– А вы, оказывается, умеете быть душкой, – усмехнулся Закери, устраиваясь на пузе и подпирая лапами голову.

– Не забывайте про мою игривость, – иронично протянула девушка, шмыгая носом.

Зак издал смешок, и тут дверь с мелодичным переливом колокольчика снова отворилась.

– Я ведь совсем забыла...

Обычно расфокусированный взгляд Анны сразу остановился на нахально устроившейся на прилавке лягушке. Видимо, долгое общение с госпожой Гризмор принесло свои плоды.

– А что... о-о-о, ох, – протянула Анна, вздыхая.

Закери замер с улыбочкой на зеленой морде.

– Экземпляр говорящий?

– А? – пришло время Зои вздохнуть. – Что вы, какой говорящий!

– Я слышала голоса...

– Мои, то есть мой голос, я восторгалась вашим букетом.

Зои перегородила свободный обзор прилавка.

– Это просто статуэтка. Правда, как живая, да? Я даже имя ей дала – Клементина! – зачастила фея.

– Мне кажется, ваша Клементина мне подмигнула.

– Не может того быть, – нервно засмеялась Зои, – это все игра света.

– Где же вы нашли это чудо? У меня в саду такая статуэтка замечательно вписалась бы.

– О, это подарок семьи, – почти не слукавила Зои. – Так что вы забыли?

– Забыла? – Анна наконец оторвалась от разглядывания пространства за спиной феи и повела плечами, будто снимая с себя оцепенение. – А, я забыла сказать: мы с Виллоби решили, что у нас будет вечер-маскарад. Все нарядимся в костюмы и будем угадывать, кто есть кто. Правда чудесно? Так все повеселимся!

– Какая идея! Только вам могла прийти в голову столь интересная мысль.

– Мне кажется, она все-таки шевелится, – тихо проговорила госпожа де Брио, снова кидая взгляд на прилавок.

– Игра света! Спасибо вам за приглашение и букет, но мне надо продолжить делать... – Зои замаялась, не найдя хорошего предлога и невнятно закончила: – то, что я делала.

– Разумеется. – Анна плавно выплыла из книжной лавки, напоследок кивая и улыбаясь Зои, а вот глазами гипнотизируя лягушку за спиной феи.

– Я... – начал Закери, когда дверь закрылась.

– Молчать! – грозно скомандовала Зои – так, что Зак аж прикусил язык, втянув голову в плечи.

Зои выглянула на улицу из-за занавески и проследила, как Анна де Брио переходит дорогу. И только когда та исчезла в дверях своего цветочного, заговорила:

– Тебя совсем жизнь ничему не учит?

– Ну не в подпол же мне теперь спрятаться. Тем более, я лягушка с аристократическим именем Клементина. – Фея послала Заку уничтожающую улыбку и прежде, чем задернуть шторку на окне, смогла среди людей на улице рассмотреть знакомую фигуру старшей сестры.

Молниеносно подлетев к Заку, она одним махом собрала все его бумаги и снова перешла на командный тон:

– Прячьтесь! Быстро! И ни звука!

– Чего?.. Куда? Зачем?

Зои схватила сопротивляющегося Закери в охапку и кинулась к подсобке.

– Сидите и не рыпайтесь! – Фея почти впечатала лягушонка в кучу забытых оригами его братьев, туда же полетели документы и

папки.

Дело было выполнено за пару секунд. Зои только успела привести дыхание в норму, как дверь книжной лавки открылась, явив на пороге Офелию в чудной темно-синей шляпке с короткой сеточкой на глазах. В одной руке она держала сумочку под цвет шляпки, в другой – ладошку сына. Обезоруживающая улыбка сестры не предвещала ничего хорошего.

– Ли... – протянула нервно Зои. – Какими судьбами?

– Давно протоптанными дорогами!

– Привет, – кисло отозвался Джо-Джо на кивок тети.

– Джо, ну что за мина, я же сказала, что она тебе не нужна. У тебя и так дома куча игрушек. Взбодрись, ты же пришел к любимой тете! – Офелия встряхнула руку мальчика и снова повернулась к Зои.

– Вот решила навестить мою дорогую сестренку. Думаю, узнаю, чем она живет, как дни ее проходят...

– И? Что тебе понадобилось от этой дорогой сестренки? – сразу сообразила Зои, к чему Ли начала подводить.

– Почему мне что-то понадобилось?

– Мама с папой собираются в театр, – сдал родителей Джо, невинно глядя на мать. Офелия сделала большие глаза, но не стала отнекиваться:

– Редклиф решил вывести свою жену в свет.

– Ты в этом «свете» работаешь, – напомнила Зои, пытаюсь сообразить, как избавиться от участи няньки, но, глядя на наряд Офелии, поняла, что сестра ни за какие копейки менять вечернее платье на домашний халат не станет.

– Да разве это одно и то же? В общем, Лаванда мне не отвечает, да и твоя лавка поприличнее ее квартиры будет. Кстати, ты ее давно видела? А то мама начинает переживать, а отец – очень внимательно читать газеты.

– Не видела, – быстро покачала головой Зои. – Да ее, наверное, как обычно – накрыло вдохновение. Через неделю сама выползет из своего НеМода.

Офелия отстраненно кивнула, явно показывая, что сейчас ее больше волнует собственный внезапный выходной.

– Покормишь Джо?

«Почему он вечно приходит к тетке ненакормленным?»

– Родители совсем экономят на тебе, да? Что ж, мы с Джо с этим точно справимся. – Фея обменялась с племянником понятными одним им взглядами.

Офелия решила шпильку сестры пропустить мимо ушей и только благодарно улыбнулась. Как говорится, кто же кусает руку, которая кормит.

– Спасибо, я не забуду. Поверь, когда-нибудь и тебе пригодится моя помощь, – подмигнула Ли и наклонилась поцеловать сына в щеку. Джо стоически вытерпел сюсюканье матери, вытерев кожу только тогда, когда та уже не видела махинаций мальчика.

– А может, мы Джо с утра заберем?

– Никаких ночевок, – беспрекословно отрезала Зои, – да и кровать у меня одна!

– Ладно-ладно, попытка не пытка, – пошла на попятную Офелия, понимая, что один неверный шаг, и сестра может соскочить с крючка. – Редклиф заберет Джо где-то около десяти. Целую вас, ребята!

Зои помахала рукой на прощание и проследила, как Офелия исчезла на горизонте.

– Тетя Зои, булочки есть?

Фея потрепала Джо по голове и улыбнулась:

– Поищешь сам в кухне? Все, что найдешь, – твое.

Джо-Джо понятливо кивнул и вприпрыжку направился на поиски местных деликатесов. Зои надеялась, что он найдет что-нибудь помимо открытой бутылки вина и недоеденных хлопьев в тарелке.

Услышав, что мальчик начал хозяйничать, открывая шкафчики, Зои поспешила к подсобке.

– Эй, – позвала девушка, открывая дверь.

В ответ раздалось невнятное бормотание. Закери сражался с бумажными лягушками за место под солнцем.

– Что у тебя тут за цирк?

– Ползи наверх и сиди со своим телом. Чтоб ни одного звука, понятно?

– Нет, непонятно, – передразнив тон Зои, Зак выскочил из завалов оригами и отпихнул голубого лягушонка от себя подальше.

– Послушай, у меня тут маленький ребенок образовался, не надо еще и ему психику портить.

– У тебя есть дети? – внезапно спросил Закери, внимательно осматривая фею с ног до головы, будто ее внешний вид мог рассказать ему всю правду.

– Тетя Зои! Я нашел какие-то засохшие чипсы! Они вроде сладкие, это можно есть? – послышалось сзади, и фея стремительно развернулась, прикрывая собой проход в подсобку.

– Ой, там же мои лягушата! – радость в голосе Джо была неподдельной.

– А-а-а-а, – протянула Зои, не в силах остановить несущегося на нее увидевшего цель ребенка.

Джо хлопнул два раза в ладоши, включая магический светильник на железной цепочке, свисающий с потолка и качающийся как маятник, едва кто-нибудь заденет его головой, что случалось всякий раз, когда Зои надо было утрамбовать новую поставку книг.

На Джо-Джо с тетей, заработавшей за два дня нервный тик, выпучила красные глаза живая лягушка. Секунда тишины, и громкий крик огласил пространство:

– Тетя Зои! Ты ее нашла! Она вернулась!

Мальчик упал на колени, прямо в грудь оригами, и уставился на Закери, смиренно сидящего на задних лапах и незаметно для Джо отстранившего голову подальше.

– Да, – подтвердила Зои, ловя на себе крайне удивленный взгляд Зака, – хотела сделать тебе сюрприз, я даже имя ей дала... Клементина.

– Клементина? – Джо скривился, а Закери незаметно стрельнул глазами: «Ну я же тебе говорил, что имечко отстой».

– А что не так с Клементиной? – спросила Зои скорее у Зака, чем у Джо, но ответил именно племянник:

– Разве это не имя для старушки?

– Что ты такое говоришь! Это очень хорошее имя, можно даже ласково называть ее Клемушкой или Тинушкой. Масса вариантов!

– Правда? – высказал сомнение Джо и протянул руки к лягушке.

Закери шустро отпрыгнул вглубь подсобки, перевернув при этом пару бумажных собратьев.

– Куда же ты?

Джо осмотрел подсобку и развернулся к тетушке Зои с крайне серьезным выражением лица:

– А можно мы тут поиграем? Я хочу почитать Клементине о ее родственниках.

– Родственниках? – не поняла Зои.

– Ну да, папа мне рассказал, что на юге есть летающие лягушки, а на севере вообще водятся подземные лягушки. Поэтому мама мне купила книжку, где все-все рассказано обо всех лягушках в мире.

– О!

– Так можно?

– Конечно...

Зои старалась не обращать внимания на то, что за спиной племянника Закери строил страшные рожи и махал лапами в знак протеста.

Джо-Джо проворно поднялся на ноги и выбежал из подсобки.

– Сделай что... – Зак не успел возмутиться и попросить о пощаде, как мальчик уже вернулся со своим маленьким рюкзаком, где прятались игрушечные солдатики, чьи-то клыки, камушки всевозможных размеров и упомянутая книга.

– Тетя Зои, а принесешь нам тех чипсов? – попросил Джо, закрывая дверь перед самым носом феи. Той оставалось только кивнуть и припасть ухом к замочной скважине.

Сквозь шуршание бумажных лягушек Зои смогла расслышать довольный голос племянника:

– Вот, Клементина, сейчас я тебе расскажу о том, что где-то очень далеко живут лягушки, парящие по небу... И вовсе не надо убегать...

Зои схватилась за голову и помолилась всем фейским духам, прося, чтобы Закери не раскрывал своей пасти, когда не следует, и развлекал ребенка.

Глава 10

Кусать локти было поздно. Ни Закери, ни Джо от участи провести день в компании друг друга спасти было нельзя. Зато лягушка оказалась отличной нянькой, ведь за несколько часов фея не услышала от Джо ни звука. В прошлый раз, конечно, подозрительная тишина закончилась нашествием земноводных, но сейчас ведь ребенок был заперт в тесной камерке, со всеми лягушками в доме. Ну, почти со всеми...

Несколько раз Зои пыталась проникнуть к Джо-Джо и плененному им Закери, но племянник недовольно шикал на тетю и велел ей покинуть их с Клементиной логово. Сама «Клементина» при этом бросала страдальческие взгляды на Зои, примостившись в куче бумажных собратьев. Пару раз фея слышала завывающее кваканье. Именно завывающее, потому что это была смесь человеческого рыка, грустного собачьего воя и протяжного кваканья.

Не смея прерывать процесс обучения господина Дрейка в области земноводных, Зои поднялась к другому господину Дрейку. Тот попыток высвободиться из полотенца не делал и вообще притворялся истуканом. Когда фея увидела его, не двигающегося и не моргающего, а с приоткрытым ртом застывшего в той же позе, что и с утра, испугалась не на шутку. Но, потыкав тело моющим ершиком, облегченно вздохнула, ведь лягушке в теле человека это явно не понравилось, и она начала издавать непонятные бульканья, наполнив рот слюной.

Видеть, как взрослый мужчина пускает слюни, было отвратительно. По такому только бедлам и плакал. В общем, привлекательности к образу господина Дрейка это не добавляло нисколько. Но Зои сделала скидку на то, что в тело заключили ни в чем не повинную лягушку, и скормила той два огурца.

Давно она не кормила с рук мелкую живность (а мелкую живность в большом теле так вовсе ни разу). С тех пор прошло лет десять, не меньше. Ровно с того момента, как Зои покинула отчий дом и перестала следить за притаскиваемыми Лавандой с улицы несчастными и страдающими птичками и мышками.

Ближе к вечеру Зои все-таки удалось просунуть в небольшую щелочку кусок пирога с творогом для Джо-Джо, так что ее совесть няни была успокоена. К девяти фея снова попыталась проникнуть в подсобку. Прислонившись ухом к двери, Зои не услышала ни звука и, забеспокоившись, распахнула ее. Джо-Джо спал, подложив кулачок под щеку и свернувшись калачиком прямо на полу. Окружала его целая армия бумажных лягушек. Казалось, что каждая из них с осуждением смотрела на проникающую в подсобку Зою.

И только одна особо наглая лягушка, положив нога на ногу и привалившись к руке ребенка, уплетала за обе щеки остатки пирога.

– Не прошло и года.

– Ты тут хорошо устроился, как я посмотрю... – Зою сложила руки на груди.

– Выживаем как можем, – пробурчал Закери, дожевывая последние крошки мягкого теста.

Зою без лишнего пиетета отсадила Зака подальше от племянника и осторожно подняла Джо на руки. За последние пару месяцев вымахал он знатно. Верно говорят, что чужие дети растут как на дрожжах. Это видно и без своих.

Кое-как доковыляв с Джо на руках до кабинета, уложив мальчика на диван и укрыв пледом, Зою выпрямилась. В поясице что-то подозрительно хрустнуло.

– Клементина... – сонно пробормотал Джо-Джо, переворачиваясь на другой бок.

Зою застыла на месте, боясь потревожить чуткий сон ребенка, и на цыпочках вышла из кабинета. Девушка огляделась в поисках Закери, считая, что он послушно прыгал за ней, но лягушка оказалась более самостоятельной и нашлась только на кухне.

– Кажется, я отыскал пропавшие квадратные метры, – заявил Зак, как только Зою переступила порог.

– Что?

– Когда я сидел в подсобке и думал о своей участи, кстати, кого – не пойму до сих пор, няньки или пленного? Так вот, у меня было предостаточно времени осмотреться, и, сопоставив в голове планы обеих частей дома, я понял, что твоя подсобка должна быть в два раза меньше, по-хорошему.

– Сколько талантов...

– Как только все это недоразумение закончится, сразу все исправим.

«Да, ты точно одно сплошное недоразумение».

– У меня было много времени подумать... – начал Закери деловито, чем вызвал усмешку феи. – Разве никто, кроме Лаванды, не может решить проблему возвращения меня в мое тело?

– У тебя есть знакомые феи?

– Кроме сестер семейства Янг? Нет, а вот у тебя их точно побольше будет.

– Я могу предложить только Лави, – покачала головой Зои.

– А как же третья сестра?

– Откуда ты?.. – Фея прищурила темные глаза, отчего радужка совсем слилась с черными зрачками.

– Я много чего узнал за сегодня, – загадочно протянул Закери, вертя в лапах крышечку из-под заварного чайника, и весело добавил: – про вашу семью.

Зои прикусила нижнюю губу, но сдержала ругательство. Видимо, длинный язык передавался в их семействе на генетической основе.

– Ли не должна ни о чем знать!

– Так она все-таки владеет фейской пылью? – подловил Зак, которому Джо-Джо, похоже, все-таки успел рассказать не всю подноготную фамильного древа.

– Немного, – нехотя призналась Зои. – Но пыльца фей – очень тонкая магия.

– Я заметил, – усмехнулся Закери, – и все же, почему не попробовать? Неужели сестра не поможет другим своим сестрам в столь щекотливой ситуации?

«Ага, поможет, а потом не слезет с наших хребтов и будет припоминать до конца жизни».

Зои не стала делиться своими опасениями насчет старшей сестры и рассказывать, что Офелия до сих пор при любом удобном случае вспоминает, как Зои с Лавандой случайно перекрасили родительскую спальню. Разгребать проблемы тогда пришлось именно старшей сестре, только-только поступившей в Академию цветочной магии. И до сего часа она уверена, что Лаванде нужно пальцы оторвать, а не фейской пылью кидаться во все стороны, а то, что Зои была обделена

даром, считала подарком небес, потому что сразу две младшие сестры с магией ее бы загнали в гроб во цвете лет.

В общем, Закери Дрейку эта вся семейная кухня была ни к чему.

«Захочет, потом разберется», – подумала Зои и мысленно одернула себя. Какие-то странные картины рождались у нее в голове. Например, как отец измеряет окружность головы Закери. На первый взгляд она была как раз идеальных размеров.

«Тьфу ты, ну и подумается иногда».

– Каждая фейская пыльца очень индивидуальна, – заметила Зои, – и неизвестно, чем может закончиться вмешательство одной феи в магию другой. Ты же не хочешь... начать летать?

– А у тебя есть тут энциклопедия про фей?

– Энциклопедия про фей? – переспросила Зои, приподняв брови.

– Ну, альманах какой, может, про ваше сестринство. Мне было бы полезно изучить...

– Сестринство? Что-то кое-кто слишком много говорит.

Закери рассмеялся:

– Ладно, извини. Но перспектива оставаться в теле лягушки меня не радует.

– И даже Джо-Джо тебя не переубедил своими рассказами? – Зои переняла веселье Зака, хоть оно и было порядком показное.

Фея, усаживаясь за стол и включив светильник в виде куска аметиста, что рассеял начавшие спускаться сумерки, поймала себя на мысли, что здорово привыкла к словесным баталиям с этим лягушонком, и призналась себе, что они скорее веселили и держали в тонусе, чем раздражали, хотя и не без последнего.

– Джо-Джо тем более убедил меня, что надо спасаться. Жизнь лягушки действительно полна опасностей. Как ты и рассказывала.

Зои не удержалась и прыснула.

– А вообще, он славный. Если не брать в расчет, что, кажется, помешался на теме лягушек.

– Это его самая последняя любовь.

– Хотел бы и я так самозабвенно отдаваться любимому делу.

– А что мешает?

– Может, то, что я уже не ребенок?

Зои внимательно посмотрела на Закери и хотела уже спросить, чем он в действительности занимается и почему в его голосе

прозвучало столько нескрываемой грусти, как дверь лавки распахнулась и ударилась о стену, а колокольчик резко звякнул, почти слетев под натиском стремительного гостя.

– Зои! Джо! – Фея узнала голос зятя и, приложив к губам палец и жестом показав Закери, чтобы он сидел на месте, поспешила в торговый зал.

– Редклиф, мы ждали тебя позже.

Улыбка с лица Зои слетела, когда она увидела мужчину в мокрой белой рубашке. Ткань местами подсохла, но все равно еще прилипла к мускулистому телу оборотня.

– Э-э-э, а что с тобой?

Мужчина тряхнул головой, копна кудрявых темных волос, доставшихся и Джо в наследство, разметалась по плечам. Хмурый взгляд с вертикальными зрачками раздраженно горел. А на левой скуле красовался синяк.

– Спроси свою сестру, – хмуро отозвался Редклиф. – Где мой сын?

Зои протянула глубокомысленное «а-а-а» и предупредила, кивнув в сторону кабинета:

– Джо заснул.

Услышав имя сына, мужчина немного успокоился, и на его лице отразились скорее усталость и бессилие, чем раздражение. Редклиф осторожно прикрыл дверь лавки, словно боялся, что та упадет с петель, и прошел за Зои в кабинет.

– Нет, она невыносима! – громким шепотом возмущался мужчина, дыша в затылок фее. – Откуда я знал, что новая постановка – крайне эротического содержания, а режиссёр помешан на современном видении мужской любви?! Ну не заказал я столик заранее! Ну хотела она, чтоб все как у людей! А я что, не хотел?!

Зои промолчала, тем более комментатор Редклифу явно был не нужен. Вопросов задавать тоже не стоило, и так было понятно, кто это «она». Наверное, только Офелия и могла довести до белого каления самого уравновешенного оборотня из тех, что Зои знала.

– Но зачем, блохи кусаные, надо было отправлять меня в фонтан? Охладиться?! – Редклиф зарычал, и его и без того узкие зрачки стали почти щелочками.

Все в семье Янг привыкли к бурным ссорам Редклифа и Офелии, а также к не менее бурным примирениям, когда Джо-Джо внезапно

оказывался на неделю на попечении бабушки, гордо показывающей внука соседям и откармливающей мальчика как после голодного года, и дедушки, что непременно измерял все параметры Джо и потом, не хуже бабушки, кичился идеальными пропорциями внука в Академии на кафедре золотого фейского сечения.

– Ох, вот наш ангел, да как ты такой уродился у своих ненормальных родителей? – Настроение Редклифа при виде сладко спящего сына сразу изменилось.

Мужчина легко поднял Джо-Джо на руки. Мальчик сонно завозился и невнятно пробормотала:

– Па?..

– Папа, папа, – умиротворенно подтвердил Редклиф, ласково приглаживая запутавшиеся кудряшки сына.

Джо был маленькой копией отца, поэтому вместе они составляли премилую картину.

– Спасибо, Зои, – кивнул Редклиф и, прежде чем закрыть за собой входную дверь, виновато улыбнулся: – И прости уж за... ну, ты поняла.

– Ага. – Зои махнула рукой. – Привет Ли.

Фея отчетливо услышала, как проскрежетали зубы оборотня, и Редклиф с утробным рычанием выговорил:

– Передам.

– Да, жизнь у вас прям бьет ключом, – прокомментировал Закери, внезапно появившийся сзади и, видно, слышавший короткую историю одного похода в театр. Хотя с его габаритами подкрадываться не надо было даже уметь.

Зои ничего не оставалось, как согласиться:

– Не жалуемся.

Зои снилось море, поверхность воды искрилась, ловя солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ватные облака. На вид совсем легкие и такие пушистые. Песчаный берег был пуст, только вдалеке, за длинной косой, виднелись темные крыши домиков, а на самой высокой точке утеса стоял белый маяк. Ветер играл с блестящей травой, колышущейся на краю обрыва. Море приятно холодило ступни. Зои вдохнула полной грудью свежий прибрежный воздух и открыла глаза.

В приятную картину долгожданного отпуска вдали от суеты столицы проник чей-то голос, горланящий песню про солнечный день. Веселое «ля-ля-ля» стучало в голове. Спросонья Зои не сразу поняла,

что пение раздается в ее лавке, совсем близко, а голос с каждой секундой кажется все более и более знакомым.

Сев на кровати, фея затравленно огляделась. Едва вышедшее из-за стройной цепи домов на Торговой улице солнце говорило о еще совсем раннем часе. Так и норотившие закрыться веки тоже намекали на это. Нащупав тапочки под кроватью, Зои приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Пение стало громче. Певцу явно стоило поумерить пыл и заткнуть свой пакостливый рот, потому что на премию «Сладчайший голос» он не тянул, скорее на приз зрительской ненависти.

Пение раздавалось напрямиком из купальни. Зои готова была ко всему, но все равно остолбенела при виде лягушки, собравшейся плескаться в ее раритетной ванне в окружении огромных сугробов пены. Как верный страж, на кафельном полу развалилось тело Закери Дрейка, которое лежало на спине и, подтянув к животу ноги, дрыгало в такт пению лягушки руками и раздувало щеки.

Зои заломила бровь и кашлянула. Пение резко оборвалось, раздался визг. Высокий и протяжный. Лягушка, сидящая на краю ванны, обхватила себя лапами, прикрывая худое зеленое тельце. Фея отступила на шаг назад, чуть не споткнувшись, и закричала в ответ:

– А-а-а-а, что ты орешь?

– Я тут моюсь!

– Что я там не видела! Ты же постоянно ходишь голым!

От криков лягушка в теле Закери Дрейка, освобожденная от оков полотенца подскочила и, стремительно перевернувшись со спины, прыгнула вперед в дверь, сильно оттолкнувшись ногами, словно задними лапами. Зои в страхе перед огромной тушей, чувствующей себя лягушкой, посторожилась, а когда поняла, что тело запрыгало вниз по лестнице, собирая все ступеньки пятой точкой, переглянулась с Закери в ванне и кинулась вслед беглецу – или беглянке?

– Держи его! Держи меня! – закричал Зак в запале.

– Хороший совет, – недовольно проговорила Зои. Мужчина, возомнивший себя лягушкой, прыгал по торговому залу. От каждого прыжка пол и стеллажи сотрясались. Неудачно вильнув задом, тело господина Дрейка задело полку с приключенческими романами. Зои застыла с молитвенно сложенными на груди руками. А когда стеллаж качнулся вперед, зажмурилась. Оглушительный грохот падающих книг и деревянных стеллажей отражался эхом от высоких стен торгового

зала. Плечи феи вздрагивали каждый раз при звуках новых и новых падений. А когда раздался звон бьющегося стекла, Зои замотала головой, будто отрицая произошедшее.

Сердце замерло, когда вокруг воцарилась тишина. Открыть глаза было страшно. Страшнее, чем когда-либо. Реальность оказалась еще ужаснее. Зои закрыла рот руками, чтобы не закричать снова. Больше половины стеллажей в зале обрушились, словно карточный домик от дуновения ветерка. Книги валялись грудой на полу. А стеклянный шкаф с коллекционными изданиями разбился вдребезги, старинные рукописи и фолианты с авторскими иллюстрациями были погребены под веером осколков. Уцелевшие на месте стеллажи пугали своим одиночеством. Они стояли, словно колоссы посреди разгромленного города.

В голове Зои пролетело перекасти-поле. Затем в уголке сознания зачастило высоким плаксивым голоском: «Нет-нет-нет-нет-нет-нет».

– Не-е-е-ет, – озвучила свое несогласие фея и топнула ногой. Почувствовала, что одна непрошенная слезинка прокатилась по щеке, и уперла взгляд в виновника торжества и побоища.

Тело Закери Дрейка забилося в угол около прилавка, уткнувшись лицом в стену. И не издавало ни звука, как и попыток двигаться.

Зои глубоко вздохнула, несколько раз, и на трясущихся ногах опустилась на пол.

– Что за грохот тут... черт. – Лягушка спрыгнула с последней ступеньки и подползла к девушке. Огляделась и снова протянула:

– Че-е-орт. Что ты сделала?

Голос Зака под ухом отрезвил Зои, и она наконец перестала мысленно плакать на своих похоронах, медленно повернула голову к Закери и тихо спросила:

– Я?

– А кто? Я?

Зои проследила, как клочок мыльной пены стек по зеленому пузу, и совершенно спокойно кивнула:

– Ты.

Кричать не хотелось, только забиться в угол к телу господина Дрейка и тихо скончаться. Случай как раз был подходящий.

Закери явно что-то увидел в лице Зои. Что-то совсем нехорошее. Потому что он вдруг согласился вот так просто. Без всякого

возмущения. Согласился в том, с чем совсем был не согласен.

– Я. Мы все починим. Я все оплачу.

От его слов Зои стало еще тоскливее, словно кто-то в душу плюнул.

– Не надо мне ничего оплачивать, – покачала феей головой и поднялась на ноги, стараясь не глядеть на торговый зал.

– Зои...

Но девушка не ответила, а поднялась наверх и хлопнула дверью спальни.

Закери осмотрел погром, обходя поврежденные в схватке с нечистым духом лягушки в человеческом теле стеллажи, – тут у них, надо заметить, не было никакого шанса. Тяжело вздыхал, качал головой и посматривал на такого знакомого, но совсем непохожего на себя Закери.

– Как же ты так, Зак, ну как... как ты вляпался во все это, – сокрушалась лягушка, усевшись на один из валяющихся на полу томов.

Тишина, царившая в книжной лавке, смущала. Зои сидела в комнате уже два часа. Закери несколько раз поднимался на второй этаж и скребся к ней в спальню. Он был уверен, что она в одиночестве глотает слезы, и отчего-то эта мысль ему совсем не нравилась. Зак не был мастаком утешать, да и вообще во всей этой истории главным потерпевшим был именно он, но сейчас об этом напоминать абсолютно не хотелось. А хотелось просто чтобы Зои открыла дверь, улыбнулась и съязвила что-нибудь крайне остроумное.

В то время, когда Закери Дрейк пытался понять свои странные чувства и почему он внезапно проникся ими к госпоже Янг, Зои не плакала лицом в подушку, заглушая слезы и всхлипы, а дрыхла мертвецким сном.

Глава 11

После того как тучи сгущаются и на мир стеной проливается дождь, всегда выглядывает солнце. Лаванда Янг искренне считала себя этим солнцем в жизни сестры и заколдованного ею лягушонка.

В Академию цветочной магии Лави так и не попала. По дороге на омнибус, на который фея спешила, оглядываясь через плечо в страхе увидеть преследующую ее Зою, Лаванда встретила бывшую одногруппницу. Та отучилась в Академии и стала дипломированной феей цветочной пыльцы с отличительной медалью на красной бархатной подушечке. Все как положено, и приехала фея-отличница в столицу искать работу. Плохо, что в Академии не учат, как приспособливаться к реалиям жизни и как с помощью диплома и медали заполучить начальника попрестижнее и побогаче. Лаванда же решила, что жизнь преподнесла ей подарок и что одна фея непременно должна помочь другой.

Но Лаванда Янг не была бы собой, если бы прежде, чем перейти к самому делу, не устроила бы показательного шествия по достопримечательностям столицы, которую она очень любила, и главное – экскурсию по лучшим питейным заведениям. После двух бурных дней проникновения в азы столичной жизни Лаванда побыстрому объяснила академической фее что к чему, нашла ей для начала место помощника ассистента замредактора газеты «Магические вести Не-Мод» с возможностью карьерного роста, и только потом приступила к своим треволнениям.

Оказалось, что фея с дипломом о подобном даже где-то слышала, там, правда, не лягушка была, да и человека удалось расколдовать через два года пыток, то есть попыток, но прецедент имелся. Кроме этого, девушки здорово насплетничались о своих бывших одногруппниках. Так что Лаванда возвращалась в «Александрию» с гордо поднятой головой и в приподнятом настроении. То, что аура в книжной лавке сестры витала в районе плитуса, фея поняла с порога. Во-первых, ее никто не встречал. Во-вторых, дверь лавки в разгар рабочего дня была закрыта, к ней был прикреплен конверт с печатью местного отделения Королевской стражи. В-третьих, пахло жареным.

Последнее здорово напугало Лаванду, и она забарабанила в дверь:
– Зои! Зои, открывай, я пришла вас спасать! Зои!

На крики девушки открылась соседняя дверь, и из нее вышел темноволосый низенький мужчина в рабочем комбинезоне.

– Это правильно, колотите, – поддержал он Лаванду. – Там с утра такие крики были, что я аж стражей вызвал. Страшно стало, все-таки если с невестой господина Дрейка что-то случится, пока его нет... а мы тут работали под боком и ничего, так сказать, не предприняли... Но господин Мурак сказал, что непременно во всем разберется, тем более не впервой. Хороший мужик, хотя, знаете, среди стражей таких мало бывает.

Лаванда только кивала головой, не особо вслушиваясь в болтовню мужчины, но кое-что все-таки заставило ее наострить уши.

– В каком это смысле невеста? – Рука, сжатая в кулак, так и зависла в паре сантиметров от двери.

– Ну как в каком? В каком бывает невеста, в таком и есть.

– Кто невеста? Зои?

– Ну, хозяйка книжной лавки.

– Та-а-ак, а вот это уже совсем не по-сестрински! Скрывать такое! Спасибо, добрый человек, мы во всем разберемся! – уверила Лаванда и снова заколотила в дверь.

Через пару минут дверь все же отворилась. Зои стояла в пижаме, сиреневые волосы на затылке спутались до колтунов. Зевнув, она протерла заспанные глаза, потом протерла еще раз, потому что не поверила в то, что видит перед собой сестру.

– Лаванда?

– Нет, ее призрак! Что у вас тут за страсти?

Лави подвинула сестру в сторону, пока та приходила в себя, и вошла в лавку.

– Вау! – присвистнула девушка, осматривая помещение торгового зала. – Нет слов, тем более цензурных! Зои, а что произошло? У тебя новый способ расслабляться?

Прежде чем закрыть дверь, Зои сняла с нее конверт. Выглядел он знакомо – именно в таких ей обычно преподносили жалобы на шум, «кошунственные высказывания» и просто на чрезмерное употребление местного воздуха.

«Да, Эвелина, сегодня я даже не буду удивляться...»

Кинув злополучное послание от стражей правопорядка на полку одного из уцелевших стеллажей, Зои посмотрела на разруху в книжном свежим после дневного сна взглядом. Эмоции отражались притупленно. Не верилось, что именно она является хозяйкой всего этого хаоса. А, кстати, где же ее любимые тараканы?

– Устроили перестановку, – меланхолично пояснила Зои.

– Поддерживаю! Это правильное дело, тем более в столь ответственный момент жизни! Ну ты, конечно, даешь, старушка, утаить такое...

Зои нахмурилась, Лаванда вслед за ней тоже, но не потому, что не понимала, о чем говорит, а потому, что снова учуяла запах жареного. С дымком такой.

– У тебя что-то горит?

– Если только крыша.

– Крыша? – испуганно переспросила Лави, а Зои закатила глаза. Это ей спросонья все кажутся идиотами, или это она слишком высокого о себе мнения?

Но потом Зои, наконец, и сама учуяла едва различимый запах горелого.

«Не хватало мне только стать погорелицей».

– Закери! – позвала Зои взволнованно.

Нить запаха, становящегося плотнее по мере продвижения вглубь книжного, привела сестер на кухню, где еще не полностью рассеялось облако дыма с ароматом копченостей.

– Зои, а я тут это... – услышали феи и смогли рассмотреть лягушонка, повязавшего на талии белый носовой платок.

Зак стоял на обсыпанном мукой столе возле миски с остатками теста, в окружении валяющихся рядом яичных скорлупок и изюма. Ложка, вымазанная вареньем, устроилась на полу. Рядом с ней красовалось смачное пятно грушевидной формы, предположительно – именно варенья.

– Лаванда! – увидел Закери фею, но в голосе его не было той радости и облегчения, что надеялась услышать Лави. Он был скорее просто удивленным и немного растерянным.

– Закери, ты что тут устроил? – Зои обвела руками кухню, оценивая принесенный ущерб, и зацепилась взглядом за подгоревший по краям пирог в круглой форме на плите.

– Да я просто хотел тебе что-то приятное сделать. Сладкое ведь всегда поднимает настроение, да? А пойти купить торт я сейчас не могу. И, вообще-то, однажды я пек пирог! Просто там плита другая была. Короче, попробуй все равно, он, может, выглядит и не очень, но должен быть съедобным, – затараторила лягушка и помахала лапами перед собой. – Ну а запах горелого... Мы сейчас окошко откроем, и будет все, как надо! Чая хочешь?

– Феечки мои, как романтично, – едва слышно проговорила Лаванда, переводя взгляд с лягушки на сестру.

– Какой еще пирог? – прикрикнула Зои, снова оглядывая комнату и разбросанную грязную посуду. – Чай? Да, я хочу чай, черный и сладкий. – Фея растерянно приземлилась на стул и внимательно посмотрела в красные глаза Закери, наконец полностью вникнув в происходящее. – Ты что? Мне пирог испек?

– Как бы да. – Зак улыбнулся, потупив взгляд.

Смущенная лягушка в самодельном переднике показалась Зои самым милым, что она когда-либо видела.

– Ну, вы, ребята, даете, – бодренько провозгласила Лаванда, хлопая в ладоши, и тем самым привлекая к себе всеобщее внимание. Внимание это оказалось не слишком добрым. Зои и Закери вдруг вспомнили, в какой они все истории, и скрестили пасмурные взгляды на Лаванде.

– Ты где была, пропащая сестра?

– Пропащая? Зои, ты чего такое говоришь? Я же искала решение нашей проблемы, – обиделась Лаванда.

– Что-то ты нас не проинформировала об этом.

– Я оставила вам записку.

– Которую мне пришлось добывать с большим трудом.

– Арманьяк обмолвился, что ты на него напала, – кивнула Лави как ни в чем не бывало, под Арманьяком имея в виду блондинистого худого гада.

– Кто это там на него «напала»?! – вознегодовала Зои, вскакивая со стула.

– Я не постесняюсь вклиниться в вашу беседу и напому о насущном – о дорогом себе, – позвал сестер Закери, разведя лапы в стороны и покругившись вокруг своей оси.

– Да, конечно, – всполошилась Зои, встряхнув волосами и гипнотизирующе воззрившись на младшую сестру. – Если ты наконец явилась после своего фееричного выступления с пыльцой, то, значит, либо пришла каяться, либо нашла решение. Так как первое – это вряд ли, остается второй вариант. Ты расколдуешь Закери?

– Я, как обычно, буду милостива и пропущу мимо ушей все твои добрые слова. И да, я расколдую нашего лягушонка.

– Я готов, – тут же отозвался Зак, – что для этого надо?

– Для начала – мешок картошки.

– Интересная у вас магия.

– Ты решила сначала поесть? – одновременно с замечанием Закери спросила Зои.

– Это было бы кстати, я ведь еще не обедала, но нет, сначала дела. Просто все должно быть точь-в-точь как тогда, в момент колдовства. Оказывается, у фейской пыльцы есть магическая память, и в условиях точного соблюдения всех пропорций прошлого моя пыльца соберется в слепок той минуты, когда совершилась нужная нам магия. Круто, да? Это преподавали на выпускном курсе Академии, так что я не виновата.

Заметив, что сестра готова возразить, Лаванда покачала указательным пальцем перед самым носом Зои.

– Нет-нет, ничего не говори. Я просто не могла знать того, чего не знала! Разве я в этом виновата? Но теперь я готова все исправить. Так, нам нужны две феи, – Лави положила ладонь на плечо сестры, как бы выполняя инвентарный учет, – с этим порядок. Один мешок картошки, – оглядевшись, фея заметила его в углу кухни, где дымовая завеса уже полностью развеялась. – Затем понадобится одна лягушка, с этим тоже нет проблем. Так, и... – Лаванда снова осмотрелась, но, не найдя нужного, обратилась к сестре и Заку: – А где тело?

– Да, кстати, где тело? – повторила вопрос Зои, но уже повернувшись к Закери.

Лягушка проворно прыгнула на пол, чуть-чуть промахнувшись и одной лапой попав в пятно варенья. Чертыхнувшись, Зак все-таки запрыгал по коридору в торговый зал.

Зои подумала, что уже должна была немного смириться с разрухой в книжном, но нет, сердце снова заныло при виде постапокалиптической картины.

– Я его связал, то есть себя, и то есть привязал.

Тело Закери Дрейка сидело за прилавком, его ногу и ножку зеленого бархатного кресла с высокой спинкой соединял тонкий шнурок, завязанный настоящим морским узлом.

– О-о-о, – оценила Лаванда.

– Как видишь, у лягушек тоже есть душа, – улыбнулась Зои, поглаживая рыжие локоны. Тело Закери Дрейка раздуло щеки, лягушке в нем явно было приятно.

– А я никогда не сомневалась, это ты у нас зверей за людей не считаешь.

Зои приподняла брови в немом вопросе, но все-таки после всеобщей паузы озвучила его:

– Может, потому, что они и не люди?

– Ну а разве вся эта история не научила тебя чему-нибудь? – Лаванда красноречиво взглянула на ожившую лягушку в теле господина Дрейка.

– Я молюсь, чтобы она тебя чему-нибудь научила, – парировала Зои.

– Дамы, – позвал снизу Закери.

Лави сладко улыбнулась Зои и опустила взгляд на лягушку.

– Вы должны вернуться к двери, словно заходите в книжную лавку. Ваше тело нужно определить на... – девушка глянула через плечо в торговый зал и неопределенно махнула рукой. – Не важно куда, главное – чтоб рядом с полками. Уцелевшими. И надо притащить мешок картошки. – Теперь выжидающий взгляд на сестру.

– Я не собираюсь тащить мешок картошки, с прошлого раза еще не отошла.

– А кому ты предлагаешь его тащить? – закономерно поинтересовалась Лаванда. – Лягушка не в состоянии, тело – неменяемое. Без обид, – извиняющийся взгляд на Закери, который в ответ только покачал головой, мол, какие вопросы, я со всем согласен.

– А ты? – Зои улыбнулась и оглядела сестру с ног до головы.

– Мне нужно беречь пальцы.

– Используй пыльцу.

– Зои, ты хочешь сегодня спать спокойно или нет? Пыльцу тоже надо беречь. У меня важная миссия.

В общем, за неимением иных вариантов, втаскивать мешок картошки в торговый зал пришлось именно Зои. Она ощущала себя запасливым хомяком, по крайней мере щеки от натуги раздувались точно так же.

Когда все элементы пазла оказались на месте, Лаванда призвала пыльцу. Кончики пальцев и ногти засветились зеленоватым светом, вокруг заискрилась магия, и воздух стал плотным, густо пахнущим цветами. Пыльца облаком окружила тело господина Дрейка. Лягушка в нем испугалась и прыгнула. Но габариты не позволили ей оттолкнуться от пола так же грациозно и легко, как в прошлый раз.

Закери в дверях понял, что что-то пошло не так, и прыгнул своему телу навстречу. Чисто на инстинктах, но явно не самосохранения, потому что столкновение с крепким мужским телом было не самым приятным, что могла испытать маленькая лягушка.

Лаванда отпустила новое облако пыльцы, накрывая им две потерянные души, и внезапно толкнула Зои в бок. Девушка замотала руками в воздухе и почти поймала равновесие, но не тут-то было. Облако фейской пыльцы сделало тело Закери Дрейка более невесомым, и он смог подлететь выше, задев собой Зои и помогая ей свалиться на мешок картошки.

Так хозяйка книжной лавки, ударившаяся головой о картофелины, оказалась погребенной под телом своего соседа, а где-то между ними последними словами ругалась лягушка.

– Ну как? – спросила Лаванда, наклоняясь над клубком тел.

– Ты чокнулась? Зачем толкаться? – просипела Зои.

– Ты тогда валялась на мешке картошки.

– Ты тоже!

Лаванда пожала плечами и помогла сестре скинуть мужскую тушу. Бездыханную мужскую тушу.

– Получилось?

– Нет, – констатировала лягушка голосом Закери Дрейка.

– Как нет? – пискнула Зои.

– Неужели мне надо было тоже упасть? Повторим еще раз!

– Нет! – одновременно воскликнули Зои с Закери.

– А можно как-нибудь без прыжков и падений? – уже более спокойно спросил Зак у феи.

– Есть один способ, – согласилась Лави, – но хочу заметить, что он экспериментальный. Никаких гарантий!

– В нашем случае никаких гарантий – это уже гарантия, – мудро подметила Зои, облачиваясь спиной о мешок.

– Хотя, может, это именно то, что надо! Ну, уж хуже стать не должно. Да и вам будет приятненько, все-таки такие высокие отношения, как-никак.

Зои непонимающе уставилась на сестру, та же заговорщицки улыбнулась и потерла между собой два указательных пальца. Ее жеста Зои не поняла. Зато, кажется, понял Закери, потому что он как-то странно хрюкнул, словно смех пытался пробиться наружу. Затем кашлянул в маленький зеленый кулачок и деловито спросил, вызвав шок Зои:

– Хотите сказать, мы должны поцеловаться?

– Хочу сказать, – кивнула Лаванда, не переставая тереть пальцы друг о друга.

Зои подивилась, как искры еще не высекла. Для своего поминального костра.

– Что значит «поцеловаться»? – уточнила для порядка Зои.

– Если быть точнее, ты должна поцеловать лягушонка.

Старшая сестра строго посмотрела на младшую, пытаясь донести до нее, что шутка не смешная.

– Это же просто! – продолжала гнуть свое Лави.

– И как это связано с нашим случаем? Во мне даже магии нет!

– Любовь – вот настоящая магия жизни, – пропела Лаванда.

– Какая еще любовь?!

– Ну ладно, любовь – это раньше все так было сложно. Сейчас же довольно одной взаимной симпатии. Вы же симпатичны друг другу? – Лави посмотрела сначала на Зои, потом на Закери, потом снова перевела взгляд черных очей на сестру.

Так и не дождавшись ответа ни от одного из своих собеседников, Лаванда почесала нос и уже с сомнением спросила:

– Ну вы хотя бы не противны друг другу?

Ответил Закери:

– Не противны.

Зои не перечила мужскому ответу.

– О! – уцепилась Лаванда за шанс вытащить утопающих, хотя она всегда искренне считала, что спасение утопающих – дело самих утопающих, однако сейчас тонула ее старшая сестра, и остаться сухой было просто нельзя. – Отлично! В наше время это уже дорогого стоит.

– Я все равно не понимаю, почему должна кого-то целовать? Ты нафеячила, вот и целуй. И вообще, вон тело в отключке, может, процесс уже пошел? – Зои показала на тело Закери Дрейка.

– Я бы с радостью вас поцеловала! – заверила лягушку Лаванда. – Но, простите, мы не настолько близки. А тело, кто их знает, фейских духов, может, ее душа нас покинула. Могу узнать, подождете до завтра?

– Нет! – прозвучало снова одновременно.

– Видите, как вы прекрасно ладите!

Зои закрыла лицо руками, пряча гримасу боли и набираясь терпения, дабы не придушить младшую занозу. Наконец она собралась, взяла себя в руки, все-таки взрослая самостоятельная хозяйка книжной лавки, пусть и погромленной.

– Хорошо, поцелуй так поцелуй.

– Да? – удивились вместе Зак и Лаванда. Тоже не менее гармонично!

– Если это поможет.

Зои наклонилась к Закери, несколько долгих секунд она примерялась, в какое место на мордочке лучше чмокнуть лягушку, и, решившись, поцеловала Зака. Губы лягушки оказались холодными и склизкими. Собственно говоря, как фея и ожидала.

Когда девушка отстранилась и выпрямила спину, Закери все стоял на месте, поглядывая на сестер со скепсисом. Ничего не происходило.

– И? – Зои нетерпеливо посмотрела на сестру, а та приложила палец к губам, словно вот-вот должно было совершиться некое таинство.

Оно и совершилось. Лягушка закатила глаза и свалилась рядом с телом господина Дрейка.

– Феечки, у тебя прям смертельный поцелуй.

– Тьфу тебе на язык! Что с ним?

Зои нависла над телом лягушонка, потыкала пальцем ему в живот. Никакой реакции.

– Не знаю, наверное, душа переносится назад.

– В прошлый раз она сразу перенеслась.

– Фейская пыльца – дело тонкое...

– И что нам теперь делать? – Зои подняла глаза на младшую сестру.

– Для начала давай устроим их поудобнее.

– Я не потащу господина Дрейка на диван. Он тяжелый, а прийти в себя он может и на полу.

– Давай хотя бы перевернем его на спину. – Лаванда потянула Закери за изрядно помятую рубашку.

Совместными усилиями феи устроили Закери Дрейка более-менее удобно. Рядом с его головой, кверху лапами, уложили лягушку.

– Господин Закери Дрейк! Просыпайтесь! Вас же уже поцеловали! – Зои потрясла мужчину за плечо.

Лаванда хмурилась и рассматривала лицо Зака, на котором за несколько дней рыжая борода заметно отросла.

– А он симпатичный.

«Ты только заметила?» – чуть не выпалила Зои и вместо этого сказала:

– Если тебе нравятся рыжие.

– Главное, чтоб они тебе нравились, – заметила сестра и склонилась над Закери. – Как его там? Господин Дрейк? – Лаванда хлопнула мужчину по щеке, а потом еще раз, но уже со всего размаха, так, что его голова аж повернулась в сторону.

Зои покрутила пальцем у виска, но Лаванда только пожала плечами, скрестив руки на груди.

– Подожди, ты сказала, господин Дрейк? Закери Дрейк? – вдруг поинтересовалась Лави взволнованным голосом.

– Ты тоже сказала: «Господин Дрейк», – подметила Зои, заламывая бровь и щипая Закери за плечо.

– Я вот сейчас его хорошенько рассмотрела. Знаешь, а ведь я знаю одного Дрейка, точнее, слышала о нем, и как-то видела портрет в газете. Да о нем все слышали!

– Ты о ком?

– Но этого ведь не может быть, да? – Лаванда нервно рассмеялась и снова внимательно уставилась на Закери.

– Да что не может быть? – начала раздражаться Зои. Два бессознательных тела ее знатно напрягали.

– Чем занимается твой Закери Дрейк?

Вся нервотрепка так измучила Зою, что она даже не поправила сестру на этом ее «твой» и устало ответила:

– Что-то связано с магическими экранами, по крайней мере он открывает лавку именно по их продаже. И еще вроде бы по их производству.

Лаванда икнула:

– Магических экранов? Дрейкаров?

Зоя вспомнила, что видела именно это название на эмблеме на магическом экране Закери.

– Наверное.

– Феечки дорогие, я ударила Закери Дрейка! Я превратила Закери Дрейка в лягушку! – Лаванда снова истерически засмеялась и принялась ходить кругами вокруг Зою, сидящей около бездвижных тел.

– Лави, я очень рада, что ты наконец-то это осознала и признала. Но давай переживать о насущном. Он просто не мог свалиться без чувств от одного моего поцелуя!

– Зою, ты чего, ничего не понимаешь? Да у тебя же тут валяется сам Закери Дрейк! – Лаванда обличительно направила перст на тело Зака. – Феечки, он тут валяется. Без чувств! Бездыханный!

– Он вроде дышит. – Зою приложила ухо к груди Закери. От него исходило приятное тепло, то есть на холодный труп он не походил. – И все же, Лави, чего ты вдруг так возбудилась?

– Зою! Ну в конце концов, ты в каком измерении живешь? Совсем уже тут со своими книжками мира не видишь! Закери Дрейк – разработчик первого магического экрана, или тачпада иначе. Молодой гений! Светило нынешней науки! По крайней мере был пять лет назад. К тому же он глава компании «Дрейкар», сейчас она лидирует в разработке магических экранов!

– Не может быть, – уверенно заявила Зою и глянула на Закери.

– Это точно он! Рыжий! Иначе быть не может. Феечки! Он нас засудит. Они же, эти богатеи, все такие! Он ведь даже тебе не сделает поблажку! Придется продать все подряд. Маме с отцом дом, папе, может, даже придется продать авторство на свои научные изыскания, Офелии и Редклифу – только-только купленную квартиру. Что же будет с Джо? Тебе придется попрощаться с книжной лавкой и со всем своим добром! Какой кошмар! И все это только для того, чтобы оплатить

компенсацию за моральный ущерб, которую господин Дрейк выбьет из нашей семьи с помощью своих умудренных законников!

– Стоп-стоп, Лаванда, что за непонятная паника? – Зои встала на ноги и схватила мельтешившую взад-вперед сестру за руку. – И почему мы все что-то да продаем, кроме тебя? Хотя, видят фейские духи, только твоя пыльца наследила во всей этой истории.

– Да мне же нечего продавать! – возмутилась Лави.

У Зои на этот счет имелись большие сомнения, но ее возражения были остановлены голосом с пола:

– Я не собираюсь требовать никакой компенсации, да и в суд подавать тоже.

Закери Дрейк распахнул светло-серые глаза, искрящиеся смехом, и медленно сел, потирая щеку.

– А чего у меня лицо горит?

– Вы очнулись! – вскрикнула Лаванда и улыбнулась Закери так, как будто не обвиняла его секунду назад в ужасной меркантильности и злопамятстве. – Какое счастье! Вставайте, господин Дрейк, осторожно, не наступите, тут валяется стекло.

Зои в молчании смотрела на представление, устроенное Лави. А еще пыталась не пялиться на Зака, в то время как он не сводил с феи взгляда.

– Зои? – позвал мужчина.

– Господин Дрейк, вот вы и очнулись, – холодно констатировала и так понятное всем Зои.

– Господин Дрейк? – Закери не понял, почему фея вдруг перешла на такой официоз, и почесал затылок, осматривая торговый зал. – Да, дел тут предстоит много.

Зои вздохнула и кивнула в знак согласия, но тут же одернула себя и произнесла как можно спокойнее:

– Это абсолютно не ваша забота.

Как-то резко она осознала, что стоит в одной пижаме, в совсем коротеньких шортах, неумытая и непричесанная. С лягушкой ее это совсем не волновало, но вот господин Дрейк своим видом смутил ее невероятно.

– Зои, но я же...

– Мы приносим свои извинения за все те неудобства, что причинили вам за эти дни.

«Неудобства – это еще мягко сказано, конечно», – поправила себя мысленно Зои. Лаванда рядом энергично закивала головой, не переставая широко улыбаться.

– Надеемся, что вы нас поймете и... простите. – Девушке хотелось взвыть от глупости собственных слов, но она продолжила: – Вы теперь вернулись, с чем мы вас поздравляем. И можете спокойно отправиться по своим делам, тем более, человек вы крайне занятой.

Зои уставилась в пол и увидела, что Клементина начала подрагивать одной лапкой в воздухе, словно брыкалась во сне, но глаз она еще не открывала. Присев на корточки, фея осторожно взяла лягушку в руки.

– Зои, может, мы...

– Нет, что вы, не переживайте, у меня в лавке все под контролем. А у вас своих забот достаточно. Вон ремонт какой... сложный. – Зои прикусила щеку изнутри и наконец осмелилась посмотреть Закери в глаза. Он внимательно следил за ней.

– В общем, всего вам наилучшего! Успехов! Во всем. А, и насчет подсобки. Можете завтра пригласить своих рабочих, пусть ломают и переносят стену.

Лаванда стояла под боком и молча улыбалась. Правда, глаза ее бегали от сестры к господину Дрейку и обратно. Ну разве могла она знать, что у них в отношениях все так запутанно!

Закери кивнул, принимая предложение Зои, и уже раскрыл было рот, чтобы вновь попытаться высказаться, как фея протянула ему на ладони все еще спящего лягушонка.

– И Клементину заберите, вы все-таки с ней уже спелись. Да и лягушкам в книжном не место. Проследите, чтобы она очнулась и... и поела.

Закери осторожно забрал Клементину. Когда на секунду пальцы Зои и Зака соприкоснулись, фея вздрогнула и отвела взгляд.

– Зои, я только...

– Всего доброго, господин Дрейк, – отрезала Зои, страшась любых его возражений.

Ей совсем не хотелось, чтобы Закери вдруг начал предлагать деньги на ремонт или пытаться как-то еще намекнуть на плачевное состояние ее книжного.

Зак кивнул на прощание Лаванде, смерил Зою еще одним долгим взглядом и вышел из лавки, унося с собой Клементину. Фея не совсем понимала, почему вместо облегчения она испытывала сожаление.

– Так, раз все решилось, когда свадьба-то?

Зоя уставилась на сестру, вскинув.

– Какая свадьба?

– Ваша.

– Лави, на полу с картошкой развлекалась вроде я, а не ты. И именно моя голова пострадала.

– Ты, похоже, пока меня не было, развлекалась не только с картошкой.

– А вот с этого момента можно поподробнее?..

Глава 12

Зои смотрела на платье в руках и ничего не понимала. На посылке было именно ее имя, она ведь Зои Янг, тут никаких ошибок, и адрес правильный. Да и название того каталога, из которого она заказала платье, верное.

– Тогда какого гномьего зада? – Фея отбросила от себя платье и, упав на кровать, уставилась в потолок.

Нет, платье было вполне себе приличного фасона – чуть ниже колен, с пышной плиссированной юбкой, зона бюста смотрелась отлично, а шелковый пояс подчеркивал талию. И было всего лишь одно небольшое но – его яркозеленый цвет.

Тут следует кое-что пояснить и перенестись на пятнадцать лет назад, когда Зои исполнилось двенадцать и она сказала маме, что отныне всю одежду будет выбирать сама. С тех пор в ее гардеробе не было ничего красного, голубого, желтого, фиолетового и уж тем более розового, если не считать пикантного неглиже, что Лаванда подарила ей несколько лет назад на день рождения. В общем, ничего кричащего, а только спокойные, пастельные и темные тона.

Так что купить себе дорогущее зеленое платье Зои вот никак не могла. Поправочка. Могла только под действием двух сестер и бутылки игристого.

Последнее время что-то совсем ничего не ладилось. Взять хотя бы Закери Дрейка, ее новоиспеченного «жениха». Он ведь так больше и не объявился в книжном, не то чтобы Зои сильно хотела, но, чего лукавить, надеялась, тем более ей таких трудов стоило объяснить всю ситуацию Лаванде. Явились только рабочие и благополучно снесли стену, теперь фея осталась без десяти квадратных метров. И без большей половины стеллажей.

Зои прикрыла глаза рукой, вспоминая последние дни уборки. Книги она складывала медленно, каждую тщательно проверяя на предмет порчи. Веником орудовала еще медленнее. Торговала из подполья. Торговый зал уже почти неделю тосковал без голосов покупателей. Их, конечно, никогда не было особенно много, но случались очень хорошие дни, когда можно было поговорить о книгах,

посоветовать что-нибудь интересное и походить между стеллажей, переставляя книги, да просто с кем-нибудь поругаться было куда веселее, чем последние дни.

Мысли сразу перескочили на предстоящий званый ужин. Уж если там она ни с кем не поругается, в частности с Эвелиной Гризмор, то жизнь однозначно потеряла свои краски.

– Хватит ныть, – отругала себя Зою и нехотя поднялась с кровати.

Ну, раз Анна устраивает мини-маскарад, то зеленое платье вполне себе подойдет.

«Если что, скажу, что я в костюме зеленки».

Зою решила, что со своими комплексами пора бороться, и в начале следующей недели она непременно купит несколько разноцветных блузок и ярких юбок. После выходных она вообще возьмет себя в руки и начнет все с чистого листа. Сейчас отдохнет с соседями за распитием настоек Виллоби и употреблением съестных припасов госпожи Гризмор, потом выпится как следует, выкинет наконец весь хлам в виде покрашенных стеллажей из лавки и как возьмет да начнет новую жизнь!

В голове у Зою сразу созрел план переустройства книжной лавки. Стоит начать принимать частные заказы, а не торговать чем нравится. Затем Зою возьмется за ум и за счетное дело, чтоб к концу месяца складывать трехзначные числа сразу в голове. С поеданием варенья на ночь за книгой-другой давно пора покончить. Потом необходимо наладить отношения с Эвелиной, ведь они соседи, в конце концов, а не чужие люди. Стоит съездить к родителям и взять Джо к себе на пару дней, чтобы Офелия и Редклиф отдохнули наедине. В общем, жизнь заиграла новыми красками, а собственное отражение в зеркале показалось вполне себе милым. И не так уж зеленый ужасно смотрелся с сиреневыми волосами, как казалось раньше.

С искренней улыбкой на лице Зою и переступила порог дома Анны де Брио. Встретил ее Виллоби в костюме бравого пирата с повязкой на глазу, проводил в сад, где уже был накрыт длинный стол. Да накрыт так, словно гостей ожидается два десятка, а ужин как минимум предсвадебный. Увядавший сад все еще был великолепен. Низкие кусты отцветающих роз были красиво подстрижены, а в клумбах устроились в продуманном беспорядке магические камни, что подсвечивали поздние цветы и траву разным цветом, от бледно-

желтого до насыщенно-синего. От крыши дома по диагонали через сад были пропущены ленты золотых магических огней, и создавалось впечатление, что стол с белой скатертью накрыл купол звездного неба, хотя солнце еще не полностью отдало бразды правления в руки ночи.

Во главе стола сидела госпожа Гризмор, изображающая... картофелину? Зои прищурилась, чтобы лучше рассмотреть костюм Эвелины. Гномиху украшало нечто круглое и коричневое. Виднелись лишь ножки, ручки, да в круглой прорези – лицо. По правую руку от нее сидел Вернон Гризмор. С его одеянием было куда проще – мужчина красовался в поварском колпаке, прилепив под носом игриво закрученные усы. Искусственные волосы, должно быть, щекотали кожу, и гном весело шмыгал носом, словно уже занюхивал и закусывал. Анны не было видно.

– Зои, присаживайтесь. – Вилли галантно отодвинул стул, накрытый кремовой тканью, подвязанной на спинке бантом.

– Госпожа Янг, – радостно поприветствовал Вернон, отсалютовав фее своей шляпой.

– О, а вы шо, госпожа Янг, оделися водевильной красоткой? – без предисловий вознегодовала Эвелина.

Видимо, красная помада была лишней в образе Зои.

– Кем-кем?

– Вернон, шо глаза опустил? – Эвелина хлопнула мужа по коленке. – Посмотри, посмотри, какая срамота, разрешаю.

– А вы, госпожа Гризмор, кем будете? – весело отозвалась фея.

«Какая прелесть, и минуты не прошло, а я уже готова вцепиться ей в волосы. Ну как знала, что вечер будет бодрым!»

– А на шо похоже?

Зои не стала озвучивать, на что похожа коричневая абстракция полуовальной формы, оставив это на долю хозяйки костюма.

– Не представляю! – как можно более честно ответила фея.

Вилли под боком усмехнулся, опрокинув в себя рюмку. Еще не все сели, а он уже готов. Ничего нового.

– Я пирожок! – торжественно провозгласила Эвелина.

Зои хрюкнула, вызвав подозрение во взгляде гномихи.

– С мясом? – сдерживая смех, поинтересовалась Зои.

– Верно, с мясом, – утвердительно кивнула Эвелина, явно довольная, что начинка была отгадана.

– Милая госпожа Янг, вы пришли! – тонким голосом пропела Анна за спиной Зои.

Фея развернулась на стуле и увидела выходящую из стеклянных дверей дома госпожу де Брио. Она была... Просто вся была в розовых рюшках! Каскады кружева и множество оборок покрывали Анну от шеи до пят, из-под многослойной розовой ткани выглядывали одни только тонкие пальцы. Светлые волосы были собраны в высокую прическу, а на самой макушке покачивалась вишенка, подвязанная под подбородком двумя розовыми лентами.

Тонкие губы ярко-розового цвета расплылись в милейшей улыбке. В руках Анна несла торт, украшенный кремовыми розочками.

– Зои, какая вы прелесть! Вижу, я навеяла вам идею костюма!

– Да? – удивился Вилли.

– А разве нет? – скромно потупилась Анна и мелодично рассмеялась: – Вы же колокольчик! Я права?

Госпожа де Брио обвела присутствующих гостей взглядом водянистых глаз.

– Колокольчик? – переспросила Эвелина громко.

– Ну как же, – Анна поставила свою ношу в самый центр стола и показала в воздухе очертания девический фигуры, – вот зеленый стебелек, верно я говорю?

Виллоби энергично закивал головой, рассматривая платье Зои.

– И, – Анна помотала руками вокруг головы, обращая внимание на прическу Зои, а точнее, на цвет ее волос, – в общем, натуральный колокольчик!

– Зои, так кто вы? Водевильная красotka или колокольчик? Вот загадка! – рассмеялся уже и без шуток веселый Вилли, запивая рюмку второй рюмкой.

– Я оставлю это на ваше усмотрение, – улыбнулась Зои и повернулась к Анне: – А вы, думаю...

– Пироженка! – не удержалась женщина и просияла в новой улыбке. – Идея Вилли! Правда восхитительно? – Анна положила руки на плечи мужчине, тот покраснел еще сильнее и приосанился, поправляя алый пиратский пояс на животе.

– Восхитительно, – согласилась Зои, ведь костюм Анне с ее почти приторной внешностью шел невероятно.

– Извините, госпожа де Брио, я стучал, но было открыто, и вот я решил...

В саду внезапно появился господин страж. В костюме королевского стража правопорядка.

– Господин Мурак, мы вас так ждали! – воскликнула радостно Анна, подбегая к новому гостю.

– Да? – не стесняясь, выговорила Эвелина.

Зои была благодарна гномихе, что та озвучила ее мысли. Несмотря на то что госпожа Гризмор строчила кучу жалоб и доносов на соседей, и не только, ее прекрасно знали в местном отделе стражей и как постоянную гостью, ведь на саму гномиху строчили жалоб не меньше. Так что нелюбовь Зои к господину Мураку могла посоперничать только с нелюбовью Эвелины к нему.

– Извините, я с работы, не успел переодеться, – улыбнулся в настоящие усы господин страж.

– Что вы! – Анна взяла мужчину под руку и подвела к свободному месту рядом с господином Верноном. – Мы так рады вас видеть!

По виду Эвелины Зои поняла, что гномиха может поспорить с замечанием Анны. В этом фея была солидарна с соседкой как никогда.

– Тем более ваш костюм будет самым правдоподобным!

– Господин Мурак, – обратился Вилли к стражу, протягивая ему рюмку, – а вот скажите, госпожа Янг у нас водевильная красота или колокольчик?

Взгляды всех присутствующих скрестились на фее.

– Госпожа Янг? – Мурак задумался, морща нос, отчего щеточка усов весело прыгала над верхней губой. – А не кузнечик?

Вилли заливисто рассмеялся.

– Да вы что, волосы-то у нее не зеленые, – возразила Анна тоном воспитательницы детского сада.

– Да-да, конечно, – согласился Мурак, всячески теряя интерес к фее и гипнотизируя протянутую ему рюмку. – Нет, я в форме, нельзя мне.

– Господин Мурак, не обижайте! – грозно просипел Вилли, а с одним глазом получилось это особенно грозно. Господин страж проникся и с крайне серьезным лицом рюмку принял.

Зои оглядела стол. Во главе, прямо напротив Эвелины, оставался пустовать один стул, если не брать в расчет место рядом с господином

стражем, которое собиралась занять Анна. Зои не знала, что за сюрприз устроила госпожа де Брио, и, на самом деле, не хотела гадать. Она вообще сегодня была странно солидарна с гномихой, которая спросила:

– Ну шо? Приступим к трапезе, как говорится?

Зои, перекусившая только с утра двумя яблоками, тут же кивнула.

– Немного терпения. Ждем еще одного гостя, – таинственно улыбнулась Анна, явно вызвав этим замечанием несварение у Эвелины.

– Так мы шо, час ждать будем? В большой семье, как говорится, рот не разевай, а остатки подбирай!

– Дорогая госпожа Гризмор, еще пять минуточек, – уверила Анна.

Эвелина тяжело вздохнула, подобрала края своего костюма и нахохлилась, став похожей на мокрого воробья.

Виллоби, господин Мурак и Вернон под убийственным взглядом Эвелины успели чокнуться. Два раза. Прежде чем розовые слои платья Анны запорхали перед глазами и она встала со стула навстречу гостю.

– А вот и вы, господин Дрейк! Я же говорила, всего пять минут! Прошу любить и жаловать, знакомьтесь – Закери Дрейк, наш новый сосед по Торговой улице.

Зои поперхнулась содержимым подsunутой ей Вилли под шумок рюмки и, вытерев подбородок, развернулась.

Крайне занятой Закери Дрейк стоял собственной персоной посреди сада Анны де Брио. С белозубой улыбкой на гладко выбритом лице. Отражения золотых огней плясали в серых глазах и прыгали на слегка залаченных рыжих прядях. В руке он держал бутылку вина и смотрел прямо на Зои. Фея в ответ рассматривала его.

– Господин Дрейк, так вы с Зои вместе наряды выбирали? – пошутил Виллоби.

И только после этих слов фея оторвала взгляд от лица Закери и увидела его костюм. Зеленый, чертовы валенки, костюм-тройку, рубашку цветом чуть потемнее и зеленую яркую бабочку.

«Нет, ну натуральный клоун!» – мысленно окрестила его Зои и поспешно отвернулась, чувствуя, что щеки заливаются краской. А вот что это она начала краснеть, девушка не совсем поняла и списала на ядреную настойку Виллоби.

– Я лягушка, – поправил Закери. По его голосу Зои, даже не видя мужчину, могла бы с уверенностью сказать, что он улыбается.

– А я так и подумала! – хлопнула в ладоши Анна и засуетилась возле дорогого гостя.

– Присаживайтесь вот сюда, да. О, вы принесли вино! Какая прелесть! Именно то, чего не хватало нашему вечеру. Мы только вас и ждали.

– Да, – подтвердила Эвелина, – так шо давайте, наливайте свое вино. Вернон, придвинь ко мне грибочки.

За столом началась суэта, гости накладывали еду себе на тарелки, одни блюда передавали через стол, другие принимали со всех трех сторон.

Зои сидела, не смея поднять глаз от своих огурцов в тарелке и чувствуя тепло, исходящее от Закери. Оказаться сидящей рядом с Закери Дрейком Зои сегодня не планировала никак. Платье вдруг стало странно жать.

– Ну-ка, господин Дрейк, у нас уже тут традиция родилась, угадаете, кто здесь кто? – спросил Вилли сквозь шум дружного стука вилок о тарелки.

– Конечно, – сразу согласился Зак, – разрешите, начну с самого легкого – с вас. Вы пират.

Вилли поднял рюмку вверх, то ли поздравляя Дрейка с догадливостью, то ли собираясь выпить за его здоровье.

– Господин Гризмор – повар. Вы, госпожа Анна, должен заметить, просто чудесны, и вы, кажется, что-то сладкое? Может, тортик?

Зои посмотрела на засиявший от похвалы «тортик» и не сдержала усмешки.

– Пироженка, – ласково поправила Анна, – но тортик тоже засчитывается, верно ведь? – Госпожа де Брио обвела взглядом гостей.

– Рядом с вами сидит настоящий королевский страж. – Господин Мурак закивал, блестя черными глазами. Мир после пяти рюмок ему явно казался прекраснее.

Закери перевел взгляд на госпожу Гризмор, затем на Зои, раздумывая, кого будет легче отгадать. После недолгих гляделок, он остановился на Эвелине.

«Серьезно?!» – вознегодовала Зои, подарив Закери удивленный взгляд.

– А вот вы, госпожа Гризмор, кажется... нет, точно – пирожок с мясом!

– Вы жульничаете! – засмеялся Вилли. – Вы пока единственный, кто отгадал всех.

Закери улыбнулся, мол, никакого мошенничества, ловкость рук и только.

– Так, ну а госпожа Янг? – хитро спросил Вилли, подмигивая Зои открытым глазом.

– Госпожа Янг... – Закери задумался, переведя взгляд на девушку.

Зои открыто посмотрела в ответ. Не стоило этого делать. Серые глаза веселились. От вида зеленого костюма перед глазами сразу встала лягушка, закидывающая ногу на ногу. Зои заломила бровь, уверенная, что никто не сможет отгадать, в каком она костюме, если она вовсе не в костюме, но Закери Дрейк сумел удивить:

– А госпожа Янг – фея. Просто фея.

Глава 13

Зои сглотнула, пойманная в капкан взгляда Закери.

– Потрясающе, а как вы узнали? – восхищенно спросила Анна.

– А разве это не видно? – вопросом на вопрос ответил Зак.

– Зои, вы правда нарядились в фею? Все так банально? – Виллоби явно был разочарован.

Зои оставалось только кивнуть. Затем выслушать тост Вилли – за женский цветник их пиршества. Тост Анны – за ее любимых соседей и прекрасные летние вечера. Третьим поднялся Вернон. Он всегда говорил хорошо, с толком, чувством, расстановкой, но часто был задавлен обаянием своей жены. Вот и сейчас господин Гризмор улыбнулся всем присутствующим, качнул бокалом вина и был остановлен Эвелиной:

– Милый, сядь, ты уже не стоишь. Я скажу.

Кое-кто за столом уже был не в состоянии возмутиться (Виллоби), кто-то просто не планировал вмешиваться в чужие семейные дела (Анна и господин Мурак), кто-то даже не понял, почему все красноречиво замолчали (Закери), ну а Зои взбесилась. Вот она, например, настроилась послушать Вернона, а то что он постоянно сидит как куст. Ну и, конечно, сорокоградусная настойка Вилли сделала свое дело.

– Эвелина, что вы все время его затыкаете? Он же имеет право высказаться!

Все дружно глянули на фею. Тут Зои сообразила, что сейчас ей самой не стоило высказываться, а то по дикому взгляду ошалевшей Эвелины было ясно, что гномиха готова сделать так, чтобы фея больше не смогла заговорить.

– Шо-то я не поняла, это камень в мой огород? – «пирожок» привстал.

– Давайте без этого, Эвелина. Извините, я погорячилась, говорите свой тост, пожалуйста, – пошла на попятную Зои.

– Нет, вы посмотрите на эту сомнительную грешницу! Шо вы такое говорите, госпожа Янг?! Чресла свои выставили на обозрение, и шо, все можно?

– Госпожа Гризмор. – Зои зло глянула на гномиху, еще давая ей возможность сесть назад и уткнуться в свою тарелку.

Присутствующие за столом притихли, даже лязганье ножей и вилок прекратилось. Закери вообще уставился во все глаза на вскочившую с места недокартофелину.

– Шо? Затыкаете меня уже? Вякнуть силы были, ответить за слова – нет?

– Я не хочу ссориться, – примирительно подняла руки Зои.

– Ой, вот не надо строить святую, мы все знаем, кто у нас на улице вечно крики поднимает! И еще неизвестно, шо вы там за стенками своей клоаки вытворяете!

– Эвелина! Вы меня вынуждаете заметить, что кричите сейчас только вы! – Зои лукавила, она сама не выдержала и вскочила со стула, переходя на крик.

– Шо, правда глаза колет? У нас до вас все было прилично, знаете ли! Это вы чужих мужей соблазните! Вернон уже не знает, куда глаза деть!

«Кто о чем, а пьяный о бутылке...»

– Не надо мне приплетать сюда вашего мужа. Разберитесь уже со всеми своими комплексами плохой жены!

Эвелина прищурилась и скривила губы.

– Конечно, какой нормальный глянет на вас с вашей паклей!

Зои издала стон умирающего и схватила первое попавшееся под руку. Этим первым почему-то оказалась котлета. С тарелки Виллоби. Честно, фея даже не подумала, прежде чем сделать. Как говорится, второй раз на одни и те же грабли. Котлета смачно врезалась аккуратно в лоб госпожи Гризмор и сползла по носу, оставляя сочный маслянистый след. Вот вам и пирожок... с мясом.

Эвелина качнула головой, и котлета приземлилась прямо по центру кремового букета роз на торте. Анна вскрикнула, в ужасе глядя на погребенный под котлетой кусок поля ны.

Зои замерла, прикрыв рот руками, а Эвелина протяжно завизжала, забарабанив по столу кулаками.

– Да шо это делается! Господин страж, вы шо сидите на месте? Тут людей убивают!

– Я... я... – замялся господин Мурак под обвиняющим взглядом Эвелины.

– Да, вы! Вы шо, не видите, шо творится в мире?!

– Так я... – Мужчина вдруг подобрался, словно минутой назад не сидел как кисель, и спросил: – Хотите сделать заявление, госпожа Гризмор?

– Именно! Пишите! Заявляю, что госпожа Янг покушалась на мою жизнь!

– Вот так сразу? – уточнил страж, нахмурившись. – Но протоколы на уголовные дела у меня в кабинете. Такого с собой не ношу. Надо будет обождать, вы с утра приходите в отделение, и все запишем.

– Да, с утра, – поддакнул весело Виллоби, не соображая, с какого утра.

– Да вы шо?! Я до утра, может, не доживу! Вернон, скажи ему! – взвизгнула Эвелина, смахнув поварской колпак мужа.

– Госпожа Гризмор, право, давайте просто... – начал Закери, несмело улыбаясь и не зная, как отреагирует гномиха.

Правильно, что не знал.

– А вы, господин Дрейк, в свидетели пойдете!

– Я? – не понял Закери, и как-то у него сразу отпало желание вмешиваться в женские разговоры.

Зои все это время не сводила взгляда с Эвелины, надеясь, что вот сейчас она очнется, рассмеется, сделает хоть что нормальное. Выйдет, в конце концов, но нет.

«Какое, гномьего зада, покушение?!»

В общем, Зои тоже очень сильно разозлилась.

– А знаете, господин Мурак, я тоже хочу жалобу написать!

Страж подпрыгнул на стуле и перевел взгляд на фею.

– И вы? Тоже покушение?

– Какую жалобу, шо вы городите? На кого жалобу-то, а?! – Эвелина громко засмеялась.

– А что, вам можно стряпать свои писульки каждый день, а мне нельзя? Господин Мурак, я хочу заявить на госпожу Гризмор!

Зои была тверда в своих намерениях, поэтому для пущей убедительности притопнула ногой. Жаль, трава приглушила звук, но попытка не пытка.

– В чем именно жалоба? – деловито спросил господин страж, словно сидел у себя в кабинете за столом в разгар рабочего дня.

– Я обвиняю госпожу Гризмор в клевете!

– Кого? Меня?! Да я, шо бы вы знали, никогда не вру! – Эвелина приложила руки к сердцу, или к печени, в ее костюме это было сложно понять.

– И еще! – вошла в раж Зои. – Добавьте еще! В оскорблении чувств порядочных фей!

– Ха! Да кто тут порядочная фея? Покажите мне пальцем!

Эвелина вышла из-за стола и направилась к Зои. Фея не растерялась и тоже сделала шаг в сторону гномихи. Ну и пусть та была ей по грудь, зато брала шириной.

Гномиха и фея мерились злобой своих взглядов. Еще бы немного, и кто-то бы явно остался без волос. С подбитым глазом и, может, без костюма.

Но тут из-за стола встал господин Мурак, видимо, по профессиональному опыту почуяв, что назревает хорошенький мордovorot.

– Господа, всем надо успокоиться. Все заявления приму завтра, в рабочее время, с восьми до шести. Обед с часу до двух. Госпожа Гризмор, а ваше...

Мужчине не дали договорить, Эвелина в бешенстве оттого, что ей помешали устраивать разборки, да еще начали учить ее жизни, напоминая время работы местного отделения стражей, куда она ходила почти каждый день, развернулась к господину Мураку и закричала:

– Господин Муд... Мудозвон вы! Не мешайте честным гражданам качать честные права! – и просто-напросто развернулась спиной к Зои. Фея икнула. Нет, страж, конечно, мудозвоном был приличным, но мудозвоном в форме.

– Госпожа Гризмор! – заорал тот, как настоящая патрульная сирена на крыше магического экипажа. – Вы только что оскорбили королевского стража! При исполнении! Вы подлежите немедленному аресту!

– Да какой арест! – внезапно даже для самой себя Зои начала защищать Эвелину. – И при каком исполнении? Вы себя видели, господин Мурак? Вы же шатаетесь на легком ветру, глаза уже залиты!

– Госпожа Янг! – Страж явно не ожидал отпора от феи, но тем не менее не растерялся и громоподобного голоса не потерял: – Вы оскорбили честь и достоинство стража правопорядка, носящего форму королевского патруля! Вы подлежите немедленному аресту!

Эвелина фыркнула и шагнула вперед, как бы закрывая Зою. Кинулась на амбразуру, заслоняя собой соседку.

– Да было бы там шо оскорблять!

– Вот именно! – Зою тоже шагнула вперед, вставая плечом к плечу, ну или грудью к голове, у кого как, с Эвелиной. – Вы сначала порядок наведите у себя в отделении, а потом уже аресты законопослушных граждан производите!

– Госпожа Янг! Госпожа Гризмор! Я арестовываю вас по статье сорок три пункт пять за оскорбление представителя королевской власти!

– Шо?! – закричала Эвелина, оглядывая окружающих. – Вернон! Ты шо сидишь! Твою жену арестовывают! Анна! В вашем доме такое творится!

На Анну де Брио было страшно смотреть. Вишенку с головы она сняла и сидела вся бледная, кусая губы, а после слов Эвелины поднялась со стула и нервно затараторила:

– Друзья, ну что же вы, ну что же мы... как же... зачем...

– Госпожа де Брио, извините, но мне придется совершить арест в вашем доме! Я не хотел! Видят святые духи, меня заставили!

С этими словами Мурак быстро обошел стол и подхватил Зою с Эвелиной под локотки. Гномиха, в силу своего роста, встала на цыпочки, и костюм пирожка задрался, оголяя коленки.

Зою попыталась сбросить руку, но господин страж вцепился знатно. Она готова была поспорить, что даже воров при аресте он не держал так крепко.

– Господин Мурак, давайте успокоимся, это какое-то недоразумение, – Закери перегородил стражу дорогу. – Мы все погорячились, но это можно быстро уладить. Отпустите Госпожу Янг.

– Господин Дрейк, мы все уладим, но в отделении. Как только составим протокольчик, так сразу. А пока лучше отойдите, а то и вас придется арестовать. За оказание препятствий при задержании.

– Закери, все хорошо, – тихо вымолвила Зою, стора со стыда и пылая праведным гневом.

Не думала она, что ее званый ужин перед началом новой жизни закончится поездкой до отделения королевской стражи правопорядка.

Помещение для задержанных не изменилось с последнего его посещения Зою. Так же серо, грязно и тоскливо. Господин Мурак был

непреклонен. Им с Эвелиной выписали по предупреждению и грабительскому штрафу. Зои не успела заткнуть разошедшуюся гномиху, которая начала снова возмущаться, и господин страж отправил дам посидеть, подумать над своим ужасным, абсолютно антисоциальным поведением. Такая статья у господина Мурака тоже нашлась.

– Извините меня, Зои, – вдруг услышала фея и не поверила своим ушам.

Эвелина привалилась в своем изрядно потасканном костюме пирожка к стене.

– Шо-то я не думала, шо наш господин, сами знаете кто, такой неженка.

Зои усмехнулась и обхватила себя за плечи. В камере было куда более прохладно, чем на улице летней ночью.

– Я бы вам дала кусочек костюма, но... – Эвелина наклонилась ближе к Зои и смущенно прошептала: – Я под ним голая, как младенец.

Зои не удержалась и прыснула.

– Неожиданно, – призналась фея.

– В каждой женщине живет водевильная красотка, шо же тут говорить, – улыбнулась в ответ гномиха.

И Зои почувствовала странное умиротворение. Вот никогда бы она не подумала, что у нее может состояться такой разговор с госпожой Гризмор.

– Вы когда нас выпустите, охламоны зубастые? – заголосила Эвелина, вглядываясь в темноту коридора за решеткой.

– Мы-то тут долго можем сидеть, а вот вы с нами долго не выдержите! – закричала следом Зои.

Эвелина положила руку на плечо феи и кивнула.

– Мое уважение.

– Сейчас вас выпустят, – произнес вдруг третий голос, не принадлежащий ни одному из стражей.

За железными прутьями стоял Закери Дрейк в своем отвратительно ярко-зеленом костюме.

– Господин Дрейк, шо вы за прелесть! Вы, случайно, не женаты? – поинтересовалась кокетливо Эвелина.

– Случайно нет, но вы, госпожа Гризмор, случайно замужем, – усмехнулся Закери, смотря на Зою.

– Тут ваша правда, – печально согласилась Эвелина, – хотя мой Вернончик тоже не лыком шит.

И действительно, Вернон Гризмор уже стоял перед дверью отделения стражей и ждал свою не слишком законопослушную жену. Наверное, только вид Вернона в порванном поварском колпаке и урезонил Эвелину, и она плюнула в дверь местного отделения королевской стражи только один раз, а не сотню, как грозились.

Закери без слов накинул пиджак кричащего зеленого цвета на плечи Зои, когда они оказались на улице и проводили взглядом укатывающую в закат чету Гризмор.

Зоя не стала строить из себя самодостаточную хозяйку книжной лавки, приняв пиджак с мужского плеча.

– С тобой не соскучишься.

– Не жалею, – согласилась Зоя. – Спасибо, что вытащил нас.

– Я даже чувствовал себя почти виноватым, что не остановил это еще в доме госпожи де Брио.

– А почему не остановил?

– Честно? Да я просто испугался госпожу Гризмор в костюме картофелины.

Зоя звонко рассмеялась.

– Так все-таки картофелины?

– Ну, я прикинул, что она при своей натуре и ремесле скорее нарядится пирожком, чем картошкой.

– Да вы просто очень умный, господин Дрейк! – ехидно заметила Зоя, весело посматривая на Закери.

– Не жалею.

Мужчина остановился, вынудив замедлить шаг и Зою. Фея огляделась и осознала, что все это время просто шагала рядом с Закери, не зная, куда они идут и зачем. Было так просто и так легко.

– Зоя, я знаю, мы мало знакомы, да и можно ли вообще назвать наше знакомство нормальным?

Фея промолчала, ожидая, что же Закери Дрейк скажет на этот раз, и он ее не подвел в ожиданиях.

– Разрешешь мне тебя поцеловать?

– Наверное, я тебя ударю, если ты этого не сделаешь. Или позову Лави и снова превращу в...

Зои не успела договорить, Закери наклонился и накрыл ее слишком болтливый рот своими губами. Фея растаяла. Она приподнялась на цыпочки и утонула в тепле мужчины, обнимающего ее в тепле ночи, в тепле начала новой жизни. А еще зеленый цвет показался самым-самым красивым из всех существующих. Наверное, потому, что в такой волнующий момент в ее жизни глаза Зои Янг оказались в районе зеленой бабочки Закери Дрейка.

Заклучительная глава

«И зачем я на это согласилась?» – в который раз ругала себя Зои, плетясь к «Александрии» с баулами домашних солений. Поездка к родителям была крайне продуктивной – маме удалось всучить Зои все, что она планировала, успокоив тем самым свою материнскую душу. Ну, хоть Закери обьестся малосольных грибочков...

Зои устало выдохнула, оказавшись на пороге своего книжного. Пристроив сумки к стеночке, нашла ключ, но когда вставляла его в замок, поняла, что дверь открыта. По спине прошелся холодок. Никогда в жизни она не забывала запереть дверь лавки. Да ведь там вся ее жизнь!

Толкнув дверь, Зои одновременно обернулась на булочную Эвелины, надеясь, что гномиха подглядывает за ней в окно и в случае самого страшного прискачет на помощь.

– Эй! Я уже вызвала стражу!

– Только не господина Мурака! – раздался громкий шепот из глубины лавки, и Зои ругнулась.

– Зак, ты меня напугал до чертиков!

Фея щелкнула пальцами, включая магические светильники, и замерла на месте. Закери Дрейк стоял посреди торгового зала, засунув руки в карманы брюк и по-мальчишески улыбаясь.

– Это что такое?

– Сюрприз! – радостно провозгласил Зак и взволнованно спросил: – Нравится?

Но он подобрал не очень подходящее слово для описания эмоций девушки. Зои подошла к Закери и осмотрелась. Никаких самодельных полок взамен разбитых стеллажей, никаких сиротливо пристроенных по углам и коробкам книг, которым пока не нашлось места. А вместо этого – новые длинные стеллажи из дуба цвета темного шоколада, со стеклянными стенками-перегородками. Книги были аккуратно выстроены в ряд одна к другой. Около прилавка встал высокий, до самого потолка, шкаф с витражными дверцами и позолоченными под старину ручками с витиеватым узором лавра. Из-за стекла на Зои посматривали корешки коллекционных изданий. У окна пристроился

круглый столик на изящно изогнутых кованых ножках, а столешница была покрыта мелкой мозаикой. Издалека картинка складывалась в цветочное поле. Два стильных кресла, обитых темно-зеленым дамастом, стояли рядом.

Но в самое сердце Зои поразил потолок. С него на тонких, почти невидимых нитях по всему периметру торгового зала свисали разноцветные бумажные лягушки. Вся сотня друзей Джо-Джо. Они были словно россыпь звезд на темном небе.

– Это... у меня нет слов, – выговорила наконец Зои, так и не сумев подобрать подходящих слов, чтобы выразить свой восторг.

Закери счастливо улыбнулся и, наклонившись, быстро чмокнул фею в кончик носа.

– Тетя Зои! – послышался веселый голосок Джо.

Девушка выглянула из-за спины Закери и увидела племянника.

– Джо-Джо, ты как тут оказался?

– Мы с Клементиной пришли помочь дяде Заку. – Мальчик поднял круглый аквариум, в котором устроилась красноглазая лягушка.

– Я на время приватизировал у Офелии ее сына, с лягушками мне правда нужна была помощь. – Закери красноречиво глянул на потолок.

Дверь лавки вдруг отворилась, и с громким возмущением в «Александрию» явилась Лаванда Янг.

– Вы чего сумки со стратегическими запасами бросаете на улице?

Увидев прижимающихся друг к другу Закери и Зои да хлопавшего рядом с ними глазами Джо, Лави правильно расценила обстановку и, смахнув пыльцу, отчего сумки с соленьями и вареньями дружно скособочились под дверью, усмехнулась:

– А вы тут уже все сюрпризы без меня раздали, я смотрю.

– Долго ходите непонятно где, – заметил Закери.

– Подождите, вы что, все это планировали? – Зои отстранилась от Зака и посмотрела на него новым взглядом.

– Конечно! – ответила Лави вместо мужчины. – А ты думала, кто тебе спроектировал дизайн твоей теперь супермодной книжной лавки?

– Идея с лягушками – моя! – поспешил заметить Закери.

– А делал их я! – напомнил Джо-Джо, обнимая аквариум.

– Какие вы все у меня молодцы, – улыбнулась Зои, возвращаясь в любимые объятия Закери.

– Ну-ка, Джо, пойдем ставить чай и открывать торт, – Лаванда потрясла небольшой белой коробкой, перевязанной шпагатом, – и ты расскажешь мне, как поживает Клементина.

– Тетя Лави, а ты что, знаешь Клементину? – удивился Джо-Джо.

– О, я очень хорошо знаю нашу дорогую Клементину.

Зои проследила, как сестра с племянником под ручку скрылись из вида, и снова посмотрела на Закери, наградив его нежнейшей из своих улыбок.

– Ты чудо, – признала Зои. Нет, ну ведь правда – ей сказочно повезло отловить такого мужчину.

– А ты фея, настоящая фея, – прошептал Закери в самые губы Зои. Настоящая фея была совсем не против очень настоящих и очень долгих поцелуев.

Конец

Анастасия Мамонкина

Фиалки расцветают в полночь

Когда в любви откровенно не везёт, всегда есть вариант с головой нырнуть в работу. А если работа по-настоящему волшебная, то и выныривать не захочется. Но одно опрометчивое назначение, одно молчаливое согласие и всё, конец – годы праведного труда катятся в тартарары, превращая любимый офис полуфеи Фиалки в филиал популярного ток-шоу, участвовать в котором нет ни малейшего желания.

Остаётся одно – бежать! Куда угодно! Хоть к гоблинам в Туманный Альбион! Они как раз зачем-то приглашают в гости...

Часть первая, биографическая

– Добрый день, Фиалка Эдриговна, – поприветствовала меня Лили, прошмыгнув мимо по коридору. Я с завистливой тоской посмотрела ей вслед. Тоненькая, звонкая – молоденькая блондиночка, буквально вчера с институтской скамьи соскочила. Улыбчивая, с сияющим блеском глаз... ну настоящая фея! Не то что я, унылая гримза-руководитель.

Нет, в коллективе меня любили. Даже за глаза не обсуждали, перебивая косточки родне. А ведь было за что! Начать хотя бы с того, что моя матушка, лёгких ей крыльев и долгих лет полёта, умудрилась влюбиться в иностранца. Нет бы в легконогого сатира из Бразилии или черногривого льва-оборотня из Нигерии – и интернационально, и экзотично, и просто глазу приятно взглянуть. Нет, вздумала испортить генофонд семи поколений, выскочив замуж за гоблина!

Фея. За гоблина. Ну что могло пойти не так в этом союзе?

В мамину защиту стоило сказать, что облик сэра Эдрига Кривого Зуба в противоположность канону и собственному имени был весьма привлекательным. Если не приглядываться и абстрагироваться от едва заметной зелени кожи и острых ушей, так и вовсе на гоблина не похож: высокий, статный, с ровными зубами и колдовской зеленью глаз. Сразу ясно, на что клюнула молоденькая феечка, впервые выбравшаяся в заграничную поездку. А если прибавить к привлекательной внешности манеры британского джентльмена и типичный акцент уроженца «зэ кэпитал оф Грэйт Британ»... В общем, у мамочки не было шансов. В любовь она рухнула, как в омут с головой. А через девять месяцев на свет появилась я. Девочка, как и положено фее, хотя в семье отца испокон веков рождались одни мальчики. Дивный ангелочек с цветочным именем и фиалковыми глазами, за которые мне и дали имя.

Поначалу никто не замечал странностей, я росла весёлым, активным ребёнком, радуя всю интернациональную семью. Отец меня обожал, мама не могла налюбоваться, а бабушки и дедушки с обеих сторон души не чаяли, умиляясь чарующей красоте малышки-феи. Обычно так оно и бывало – у любой феи, несмотря на выбор спутника

жизни, всегда рождались лишь девочки. Когда феи, когда люди, изредка маги или оборотни, перенимая отцовскую расу. Но бывало такое редко, фейская кровь сильная. Доминантный ген, как говорится. Вот и от меня не ждали никаких сюрпризов.

Но и гоблинская кровь, как оказалось, не водица. Изменения начались аккурат в переходном возрасте. Вспышки гнева, истерики... да кто не проходил этой эмоциональной встряски в пубертате? У кого-то гормоны шалют, настроение скачет, прыщи на пол-лица, а у меня позеленели волосы. Вот так резко, внезапно, когда во время одной из ссор с родителями я в сердцах топнула ногой, золотистые кудряшки, встав дыбом, зазеленели аки весенняя листва. И глаза, предатели такие, полыхнули гоблинской зеленью.

Потом я, конечно, успокоилась. Причёска вернулась к исходному состоянию, а глаза – к природному цвету, но определённый звончок даже не прозвенел, прогремел набатом, перепугав всех родственников до седьмой воды на киселе. Это ж что за чудо-юдо такое, фея-гоблин?

Затем были бесконечные походы по врачам, гадалкам, практикующим ведунам и шаманам. Во мне искали бесов, проклятия и смертельные заболевания, на первых порах приводящие к позеленению кожи и волос. Поначалу я сдерживалась, спокойно высиживая и вылёживая на приёмах и медитациях, но терпение мое оказалось не бесконечным. Распиаренный психолог, высокомерно назвавшая моё состояние психосоматическим, посоветовала поменьше смотреть ужастики и перестать менять облик, пугая родных. И вот там-то, на мягкой кушетке в маленьком кабинете, я позеленела от злости уже вполне осознанно, со знанием дела. Сверкающие зеленью глаза, волосы-иглы, клыкастый оскал... гоблины, когда их кровь веками не разбавляют люди, выглядят весьма пугающе. А я, кажется, ещё и какую-то боевую форму умудрилась принять.

В общем, прославленный психолог после этого скоропостижно ушла в бессрочный отпуск, после так и не вернувшись в профессию. А меня начали изучать вдвое интенсивнее, уже без привлечения разнообразных шарлатанов от мира магии и науки.

Выяснилось, что гоблинские гены оказались коварными. Доминантные по своей сути, как и матушкино наследие, при смещении они выдали такую необычную спираль ДНК, что светила генной инженерии за голову хватались и советовали сдать меня на опыты и не

мучиться. Я на опыты сдаваться не желала, зло сверкала изумрудами глаз и прятала зелёные руки от медсестёр, алчущих моей уникальной крови. Родители, впрочем, были на моей стороне, спешно увезли от бдительного ока Совета к отцовским родственникам в Англию и спрятали в закрытой частной школе.

Увы, прижиться среди британской публики мне не удалось. Даже чопорным англичанам зеленеющая от эмоций фея показалась чрезмерно экзотичной, хотя пару лет я умудрилась проучиться почти спокойно, до первой своей влюблённости.

Его звали Чарльз, как принца. И внешне он казался каким-нибудь сказочным героем – синеглазый брюнет с обаятельной улыбкой, на котором даже нелепая школьная форма в косую клеточку сидела просто великолепно. Мы гуляли по цветущему саду, беседуя о всякой ерунде. Он держал меня за руку, чуть поглаживая ладонь кончиками пальцев, и я чувствовала себя самой счастливой на свете.

А потом он меня поцеловал. Нежно, почти робко, невесомо приобняв за талию, но сердце бешено заколотилось в груди, а в животе закружились пресловутые бабочки. Губы у Чарльза оказались тёплые и мягкие, дыхание отдавало мятной свежестью, так что целоваться с ним мне определённо понравилось, хотя сравнивать было не с кем. Казалось даже, что за спиной распахнулись крылья, а кожу закололо иголочками удовольствия.

Время растянулось. Застыло, окружив нас коконом, защищающим от всего вокруг – от любопытных взглядов сокурсников и возможного неодобрения преподавателей. И не было никаких звуков, даже пение птиц стихло, только суматошно стучало влюблённое девичье сердечко, познавшее новое и такое сильное чувство.

Оторвавшись от моих припухших губ, Чарльз сперва улыбнулся, но улыбка внезапно завяла, глаза изумлённо расширились, а аристократически светлая кожа приобрела совсем не аристократическую синеватую бледность в малиновую крапинку. Заковыристо ругнувшись на языке Шекспира, он отшатнулся от меня, как от прокажённой, и рванул прочь по тропинке, петлявшей среди цветущих каштанов, истошно визжа что-то про жутких русских ведьм и чьих-то матерей.

Первую секунду я оторопело стояла на месте, не понимая, что это сейчас произошло. Почему мой принц, сверкая пятками, умчался в

закат сразу после первого поцелуя? Хотела махнуть рукой, крикнуть хоть что-то вслед, чтобы задержать, но обратила внимание на свою руку. Нежно-зелёную, в тон ровного газона под ногами. Зато сразу понятно, почему Чарльз трусливо сбежал от своей прекрасной феи. Потому что красавица теперь наглядно иллюстрировала историю о принцессе-лягушке, по крайней мере своим колером. И ведь случилось всё совсем как в сказке. Только в оригинале лягушка от поцелуя превратилась в человека, а у меня вышло с точностью да наоборот.

Скандал удалось замять – родственники отца вежливо извинились перед родителями Чарльза за чашечкой чая, клятвенно уверяя, что «коварная русская девица» ни коим образом не пыталась обманом склонить юного воздыхателя к женитьбе, никакими зельями не травила и облик свой не меняла. И вообще, это сущее недоразумение, а вот реакция Чарльза, если что, вполне может быть расценена как проявление расизма. Да, зелёная кожа. Да, чуть заметны клыки. Ну а что, такая уродилась. И вообще, разве детям гоблинов запрещено получать образование?

В искусстве ведения беседы моим кузенам не было равных – семейство Кривой Зуб уже пару веков занималось юридической и адвокатской практикой. Защищать права расовых меньшинств в последние годы поднаторели настолько, что даже их гоблинская природа уже никому не бросалась в глаза. По крайней мере указывать на неё никто не смел, побаиваясь встречных исков и всеобщего порицания. Это же Англия, колыбель магической толерантности, здесь нельзя делить людей и нелюдей по прикусу и цвету кожи.

Но слухи всё-таки просочились, и косо поглядывать на меня начали все без исключения, за глаза называя гоблиншей. Слух у меня был хороший, так что зеленеть от гнева, зло стискивая кулаки, я стала всё чаще и чаще, пока под конец учебного года сама не попросилась куда подальше из этого элитного гадюшника.

Прощалась с Лондоном я безо всякой печали, хотя дядюшки и кузены уговаривали остаться. В сентябре поступила в обычный колледж прикладного волшебства, который когда-то заканчивала мама, и пыталась максимально абстрагироваться от своей инаковости. Я же фея? Фея. А феи всегда улыбчивы и не ведают грусти.

Но кое в чём я всё-таки отличалась, и поделаться с этим ничего не могла. Пока подружки по колледжу бегали на свидания, я училась,

потому что пара попыток завести хоть какие-то отношения приводила к одному и тому же финалу. Как бы я себя ни контролировала, как бы ни старалась «удержать» лицо, рано или поздно какие-то эмоции вырывались наружу, а вместе с ними и зеленоватый гоблинский облик. А извращённых любителей травянистых оттенков в женском лице мне что-то не попадалось.

В общем, неудивительно, что с такими «особенностями» и после выпуска моя личная жизнь складывалась, мягко говоря, неважно. Ну кому захочется в пылу ссоры (а то и страсти) лицезреть перед собой болотную ведьму вместо волоокой красавицы? Вот я и плюнула на поиск того единственного и на устройство своего счастливого семейного гнёздышка, с головой уйдя в работу. Была ведь обычной штатной феечкой каких-то пять лет назад, а сейчас большая шишка, руководитель проекта, с полсотни крылатых волшебниц в подчинении.

Мне моё дело искренне нравилось. Да любой, наверное, был бы счастлив, исполняя чужие желания, – душевные улыбки, восторг в глазах, сугубо положительные эмоции... Хочешь не хочешь, а сама всегда улыбаешься в ответ. И для феи всё это как божественный нектар, амброзия, так что только в радость купаться в светлых чувствах. И сила от такого растёт, и желание творить.

Тот, кто придумал когда-то создать бизнес на феях, настоящий гений. Нам ведь тоже жизненно важно тратить свою магию, а не копить и беречь для особого случая, когда родится какая-нибудь неудачливая принцесска или бедная родственница соберётся на бал. А тратить эгоистично, на собственные мечты, нельзя – табу. Пару раз колданёшь втихаря, и всё, расстанешься с силой. Я, увы, даже знала таких несчастных, променявших бесценный дар на эфемерные желания.

Но мои девочки работали на ура. Круглый год, при любой погоде дарили людям и нелюдям радость строго с девяти до шести пять дней в неделю. Да-да, волшебство волшебством, но трудовой кодекс и правила внутреннего распорядка никто не отменял.

Правда, иногда приходилось и перерабатывать, задерживаться у клиентов и в офисе, заполняя бесчисленные бумаги для отчётов. Или выходить в праздники, по спецзаказам и указаниям сверху. А я как руководитель целого подразделения так и вовсе порой дневала и ночевала на работе, покемарив пару часов на диванчике в своём

кабинете или по уши залившись тонизирующими зельями. А как иначе? Большая должность – большая ответственность, это ещё классик Стэн Ли говорил.

Часть вторая, соискательная

Дел после майских праздников у нас в подразделении оказалось выше крыши. Феечки носились по пространственным коридорам как ошпаренные, клиенты закидывали электронными письмами и донимали телефонными звонками... всем, всем аккуратно за месяц до начала лета хотелось поскорее и без особых усилий исполнить одну заветную мечту – похудеть.

Вроде бы и надо радоваться клиентской активности – в стране вообще-то кризис, нефть дешевеет, и турбизнес нервно курит в сторонке из-за закрытых границ, но мы банально не справлялись с возросшим спросом. Феи ведь не ломовые лошади, чтобы творить волшебство без сна и отдыха, тут и настроение особое нужно, и вдохновение, чтобы чья-то заветная мечта ненароком не обернулась кошмаром.

Выбора не было, необходимо срочно пополнить штат. И не только парой-тройкой волшебниц, чтобы иметь резерв на случай форс-мажора, но и квалифицированным дипломированным магом, который готовил бы технические задания и векторы силы для типовых желаний, потому что наши методички, выданные ещё Советом вскоре после создания организации, безнадежно устарели и не соответствовали современным мечтам. И как только выбить у головной корпорации бюджет под кадровые нужды? Один маг, если хоть что-то смыслит, стоит минимум как пары феечек. А ведь нужно ещё премии предусмотреть, отпускные, больничные, рабочее место организовать со всей оргтехникой... Ох, да проще самой изучить методологию, чем отыскать сотрудника на минимальную ставку! Я почти не сомневалась, что выбить среднерыночный оклад у вышестоящего руководства не выйдет, а за меньший придёт разве что вчерашний студент или дама предпенсионного возраста, которая будет вечно отлучаться посидеть с внуками. Но вакансию, скрепя сердце, разместила, оставив графу с зарплатой пустой. Может, повезёт и найдётся кто подходящий. Должно же мне хоть в чём-то повезти?

Кандидаты посыпались как из рога изобилия в тот же час. В большинстве своём, как я и предполагала, студенты последнего курса,

готовившиеся к выпуску. Меня такие варианты не устраивали. Мало того что им ещё до диплома полтора месяца экзамены сдавать, так и практики ни у кого нет, а специалисты нужны в самое ближайшее время. И чем быстрее, тем лучше: из-за аврала девочки начали делать банальные ошибки. Одному клиенту вместо собаки редкой породы льва подсунули, другому вместо желанной майской грозы – козу с характерным шрамом на лбу, как из песни... Гора служебных записок неумолимо росла, как и градус клиентских возмущений, но я уже не представляла, за что хвататься и чем помочь. Хоть сама расчехляй волшебную палочку, распахивай крылья и выходи на передовую, но кто тогда займётся административными проблемами?

К концу недели я уже серьёзно подумывала над тем, чтобы уйти на покой. Уволюсь, перееду в пригород, огород разведу и буду жить натуральным хозяйством, благо у феи все растения растут как на дрожжах и плодоносят, как в последний раз. В мечтах мне виделся даже какой-нибудь красавец-фермер, положивший глаз на одинокую девушку, спрятавшуюся в деревне от городской суеты. Но мечтам, разумеется, не грозило обратиться былью – даже фермеры, пожалуй, не настолько любят природу-матушку, чтобы спокойно воспринимать в качестве спутницы жизни зеленокожую, зеленоглазую и зеленоровосую девицу, будь она хоть трижды умница, красавица и на короткой ноге с агрокультурами. Эх...

Лили прибежала ко мне под самый конец рабочего дня. Счастливая до невозможности, будто замуж собралась. Может, и вправду собралась? Вон листок какой-то в руках, наверняка заявление на отпуск или увольнение по собственному. Так я и думала, что эта красотка для каждодневной рутины не предназначена.

Но не успела я как следует опечалиться скорым уходом талантливой сотрудницы, как вышеупомянутый листок лёг мне на стол. Не заявление – резюме. И какое... Ясно, отчего Лили сияла начищенной монетой. Это же именно тот, кто нам нужен! Навыки, опыт, образование, – всё, как я мечтала. Надеюсь, Лили его не наколдовала, а в базе объявлений нашла, иначе проблем не оберёшься, когда кандидат откажется устраиваться и задумается, кто вообще внушил ему прийти на собеседование в «Magic incorporated».

– Зови, – жарко выдохнула я, вцепившись в отпечатанный лист, как в спасательный круг, будто боялась, что он вот-вот исчезнет,

растворится, как недолговечная иллюзия. – Пригласи завтра на девять утра. А не сможет... а если не сможет, пусть сам обозначит время, но собеседовать по «Скайпу» точно не буду, такой самородок надо разглядывать вживую. И любоваться.

Лили послушно упорхнула, а минуту спустя на селекторе загорелась красная лампочка вызова секретаря.

– В девять, – счастливо пискнула юная феечка и отключилась.

А я, с трудом стерев с лица дебильную улыбку, заново углубилась в печатный текст.

Владислав Анатольевич Дубцов, значилось в резюме. Тридцать два года, магистр магических наук, лауреат каких-то научных конкурсов, с обширным опытом в сфере прикладной магии и направленных проклятий. Фото, кстати, не приложено, да и раса не указана. Придёт какой-нибудь... гоблин, а то и домовый с полметра ростом. И ведь отказывать представителям малых народностей чревато, они после такого во все инстанции жалуются, что их трудовые права ущемляют. Лично я ничего не имела против видового разнообразия маг-сообщества, но в устоявшийся коллектив просился кто-то как минимум человекообразный и желателно нормального роста, чтобы не менять мебель на специализированную. А то ведь низкорослик, если подумать, даже до кнопок в лифте не достанет и дверь ключом откроет с большим трудом.

Следующего дня я ждала с замиранием сердца, будто не встреча с магом планировалась, а свидание с будущим мужем. И у зеркала в попытках замаскировать зеленеющую от волнения кожу провела предосудительно много времени для женщины, которой нет ещё тридцати. Я вообще красилась редко – ни к чему это феям, мы от природы прекрасны, но смутить кандидата неестественной зеленью было бы слишком обидно, поэтому кожу ровным слоем покрывала маскирующая пудра, начисто замаскировав и пробивающуюся гоблинскую суть, и лихорадочный румянец.

В офис я примчалась за четверть часа до назначенного времени. Успела раздать парочку странных указаний, налить себе две чашки кофе и обе же расколотить, не удержав в дрожащих руках. Ох, да такого мандража со мной на экзаменах-то не случалось! До девяти оставалось меньше пяти минут, и я проворно юркнула в свой кабинет, но даже на любимом кресле сидела как на иголках.

И вот в дверь постучали, в проём просунулась светловолосая головка Лили, озарённая улыбкой до ушей как прожектором, а ей на смену в кабинет вошёл он – мой идеал. И не только в плане рабочих качеств.

Такого кандидата я, признаться, не ожидала увидеть даже в смелых эротических фантазиях, и в первую секунду, с первого взгляда едва не влюбилась в мужчину, вошедшего в мой кабинет. И было отчего: высокий статный блондин с чарующими изумрудными глазами казался каким-то ненастоящим, нереальным. От голоса, которым он озвучил короткую просьбу войти, мурашки на коже встрепенулись и синхронно рухнули в обморок. Сама я в ответ прошептала что-то невразумительно-утвердительное, но мужчине с обложки хватило и тихого бляения, чтобы уверенно пройти к столу и расположиться в кресле.

Чёрт, да вблизи он ещё краше! Может, это какая-то иллюзия, обман зрения? Таких идеальных людей не бывает! На коже ни единого прыщика, ни одного лишнего волоска. А сами волосы сияют, как в рекламе шампуня – абсолютно гладкие и прямые, полная противоположность моим диким кудряшкам, выкрашенным в насыщенный фиолетовый цвет. Только из-за пристального внимания к гипнотической причёске я смогла наконец заметить, что передо мной не человек. Острые уши почти не выделялись – то ли от природы, то ли от удачной пластики, наверняка позволяя эльфу без труда скрываться в людской толпе. Если, конечно, такой красавец вздумает вдруг от кого-то скрываться.

Гладкое лицо, в меру широкие плечи, мужественная грудь... о да, эльфы – настоящие образчики красоты. Чисто эстетически любоваться представителем эльфийского рода-племени можно бесконечно, но мне этого идеального мужчину ещё поговорить, а это ой как непросто. О заносчивости, надменности и невозможном занудстве великих и прекрасных ходили настоящие легенды. И правды в них было куда больше, чем художественного вымысла.

– Здравствуйте, – наконец-то собравшись с мыслями и подобрав слюни, сказала я. Вроде произнесла уверенно, как и положено начальнику, а не пискнула и не дала петуха. Теперь главное продолжить беседу на том же уровне.

– Здравствуйте, – настолько проникновенным голосом отозвался кандидат, что мне сразу стало трудно дышать. Он точно эльф, а не инкуб какой-нибудь? Или это я, непривычная к мужскому полу на расстоянии вытянутой руки, слишком остро реагирую? Охо-хо, это плохо. Очень плохо. Нет ничего хуже в тесном женском коллективе, чем безответно влюблённая фея-руководитель. А если она ещё и наполовину гоблин... нет-нет-нет, не надо нашему скромному подразделению такого счастья. И красавцев-магов с платиновыми волосами и безволосой твёрдой грудью тоже. Спасибо, обойдусь. Всё равно мне такое богатство при всём желании не светит.

Дрожащими пальцами подхватив со стола резюме, я важно кивнула гостю, предвкушая занимательный экскурс в череду профессиональных побед, но Владислав Анатольевич (его отца реально зовут Анатолий? Эльф – Анатолий? Серьёзно?!) почти дословно повторил данные из анкеты – коротко и сухо, без прежней воркующей интонации. Но даже такой, сугубо безэмоциональный, эльф был чертовски хорош. Я с трудом могла оторвать взгляд от его идеального лица, перескакивая то на плечи, облачённые в белоснежную сорочку, то на холёные руки, раздражающе спокойно лежавшие на столе. Владислав явно чувствовал себя хозяином ситуации, а вот я порядком разнервничалась.

Эх, говорила мне мама почаще ходить на свидания, а не жить одной лишь работой. Теперь пожинаю плоды многолетнего непослушания – совсем отвыкла от мужчин в непосредственной близости и не представляю как себя вести, чтобы не поддаваться на природное обаяние. И хватит уже пожирать глазами красивую мордашку, надо думать о работе! О своём коллективе влюбчивых юных феечек, к которому эльфа и на пушечный выстрел подпускать нельзя!

– Боюсь, вы нам не подходите, – вынесла я неутешительный вердикт, едва Владислав закончил свою речь. Но если я надеялась таким образом быстро отделаться от эльфа, то сильно просчиталась. Мужчина от моего отказа как-то весь подобрался, расправил плечи и недовольно прищурился:

– Это ещё почему?

– Квалификация не та, – наобум лягнула я. – Судя по резюме, вы теоретик, а нам нужен практик, с опытом...

– Вот как? – вскинул ровную бровь Владислав. Больше на идеальном лице ничто не выражало недоумения. – А я думал, как раз наоборот, это ваша вакансия не соответствует моему профессионализму. Я, вообще-то, старший научный сотрудник, выдающийся маг, с десятками успешных опытов за спиной...

– Хватит петь дифирамбы самому себе, – поморщилась я, жестом останавливая чрезмерную словоохотливость эльфа. – Сюда-то вы зачем хотите устроиться?

– Мне интересна прикладная магия, я много лет занимался её исследованием в лаборатории.

Вот так фрукт. Эльфов вообще редко тянет к прикладной науке – они чаще тяготеют к философии, литературе и высокому искусству, познать которое недоступно всем, кроме избранных. А этот ещё и на удивление молод, если анкета не врёт, но уже посвятил долгие годы изучению магических заклятий.

– А что же по-прежнему в лаборатории не сидится?

Логичный вопрос вызвал логичную реакцию – Владислав нахмурился, поджав губы, затем неохотно выдавил:

– Вскоре после распада Совета нас расформировали, финансирование уменьшили, опыты сократили...

– Ясно, – вздохнула я. Таких идейных товарищей после скандала с Советом и вправду оказалось много на рынке труда. В частные фирмы они идти категорически не хотели, а государственные учреждения уже не могли предложить им работу. Это на ниве прикладного волшебства небывалый всплеск после недавних указов министра, а наука потихоньку угасает, тем более многие опыты, проводимые по прямому приказу Совета, признаны неэтичными, а некоторые вовсе незаконными и негуманными. Одно только существование генетически выведенной расы нелюдей чего стоит! В том жутком эксперименте более четверти века назад даже феи участвовали, вот ужас-то.

Впрочем, что-то я отвлеклась. У меня же тут целый чистокровный эльф желает устроиться на работу!

– Послушайте, я уверен, что мой опыт весьма пригодится в вашей сфере, – проникновенно улыбнулся Владислав, и слабое женское сердечко всё-таки ёкнуло. Красивый, паршивец. Особенно когда улыбается.

– Увы, не думаю, что могу предложить зарплату, соответствующую вашей квалификации, – холодно отозвалась я, мысленно подсчитывая, сколько на самом деле может стоить моему отделу такой вот специалист. Наверное, если уволить с десяток феечек и самой мыть полы после работы, можно наскрести бюджет на ближайшие полгода, до январской индексации зарплаты. Учитывая выбитую минимальную ставку, разумеется. А вот дальше... впрочем, какое «дальше», эльф и пары дней за такие гроши не согласится работать! Но конкретно этот сумел удивить:

– Деньги меня не интересуют, – небрежно отмахнулся мужчина. Я алчно прищурилась.

– Совсем?

– Скажем так, я вполне могу позволить себе работать в удовольствие, а не ради корки хлеба, – обтекаемо заявил Владислав. И понимай как хочешь – то ли он тайный миллионер, питающий страсть к магической науке, то ли редкий феномен эльфа-аскета, живущего в шалаше и питающегося энергией солнечного света. Впрочем, судя по лощеному виду, скорее первое – аскеты наверняка не выбирают в качестве нарядов дорогие шёлковые рубашки и не следят настолько педантично за пробором в волосах.

Хм, красавчик-миллионер, алчущий работать в женском коллективе... что-то тут определённо не так!

– Скажите честно, Владислав, почему вы так хотите устроиться к нам на работу? – вперившись в эльфа пристальным взглядом, спросила я. И добавила в голос щепотку магии. Самую малость, почти незаметную, чтобы без проблем миновала естественную ментальную защиту любого живого существа, даже магически одарённого. Просто капелька расположения, пробуждающая искренность – ничего более. И открытый взгляд красавицы-феи, взмахнувшей длинными ресницами. Эта гремучая смесь никогда не подводила, и у Владислава не было ни единого шанса солгать.

Вот только я оказалась совершенно не готова к его честности.

– Я планирую жениться на одной из ваших сотрудниц, – огорошил эльф. Я чуть со стула не упала и неприлично вытаращилась на ушастого красавца. Таких причин к трудоустройству я ещё не слыхала, хотя заведовала наймом персонала уже не первый год.

– Э-э-э... на какой? – только и смогла полюбопытствовать я. Мои девочки, разумеется, все очаровательны, юны и прекрасны, но эльфы существа надменные, к межрасовым бракам практически не склонные. Кто же умудрился настолько запасть Владиславу в сердце, что он жениться надумал и даже решил работать подле второй половинки?

– Ещё не знаю, – отозвался соискатель, и я повторно выпала в осадок. Это как так, не знает? Влюбился с первого взгляда и даже об имени избранницы не в курсе? А как тогда узнал, где она работает? Неужто магическим поиском воспользовался или демона вызвал? Боги, только эльфа-сталкера мне в штате не хватало!

– А можно поподробнее? Как можно не знать невесту?

– Обыкновенно. Я с ней ещё не знаком.

– Не знакомы, но уже собрались жениться? – Эльфийская логика ускользала от меня, и грядущие матримониальные планы бывшего старшего научного сотрудника по-прежнему казались как минимум странными.

– Совет предсказал мне в жёны фею-полукровку, – серьёзно пояснил Влад.

Я, не сдержавшись, фыркнула:

– Так все феи по определению полукровки. Вы вообще мужчин-фей хоть раз видели? То-то же!

– А я склонен считать, что Совет не ошибся и полукровки существуют, – поспорил Владислав, изящно побарабанив пальцами по столу. Мне даже послышалось, что он мимоходом настучал что-то из классики. Бах? Вивальди? Ох, никогда толком не разбиралась в музыке.

– С чего бы?

– Я работал с одной такой девушкой. Мать фея, отец маг, а она вобрала черты обоих родителей – внешность феи и отцовские способности к магии.

– Бывает, – вздохнула я, не желая делиться тем фактом, что моя природа куда больше подходит под определение смешения магических кровей, чем почти канонический союз феи и волшебника. Таких семейных пар с десятков на дюжину, но тем не менее я прекрасно поняла, кого именно эльф имел в виду. – Но считать Клео полукровкой глупо.

– Вы знакомы?!

– Разумеется. Фей не так-то много, даже в столице, а семья Клео довольно известна... особенно в последнее время.

– Как тесен мир, – глубокомысленно заметил Влад, невесть с чего посмурнев. Наверное, понял, что кроме имени Клео мне известна и их короткая романтическая история, а также её печальный для эльфа финал. Нечасто ушастым дают от ворот поворот, ой как нечасто, особенно предпочтя красавцу-блондину какого-то демона.

Хм, а ведь это мысль. Если Клео смогла устоять перед чарами Владислава, а вслед за ней и Василиса, то чем я хуже? Эльфы всё-таки не демоны-искусители и вообще, мало ли вокруг красивых мужиков, чем этот от остальных отличается? Не влюблюсь, и точка. Всем известно, что служебные романы – та ещё палка о двух концах. А сотрудник мне нужен. Куда нужнее очередной неразделённой любви. Но ведь есть ещё и девочки... юные, наивные феечки с чистыми сердцами, полными нерастраченных чувств. Для них Владислав, уверенно нацеленный на брак, может показаться слишком лакомым куском, но поделить его на весь штат в полсотни крылатых прелестниц не под силу никакой магии.

– Так что скажете? – вклинился в мои мечущиеся мысли чарующий бархатный голос. Я тряхнула головой, прогоняя наваждение, и с трудом сфокусировалась на лице соискателя.

– Насчет чего?

– Насчет работы, – любезно пояснил эльф, удерживая на губах обольстительную улыбку. И взгляд такой... с поволокой, из-под полуопущенных ресниц. Он бы ещё губу закусил, ей богу! Или расстегнул пару пуговиц на рубашке. Впрочем, для принятия окончательного решения мне хватило и этого взгляда – слишком мужского, горячего, совсем не подходящего текущей обстановке.

– Увы, ничем не могу обрадовать. Вы нам не подходите.

Улыбка на эльфийских губах завяла в тот же миг. И поволока из изумрудных глаз пропала начисто, сменившись стальным отблеском, в котором мне почудились искры магии.

– Не подхожу? – недоверчиво протянул мужчина.

– Не подходите, – повторно развела я руками, печально вздохнув. На самом деле отказывать ему было чертовски тяжело. И не только из-за катастрофической нехватки персонала.

– Но почему? Я же честно рассказал о своих мотивах. Мне нужно это место! – воскликнул он, вскочив с кресла и нависая сверху во весь свой немалый рост. Ха, не на ту попал!

– У нас тут серьёзное заведение, а не филиал «Гиндера» и не брачное агентство! – искренне возмутилась я, как наяву представив перспективы в лице полусотни влюблённых феечек, алчущих единственного мужчину в коллективе. – Я не хочу, чтобы рабочий процесс превратился в какую-то вакханалию!

– А я и не собираюсь творить вакханалию, – оскорбился Владислав. – Я ищу жену. Желательно всё-таки одну и сразу, а не методом проб и ошибок, достигнув цели к пятидесятому варианту.

– Ну так и ищите её где-нибудь на стороне! Здесь-то работать зачем?!

– Это же элементарно – я смогу познакомиться со всеми в неформальной обстановке, за чашечкой кофе или в кафетерии за обедом. И, если вы не примете меня на должность мага, я всё равно устроюсь сюда хоть уборщиком! А вот мага себе вы ещё долго будете искать, особенно на вашу ставку, – едко закончил эльф, высокомерно прищурившись. Уверена, он и елозить шваброй по полу будет с тем же надменным выражением лица, и прикрикивать на феечек, чтобы почаще использовали крылья, а не ходили по помывому.

Нет, он серьёзно угрожает устроиться клининг-менеджером? Вакансия как раз открыта, и он об этом явно в курсе. Вот же пригорело у мужика жениться! Может, рискнуть? Ну, потеряю я одну феечку – наверняка же и глазом моргнуть не успею, как она улетит в декрет, – но маг, маг-то останется. Главное, заключить договор, чтобы не сбежал с должности сразу после свадьбы.

И я решила. Протянула ладошку для рукопожатия, лучезарно улыбнулась и заявила в лучших традициях эйчаров-самоучек:

– Чёрт с вами, вы приняты.

Часть третья, исполнительная

В рабочий процесс Владислав влился на удивление быстро. Я только диву давалась, поражаясь скорости его работы, друг за другом подписывая идеальные технические задания на типовые желания. К вечеру первого же дня стопка подготовленных документов наполовину закрывала мой монитор, рука устала оставлять росчерки на титульниках, и дальше я прекратила бегло просматривать магические схемы, настолько доверилась профессионализму новоявленного сотрудника.

Опыт у эльфа явно был. И производительность приятно поражала. На короткий миг мне даже стало стыдно, что каморку ему выделили возле туалета, напротив чулана с ведьминскими мётлами, а скромный оклад, не без труда согласованный с руководством, не покрывал и половины его талантов. Но только на миг, пока не вспомнила об истинных мотивах, побудивших красавца-мужчину в шёлковой сорочке с запонками из драгоценных камней снизойти до скромного отдела прикладного волшебства.

Знакомство новичка с остальным коллективом прошло спокойно. Даже слишком спокойно. Утром я представила девочкам нашего нового сотрудника, девочки вяло поздоровались, натянуто поулыбались и разлетелись по делам. Эльф, кажется, немало удивился прохладному приему, как и я. Нет, я не думала, что феечки с первых мгновений приступят к охмурению, но и показного равнодушия тоже не ожидала. Это же эльф. Настоящий! Зеленоглазый блондин с внешностью какой-нибудь голливудской кинозвезды. А они просто развернулись и ушли, будто бы я очередную фею привела, а не единственного на целое административное крыло мужчину!

Вскоре, впрочем, стало не до странностей в поведении сотрудниц – навалилась текучка. Новые заказы, рекламации по старым, просьбы постоянных клиентов ну как-нибудь внести их в график, давным-давно трещавший по швам... Голова пухла от проблем, решения которым упорно не находились. Только время от времени как по волшебству возникающие на столе стопки с техзаданиями хоть немного отвлекали

– можно было ненадолго оторваться от монитора, визируя титульные листы.

Сильно после шести, когда последние феечки упорхнули по домам, я откинулась в кресле и немного перевела дух. Стоит, пожалуй, кофе сварить, а то работы ещё непочатый край, а в голове гудит похлеще, чем пчелиный рой. Мысленно предвкушая ароматный, терпкий напиток, я не сразу сообразила, что иду на запах, а офис, как выяснилось, опустел не до конца.

– Добрый вечер, Фиалка Эдриговна, – вежливо поприветствовал начальство Владислав, отсалютовав мне моей же пузатой кружкой со скромной надписью «Big boss», доверху наполненной черным кофе. – Что вы делаете здесь так поздно?

– Могу спросить вас о том же, – буркнула в ответ, нагибаясь к нижнему ящику, чтобы достать бумажный стаканчик для кофемашины. И – могу поклясться! – взгляд остроухого в этот пикантный момент одобрительно прошёлся по моей пятой точке. Но ловить эльфа на горячем не стала. Если честно, мужской интерес был по-своему приятен, так что обернулась я как ни в чём не бывало. – Странно наблюдать подобное рвение в первый же рабочий день.

– Я привык делать свою работу хорошо. Но здесь, увы, даже до «удовлетворительно» пока далековато, поэтому пришлось задержаться.

– О чём это вы? Мы неплохо работаем, да и не первый год уже.

– Вот-вот, не плохо, – уцепился за опрометчиво подобранное слово Владислав, аристократично отхлёбывая из кружки. Вот уж не знаю, как так у него получалось, но я со своим стаканчиком латте чувствовала себя рядом с ним невоспитанной беспризорницей, хотя бабушка Скарлетт в своё время накрепко вбила в меня манеры, приличествующие порядочной британской леди. – Но и не хорошо. Столько ошибок на ровном месте из-за банального незнания азов.

Я поражено открыла рот. Закрыла.

– Откуда... с чего вы взяли, что у нас ошибки?!

– Процент рекламаций больше десяти – уже это повод призадуматься о качестве оказываемых услуг, – невозмутимо заявил эльф, ничуть не стесняясь того факта, что статистические таблицы и срезы лежали на сервере в моей личной папке, надёжно укрытые под паролем со всякими спецсимволами, рандомными цифрами и

заглавными буквами. – А у вас он в последнее время неумолимо приближается к тридцати.

Чтобы не разразиться возмущенным криком и не позеленеть, пришлось как следует постараться и взять себя в руки. Я сжала кулаки, досчитала до десяти... потом ещё раз... и ещё. На седьмом десятке сердце наконец подуспокоилось, а красная пелена перед глазами несколько померкла и желание убивать наглого новичка отошло на второй план. Пускай дзена за годы регулярных медитаций я так и не достигла, но успокаиваться за короткий промежуток времени научилась на ура.

– Думаете, у нас работают сплошь непрофессионалы?

– Думаю, у вас есть какие-то проблемы – в прошлом году средний процент жалоб не превышал пяти.

– Я знаю и не стою на месте, а пытаюсь их решить. Вас вот наняла.

– Печатать бумажки? – скептически вскинул идеальную бровь Владислав, будто предлагая мне самой оценить, насколько здравым было решение посадить опытного мага за проектную документацию. – Я ведь могу помочь иначе. Главное, объясните, в чём именно дело и как ваш отдел дошёл до жизни такой.

Объяснить? Да пожалуйста! Я молча отставила недопитый кофе и жестом пригласила недовольного бумажной работой мага следовать за собой. Даже факт, что мы остались в офисе вдвоём, а время уже позднее, меня нисколько не смутил. Да и что он мне сделает? Женится? Ха-ха три раза. О моей гоблинской натуре знали все кому не лень и заранее старались держаться подальше, так что внимание эльфа мне точно не грозило. А вот помощь, если он это всерьёз предлагает, была бы не лишней.

В своём кабинете я, не мудрствуя лукаво, прищёлкнула пальцами, создавая проекцию всех тех ужасающих графиков и таблиц, полезных для изучения каждым уважающим себя руководителем. Очень наглядно, между прочим, куда удобнее привычного листа Excel на экране монитора или презентации на проекторе – сразу видны все слабые места и откровенные провалы. И рост, бешеный рост продаж, с которым мы никак не справлялись и от которого были все наши беды.

– А с чего такой ажиотаж? – закономерно удивился Владислав, бегло просмотрев растущие графики. Динамика и вправду казалась

какой-то фантастической – ещё пару лет назад мы справлялись парочкой штатных фей, а сейчас их больше полусотни, и всё равно не хватает.

– С прошлого года мы начали выпускать подарочные сертификаты, – призналась я, украдкой почесав кончик носа. Идея была не моя, а лично министра магии, Ирриана. Он же на пару с братом подкидывал нам первых «подарочных» клиентов, видя перспективную нишу в исполнении человеческих желаний. И не прогадал – после некоторых послаблений во взаимоотношениях маг-сообщества и людей поток желающих подарить близким мечту стал шириться день ото дня.

– Ого! – Брови эльфа взметнулись вверх, и он второй раз, с куда большим интересом, огляделся по сторонам, но в итоге настороженно нахмурился и спросил: – И как справляетесь?

– Не очень, как видите, – честно призналась я. – После праздников каждый раз такой шквал писем и звонков, что хоть вешайся, а мы ещё не все новогодние заявки закрыли.

– Новогодние?! – опешил маг, вперившись в меня изумленным взглядом. Я покаянно склонила голову. Да, сама понимаю – не дело затягивать работу с клиентами почти на полгода, но случаи бывают разные, с некоторыми желаниями так быстро и просто не разобраться.

– Там всего парочка заказов остались незакрытыми по объективным причинам, – спокойно пояснила я, взяв себя в руки. Не дело, когда сотрудники отчитывают начальство.

И уж совсем не дело, если этим занимаются надменные эльфы в отношении прекрасных фей.

– А рекламации?

Я скривилась так, будто разом заныли все зубы, но взмахнула рукой, визуализируя ещё один график, с бешеным ростом по экспоненте.

– Девочки не виноваты, – вздохнула в слабой попытке объяснить. – Слишком много заказов, слишком мало времени – мелкие ошибки неизбежны. В последнее время пришлось сильно расширить штат, взяв в том числе парочку выпускниц, но... но одно дело теория, и совсем другое – практика. Приставить к каждой новенькой опытного сотрудника – никакого штата не хватит, вот и приходится разбираться постфактум по мере сил и возможностей.

– Одной?! – ахнул Владислав, округлив глаза. Да, работы над ошибками было много. Даже слишком много. Но что поделать, такова уж роль большого босса – отвечать за косяки своих подчинённых.

– Ну, я справляюсь, хоть и не быстро, – беспечно пожала я плечами, хотя груз ответственности и неизменная усталость давили на них нонстопом двадцать четыре часа в сутки.

– Но ты же фея! – не поверил эльф, как-то абсолютно внезапно переходя на «ты». – А исправлять ошибки в совершённых заклинаниях больше в компетенции магов.

– Наполовину фея, – ехидно подметила я, наверняка блеснув коварными зеленоватыми искрами из глаз. – Как и все феи в сущности, я же говорила. Клео в своей природе не уникальна, поверь.

Обращаться к нему в ответ так же запросто, на «ты», показалось удивительно привычным и правильным, будто мы знакомы не восемь рабочих часов, а гораздо дольше. Неожиданно – обычно я куда дольше схожусь с людьми, тем паче с мужчинами.

– Значит, ты наполовину маг? – уточнил Владислав, приглядываясь ко мне уже с профессиональным интересом. Его оценка моей ауры ощущалась похожей на прикосновение – аккуратное, лёгкое, но всё же заметное. Показалось даже, что напоследок он «погладил» один из фиолетовых завитков возле сердца, лично мне напомилавший пресловутый цветок фиалки. Но наверняка показалось. Да и не цветок это вовсе, а естественное уплотнение энергетического поля – у полукровок случается. А ещё у некоторых полукровок случается зеленая кожа, если стоять вплотную к красавцу-мужчине, практически ловя на губах чужое дыхание.

– Ведьма, – усмехнулась я, непроизвольно отступив на шаг. И когда только мы успели встать так близко? – Бабушка по отцовской линии очень гордилась своим наследием, которое неведомо как перепало и мне, хоть и в весьма скромных объемах.

– И твой отец колдун?

– О нет, он юрист! – отмахнулась я, не желая сейчас просвещать Владислава насчет расовой принадлежности своих предков. Ещё не знает о гоблинах в моём роду? Вот и отлично, не буду портить сюрприз, когда в очередной раз позеленею от злости на выслушивании квартальных отчетов. – И практически не колдует в привычном

понимании этого слова. Зато в ораторском мастерстве ему нет равных – вот уж где он показывает настоящие чудеса!

– Знаешь, я бы хотел с ним поговорить, – заявил Владислав серьёзным тоном, от которого всё внутри одновременно похолодело и вспыхнуло жаром. На что это он намекает? И при чём тут мой отец?

– Зачем? – облизав разом пересохшие губы, пискнула я.

– Как это зачем? Всегда интересно поговорить с человеком, владеющим языком. Неважно даже о чём, хоть о политике Зимбабве – главное, чтобы собеседник был хороший.

Ответ меня... разочаровал. Хотя чего я ожидала? Что эльф, проникнувшись моей сомнительной красотой и предсказанием Совета, позовёт замуж, как только заручится отцовским согласием? Слишком много я прочитала любовных романов, кажется, и слишком мало хлебнула серости реальной жизни. Василиса вон долгие годы предложения ждала, почти отчаявшись в процессе, а я... на что я вообще надеюсь? Среди своих штатных феечек ведь и не выделяюсь особо, разве что крашеной шевелюрой.

Но потом, слово за слово, Владислав, с улыбкой попросивший называть его Владом, выведал у меня всё о нелёгкой стезе исправления ошибок по заказам. Выслушал как заправский психолог, не кривился в ответ на жалобы и задавал очень правильные вопросы, показывая себя профессионалом до мозга костей в прикладной магии. Кажется, мне невероятно повезло заполучить такого многогранного специалиста – опытного, уверенного в себе и с обворожительной улыбкой, сражающей наповал.

Я не могла оторвать глаз от его улыбки. Просто смотрела на губы, отвечая порой невпопад. Влад не злился. И даже не ухмылялся победной усмешкой. Наверняка знал, как завораживающе действует его внешность на женский пол, давно смирившись с некоторыми минусами.

Уже под конец нашего разговора, больше походившего на излияния фэйской души, Влад неожиданно предложил поработать над рекламациями вместе. Точнее, не стесняться звать его, если вдруг дело покажется мне непростым. Мол, взваливать на себя непосильные задачи – прямая дорога к эмоциональному выгоранию. Я что-то смущенно пробормотала, но мысленную зарубку оставила и, пересматривая на следующий день список незакрытых претензий,

вспомнила его щедрое предложение, и в голове сформировался план, на который в одиночку я бы ни за что не решилась, и грубая мужская сила там бы определённо пришлась к месту.

Подготовка к спецоперации заняла меньше суток: перечитать папку с заказом, взять из соседнего отдела реквизит... в общем, уже к вечеру третьего дня служебное авто довезло нас до места – высотки на Пречистенской набережной.

Серьёзные проблемы с выполнением желаний случались не так часто, как можно подумать по числу рекламаций, но если уж магия феи выходила из-под контроля, последствия порой бывали катастрофическими. Вот и здесь одной компенсацией отделаться не удалось – на первых порах пришлось даже оперативников вызывать, чтобы оцепили помещение и по минимуму нейтрализовали негативное воздействие. Хотя на моменте обсуждения ничего, как говорится, не предвещало.

Заказчик хотел умный дом, но выступал категорически против всяческой электроники и гаджетов, уповая на могущество магии. Прописал в техзадании все основные параметры и собственные пожелания, предоставил план помещения, расположение основных управленческих узлов, оплатил свой недешёвый заказ и принялся ждать. А я, оценив объем работ, здраво привлекла к выполнению желания одну из сильнейших фей, работавших в отделе. Кто же мог предположить, что дипломированный специалист умудрится так накосячить?

Сперва заказчика всё устраивало – система работала как часы, не ограничиваясь управлением освещения и включением чайника по таймеру. Утром хозяина ждал здоровый сбалансированный завтрак, а одежда на работу была выглажена и подготовлена с учётом погоды за окном. Приезжая домой в обеденный перерыв, он также получал накрытый стол, как по волшебству отвечающий его сегодняшним предпочтениям в еде. И ужин неизменно радовал. Ещё дома всегда было чисто, приятно пахло, а о бытовых мелочах вроде покупки продуктов или стирального порошка не стоило и думать.

Умный дом даже сам оплачивал счета – из супермаркета, аптеки, квартплату... Но на исходе второго месяца заказчик начал замечать странности.

Проблема возникла там, откуда не ждали – деньги со счёта, привязанного к умному дому, начали улетать как в трубу. При этом мужчина по-прежнему жил один, питался как обычно и не лежал часами в ванной, изводя сотнями флаконы ароматической пены. Но счета говорили об обратном: дом будто закупался впрок парной телятиной и норвежским лососем, тогда как хозяин исправно питался отварной куриной грудкой с овощами. И гель для душа... ну куда могли деться две сотни упаковок за месяц?! Ни кладовой, ни антресолей, ни даже балкона, чтобы спрятать такое богатство, у заказчика не имелось.

Разумеется, он обратился к нам с резонным вопросом. Мы всё тщательно проверили, но никаких ошибок со своей стороны не нашли и предложили обратиться в банк, выпустивший карточку, или привязать к дому другую, чтобы проверить закономерность. С новой карты деньги стали исчезать втрое быстрее, и мне пришлось выслать парочку магов-специалистов, чтобы осмотрели помещение. Они-то и заметили неладное.

В общем, дело оказалось в самом доме. Пожалуй, слишком умном даже по меркам умных домов. Почти сразу у него появилось собственное сознание, а после этого и псевдотело, падкое на изысканную еду и джакузи с пеной. На дармовых харчах «тело» это успело отъестся и материализовалось во время одной из инспекций. Тучная махина в пузырьках, пахнущих химической лавандой, вышла из ванной, распугав всех присутствующих с хозяином во главе, и с тех пор попросту забаррикадировалась в двухуровневой квартире в центре Москвы, нагло отжав жилплощадь у законного владельца.

Вот уже два месяца мы бодались с магическим искусственным интеллектом по поводу полутора сотен квадратов в столичной элитке. Умный дом крайне не хотел покидать жилище, а заказчик не желал возвращаться к себе домой, когда там находится это. Это на панический страх хозяина всякий раз демонстративно обижалось и, подвывая, удалялось в ванную – топиться в пенном джакузи. Увы, смерть от затопления дому не грозила. Как и пожар, и короткое замыкание, и утечка газа, – магическая страховка, заключенная вместе с контрактом на умный дом, успешно оберегала квартиру и всё внутреннее убранство от бытовых катаклизмов и досрочному расторжению не подлежала. А заказчик, в сиюминутном стремлении

сэкономить, подписался на пожизненное страхование с семидесятипроцентной скидкой. Ну просто замкнутый круг какой-то!

Все теоретики, к кому я приходила с этой задачей, в один голос твердили, что выхода нет, и самое раннее, когда можно будет попытаться перебороть разумную магическую сущность – аккуратно после смерти заказчика и аннулирования страховки. Ни меня, ни тем более заказчика, успевшего соскучиться по родным пенатам, такой расклад не устраивал.

Поэтому я, заручившись поддержкой мага с опытом, решила рискнуть. Всего делов-то – добраться до центрального узла управления и вручную отключить систему умного дома. Это не страховой случай – я узнавала. Ничего сложного, если не вспоминать, что дом по-настоящему умный и наверняка разгадает наш план, стоит нам с Владом объявиться на пороге под предлогом технического обслуживания. Даже форма наших техников – безразмерный серый комбинезон с эмблемой и синяя кепочка – не смогут надолго отвлечь искусственный интеллект, умеющий думать на пару шагов вперёд.

На удивление, в квартиру мы попали без проблем – дверь открылась сама, стоило лишь позвонить в звонок и, улыбнувшись на камеру, сообщить о цели своего визита. Центральный блок располагался в спальне на втором этаже, за дверью сейфа, ключ от которого я на всякий случай спрятала в лифчике, подальше от чужих глаз.

Оглядываясь, мы преодолели длинный холл и достигли гостиной, посреди которой высилась широкая белая ванна, а в ней...

– Тьма! – не сдержался Влад и саданул в существо заклинанием. Искристая синяя молния, отскочив от толстой шкуры, ударила в плазму, висевшую на противоположной стене. А чудовище, прежде тихо дремавшее в джакузи, резко проснулось, взревело и стало медленно подниматься во весь свой немалый рост. Чёрт, да эта махина уже в потолок упирается! И плечи... почему они такие огромные? А это что? Мускулы? Дом прокачался? Как такое вообще возможно?

Пискнув, я отступила за спину Владислава, боясь взглянуть на ошибку, разросшуюся до неприличных размеров. Эльф, чертыхнувшись, залепил в существо чем-то ещё, но добился лишь того, что пузырьки пены, плотно покрывавшие жилистое тело, исчезли без следа. Я сдавленно пискнула, Влад присвистнул – без пенного

одеяния умный дом выглядел куда более зловещим и м-м-м... весьма мужественным. Откуда взялась такая детализация? И главное, зачем?!

Дом пёр на нас как танк – такой же огромный, в броне из дубленой кожи и с поднятым дулом. Последнее как-то особенно напрягало.

На пальцах Влада клубилась магия, воздух вибрировал от напряжения сдерживаемой силы, но хмурый гигант, подпирающий лысой макушкой потолок, не обращал на угрозу ни малейшего внимания. Плотные сжатые губы вдруг разомкнулись, и со всех сторон разом зазвучал писклявый механический голос:

– Тревога! Тревога! Чужие в доме! Тревога!

Голос этот настолько не вязался с устрашающей внешностью, что я невольно хихикнула. Нервное, наверное.

К механическому голосу подключилась сирена, заморгали лампы, включился треснувший экран телевизора на стене, и я на миг почувствовала себя героиней дешевого ужастика. Но только на миг, потому что в следующее мгновение с пальцев Влада сорвалось заклинание. Дыхнуло морозом. Гигант, обьятый толстой коркой льда, застыл на полушаге, только глаза продолжали бешено вращаться в орбитах, суля нарушителям кары небесные. Но запугать одним лишь взглядом уже не вышло. Сложно воспринимать кого-то всерьез, когда с длинного носа свисает сосулька, и с кое-чего пониже – тоже.

– Надеюсь, магия хоть слегка охладила его пыл, – пробормотал Влад, поведя плечами и распрямив напряженную спину. Но не успели мы перевести дух, как ледяной панцирь пошёл трещиной, затем ещё одной и ещё – чудовище медленно, но верно высвобождалось из капкана. Ох, верно, в страховке же наверняка было что-то насчёт зимнего промерзания труб...

Ледяное крошево брызнуло в стороны. Эльф прикрыл меня собой, защищая от града осколков, а затем, бросив в размороженное существо очередное заклинание, потащил прочь из гостиной. И едва успел перешагнуть порог, как громада за спиной взревела, обещая страшные кары.

Мамочки, жуть какая!

– Это что ещё такое было?! – воскликнул Владислав, отшатнувшись. И дверь за собой захлопнул. Ещё бы крестным

знаменем осенил, наверняка бы помогло! – На него не действует магия!

– Я предупреждала, что девочки порой совершают небольшие ошибки, – буркнула в эльфийскую спину, не особо поспевая за его размашистым шагом. Мы бежали куда-то прочь, подальше от гостиной, оккупированной чудовищем.

– Ошибки?! – Маг резко встал и обернулся, а я, не успев затормозить, впечаталась ему в грудь. Судорожно вздохнула, впитывая непривычный, как будто бы даже совершенно не мужской запах. Никакой тебе океанской свежести или мшисто-древесных ноток. От эльфа пахло мёдом, солнцем и самую капельку мускусом. Приятно. И совершенно не приторно, как многие жалуются, перемывая за обедом косточки «сладкому мальчику». – Небольшие?! Кто-то заказал, чтобы фея из твоего отдела вызвала дьявола, но силёнок не хватило и получилось это? О духи древних, я даже названия этому феномену придумать не могу! Чудовище какое-то, науке до сих пор неизвестное!

– Тут, скорее, проблема иного толка, – смущенно пробормотала я, пряча взгляд. Вот как чувствовала, что не стоило брать Беллу на работу, но её мама – школьная подруга моей матери, и диплом у неё с отличием, и опять же мамины стенания по поводу загубленного таланта, если дать девочке от ворот поворот... А о том, что разбираться с возможными проблемами придётся, никто и не думал.

– Это как? – удивился Влад.

– Беллочка – очень сильная фея. Пожалуй, даже слишком сильная...

– Кто? Белочка? – обалдело вытаращился на меня эльф. И покосился в сторону запертой двери, явно раздумывая, не итог ли алкогольного «прихода» протяжно стонал там и скрёбся. Увы, большая галлюцинация была вполне реальной. Это-то и проблема.

– Изабелла, – вздохнула я с плохо скрываемой печалью. – Новенькая, только в этом году выпустилась.

– Изабелла? – хохотнул Владислав. Кажется, и у него это нервное. – Серьёзно? А в семье её ласково Виноградинкой величают? А ведь в ней определённо есть изюминка. Точнее, будет – к старости...

– Влад! Я серьёзно!

– А я разве шучу? Просто очень странно называть ребёнка, даже фею, в честь сорта винограда. Или они назвали её в честь вина,

ставшего причиной неосторожного зачатия? Тогда я многое начинаю понимать...

– Влад!!!

– Ну чего ты возмущаешься, а? Сама ведь наверняка так же думала, – указательный палец обличительно ткнулся мне в грудь, но Владислав быстро понял, что настолько нарушать субординацию точно не стоит, смущенно кашлянул и быстро убрал руку за спину, подальше от начальственных округлостей. – Куда нам теперь?

– Надо попасть наверх, в хозяйскую спальню! Нужная лестница – слева за углом.

Мы успели встать на первую ступеньку, когда за спиной что-то грохнуло. Если судить по звуку, то дверь из морёного дуба, которой так гордился заказчик, попросту разлетелась в щепки.

– Вперёд, живее, – подтолкнул меня в спину Влад, не давая оглядываться, и сам взбежал на лестницу следом. Я послушно прибавила скорость, но ноги вдруг заскользили вниз, ступени исчезли, и лестница превратилась в гладкую горку. И мне показалось, или потолок и стены как-то приблизились?

– Что за дрянь? – зло выругался за спиной эльф, и волосы на затылке зашевелились от магического всплеска, выпущенного им в разные стороны. Помогло – стены перестали смыкаться, норovia раздавить нас всмятку, но вернуть изначальный облик лестнице не вышло. – Это не умный дом, а сушая камера пыток! Кто только придумал дать ему возможность менять пространство?!

Я решила считать вопрос риторическим и ничего не ответила, хотя уши от стыда наверняка позеленели. Ну вот кто дергал меня за язык, заставив предложить заказчику магическую перепланировку? Если бы знала, чем это обернётся, молчала бы как рыба об лёд!

Взбираться вверх по покато́й горке – то ещё удовольствие. Особенно когда за спиной натужно дышит раздражённый маг, а ещё чуть дальше – жуткое чудовище, порождённое светлой магией фей. Ноги проскальзывали на месте, и вспотевшие ладони на перилах не помогали продвинуться ни на миллиметр выше.

Влад за спиной засопел ещё активнее и, будто решившись, подтолкнул вперёд.

– Ты что творишь? – прошипела я, стряхивая наглые руки с талии и кое-чего пониже.

– Помогаю тебе, что же еще, – пыхтя, отозвался эльф, старательно проталкивая меня вперед.

– Себе помоги, – огрызнулась я, зеленея от взрывоопасной смеси гнева и смущения. Мы всего три дня знакомы, а он уже со знанием дела щупает мой зад! И не без удовольствия же, по дыханию слышно. У-у-у, гад ушастый!

– Себя я при всем желании не подтолкну, – разумно заметил Владислав, все же переставляя руки повыше к пояснице. Не хотелось признавать, но теперь подталкивание оказалось куда менее приятным, чем предыдущий, пусть и весьма провокационный способ поддержки карабкающихся.

Упрямство и труд, как известно, всё перетрут – на второй этаж мы забрались, пускай и целую вечность спустя. Я рванула к спальне так, что только пятки сверкали, распахнула дверь, бросилась к неприметному сейфу, скрытому за очередной телевизионной панелью. Влад забежал следом, суматошно оглядываясь, и остановился взглядом на мне, достававшей из декольте маленький ключ. Мне бы смутиться или быстро застегнуть пуговицы на рубашке, но времени катастрофически не хватало – я уже слышала грохот шагов, приближавшихся к комнате. Щелчок замка, пальцы споро пробежались по клавишам, вводя пароль, лампочка мигнула зеленью, и я была уже готова послать импульс в центральный узел, чтобы выключить засбоившую систему...

Гигант, заполонивший собой весь дверной проём, с рычанием бросился прямо на меня. Уклониться я попросту не успевала. Жизнь промелькнула перед глазами – короткая и до безобразия унылая, а затем наперерез монстру метнулась платиноволосая молния в сером комбинезоне, выводя меня из-под удара. Вот только сам Влад отпрыгнуть в сторону не смог, и огромная туша, не снижая скорости, впечатала моего спасителя в ортопедический матрас, горой рухнув сверху.

Я взвизгнула, бросила куда-то за спину импульс, целясь в узел управления, и в два длинных прыжка достигла кровати с вдавленным в простыни эльфом. Обнаженная колоссоподобная махина сущности умного дома лежала на нём неподъёмным грузом, но признаков жизни не подавала. Я осторожно тронула чудовище за пятку – холодная. И

твёрдая, будто выточенная из камня или бетона. Серовато-крупитчатая кожа по виду очень напоминала строительную смесь.

Попытка сдвинуть трехметрового гиганта не увенчалась успехом, и я порядком занервничала. Если Влад каким-то чудом ещё жив, без дыхания под «завалом» долго он не продержится. Тут я помочь ничем не в силах – как минимум подъемный кран нужен! Я непроизвольно шмыгнула носом, закусила губу, глаза заволокло слезами...

Истерика подступала семимильными шагами, но тут на кровати началось какое-то шевеление. Тело умного дома, усыхая, сжалось сперва до человеческих размеров, а затем на постели остался только крохотный – в половину моего роста – мужичок, густо заросший шерстью. Самый обыкновенный домовый, сущность которого Изабелла вплела в заклинание, грубо наплевав на технику безопасности. Неудивительно, отчего творение вышло настолько умным и прожорливым – домовые и без всяких современных наворотов полны магии и вполне способны поддерживать благополучие в доме, была бы только мисочка молока в углу да хрустящий ломоть хлеба, но красная рыба, антрекоты и пенная ванна разбаловали донельзя, превратив доброе и светлое существо в ненасытного монстра-захватчика. Так что Беллочке, несмотря на неудовольствие моей сердобольной матушки, придётся покинуть «Magic Incorporated» – такие хитрые махинации не прощают даже дочери маминой подруги.

За кровожадными мыслями об увольнении я не сразу увидела, как из недр вдавленного матраса начал подниматься мой герой-спаситель. Всклокоченный, помятый, но определённо живой. Не задумываясь, я бросилась ему на шею, уронив едва севшего эльфа обратно на подушки. Коротко всхлипнула, уткнувшись куда-то в шею. Сердце стучало как сумасшедшее. И горячие руки, опустившиеся мне на талию, казались делом абсолютно нормальным и естественным. Даже разгромленная постель почти не смущала. Но ключевое слово – почти.

Почувствовав, как к лицу приливает жар, я тотчас вскочила, судорожно пригладила волосы и отвернулась. Ни к чему ему видеть меня такой. Влад же и после столкновения с монстром выглядел идеально – растрепанная причёска и упавшая с плеча лямка комбинезона только добавляли шарма. А я... Лягушка болотная с заплаканными глазами, а не фея.

– Спасибо, – пискнула я, не оборачиваясь. По звуку, эльф уже поднялся, но не спешил подходить ко мне, увлечённо рассматривая домового в отключке. – Ты меня спас.

– Всегда пожалуйста, – с улыбкой в голосе отозвался Влад. – Но впредь как-то не хотелось бы оказываться на кровати с голым мужиком. Как-то это... не по мне, в общем.

Потом мы ещё пару часов ждали группу зачистки, обсуждая проблемы малых волшебных народов в современном мире. Домовой очнулся, выдул два литра молока от пережитого стресса и слёзно попросился обратно в деревню. В Москву его заманили деньгами, но после всего случившегося мысли о богатстве померкли, зато желания тихой и спокойной жизни на природе было хоть отбавляй. Я пообещала помочь – у нас в Красногорских холмах его никто не обидит, наоборот, примут с распростёртыми объятиями.

После такого приключения неудивительно, что я быстро прониклась к новому сотруднику и не видела в нём ни малейших изъянов, пока в один прекрасный день в офис не заявила нежданная гостья.

– К вам посетительница, Фиалка Эдриговна, – звонким голосом Лили пискнул селектор, и дверь отворилась без стука, впуская в кабинет лучшую сотрудницу отдела прикладного волшебства, не так давно безвременно покинувшую коллектив по весьма прозаичной причине. Причина эта так и бросалась в глаза, заставляя нервно ежиться от грядущих перспектив и недоумевать, как же так работают законы физики и бессердечная гравитация, что крошечную фею не перетягивает вперёд.

Василиса шла вразвалочку, как утка, забавно переступая ножками в солнечно-желтых кедах. А ведь в декрет всего пару месяцев назад она упорхнула, ничуть не изменившись в параметрах, зато сейчас щеголяла таким животом, что впору задуматься, сколько детей она с мужем собрались произвести на свет за один присест. Кажется, десять, никак не меньше.

– Ты что тут делаешь? – изумилась я, вытаращившись на глубоко беременную сотрудницу. – Тебе же рожать со дня на день!

Я настолько удивилась визиту лучшей феи своего отдела, что далеко не сразу нашлась со словами, даже не поздоровалась в ответ на улыбочивое приветствие.

– Роды через три дня, – небрежно отмахнулась будущая мамочка, медленно, сантиметр за сантиметром, опускаясь в кресло для посетителей.

– И всё равно, что ты забыла на работе? – не унималась я. – У тебя же отпуск.

– Я слышала, к нам устроился Владислав, – заговорщическим тоном шепнула Василиса, с подозрением оглянувшись на дверь за спиной. Ха, будто о новом сотруднике никто больше не в курсе, а я держу его под строгим секретом и исключительно у себя под столом, поближе к начальственному телу. От фантастической картины неожиданно бросило в жар – ну что за мысли приходят в голову? – поэтому ответила незаслуженно резко, неувовимо поморщившись:

– Да, и что с того?

– Он же эльф!

– Зато сотрудник хороший и маг с опытом, – пожала я плечами, не видя особой проблемы в расовой принадлежности нового работника.

– У него бзик на феях! – прошипела Вася, зло прищурился глаза.

– Да, он говорил, что собирается жениться на фее.

– Ты знала?!

– А что тут такого? – Ужаса Василисы я не разделяла. Может, это гормоны в ней бурлят, бросая в эмоциональные крайности? Ну, вбил себе человек, то есть эльф, что женится на фее, и что с того? Насильно же в ЗАГС никто не притащить, брак – дело добровольное.

– Фиа, ты не понимаешь! У него это навязчивая идея – он поил меня эльфийским вином на свидании!

Ого. А это уже пахнет преступлением. Эльфийское вино – хоть оно и не вино вовсе, а коварное зелье – было запрещено для применения больше двух сотен лет назад. Откуда Владислав вообще взял этот раритет? В семье передавали из поколения в поколение? Изготавливать это колдовское варево запретил Совет еще в девятнадцатом веке, после того как один ушастый красавчик опоил бокальчиком фруктово-цветочно-магической амброзии ни много ни мало супругу самого императора. Измена имела логичные последствия, а также ненароком вскрыла существование маг-сообщества, поставив под удар магов и ведьм всея Руси. Уж не знаю, как разрушили скандал и куда спрятали новорождённого мальчика со слишком приметными ушами, но российское маг-сообщество в

конечном итоге заявило о себе много позже, уже после Второй мировой войны, имея тузы в рукаве в виде нескольких выигранных при помощи волшебства битв и сотен добытых у врага тайных сведений.

Думаю, именно шпионские тайны в большей мере помогли магам и волшебникам отстоять своё право на гражданские права и свободы. С тех пор правительство медленно, будто нехотя, начало готовить простых граждан к существованию «изнанки» – тайного мира, живущего и развивавшегося наряду с обычным, – потихоньку раскрывая реальное положение дел. Хотя настоящий пик гласности произошёл, разумеется, уже после падения Совета, с приходом к власти министра Ирриана – родного брата зятя Василисы. Уж он-то по-настоящему вывел маг-сообщество из тени, да так, что о волшебных феях, крепких оборотнях и могущественных колдунах начали вещать из каждого утюга.

– В общем, будь с ним осторожна, Фиа, – подвела итог Вася, так и не дождавшись от меня вразумительной реакции. Тяжело поднялась, поддерживая поясницу, и уткой проковыляла к выходу, оставив меня наедине с противоречивыми эмоциями.

* * *

Практически сразу после визита Василисы девочки моментально прознали, что новенький эльф – красивый, высокий, с чарующими изумрудными глазами – свободен и находится в активном поиске. И начали свою охоту.

Я не хотела думать, что виной тому излишняя говорливость Лили, видимо подслушавшей наш с Василисой эмоциональный диалог, но не находила иных причин резкого изменения в поведении офисных феечек. Ведь почти неделю они стойко игнорировали новенького, а теперь бросились всей гурьбой, проталкиваясь локтями к желанной цели. И методы для этого избрали... специфические, но воистину женские.

Никогда прежде я так не жалела, что подавляющее большинство фей в подразделении – девушки не семейные. И эта свобода обухом ударила им в голову, начисто выметя оттуда всё рабочее настроение и

субординацию. Не прошло и пары дней, как тихий офис превратился в филиал ток-шоу «Холостяк» с эльфом в главной роли.

Крылатые волшебницы соревновались за внимание единственного красавца в самостоятельно придуманных конкурсах – то они устроили массовое дефиле, явившись на работу в крохотулечных платьицах и на фантастических каблуках, то все как одна принесли с утра самодельных пирогов и пирожных к чаю, чтобы мужчина в коллективе ни в коем случае не страдал от голода. В нашем офисном холодильнике всё это богатство кулинарии не уместилось, пришлось разносить по соседним подразделениям, иначе все старания феечек бесславно пропали бы.

На третий день мне уже попросту не хотелось идти на работу, которая превратилась в какой-то балаган. Нет, я откровенно не понимала матримониальных планов моих феечек. Ладно бы закрутить с Владом скоротечный роман, чтобы потом внукам рассказывать, но замуж за эльфа... они же в быту совершенно невыносимы!

Мне об этом самолично бабушка рассказывала, велев во что бы то ни стало остерегаться представителей ушастого племени. В её устах угрозы звучали внушительно, а фразу «педант до мозга костей» я ещё долгие годы считала каким-то заковыристым ругательством.

Возможно, не всё так уж и беспросветно-печально у этих эльфов устроено, да и бабуля моя в ту пору относилась к вольным хиппи, так что домостроевские замашки её ушастого ухажёра напоролась не только на природное упрямство феечек, но ещё и на принципы. А бабушка у меня до сих пор очень принципиальная, даром что потомственная фея с нежным цветочным именем Астра.

В общем, перед моими глазами разыгрывалось целое реалити-шоу. Только говорливого ведущего и тотализатора со ставками не хватало. И смотреть на это с каждым днём становилось всё труднее, и зеленела от едва сдерживаемых эмоций я буквально по семь раз на дню.

Я сама не понимала собственных чувств, и от этого было хуже всего. Мы ведь знакомы чуть больше недели, откуда эта беспричинная ревность, сбивающееся дыхание и рваный ритм сердца? Я же абсолютно не влюбчивая, и эльф мне совершенно не пара, это точно! Как и я ему.

То ли дело малышка Лили. Или очаровательная Магнолия. А ещё Камелия и Азалия – чудесные близняшки, столь схожие внешне и такие разные по характерам. Так что выбор у Владислава ого-го какой, хоть одна, но наверняка уже приглянулась, и стоит ждать скорой свадьбы. Но почему же так тошно на душе?

Только вечером, когда девочки разлетались по домам, становилось немного спокойнее. И как-то... теплее, что ли. Потому что в вечерние часы внимание нашего штатного красавца целиком и полностью принадлежало мне.

Я упивалась временем, когда мы оставались одни, хотя говорили в большинстве своём о работе – Влад оказался тем ещё трудоголиком, способным днём и ночевать в офисе. И о предостережении Василисы почти не задумывалась до одного тихого субботнего вечера, слишком идеального, чтобы быть правдой, и оттого заведомо подозрительного.

– Вот, держи кофе, я сам приготовил, как ты любишь. – Владислав с улыбкой протянул мне кружку, доверху наполненную карамельным латте.

Сглотнула, уловив чарующий аромат, но нашла в себе силы отказать:

– Я не хочу, спасибо.

– Не хочешь? – удивился эльф. – Но ты же всегда в это время пьёшь кофе.

– Пью, – согласилась я. – Но сегодня не буду.

– Почему? – с недоумением нахмурился Владислав, но кружку послушно отставил в сторону. Эх, если бы я могла так спокойно отбросить собственные мнительные мысли!

Вздохнув, я сцепила пальцы в замок и весело сообщила, прямо глядя в изумрудные глаза:

– Влад, я все знаю.

– О чём?

– О том, что ты использовал на Василисе эльфийское вино. Это подло! И противозаконно, вообще-то. Так что я не буду брать никаких напитков из твоих рук. И девочкам посоветую остерегаться.

– Боишься не совладать со своими чувствами?

– Я против нечестных методов.

– Эльфийское вино не приворотное зелье, Фиа, – наставительно сообщил Влад, присев напротив. – Оно никогда не создаст любовь из ничего, только усилит истинные чувства.

– Ну-ну, – скептически протянула я.

– Думаешь, я лгу? А ведь на Василису оно не подействовало. Точнее, подействовало, но так, что она вернулась к своему возлюбленному, с которым до этого рассталась. И неважно, что зелье она приняла из моих рук.

Звучало это разумно, но я не спешила верить эльфу на слово:

– А я знаю другую историю.

– Какую же?

– О том, как бокальчик эльфийского вина едва не вытянул на поверхность тайны маг-сообщества пару веков назад.

– Ты об измене в императорской семье? – догадался Влад.

– Да, тот случай наглядно показал, насколько сильно действие зелья. Императрица клялась и божилась, что не хотела изменять мужу, но не смогла противиться магии. Это даже менталист подтвердил! Я читала об этом... немного... просто из любопытства, – пробормотала под конец, наткнувшись на потяжелевший взгляд мужчины. Он будто осуждал меня за категоричную позицию и слепую веру историческим хроникам.

– Не стоит принимать этот случай за достоверный факт, Фиа, – покачал головой Владислав. – Ты же знаешь, что династические браки строятся вовсе не на любви, ну а эльфы... Мы умеем очаровывать. Но я понимаю, почему зелье решили запретить – такая правда о супруге больно бьёт по самолюбию, особенно сильных мира сего. И на тебе я не собираюсь его испытывать, уж поверь.

Он говорил что-то ещё, но я уже не слушала, думая о лишь том, что эльфы и вправду умеют очаровывать. Наверное, даже неосознанно. Просто смотрела на него как замороженная, следя за движением губ, скупыми жестами и серьёзным взглядом. Он вовсе не красовался передо мной, как перед девочками. Не пытался заигрывать, ненароком взять за руку, приобнять... и от этого было вдвойне обидно, ведь я-то хотела! Но признаваться в своей слабости не собиралась ни за какие коврижки.

Следующие пару дней я тщетно пыталась сторониться Влада и в упор не замечать того, что творится в офисе. Но то он сам, то

восторженно пищащие о красавце-эльфе феечки то и дело появлялись в поле зрения, сводя на нет все попытки игнорировать происходящее, и нервы потихоньку начали сдавать, что сказывалось на рабочем настрое.

Мне срочно нужен был отпуск, больничный, командировка... что угодно, лишь бы подальше от этого дурдома, в который превратился отдел прикладного волшебства с приходом мужчины. И провидение меня услышало! Да так, что скрыться от роя влюблённых феечек удалось не где-то в ближнем Подмоскowie, а аж в Туманном Альбионе.

Спешно покупая билет и собирая багаж, я как-то не задумывалась о причине неожиданного приглашения в гости к родственникам. Главное – поскорее удрать куда подальше, причём по вескому поводу, а если вникать, то вполне может статься, что ехать мне никуда не надо. А мне надо! Видеть больше не могу эту довольную эльфийскую морду в благоухающем цветнике юных и не очень феечек.

Успокоилась я только в пассажирском кресле, глядя в иллюминатор, как под крылом медленно движутся пушистые облака, неспособные догнать стремительную механическую птицу. Расслабилась, закрыла глаза и провалилась в сон, благополучно проспав до самой посадки в Лондоне.

Часть четвёртая, спиритическая

Дом семейства Гринстоун, видевший на своём веку не одно поколение моих предков по отцовской линии, находился в пригороде британской столицы, посреди обширных зелёных владений, раскинувшихся меж двух холмов. Собственно, местонахождение фамильного особняка, дарованного королевским указом, и дало имя роду – неблагозвучное Кривой Зуб сменилось на аристократичное Гринстоун, хотя какое-нибудь Гринхилл или Гринвуд подходило здешним местам куда лучше. Камней и скал, заросших лишайником, по крайней мере вокруг, не имелось, в отличие от лесов и холмов.

Но всерьёз задумываться об этимологии отцовской фамилии я не стала, взглядываясь в окно нанятого кэба. Предельно вежливый водитель катил по шоссе, неукоснительно соблюдая правила дорожного движения, хотя меня не покидало иррациональное ощущение, что мы едем по встречке.

М-да, давненько я не бывала в Англии. Воспоминания стёрлись, подёрнулись флёротом нереальности, да и сейчас все эти старинные замки среди изумрудной зелени, парочка всадников на лошадях, мелькнувшая вдалеке, и даже мой кэб с молчаливым шофёром в белых перчатках казались кадрами из исторического сериала, а не привычной современностью.

Время за границей британской столицы, приодевшейся в модное стекло и бетон, будто остановилось, замерев где-то на рубеже прошлых столетий. Хотелось отбросить в сторону все гаджеты, выскользнуть из узких джинсов и, расправив крылья, затеряться в изумрудных лесах, до одури напитанных магией.

Странно, но этого ощущения силы, пузырьками шампанского бурлящей внутри, я не помнила, хотя наша закрытая школа находилась неподалёку от этих мест, также за чертой города. Зато неудивительно, почему именно здесь жили почти все выходцы нынешнего британского маг-сообщества – по соседству располагалось ещё с десятков особняков, принадлежавших местным магам, эльфам и даже парочке высокородных оборотней сплошь с титулами сэров.

Такси остановилось на дорожке из гравия возле самого дома. Расплатившись по счетчику и коротко поблагодарив молчаливого кэбмена, я выпорхнула наружу, полной грудью вдыхая влажный, ароматный воздух, отдающий разнотравьем и садовыми цветами. Весна в здешние широты приходила раньше, чем в Москву, едва успевшую порадовать меня перед вылетом свежей дымкой листвы и желтыми пятнами одуванчиков на прошлогодних газонах. В Лондоне же весна хозяйничала давно, и густая зелень дубовых крон плотным коконом обнимала поместье, скрывая от пыльного шоссе и не в меру любопытных соседей, а крупные бутоны на кустах расцвели безо всякой фейской магии.

Дверь мне открыл дворецкий – худой как жердь джентльмен в клетчатом костюме и с зачесанными набок редкими седыми волосами, тщетно скрывающими наметившуюся лысину.

– Добро пожаловать в Гринстоун-холл, мисс, – чопорно поприветствовал он, ловко забирая из рук весь мой нехитрый багаж. – Леди Гринстоун ожидает вас в салатовой гостиной.

Я кивнула, но осталась на месте, смущенно улыбнувшись, и дворецкий, без труда поняв мое затруднение, подробно описал маршрут до нужной комнаты.

– Спасибо, – от души поблагодарила я и отправилась в указанном направлении, с интересом поглядывая по сторонам.

За прошедшие годы особняк не слишком-то изменился, но я успела подзабыть его горделивую красоту и величие. Да и в детстве многое воспринимается иначе. Например, портреты, обильно украшавшие стены широкого коридора. Тогда я даже не осознавала, что вся эта галерея в тяжелых рамах – мои родственники, положившие начало величю рода.

Гоблинское наследие проявлялось во мне временами весьма яркими красками, хотя далёким предкам по отцовской линии, если быть честной, везло куда меньше, чем мне, – в их чертах и безо всяких эмоциональных срывов проглядывалась гоблинская суть. Длинные кривые носы, выдвинутые подбородки, глаза навывкате... Впрочем, судя по большинству портретов прошлых веков, которые я видела в школьных книжках, европейская аристократия сплошь состояла из представителей гоблинского племени.

Но уже к середине коридора ситуация резко менялась – рядом с бледными длинноносыми мужчинами с портретов начали улыбаться очаровательные красавицы в дорогих нарядах. Нашей семье крупно подфартило – имея деньги и власть, исправить породу, почти начисто изгнав специфический фенотип из внешности. Но, увы, не из ДНК, хотя до меня никого особо не беспокоили ни острые кончики ушей, ни зеленоватая бледность, ни патологическая худоба, присущие гоблинам даже в сотом поколении. Последнее, пожалуй, я считала скорее плюсом, хотя и феи по своей природе не склонны к полноте и набору веса.

В фамильном отцовском особняке я не бывала с тех самых пор, как уехала из Англии. В гости нас особо не приглашали, да и поводов для семейных праздников не было – никто не родился, не женился и даже не развёлся. Тем удивительнее, что возникла такая срочная потребность в моём визите. Нет, паршивой овцой я никогда не являлась, как единственную девочку меня любили все без исключения, но гоблинский характер, проявившийся в подростковом возрасте, и поныне со мной, так что дружелюбием по отношению к родственникам я не отличалась, а воспитанные англичане не навязывали своё общество.

Более-менее активно общались мы разве что с бабушкой, регулярно интересовавшейся моим здоровьем и личной жизнью. Здоровье меня ни разу не подводило, исправно радуя пожилую родственницу, а вот причины обсудить с ней по «Скайпу» романтику за столько лет так ни разу и не возникло. Меня, наверное, уже за глаза называют старой девой – стыдно в моём-то возрасте практически не иметь опыта отношений с противоположным полом.

С такими мыслями я наконец достигла искомой салатовой гостиной, где на низком зелёном диване, идеально вписывавшемся в окружающую обстановку, королевой восседала хозяйка старинного поместья, ни капли не изменившаяся с нашей последней встречи.

– Вайолет, деточка, с прибытием! – Вскочив с мягкого плюша, бабушка Скарлетт бросилась ко мне с объятиями. Волосы, выкрашенные в сложный рыже-каштановый колер, тщательно уложены, на шее и запястьях блестят рубины, а твидовый костюм ладно облегает фигуру, скрадывая лишнее и подчёркивая достоинства. Бабушка, несмотря на возраст, по-прежнему оставалась леди и

выглядела соответствующе. Я же в линялых джинсах и длинном мешковатом худи, опускавшемся до середины бёдер, казалась простолюдинкой на фоне королевы. Да и волосы после перелёта наверняка торчали во все стороны... м-да. Сколько лет не виделись, а я в своём репертуаре. Но не ехать же из аэропорта в салон, чтобы привести себя в подобающий вид! Или всё-таки ехать?

– Здравствуй, nappu, – улыбнулась я в ответ, позволяя расцеловать себя в обе щеки. И кто только выдумал, что британские леди холодны и безэмоциональны? Моя бабушка, англичанка до мозга костей, с юности была страстной натурой и по-прежнему оставалась таковой. – Как твои дела?

– С твоим приездом заметно улучшились, милая. Как долетела?

– Вполне неплохо, – признала я, хотя летать, честно говоря, побаивалась. Свои крылья как-то надёжнее огромной стальной машины, но далеко на них не улетишь. – Повезло отхватить билет, от которого кто-то отказался в последний момент, а то бы ты меня ещё неделю не увидела – как сократили в феврале рейсы из-за той китайской заразы, так и не вернули в прежних объемах.

– Да, да, цзянши этой зимой что-то совсем расшалились. Хорошо, с помощью СМИ удалось списать вспышку на обычную простуду и купировать эпидемию в зародыше. Вот, помнится, в начале прошлого века так легко отбиться не удалось, болезнь ушла в массы и перестала поддаваться магии...

– Помнится? Бабуль, ты в ту пору ещё не родилась даже!

– Разумеется, самих событий я не застала, но твой дед мне рассказывал. А ему его дед, он как раз в то время жил в Испании. Наверное, тяга к путешествиям передалась Уиллу именно от него, – вздохнула леди Гринстоун, переведя взгляд на большой семейный портрет, висевший над камином. На монументальном полотне собралась вся семья, даже тринадцатилетняя я хмуро взираю с него из-под косой блондинистой чёлки, тщетно пытаюсь затеряться среди многочисленных кузенов. А по центру в окружении сыновей, невесток и внуков восседала уважаемая чета – лорд и леди Гринстоун.

Дедушка погиб несколько лет назад, разбился на лыжах в Швейцарии, и леди Гринстоун осталась одна в огромном двухэтажном особняке, так как сыновья давно разъехались и завели свои семьи. Двое моих дядюшек остались в Англии – один жил в Лондоне и

руководил адвокатской конторой, второй в Манчестере, а отец вслед за мамой перебрался в Россию, вполне неплохо ассимилировавшись в русском обществе за прошедшие годы. Покидать поместье, где прошла её молодость и выросли дети, бабушка отказалась наотрез, а никто из дядюшек пока не нашёл в себе ни сил, ни желания переселиться за город. Так что делами, капиталами и родовым гнездом семьи последние три года управляла леди Гринстоун. Хотя пора уже, наверное, передать бразды правления кому-то из сыновей. Дядюшке Грегору, например, как самому старшему.

Лично я темой наследства не интересовалась. Зачем оно мне? Папа – младший из сыновей, давно покинул Англию, ему ни особняк, ни титул, идущий в довесок к земле и недвижимости, не нужны. Он даже передать это сомнительное богатство никому не сможет – единственная дочь, то есть я, при всём желании не могла по местным законам претендовать на лордство, а обзаводиться новыми детьми родители как-то не планируют.

Впрочем, не о том речь и не за тем я перелетела и всю старушку-Европу и Ла-Манш. Меня же за чем-то пригласили, попросив приехать как можно быстрее, и явно не для того, чтобы поговорить о распоясавшихся китайских вампирах и антивампирской вакцинации. И вовсе не на чашечку традиционного чая, хотя вышколенная прислуга уже успела по-тихому прошмыгнуть в гостиную и поставить на стеклянный столик поднос с горячим чаем, молоком и сладостями, к которым рука потянулась сама собой.

– Бабушка, что у тебя стряслось?

– О, милая Вайолет, – взмахнула руками леди Гринстоун, на миг прижав ладони к груди. – Я не знала, к кому обратиться. Мы же все не особо-то и маги – так, постольку-поскольку, ничего выдающегося, кроме древности рода и семейного дела.

– И? К чему ты ведёшь?

– К тому, что мы обычная семья, Вайолет. Самая обыкновенная. Я и представить себе не могла, что кто-то вздумает наслать на нас проклятие...

– Что-что наслать? – ахнула я, едва не выронив из задрожавших пальцев фарфоровую чашечку.

– Проклятие, – выдохнула бабушка, с сожалением отставив свой чай в сторону. Что ж, судя по всему, разговор предстоит серьёзный.

– И в чём же оно выражается? – хмуро уточнила я, внимательно приглядываясь к ауре родственницы. На первый взгляд всё чисто, никаких тёмных пятен и иных отметин, характерных для проклятий.

– У нас завелись призраки, Вайолет! – свистящим шёпотом сообщила леди Гринстоун.

Я, не сдержавшись, фыркнула. Призраки? Серьёзно? Сколько лет тружусь на ниве прикладного волшебства, а ни одного не видела!

– Не веришь? – вздохнула бабушка Скарлетт, с обидой поджав тонкие губы. – И те маги и ведьмы, которых я вызывала по объявлениям, тоже не верили. Но я же не сошла с ума! Мне всего шестьдесят семь, а не глубоко за сотню, чтобы впасть в старческую деменцию, и уже давно не шесть, чтобы заводить воображаемых друзей!

– Но привидений не существует, – убеждённо заявила я, хотя и не верить словам бабушки причин не было. Леди Скарлетт Гринстоун – не эксцентричная дама, чтобы подобным образом привлекать к себе внимание. И по пустяку срывать меня из другой страны она бы точно не стала. Но если призраков нет (как и проклятия, судя по чистой ауре), то что же настолько взволновало родственницу? Она ведь сперва специалистов-магов пригласила, а уже потом меня, от безысходности.

Мало кто всерьёз осознаёт, что мечты и проклятия – две стороны одной медали. И тёмные феи, что уж греха таить, прежде существовали и активно портили людям жизнь. Собственно, именно здесь, на берегах Туманного Альбиона, они в большинстве своём и обитали. В стародавние времена, сведения о которых даже в маг-сообществе больше похожи на легенды.

Но фэйри давным-давно вымерли. Исчезли, канув в лету, не оставив после себя ни малейших следов. Поговаривали, что они ушли в иной мир. Или спрятались у себя в холмах, навсегда отгородившись и от смертных, и от столь похожих на них человеческих ведьм, магов и оборотней. Я же была склонна думать, что альвы попросту выродились или вымерли, как динозавры, ведь магии за прошедшие века стало в разы меньше, а фэйри сами по себе были детьми магии, жили ею, дышали ею.

Даже нам, феям, непросто живётся в современном мире, почти лишённом волшебства. Многие и родных лесов не покидают – задыхаются в городе, причём вовсе не фигурально выражаясь. Мне,

полукровке сильной гоблинской крови, в этом плане попроще, а та же Василиса, как мне помнится, покидает Красногорские холмы только с амулетом на шее и никак иначе.

Но призраки... это уже не из области легенд, это какая-то научная фантастика!

Да, я не поверила бабушке. Да, списала все на излишнюю эмоциональность и последствия одиночества в огромном доме. Но поздно вечером, выйдя из своей комнаты на кухню попить водички перед сном, мне волей-неволей пришлось кардинально изменить свое восприятие ситуации и поверить в призраков. А дело было так.

Я шла через одну из гостиных – розовую, кажется, – когда в доме внезапно погас свет. Ничего удивительного, впрочем, особняк старый, электричество проводили ещё в прошлом веке, а проводку с тех пор меняли лишь частично, и напряжение порой скакало, выбивая пробки. Темноты я не боялась и спокойно двинулась дальше, когда глаза немного привыкли к полумраку, но возле двери неосознанно остановилась.

Как и у всякой уважающей себя ведьмы, пусть и не особо могущественной, у бабушки был кот. Точнее, три кота – Франк, Годрик и Сюзанна. Все как на подбор чёрные, с колдовскими зелёными глазами и сквернейшим характером. Франка, самого старшего из троицы, я помнила с детства – он был главной причиной моих исполосованных рук и ног и передавался из поколения в поколение со времён прабабки моей бабули. Кажется, это и не кот был вовсе, а запертый в Средние века в теле животного чернокнижник, потому что даже фамильяры сильнейших ведьм не живут столетиями, ничуть не меняясь внешне. И сейчас эта тьма во плоти, этот жуткий ночной хищник сидел, вперившись в одну точку за моей спиной, и истошно мяукал. Годрик тем временем молча сверкал глазами из-под дивана, а Сюзанна, поправ законы гравитации, взлетела на трёхметровый шкаф и шипела оттуда на кого-то в углу.

Не знаю, зачем я обернулась. Мне ведь даже страшно не было в тот момент – ну мало ли как себя ведут бабушкины кошки и с чего вдруг Франк воет по ночам, как заправский оборотень на полнолуние. Но увиденное заставило похолодеть от макушки до пяток, словно вмёрзших в паркет под моими ногами. Из угла, пульсируя в стороны волнами чужеродной энергии, на меня смотрел самый настоящий

призрак. Фигура ни капли не напоминала человеческую, инфернально светилась и «фонила» магией, как неисправный атомный реактор – радиацией. С трудом совладав с непослушными ногами, я сделала пару неловких шагов назад, подальше от странной потусторонней сущности, пока не совершила тактическую ошибку.

Всем известно, что с котом в доме нужно очень тщательно следить за тем, куда ступаешь, но я за годы разлуки с бабушкиными хвостатыми успела позабыть это неукоснительное правило. Франк взревел на ультразвуке, до упора всадив мне в икру свои острые когти, и завопила уже я. От боли из глаз брызнули слёзы, я потянулась оторвать кота, намертво вцепившегося в ногу, и призрак на пару минут ожесточённой борьбы был благополучно забыт. А когда я обернулась, держа на вытянутой руке клыкастый комок шерсти за шкирку, привидения и след простыл. Магический, как ни странно, тоже, хотя обычно такие следы держатся довольно долго, до нескольких часов минимум, если магию предусмотрительно не развеять. Но колдующий призрак, подчищающий за собой магический фон... такого уникаума определённо следует поймать и сдать в лабораторию на опыты!

* * *

На тщательный осмотр территории я вышла с раннего утра, наспех позавтракав в голубой столовой, окна которой выходили на изумрудные луга, окаймлявшие дубовую рощу. В доме чужеродной магии я не уловила – она как испарилась ночью, так и не проявляла себя вновь. А вот где-то там, за пределами дома, вполне могло скрываться что-то интересное.

Призрак, по рассказам бабушки, всегда возникал и исчезал спонтанно, без привязки ко времени. Пару раз даже днём заглянул, когда бабуля решила спуститься в винный погреб. Маловероятно, что привидение таким образом продвигало свою позицию здорового образа жизни, а вот тяга к тёмным углам и неожиданному появлению была налицо.

Весь мой опыт говорил, что это обыкновенное заклинание, а не проклятие (тёмных меток на бабушкиной ауре я по-прежнему не видела), и тем более не настоящий призрак. Но что-то коробило и

заставляло взглянуть на ситуацию под другим углом. Например, тот факт, что вчера привидение напугало меня, а ещё его прекрасно видели кошки. Такого бы не случилось, будь заклинание направлено на бабушку, значит, дело, скорее всего, в доме.

Территория поместья Гринстоун была воистину огромна – пешком и за весь день не обойдешь. Земли моей семье за заслуги перед короной выдали с лихвой, соседние участки не в пример скромнее, и пары акров не наберётся, а у нас и лес, и озеро, и бескрайнее поле вереска... Красота, одним словом. Мне и в детстве нравилось гулять возле поместья, а сейчас, после душного мегаполиса, британские просторы казались воистину чарующими.

Я не удержалась, встряхнула руками, распрямила плечи, потянулась к магии – горячему источнику внутри себя – и взлетела. Лёгкие полупрозрачные крылышки трепетали за спиной, поднимая всё выше и выше, к небу, к облакам... Впрочем, летать над вершинами вековых дубов я не рискнула – мало приятного, если какая-то птица ненароком примет меня за стрекозу. Не съест, конечно, но напугает изрядно, да и я в порыве стресса могу нечаянно покалечить пернатую.

Чувство полёта захватило меня с головой. Тёплый весенний ветер, солнце, бескрайнее небо над головой... Я даже не поняла, в какой момент полностью открылась миру вокруг, инстинктивно поглощая живую энергию, пузырьками шампанского бурлящую в крови.

И минуты не прошло, как я опьянела от волшебного чувства, буквально растворилась в нём, позволяя крыльям нести меня куда вздумается. Густая мелодия стелилась над лугом. Природа пела голосами птиц, шелестом листвы, дыханием ветра. Воздух звенел от магии, будто легендарные холмы – прибежище не менее легендарных фэйри – находились аккурат на землях семейства Гринстоун.

А может, так оно и было? Не зря же предки столетиями не покидали эти земли, и удача сопутствовала гоблинам во всех их начинаниях. Если призадуматься, энергетика места рождения могла сыграть в этом немалую роль. И моё тотальное невезение сразу находило логическое объяснение – из всех родственников именно я родилась максимально далеко от фамильного особняка, аж в другой стране, за проливом, а вода, как известно, блокирует магию похлеще, чем расстояние почти в две тысячи миль от пригорода Лондона до ближайшего Подмосковья.

Наверное, стоит подробнее почитать об истории рода – в библиотеке поместья точно имелось нечто подобное, не то хроники, не то чьи-то автобиографические заметки. Даже с картинками, если мне не изменяет память. В четырнадцать я много читала, коллекции приключенческих книг в какой-то момент стало не хватать, и в поисках чего-то новенького я случайно наткнулась на старинный том в резном переплете. Но дедушка, едва заметив у меня в руках старую книгу, забрал фолиант и спрятал, пояснив, что такое чтиво – не для молоденьких леди. По возвращении в особняк надо найти эту книгу. Уверена, там скрыто немало тайн, с которыми неплохо было бы ознакомиться. Так, на всякий случай.

Спустя пару часов полёт стал немного утомлять – с непривычки ныли крылья, голову напекло, и зеленый ковёр внизу начал сливаться в размытое пятно. Стоило возвращаться назад, пока позорно не рухнула в обморок с пятиметровой высоты, но почти на самой окраине земель, принадлежащих семейству Гринстоун, я наконец заметила то, что так тщательно искала. Магия здесь звучала совершенно иначе – низко, тревожно. И птицы, соловьём заливавшиеся вокруг, молчали. И лес молчал. Застыл, как неживой, без единого шевеления. Я остановилась на границе, не рискуя перелетать на ту сторону, и, встряхнувшись, продолжила путь уже в человеческом обличье, на двух ногах. Так по крайней мере меньше вероятности, что меня ненароком прибьет каким-нибудь охранным заклинанием, так как гоблинская кровь волшебным образом гасила негативную магию. С позитивной дело обстояло иначе, а грань подчас была эфемерной, но не суть.

Но едва я зашла под сень деревьев, правильным кругом оцепивших поляну, сомнения насчёт ментального здоровья леди Гринстоун развеялись как дым. На нашей земле, поправ всяческие правила приличия и законы маг-сообщества, активировали самый настоящий ведьмин круг.

От невидимых знаков остро тянуло чужеродной магией. Удивительно, что бабушке встретился обыкновенный призрак – в круг вбухали столько сил, что по округе должна бродить по меньшей мере дюжина плотоядных зомби, а не один-единственный неприкаянный дух.

Но кто это сделал? И, главное, зачем?

В обратный путь до особняка я отправилась в глубокой задумчивости, не став менять ипостась. Надеюсь, что длительная прогулка подскажет решение. Самое простое лежало на поверхности – заявить на несанкционированное магическое вмешательство представителям местного маг-сообщества. Ведьмин круг – это вам не мелкая пакость вроде проколотых шин или ароматного свёртка на пороге. Такая дрянь насылает проклятия высшего порядка, подчас смертельные. Кто же так взъелся на бабушку? И за что? У неё, в сравнении с гоблинской половиной нашего семейства, характер абсолютно нордический, живёт она уединённо и тихо, с соседями не лается, да и до соседей этих пара миль напрямик лесными тропами. Кому она вообще могла помешать настолько, чтобы травить неправильным призраком?

К дороге, ведущей к дому, я вышла спустя полчаса, даже не особо следя за направлением, благо ни одна уважающая себя фея никогда не заблудится в лесу. Особняк прятался где-то за поворотом – я чувствовала впереди родовое гнездо, пускай пока и не видела его за густой стеной зелени.

В сущности, идти было недолго, оттого машина, притормозившая возле меня, вызвала недоумение и – самую капельку – чувство иррационального страха. Но я быстро одёрнула себя, взывая к разуму – тихая Англия это вам не Сицилия и не Южное Бутово, не стоит бояться незнакомых джентльменов, чисто из вежливости решивших подвезти юную леди на пустынной дороге. Тем более джентльмен, выскочивший из пассажирской двери неприметного серого авто, оказался не таким уж незнакомым.

– Чарльз? – ахнула я.

– Вайолет? – эхом откликнулся мужчина, недоуменно хмуря брови. – Что ты тут делаешь?

Вопрос прямо на миллион фунтов! Ну уж явно же не случайно забрела!

– Я в гости приехала, к бабушке, – ответила, тщетно пытаюсь скрыть волнение от неожиданной встречи. Надо же, столько лет не виделись, а сердце пустилось вскачь, и глаза прикипели к такому одновременно знакомому и непривычному лицу.

Чарльз не был похож на того юношу, с которым мы гуляли в парке закрытой школы. Он вырос, возмужал, обзавёлся стильной стрижкой и

не менее стильным костюмом-тройкой стального оттенка, почти в тон блестящего авто. Я отмечала всё, даже не желая того, – лёгкую щетину на подбородке, едва заметный шрам в уголке рта, тяжёлый фамильный перстень на пальце. Кажется, он стал главой рода. И что делать в таком случае? Поздравлять или соболезновать утрате?

– Как поживает леди Гринстоун? – вежливо поинтересовался Чарльз, но по интонации было ясно – благополучие пожилой леди несколько его не заботит.

– Всё прекрасно, – заверила я, не став вдаваться в подробности о терзающих бабушку страхах и подозрительном призраке в поместье.

– Слышал, лорд Гринстоун погиб позапрошлой зимой, мои соболезнования. – Бывший возлюбленный неожиданно тронул меня за руку и с участием заглянул в глаза. Я, признаться, опешила – после того случая с поцелуем Чарльз сторонился меня как прокажённой. И, говорят, больше года посещал психолога. Отрадно, что он перерос свои юношеские предрассудки, но сейчас мне от этого должно быть ни тепло, ни холодно.

Но оставаться рядом с ним равнодушной почему-то не получалось. Вот только место короткого прикосновения вдруг начало противно зудеть, как после комариного укуса. Я украдкой почесалась, но облегчения это не принесло. А мысли вопреки всякой логике внезапно соскользнули на Владислава, оставшегося в московском офисе в окружении сонма восторженных красавиц-феечек.

Чарльз, будто наконец вспомнив, зачем остановился посреди дороги, предложил подвезти до поместья, и я рассеянно кивнула, продолжая автоматом чесать руку. Красное пятно, как от аллергии, продолжало зудеть, сильно отвлекая от здравого восприятия, и я проследовала за Чарльзом в машину, почти не отдавая себе в этом отчёта. В салоне он сел рядом, ненавязчиво приобнял за плечи, отвесил пару дежурных комплиментов, говорил что-то еще и даже позвал завтра на свидание, на которое я согласилась не иначе как от неожиданности.

Меня высадили прямо у ворот особняка. Чарльз на прощание поцеловал мне руку, рассыпаясь в извинениях, что торопится и из-за дел не может заглянуть на ланч, и серый автомобиль быстро умчал его вдаль, взметнув напоследок тучу песка с обочины.

Я проводила автомобиль взглядом, пока тот не скрылся за поворотом шоссе, затем трянула головой, прогоняя странный гул, и направилась к особняку, переваривая по пути противоречивые эмоции от неожиданной встречи. Чарльз вёл себя... странно. Очень странно, учитывая, как именно закончились наши короткие отношения. Ещё поцелуй этот, клеймом горящий на коже...

Не удержавшись, я вновь поскребла кожу ногтями. Надеюсь, слюна Чарльза не ядовитая. Мы, конечно, целовались однажды больше десяти лет назад, но это ничего не значит – большинство способностей у представителей маг-сообщества раскрывались уже после пубертата. Моё ведьминское начало проявилось ближе к совершеннолетию, изрядно удивив родителей, считавших меня попросту не совсем нормальной феей.

Бабушке о встрече с Чарльзом я рассказала лишь вскользь, чтобы окольными путями узнать, как он вообще очутился в наших краях. Когда мы учились, его семья благополучно проживала в одном из уважаемых районов Лондона. Теперь же, как оказалось, он стал нашим ближайшим соседом, выкупив поместье в двух милях к северу. Там, кажется, жило семейство О'Нил – огненно-рыжие потомки ирландских лепреконов, перебравшиеся поближе к столице. Интересно, с чего вдруг они вздумали продать своё родовое поместье Чарльзу?

Леди Скарлетт Гринстоун о причинах, побудивших соседей уехать, не знала – это случилось вскоре после гибели дедушки, так что переезд О'Нилов прошёл для неё незаметно. Да и о том, что по соседству теперь живёт Чарльз, она узнала от поверенного на оглашении завещания, когда сверяли границы участков – заглядывать в гости к несостоявшейся родственнице мой бывший возлюбленный не спешил. Уже два года как не спешил. Тем удивительнее выглядела наша сегодняшняя встреча и его приглашение на свидание.

Весь оставшийся день я искала на маг-форумах информацию о ведьминских кругах, inferнальных сущностях и странных проклятиях, не проявляющихся на аурах. Ничего дельного не нашла, но к вечеру рассыпала по подоконникам и порожкам морскую соль, нарисовала мелом отвращающие кельтские руны и даже прошлась по комнатам с невесть как отыскавшейся в бабушкиных закромах курительной

смесью из индийской лавки. И магические сигналки кругом развесила, разумеется, хотя не надеялась, что это поможет.

Как чувствовала – ночью нас опять навесил призрак, до полусмерти перепугав бабушку, не ожидавшей его визита в собственной постели. До рассвета отпаивая трясущуюся от нервов леди Гринстоун ромашковым чаем с щепоткой успокоительной магии, я твёрдо решила во что бы то ни стало разобраться в этой ситуации и изгнать наглую сущность, чем бы она ни была, прочь из дома. Но мне необходима была помощь высококвалифицированного мага, и на примете был всего один, подходящий по всем критериям.

Часть пятая, романтическая

Наутро я уже не была так уверена в собственных силах и письмо Владу послала скорее от безысходности. Ну чем и как он сможет мне помочь? Вдруг у него вообще британской визы нет – как он в страну-то попадёт? На дырявой лодке с беженцами? Но ответ пришёл сразу же – скупой, но обнадеживающий. Ведь не просто так он спрашивал мой лондонский адрес?

Закусив в волнении губу, я открыла сайт аэропорта Хитроу и не удержалась от сдавленного стога – рейсы поголовно задерживались, а напротив ближайшего московского борта краснела пометка отмены. Следующий, если верить расписанию, планировался на конец недели. Ну что за невезение? К субботе я с ума сойду, не в силах разобраться с чертовщиной вокруг!

Но Владислав вопреки моим опасениям появился прямиком на пороге поместья Гринстоун пару часов спустя, будто я позвала его не сорваться в далёкую Англию посреди рабочей недели, а заглянуть в соседний район по пути в офис. Из Москвы до Лондона лететь часа четыре, не меньше, как же эльф умудрился добраться до особняка в два раза быстрее? На личной ракете? Или истратил на меня амулет переноса? Да он же стоит как крыло самолёта, если способен перенести на такое огромное расстояние!

И последствия у таких игрушек для непривычного к хождению коридорами организма не самые приятные, но Влад был свеж и бодр, а не страдал от тошноты и сильного головокружения.

– Добрый день, Фиа, – с улыбкой поздоровался Влад, в реальность нахождения которого на крыльце лондонского особняка упорно не верилось.

– Привет, – с трудом вытолкнула я из пересохшего горла и откашлялась. – Ты... быстро.

– Мог бы и быстрее, – усмехнулся Влад, уверенно переступая порог, – но пока передал свои дела на ближайшие пару дней, пока собрал немного вещей и поменял тарифный план на роуминг... В общем, торопился как мог. У тебя же что-то срочное, верно? Иначе ты бы и не исчезла из офиса вот так, без предупреждения...

– Срочное, – согласно кивнула я, обняв себя за плечи. Язык не поворачивался сказать, в чём причина моей просьбы, но замалчивать и ходить вокруг да около нет ни малейшего смысла. Лучше уж выложить правду сразу, и будь что будет. Присмотрит за сумасшедшую и вернётся в Россию? Пожалуйста, найду кого-нибудь, того же Чарльза – он вроде из семьи потомственных чародеев. Поверит и согласится помочь? Отлично! Но чтобы узнать это, лучше не оттягивать признание. Это как с пластырем – раз, и готово.

– В общем, – вздохнув, решила я, – кто-то открыл неподалёку ведьмин круг. Кто-то чужой, но на нашей земле. И... с тех пор нас с бабушкой каждую ночь навещает призрак.

Выдержка у Влада оказалась на зависть – он лишь молча вскинул правую бровь, удержавшись от едких комментариев по поводу моей трезвости и ясности рассудка. Даже покивал пару раз значительно, выслушав мой сбивчивый рассказ о событиях двух последних дней.

– Ведьмин круг, значит, – задумчиво протянул эльф, осматриваясь. – А дом у вас, как назло, безо всякой магической защиты. Почему?

– Это тихий, спокойный район, здесь даже обычные сигнализации редкость, – ответила я, отчего-то смутившись. – И вокруг живут одни представители маг-сообщества, так сказать, все свои.

– Круг тоже не случайный прохожий открыл, – разумно заметил Владислав. – Даже, вероятнее всего, кто-то из соседей.

– Я тоже так подумала, но... но тут все веками живут, целыми поколениями, а из новеньких по соседству только один чародей, да и тот переехал уже давно.

– Надо бы с ним встретиться.

– Зачем? – насторожилась я.

– Затем, что это наиболее вероятный подозреваемый.

– Не думаю, что Чарльз на такое способен...

– Ах, Чарльз, – с непонятной интонацией протянул Влад, прищурившись, и в изумруде его глаз мне почудился холодный стальной блеск, а сам взгляд стал острым, решительным. – Тогда нам тем более стоит познакомиться как можно скорее.

Развивать разговор я не стала. Судя по всему, эльф изначально был как-то слишком предвзят к нашему новоявленному соседу, не стоит и дальше провоцировать, доводя до конфликта. Вот увидит его –

истинного британского джентльмена, вежливого и спокойного, и сразу поймёт, что пугать беззащитных пенсионерок такой точно не станет. И вообще, о причинах происходящего лучше говорить лично с леди Гринстоун – вдруг я, расспрашивая, не заметила какого-нибудь тревожного звоночка вроде ссоры с соседкой-ведьмой или плевка в лицо верховному магу Альбиона.

Бабушка Скарлетт визиту Влада искренне обрадовалась. И на меня глянула этак с намёком, показав украдкой большой палец.

– Так, значит, вы познакомились с Вайолет на работе, – с улыбкой проворковала леди Гринстоун, внимательно изучая сидящего перед ней эльфа.

– Да, именно так – мы вместе работаем, – кивнул Владислав, пригубив чай из крошечной фарфоровой чашечки, абсолютно не смотревшейся в мужских пальцах инородно. Сейчас, рядом с истинной британской леди, я яснее видела то, что временами замечала прежде – горделивую осанку, аристократические манеры, идеальное произношение, чуть отдающее стариной. Вот что странно – в речи Влада почти не было современного сленга. И одевался он классическим образом, никаких тебе джинсов и кроссовок, популярных у молодежи по всему миру.

– И как вам малышка Вайолет в роли руководителя? – лукавая усмешка тронула старческие губы. – Не сильно зверствует?

– Что вы, нет, Вайолет замечательный начальник, одно удовольствие работать под её шефством. И девочки её очень любят, – нещадно польстил мне Влад и глазом не моргнув. Вот заливать насчёт всеобщей любви точно не стоило – такое даже звучит нереалистично, но бабушка словам эльфа поверила, поддакнув между делом, что в семье крошку-Вайолет любят ничуть не меньше – как-никак единственная девочка за много поколений.

Меня откровения родственницы несколько смущали, и сидеть на диване возле эльфа с каждой минутой становилось все более неловко. Слава богу, что в поместье нет альбома с моими детскими фото, иначе бабушка наверняка устроила бы Владу презентацию с пояснениями. Ведь нет же?

К счастью, бесконечно петть дифирамбы любимой внучке леди Гринстоун не стала, ограничившись четвертью часа, за которую успела похвалить меня со всех сторон, особенно почему-то напирая на мою

нравственную чистоту. Хорошо, физическую не упомянула. Осознавала, наверное, что в нынешних реалиях это так себе достоинство. Скорее уж недостаток и повод внимательнее приглядеться к «невесте» – мне ведь давно не шестнадцать и даже не двадцать два.

Влад также ни на минуту не забывал, что прибыл не в гости, а практически на работу. Я даже предложила задним числом оформить командировку, покрыв траты на билеты, но мужчина лишь отмахнулся, сообщив между делом, что прибыл коридором и даже на такси из офиса не тратился.

И вроде бы ничего странного в его словах не было – многие маги с высоким уровнем силы «ходили» коридорами, пронзавшими пространство на сотни и тысячи километров. А Владислав был силён, по-настоящему силён и весьма разносторонне одарён, это я ещё в момент встречи с умным домом поняла, даже не пытаясь ввязываться в схватку двух исполинов. Но и стихийная магия, и плетения заклинаний, и пространственные переходы... как это всё умудрилось воплотиться в одном-единственном представителе маг-сообщества, пускай и эльфе? И когда он успел отточить свои навыки до мастерства, имея опыт, кажется, во всех известных мне сферах? Не удивлюсь, если он ещё на рояле играет и исполняет арии из опер!

Спустя пару часов я поняла, что у Владислава ко всем прочим талантам имеется и дар детектива. Поляну с ведьминым кругом, на которую я его привела, маг изучал со всем тщанием – выстроил масштабную купол-проекцию и снял всевозможные слепки аур, присутствовавшие неподалёку. Больше половины, разумеется, принадлежало зайцам, птицам и парочке оленей, но несколько оказались вполне человеческими. Вот эта фиолетовая, например, точно моя – и по свежести, и по цвету.

Влад весьма профессионально опечатывал улики, заставляя меня крепко задуматься, откуда у него появились подобного рода знания. В фильмах такого не показывают – снимать детективы о магических расследованиях пока никто не решился, чтобы не пугать обывателей суровой реальностью, что и среди волшебников порой встречаются преступники. Сбору улик можно научиться разве что на практике. Но когда? Зачем? Этого же не было в резюме!

– Ты сможешь найти того, кто это сделал? – поинтересовалась я, когда Владислав развеял проекцию и засобирался в обратный путь.

– Вероятнее всего, – обнадёжил он. – Сличить ауру и слепок магии не так уж и сложно, главное – встретиться с подозреваемым и вынудить колдануть что-нибудь, чтоб уж наверняка.

– Может, имеет смысл пройти по соседям?

– Думаю, пока не стоит. Я бы хотел сперва взглянуть на привидение, угрожающее твоей бабушке.

– Но призрак обычно приходит ночью...

– Значит, дождемся ночи, – не стал спорить Влад. – Ты же не против, если я задержусь здесь на пару дней?

Против я не была. И бабушка, узнав, что гость останется на ночь в особняке, развила бурную деятельность: заставила прислугу подготовить комнату и долго обсуждала с кухаркой меню для предстоящего ужина, пытаясь одновременно и поразить национальной кухней, и избежать неблагоприятных последствий для непривычного к британским изыскам желудка.

Я же устроила Владу небольшую экскурсию по Гринстоун-холлу, только коридор с галереей семейных портретов всякий раз обходила стороной. Не знаю, заметил ли эльф наше странное кружение по особняку, вида он, во всяком случае, не подал и двухчасовому блужданию не противился. А там уже и до ужина было рукой подать, и я скрылась у себя в комнате, тщетно пытаясь отыскать среди немногочисленных вещей, взятых в дорогу, хоть что-то женственное и элегантное. Увы, удалось лишь сменить драные джинсы на прямые, а футболку – на какую-то блузочку, невесть каким чудом оказавшуюся в багаже.

Ничего особенного от вечера я не ждала, но у судьбы были на этот счёт свои планы.

Чарльз, о свидании с которым я благополучно успела забыть, явился под вечер, когда сад за окнами Гринстоун-холла затерялся в сумерках. Выглядел бывший возлюбленный с иголки – гладко выбрит, в свежей сорочке оттенка бедра смущённой нимфы и с букетом цветов. Именно последний поразил меня до глубины души – тёмно-фиолетовые, почти чёрные бутоны с жёлтыми прожилками и длинными изумрудно-зелеными листьями будто воплощали собой всю двойственность моей натуры. Что это вообще за сорт такой? Не видела

прежде ничего подобного. Неужели местные феи постарались, вырастили что-то новенькое под заказ?

– Извини, ничего не выйдет сегодня со свиданием, – с напускным вздохом сожаления призналась я, принимая протянутые цветы. – У нас с бабушкой гости.

– Гости? – заинтересовался Чарльз, с любопытством вытягивая шею и явно прислушиваясь к разговору, доносившемуся из гостиной.

– Гость. Мой коллега с работы, – поправила я. И предложила чисто из вежливости: – Зайдёшь познакомиться?

– Разумеется, – кивнул Чарльз, будто подобное было в порядке вещей и даже не подлежало обсуждению.

И я повела его за собой, прижимая к груди странный букет и ведать не ведая, куда же его пристроить. Надо, пожалуй, позвать бабушкину служанку, чтобы принесла вазу. Или попробовать поискать самой что-то подходящее?

На полпути к гостиной я осторожно понюхала необычные цветы и звонко чихнула. От приторного аромата засвербело в носу, пришлось оставить букет на ближайшей тумбочке и пойти дальше, сконфуженно озираясь по сторонам и не зная куда деть опустевшие руки. Чарльз, мигом подскочив, предложил свой локоть, и я со смущенной улыбкой опёрлась на него.

Влад, говоривший о чём-то с бабушкой, замер на полуслове. И мою руку, лежавшую на локте Чарльза, пронзил каким-то недобрый взглядом.

– Добрый вечер, – с любезной улыбкой обозрел присутствующих Чарльз. – Для тех, с кем не знакомы – Чарльз Люциус Карлстон Третий.

– Владислав Дубцов. Единственный и неповторимый, – холодно представился Влад, поднялся с кресла и в два шага очутился напротив Чарльза, оказавшись выше почти на полголовы. В плечах пресветлый эльф ничуть не уступал потомственному чародею и выглядел в тонком домашнем свитере и мягких брюках не менее элегантно, чем Чарльз в дорогом костюме.

Мужчины пожали друг другу руки, глядя глаза в глаза, а у меня волосы на затылке встали дыбом от напряжения, натянувшегося между ними, – того и гляди, молнией шандарахнет.

– Давно не виделись, Чарльз, – вклинилась бабушка, дабы разрядить обстановку. – Слышала, вы потеряли отца и мачеху... Мои соболезнования. Лорд Мэнсон был достойным человеком, насколько я знаю. И талантливым волшебником.

– Был, – угрюмо кивнул Чарльз, непроизвольно провернув на пальце фамильный перстень. Хм, а ведь это наверняка артефакт. Или защитный, или, что более вероятно, усиливающий способности мага. В юности Чарльз не отличался особыми талантами, но сейчас его аура практически пылала, соперничая по яркости лишь со сверкающим ореолом вокруг Влада. А такого не достичь упорными тренировками, таким нужно родиться.

– А ваша мачеха вроде бы была не из магического сообщества, верно? – проявила недюжинную осведомлённость леди Гринстоун. Я, например, понятия не имела, на ком женился отец Чарльза, случилось это уже после нашего некрасивого расставания.

– Да, Саманта была психологом в клинике, где за мной наблюдали после... после эмоционального шока. По сути, это она меня вылечила, отец был ей очень благодарен, вот они и... поженились, – криво улыбнулся Чарльз, а у меня почему-то мурашки по спине поползли от его странной улыбки.

– Жаль, что этот брак не подарил вам брата или сестру, сейчас не было бы так одиноко, – вздохнула бабушка, для которой семьи с одним ребёнком всегда казались неполноценными. Она даже мою маму не раз уговаривала порадовать родственников ещё одной очаровательной девочкой, но родители только отмахивались – им и меня одной хватало с лихвой, особенно во время пубертата.

– Отец хорошо относился к Саманте, но общие дети... – Мужчина неуловимо поморщился, как от чего-то кислого. – Вы же, конечно, знаете, что в нашей семье чтят устои сообщества и не разбавляют кровь, а вместе с ней и силу. Моя мать была чародейкой. И бабушка с дедом, и все предки на много поколений назад. Это главный залог того, что магия в роду не иссякнет.

– Это весьма архаичное мнение, – не согласилась леди Гринстоун, пожевав губами. – Несколько лет назад я читала исследования Совета о том, что приток свежей крови, наоборот, активизирует магические каналы. Вайолет, например, куда способнее в магии, чем я, хотя ни один из моих сыновей и внуков не может похвастаться большим

резервом. Именно приток новой крови – крови фей – пробудил в ней то, что во мне уже почти иссякло. Так что это вы зря – за полукровками будущее.

– Я, например, тоже полукровка, – будто между делом сообщил Влад, заставив меня немало удивиться. Внешне он казался чистокровным эльфом, никаких грубых черт в облике, как ни присматривайся. Да и поведение, если задуматься, у него вовсе не человеческое.

– Полукровка? – скептически переспросил Чарльз, недоверчивой интонацией выразив и мои сомнения. – По вам и не скажешь.

– Меня воспитывали в семье отца, – спокойно пояснил Владислав, – а окружение, как известно, влияет ничуть не меньше, чем гены.

– Не могу с вами согласиться, – нервно дёрнул кадыком чародей. – Гены порой пересиливают всякое воспитание. Верно, Вайолет?

Я вздрогнула, поёжившись под скрещенными мужскими взглядами, и неуверенно кивнула. Будем считать, что я согласилась не со своим конкретным случаем, а с некой общей выборкой.

– Ох, хватит разговоров, – махнула рукой бабушка, должно быть заметив, как зазеленели от волнения мои щёки. – Все наверняка голодны, так что пойдёмте ужинать. Вы ведь останетесь на ужин, Чарльз?

Разумеется, Чарльз остался. Он вообще вёл себя так, будто прошедших десяти лет и не было, а мы до сих пор составляли пару. Давно женатую, ко всему прочему. Он даже сел со мной рядом, ухаживая и щедро предлагая блюда, к появлению которых на столе не имел ни малейшего отношения. Сперва я пыталась уклоняться от навязчивой заботы, но вскоре плюнула – ну хочется ему класть на мою тарелку всё самое аппетитное, на его взгляд, пускай кладёт. Есть-то мне это необязательно.

Ужин затянулся, и выпроваживать запозднившегося гостя пришлось едва ли не силой. Чарльз будто бы удивился, что я решила остаться в особняке, не согласившись отправиться с ним, «время-то детское», но утаскивать с собой за руку не рискнул, наткнувшись на многозначительный взгляд Влада, строгой дуэньей сторожившего нас у порога. Всё, на что в итоге хватило решимости чародея, – поцеловать

кончики моих пальцев, которые я незаметно вытерла о джинсы, как только дверь за ним закрылась.

– Странный парень, – вполголоса пробормотал эльф, и я была склонна молча с ним согласиться.

* * *

Вскоре после ужина бабушка ушла спать, а мы с Владом остались наедине, как зачастую бывало в офисе. Вот только в офисе всегда удавалось заполнить неловкую тишину разговорами о работе, а здесь, в пригороде Лондона, наш скромный отдел прикладного волшебства казался невыносимо далёким, и свести диалог к нему ну никак не удавалось, как бы я ни старалась увильнуть от откровений. В какой-то момент я в панике поняла, что беседа наша стала слишком личной, – Влад плавно перешёл с вопросов о моей британской юности на текущие отношения с Чарльзом. Я смутилась и возмутилась одновременно – ну какое его дело? – и попыталась экстренно сменить тему и перевести стрелки:

– Слушай, а что у тебя за заикленность на браке с феей? Это похоже на навязчивую идею, не находишь? Разве мало девушек на свете?

Владислав коротко усмехнулся, разгадав мой трусливый побег от ответа, лениво откинулся спиной на диванные подушки, но сам городить секреты не стал:

– Я уже много лет ищу ту, что предсказал мне Совет, Фиа. Сперва не верил, разумеется, а потом, раз за разом разочаровываясь в отношениях, понял, что их предсказание не ложь. Знаешь, считай это заикленностью, но я просто уже устал от одиночества и кратковременных интрижек. И не в том я возрасте, чтобы ждать у моря погоды, пока предсказанная фея сама встретится мне на пути.

– Не в том возрасте? – удивилась я. – Тридцать два года – это еще не старость. Тем более для эльфа!

Влад от моих слов неожиданно смутился и отвёл взгляд. А я прямо-таки прозрела:

– Тебе не тридцать два, верно?

– Верно, – покладисто согласился Влад.

– И давно не тридцать два, – проницательно заключила я.

Как только раньше не замечала? Эльфы в тридцать – сущие дети, обычно даже с профессией ещё не определились, живут в своё удовольствие и не думают работать, упорно развивая прикладную магическую науку. И внешность, и манеры, и взгляд... Да, эльфы не стареют, но печать прожитых лет нет-нет да и мелькнёт в глубине изумрудных глаз.

– Зачем ты солгал в резюме? – хмуро спросила я.

– А ты бы взяла меня на работу, зная, что мне далеко за тридцать?

– Я и так не горела особым желанием нанимать тебя, – буркнула в ответ.

– Вот видишь, – снисходительно улыбнулся Влад. Да и Влад ли? Если насчёт возраста солгал, то и с именем мог не заморачиваться. А ведь мне сразу показалось странным его «советское» отчество... – Не хочешь спросить, сколько мне лет?

– А это что-то изменит?

– Пожалуй, что нет, – пожал плечами эльф, не сводя с меня пристального, тревожного взгляда. Будто бы боялся моей реакции.

Ну а я что? Я ничего. Визиты к психологам и регулярные медитации все-таки принесли пользу – контроль эмоций у меня на высшем уровне, и на истерики я уже пару лет не срывалась. И сегодня не сорвусь. Подумаешь, разбавила молодёжный коллектив престарелым эльфом-обманщиком. С кем не бывает?

– Тогда я воздержусь от любопытства. Не хочется, знаешь ли, осознавать, что тыкаю ровеснику своего дедушки.

– А сама ты почему не замужем? – полюбопытствовал Влад.

– Жду принца, – привычно отмахнулась я.

Эльф прищурился:

– Серьёзно, принца? Да тебе, с твоими запросами важного руководителя, и короля мало будет!

– Что за глупости, а? Просто жду подходящего человека и не размениваюсь на малоподходящие варианты.

– Ну ладно, не злись, – примирительно улыбнулся маг. – Я же просто спросил. Подумал ненароком, что ты из этих...

– Из каких таких «этих»?

– Феминисток, Фиалочка, феминисток. На идейную лесбиянку ты не похожа, уж извини, даже если пирсинг вставишь и татушки по

всему телу набьешь.

– Да что ты понимаешь?!

– Кое-что да понимаю. Я же вижу всю эту нерастраченную женственность. Странно, конечно, ты ведь красивая. Серьёзно. Даже этот вырвиглазный цвет волос не портит, хоть я и не понимаю подчас, зачем женщины идут против собственной природы. Блондинкой тебе было бы гораздо лучше, ты не думала?

Я скептически фыркнула. Лучше, как же. На тёмных волосах не так заметна проклёвывающаяся зеленца, а вот на моём природном колере самый лёгкий перепад настроения отражался, демонстрируя всем и каждому, что фея не в духе. Хватит, находилась с волосами, как у русалки. И чем ему цвет так не понравился, а? Отлично же с глазами гармонирует – мы с мастером очень тщательно подбирали, из семнадцати возможных оттенков фиолетового.

– А на тебе бы отлично смотрелась обтягивающая футболка, и что? – свела всё в шутку я, не желая объяснять причины своей маскировки. – Мы вовсе не обязаны выглядеть так, как от нас ожидают. Тебе и так, наверное, непросто, что женщины клюют на внешность, а не на то, что у тебя внутри.

– Отношения без чувств всегда пусты. И ни к чему не приводят в итоге, лишь к закономерному расставанию.

– А тебе хотелось большего?

– А тебе разве нет? – уклонился от прямого ответа эльф. – Ты ведь тоже ищешь любви. Настоящей, искренней, чтобы тебя принимали такой, какая есть, со всеми недостатками и достоинствами.

– С чего ты взял, что я ищу любви? Я смирилась с одиночеством и вполне нашла себя в работе и шефстве над девочками.

– Уж себе-то не лги, – усмехнулся Влад. – Этот Чарльз, кто он?

– Никто, – буркнула в ответ, отведя взгляд.

– А я думаю иначе. У вас что-то было, верно? – То ли у меня слуховые галлюцинации, то ли в бархатистом тоне и вправду промелькнули ревнивые нотки. С чего это вдруг? У него в Москве целый офис феечек в полном распоряжении, зачем меня-то ревновать? За компанию?

– Если что-то и было, то много лет назад. Мы даже не друзья. Так, знакомые.

– Но его присутствие тебя волнует, я же вижу.

– Твое вот тоже меня волнует, тем более когда ты сидишь, тесно прижавшись к моему бедру, будто на всём диване нет больше места, – раздражённо фыркнула я, демонстративно встав и отсев на кресло.

– О, спасибо за признание, – ослепительно улыбнулся эльф. Выглядел он при этом до отвращения счастливым, будто выиграл в лотерею. – Так что у вас случилось с Чарльзом?

– У нас всё... плохо закончилось.

– Насколько плохо?

– Он пожаловался на меня родителям, а я уехала из Англии.

– Дурак, – резюмировал Влад.

– Он был подростком, – неумело попыталась я выгородить Чарльза, хотя сама не верила в свою отговорку.

– Он и сейчас ничуть не умнее, – пренебрежительно фыркнул эльф.

– Это почему ещё?

– Хотя бы потому, как грубо он сработал, подарив тебе букет с зачарованными цветами.

– Что?!

– А ты не почувствовала? – прищурился Влад с каким-то странно-довольным выражением глаз. – Да от цветов за милю разило приворотом! Кое-кто явно рассчитывал на приятное продолжение вечера, а не на тихий ужин в компании с твоей бабушкой и «другом с работы».

– Чарльз не мог, – робко запротестовала я.

– Мог, ещё как мог, – заверил Владислав. – На тебе и утром висела какая-то полустёртая дымка чужой магии – вот тут, на руке, – он прикоснулся к ладони, которую я вчера расчёсывала докрасна после короткого прикосновения Чарльза.

– Но зачем?

– А вот этот вопрос уже интереснее. Давай я расскажу об этом завтра, когда твой воздыхатель придёт снова?

– Придёт снова?

– Несомненно, ведь ему наверняка захочется успокоить тебя после тревожной, бессонной ночи.

Я непонимающе моргнула, но пояснять что-либо эльф не стал – сослался, что время уже позднее и пора расходиться по комнатам. Даже учтиво проводил меня до спальни, старомодно поцеловал на

прощание кончики пальцев и, пожелав добрых снов, скрылся за поворотом коридора в гостевое крыло.

Но ночь, вопреки прогнозам Влада, прошла спокойно – ни меня, ни бабушку призрак не беспокоил, и мы обе проспали до самого утра, пока в дверь внизу не заколотили с недюжинной силой, разом перебудив весь дом.

Часть шестая, финальная

Когда я, спешно одевшись, спустилась вниз, моему взору предстала настолько нереалистичная картина, что на секунду показалось, будто я до сих пор сплю. В просторном холле, злобно поглядывая на молчаливого дворецкого, нервно переминался с ноги на ногу Чарльз, непривычно взерошенный и взбудораженный.

– Вайолет, ну наконец-то! – воскликнул нежданный гость, бросаясь ко мне и заключая в объятия. Вовсе не дружеские, судя по руке, нахально облапавшей меня гораздо ниже талии. – Я так рад, что с тобой всё в порядке...

– А что-то случилось? – настороженно спросила я, аккуратно отцепив с поясницы наглую ладонь, но отодвинуться не получилось.

– А ты не знаешь разве?

– О чём?

– Как о чём? – опешил Чарльз, отпустив мои плечи. – Твоя бабка. Она же сумасшедшая!

– С чего ты взял? – нахмурилась я, отступая. Происходящее нравилось мне всё меньше. И где пропадает Влад, когда он так нужен?

– Ну так... все же знают.

– Знают что?

– Что ей чудится призрак погибшего мужа, разумеется! – воскликнул Чарльз, нетерпеливо топнув ногой. – А тут причины всего две – или совесть нечиста, или голова не в порядке.

Ну, допустим, на дедушку тот inferнальный дух был ни капли не похож. Уверена, дедулю я бы узнала и после смерти. Но вот так сразу назвать сумасшедшей...

– А то, что она просто скучает по дедушке, в расчет не берётся?

– Вайолет, милая, ты просто должна принять – с пожилыми людьми такое случается. – Мужчина ласково, как ребёнка, погладил меня по голове, тронул за щёку, заглянул в глаза... – Нужно просто срочно отправить её к врачу, пока не случилось ничего плохого. Вдруг ты пострадаешь? Люди, находящиеся не в себе, легко могут навредить близким.

– Ты говоришь ерунду, бабушка не больна...

– Больна, Вайолет, больна. – Глаза Чарльза были так близко – яркие, манящие, с расширенным зрачком, всё больше и больше заполнявшим радужку... И голос начал понемногу убаюкивать, усыпляя критичность мышления. – Ты просто ещё не поняла, не разглядела. Но я всё понял этой ночью. Сложил два и два. Сколько она магов приглашала, да всё попусту – никакой магии в доме не нашли. Значит, привидение ей чудит-ся, – пропел Чарльз.

– Не чудится, – вяло запротестовала я, но Чарльз прижал мне палец к губам.

– Тш-ш-ш... тихо, Вайолет... Я понимаю, такую правду трудно принять. – Он вновь коснулся моего лица, погладил, оставляя пальцами зудящие следы. – Но ты разумная девушка. Как ещё это называется, если не сумасшествие?

– Это называется «энергетическая сущность пятого порядка, призванная ведьминым кругом». Даже я с трудом её изгнал, – холодно произнёс знакомый голос за моей спиной. – А то, что ты делаешь сейчас, называется ментальным внушением. Незаконная штука, между прочим, если не санкционирована властями.

Чарльз отпрыгнул от меня на добрую пару метров, резво оглянулся по сторонам и, решив что-то для себя, выпростал руку с перстнем вперёд и ударил. Я не успела разобрать даже заклинание, сорвавшееся с его пальцев, а вот Владислав среагировал просто мастерски – ни до меня, ни тем более до него не долетело ни единой искры, а нападавший одновременно с этим оказался обездвижен. Злополучное фамильное кольцо – артефакт невероятно мощной силы – соскользнуло с безвольной ладони Чарльза и покатилося по паркету.

– Спасибо за прекрасный образец, – усмехнулся Влад, поигрывая чужим заклинанием, надёжно заключённым в сфере стазиса. – У нас и так было вдоволь улик, но образец магии лишним точно не будет.

Чарльз натурально зарычал и дёрнулся в сковывающих его путах, едва не разорвав плетение, но по-настоящему навредить уже не мог.

– Не испугалась? – тронул меня за плечо эльф, поворачивая к себе и вглядываясь в глаза. Я отрицательно помотала головой, ещё не до конца осмыслив произошедшее.

В холле между тем началась суматоха – появились какие-то оперативники, один даже со значком из Скотленд-Ярда. Они с благодарностями приняли у Влада сферу стазиса и отпечатки аур,

аккуратно уложили их в неприметный коричневый саквояж, надели на ссутулившегося подозреваемого блокирующие наручники и повели его прочь.

Я стояла и безучастно смотрела на происходящее, но по-прежнему не могла поверить, что за ведьминым кругом в лесу и призраком, пугавшим бабушку, стоял Чарльз. Пускай давно уже не мой Чарльз, и вряд ли вообще когда-то бывший моим, но...

– Зачем? – почти прошептала я, не столько надеясь на ответ, сколько не совладав с эмоциями.

Однако Чарльз расслышал, обернулся от самой двери. На бледных щеках горел лихорадочный румянец, глаза пугали чернотой расширенного зрачка, губы дрожали в безумной усмешке... Да он же попросту спятил! Не может психически здоровый человек так выглядеть! И травить пожилую вдову призраками, открывая бесконтрольные ведьмины круги, тоже не станет.

– Твоя семья – позор магического сообщества! – выплюнул чародей с неприкрытой ненавистью. – Жалкие полукровки без капли силы, зато со связями! Даже тебя за твой обман отмазали от наказания, выставив меня виноватым. Меня, истинную жертву твоего коварства!

– Коварства? – недоуменно переспросила я.

– А как ещё назвать то, как ты влюбила меня в себя?! Околдовала! Я столько лет пытался тебя забыть, выжигал навязчивый образ из памяти, а потом, когда почти отомстил твоей удачливой семейке, ты явилась мне вновь – такая красивая, желанная, настоящая фея! – Чарльз судорожно облизнул пересохшие губы, и я неосознанно вздрогнула от этого жеста, отступив на шаг назад.

– Ты пьян?

– Я трезв! Я в кои-то веки трезв, и вижу неприкрытую правду! Я увидел её давно – эту вселенскую несправедливость, но отец предпочёл пичкать меня таблетками, чтобы я молчал и во всём с ним соглашался. Но они умерли – и он, и его рыжая пассия, с которой он спал и которую заставлял называть мамой. Умерли, ха! Я прозрел почти сразу после похорон и понял, что нужно менять мир, а кроме меня этим никто не займётся. Все вокруг слепцы, все сквозь пальцы смотрят на чистоту крови, считая чистокровных магов ровней каким-то вшивым гоблинам!

Последние слова прозвучали как пощечина, и я отшатнулась, неверяще глядя на Чарльза. Он это что, серьёзно?

По всему выходило, что серьёзно. Чарльз, мой прекрасный принц из далёкой юности, оказался долбаным расистом! Одним из тех фанатиков, что радеют о чистоте магической крови. Тех, которые бреют головы и всюду ходят с битами, подкарауливая гномов в тёмных подворотнях, или обзывают оборотней животными, провоцируя на конфликты. Но ведь Чарльз выглядит таким нормальным... или это лишь маска, чтобы подобраться поближе к жертве и ударить побольнее?

Со мной ему удалось – покуситься на святое, на любимую бабушку. Он не смог бы поступить более гнусно, разве что навредить родителям, но те слишком далеко.

Едва Чарльза увели, а оперативники покинули особняк, Влад за ручку усадил меня в столовой, впихнув в руки полулитровую кружку с ромашковым чаем. И седативной магией от напитка тянуло куда сильнее, чем полевыми травами. Но лучше побыть слегка заторможенной, чем скатиться в истерику.

– Как ты догадался, что это он? – спросила я, сделав пару больших глотков и немного успокоившись.

– Я удивлён, что ты сама не догадалась, – у него же на лице написано, что именно он наш злодей, – усмехнулся эльф, ненавязчиво приобняв меня за плечи. И его касания были куда приятнее, чем собственнические объятия Чарльза. – Весь такой серьёзный, тихий, застёгнут на все пуговицы, но глаза... сумасшедшие у него глаза, будем честны. И идеи тоже не от мира сего – низвергнуть всю аристократию Британии, хоть сколько-нибудь запятнавшую себя межрасовыми браками. Хотя пацан к успеху шёл, как говорят, – соседей-то ваших умудрился опорочить в тяге к азартным играм и вынудил продать ему особняк за бесценок, что для потомков лепреконов было хуже любого позора.

– А потом принялся за мою семью...

– Да, всё началось со смерти твоего дедушки, лорда Гринстоуна...

– Он убил дедушку?! – разом вскинулась я.

– Нет, конечно, кишка тонка, – небрежно отмахнулся Влад, плотнее притянув меня к себе. Погладил по волосам и мимоходом чмокнул в висок, как ребёнка. – А вот воспользоваться ситуацией не

преминул. План, конечно, вышел долгий и кропотливый, но Чарльз почему-то был уверен, что леди Гринстоун, отправленная детьми в психушку, навсегда запятнает имя рода своим безумием, и Гринстоуны тот же час потеряют всё своё уважение и влияние. Вот только психика леди Скарлетт оказалась крепкой – она продержалась почти месяц, пока не вызвонила тебя. Женщина-камень, настоящий гоблин пусть и не по крови, но по духу.

– Гоблин? – пискнула я, похолодев от предположения. Хотя о чём тут предполагать вообще – он знает! Знает, кто я такая, но продолжает ласково прижимать к своему крепкому плечу, а не бежит прочь, как Чарльз в своё время и те редкие мужчины, на свидания с которыми меня выпинывали подружки и родственники.

– Ты думала, я не узнаю? – интимно шепнул на ушко Владислав. – Ни разу не погуглю или не вспомню известную фамилию потомственных юристов, приближённых лично к королеве?

– Я...

– Понимаю, в женщине всегда должна быть какая-то загадка, но ты свою тайну берегла как-то слишком рьяно. А я, как ты заметила, люблю порой поиграть в детектива. Хотя я до сих пор не понял, отчего ты так стесняешься своей природы.

Я молчала, в смущении закусив губу, и абсолютно не представляла, что ему ответить, как объяснить... Но объяснять и не потребовалось.

– У тебя красивые глаза, – хрипло выдохнул Влад, не отрывая пристального взгляда. – Зелёные-зелёные, как вечное Древо.

Я вздрогнула от его слов. Если радужка позеленела, то и всё остальное – тоже. Вот только эльф упорно смотрел в глаза, в самую душу, как будто вовсе не замечая, что прекрасная фея от волнения превратилась в болотную лягушку.

Сердце трепыхалось в груди, кожу кололо тысячами иголок от лёгкого прикосновения пальцев Влада, а потом... Когда его губы накрыли мои, я забыла как дышать. И как сидеть с прямой спиной, внезапно тоже забыла, качнувшись, но в последний момент уцепилась в эльфийские плечи. На удивление крепкие, кстати говоря, как и шея, по которой я провела ладонью, зарываясь пальцами в шёлк волос, собранных на затылке. М-м-м, блаженство... Просто тактильный

экстаз. Мои волосы даже после салона и в половину не такие мягкие и гладкие.

А какие у него губы... Уверенно ведущие меня в пучину неги каждым своим движением. И язык... как интересно! С ним всё намного увлекательней. И руки, блуждающие по спине от макушки до копчика, ни капельки не отвлекают, а только усиливают ощущения. Но воздух... его в какой-то момент стало катастрофически не хватать, и поцелуй, к моему вящему неудовольствию, пришлось-таки разорвать, чтобы вдохнуть и наладить сбитое дыхание.

– Как... как ты мог меня целовать? – ошарашенно прошептала я, замороженно скользя кончиками пальцев по припухшим губам. О да, наш страстный поцелуй мне точно не приснился. Его последствия, по крайней мере, весьма ощутимы и наверняка видны невооруженным глазом.

– Очень просто – взял и поцеловал, – усмехнулся Влад, по-прежнему склоняясь надо мной и не убирая горячих ладоней с талии. – Может, хочешь повторить?

– Нет... я... Я ведь зелёная, как лягушка. Никому не приятно целоваться с лягушкой.

– Лягушкой? – озадаченно переспросил эльф и чуть отодвинулся, заглядывая мне в лицо. И как он только может смотреть так внимательно и безо всякого отвращения во взгляде? Я сама от своего «зелёного» облика была не в восторге, а он умудрялся смотреть и не морщиться. Даже любовался как будто. И – удивительное дело! – вновь склонился к моим губам, негласно подтверждая, что целоваться со мной ему очень, очень нравится.

– Ты вовсе не лягушка, – некоторое время спустя выдохнул Влад, аккуратно отведя с лица упавшую прядь. – И ни капельки не зелёная.

– Как это – не зелёная? – не поверила я, переводя взгляд с прекрасного эльфийского лица на собственную руку, обвившуюся вокруг мужской шеи. Рука, как ни странно, и вправду ни капли не отдавала зеленыю. И ногтей на пальцах не наблюдалось. Но... – Но как же так?

– Может, как и во всякой уважающей себя сказке, тебя исцелил поцелуй принца? – предположил «целитель», в третий раз закрепляя лечебный эффект.

– Нет-нет, это просто невозможно – я же целовалась прежде! – пробормотала себе под нос, но Влад услышал и тотчас нахмурился:

– С кем?

– С Чарльзом, в детстве, – тихо призналась я, пряча шальной взгляд и мысленно ликуя от ревнивых ноток, просквозивших в его голосе. Прежде меня никто не ревновал. И не целовал так. Тем более – трижды!

– Вот и всё объяснение – он просто не принц, в отличие от меня, – самодовольно улыбнулся эльф, и я не удержалась от лукавой улыбки в ответ.

– А ты, значит, принц?

– Князь, – поправил Влад. – Только не императорской крови. Да и самой императорской семьи давно уже нет...

Я подумала, что ослышалась:

– Ты... ты это серьёзно?!

– Разумеется, – кивнул эльф, и всё его поведение склоняло к осознанию, что это вовсе не шутка. – Ты же сама рассказывала мне ту историю.

– Но я не думала, что ты...

– Что я и есть тот самый мальчик? Об этом вообще мало кто знает.

– Но тогда...

– Да, мне давно не тридцать лет, но и это ты ведь уже прекрасно знала, верно? Я, конечно, не называл точных цифр, но по намёкам ты должна была понять...

– Я поняла, – перебила я, пока пугающая цифра не прозвучала вслух. Два с лишним века против моих «чуть» за двадцать... это же разница в возрасте на целый порядок! Мама наверняка будет в шоке, а бабушка Астра привычно пожурит, что мне всегда было интереснее с людьми постарше, чем с ровесниками.

– Всё нормально, тебя это не отталкивает?

Отталкивает? Какой-то там возраст? Тем более у эльфа, которые до первой сотни и вовсе сущие дети? Да ни капельки!

Ответить я решила без слов. Так, как могла, учитывая мой скромный опыт, но очень старалась, отдаваясь занятию на все двести процентов. Владу мой ответ понравился, и мы продолжали общаться в том же ключе, пока хватало дыхания.

– Я сразу понял, что ты – та самая, – улыбнулся он, едва оторвавшись от моих губ.

– Как это – сразу? – Я уперлась ладонями в твёрдую грудь, отодвигаясь, и сурово нахмурила брови, уже не опасаясь, что они вполне могут быть зелёными, как и возмущённый румянец на скулах. – А как же эта неделя с прямым эфиром ток-шоу «Эльф-холостяк»? Я ведь из-за этого в Лондон улетела – чтобы не видеть, как ты там заигрываешь с молоденькими феями!

– Ах вот почему ты уехала, – мужские губы расплылись в до неприличия довольной улыбке. – Значит, мой план всё-таки сработал.

– Какой план?

– По охмурению одной серьёзной феечки, – неуловимым движением Влад чмокнул меня в кончик носа и отпрянул обратно, на расстояние вытянутой руки, опасаясь закономерной пощёчины. – Прости за этот маленький спектакль.

– Спектакль?! – В голове будто что-то щёлкнуло. – Так это всё было не по-настоящему?! Но... зачем? – кажется, у меня сегодня день глупых вопросов: одни только «зачем» и «почему».

– Прости, Фиа, – прошептал Влад со всей искренностью. – Я просто не знал как к тебе подступиться, как сделать так, чтобы ты в ответ проявила хоть малейший интерес, а не томила меня во френдзоне...

– Во френдзоне?! Да я и слова-то такого не знаю!

– Зато умело умеешь скрывать собственные чувства. И не отрицай – у тебя по лицу при всём желании было не прочесть, нравлюсь я тебе как мужчина или ты просто довольна тем, что нашла себе хорошего сотрудника. Вот и пришлось привлечь девочек, особенно после того, что тебе нарасказывала обо мне Василиса...

– Она сказала только правду!

– Но ты бы видела себя после этой правды – смотрела на меня, как на маньяка какого-то, готового весь офис отравить ради исполнения собственных матримониальных планов. Это был шаг назад. Возвращение к началу пути, хотя после произошедшего в умном доме я надеялся в самом скором времени знакомиться с твоей семьёй... Прости мне моё нетерпение, но пришлось начать действовать.

– Грязными методами, провоцируя на ревность!

– Ну не вином же тебя поить – ты прямо озвучила своё к нему отношение. Хотя оно очень вкусное. И помогло бы тебе разобраться в собственных чувствах.

– А обычные ухаживания уже прошлый век? Цветы там, конфеты, с работы подвезти...

Влад в удивлении расширил глаза, задумчиво почесал подбородок, кашлянул:

– Да, стоило, наверное, попробовать... Но ты такая необычная женщина, что я как-то не рискнул ухаживать подобным образом.

– Такая необычная, что весь твой двухсотлетний опыт не помог? – ехидно сощурилась я.

– Такая желанная, что я банально боялся потерять тебя, не успев обрести, – негромко сознался Влад, осторожно протянул руку и погладил меня по щеке. Легко-легко, почти неощутимо, но я потянулась вслед этой нехитрой ласке, загнав саму себя в такие крепкие объятия, что не вздохнуть толком. – Дорожил каждой минутой, проведённой рядом, но с каждым вздохом желал большего. Смотрел и не мог насмотреться, вечно одёргивал себя, чтобы не трогать так часто...

– А я думала, это ты слишком красивый для меня... идеальный. – Мои пальцы, повинувшись не разуму, а чувствам, очертили овал мужского лица, скользнули по шее, плечам. И тело, как чужое, магнитом притянуло к горячей груди. Наши губы встретились, дыхание слилось, сердца стучали в унисон... но как же необдуманно мы сели выяснять отношения в столовой!

– Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте, вы мне ни капли не мешаете, я вас даже не замечу – у меня отвратительное зрение, – звонким голосом известила о своём появлении леди Гринстоун, неспешно проходя к накрытому столу. Неужели мы были настолько увлечены, что умудрились не услышать прислугу? Когда Влад усаживал меня на диван, стол был девственно пуст... Ох, как же стыдно! А перед бабушкой ещё стыднее за свой вид! И не только за свой.

Я ревностно запахнула на эльфе рубашку, одёрнула свою футболку и аккуратно слезла с мужских коленей, приглаживая растрепанные волосы. Уж я-то знала – зрение у бабушки Скарлетт ястребиное, ничего от неё не укрылось. Ну разве что гладкую

эльфийскую грудь (боже, какая у него нежная кожа!) я стратегически прикрывала собой.

– Я... мы... мы попозже позавтракаем, ладно? – пробормотала я, схватила Влада за руку и поспешно утащила прочь от беззвучно захихикавшей женщины.

– Я почувствовал себя школьником, застигнутым родителями за чем-то неприличным, – тихо рассмеялся Владислав, когда мы притормозили за одним из поворотов, в паре шагов от моей комнаты. И зачем я только сюда прибежала? Ведь точно же не оттого, что на моей двери есть замок?

– Привыкай – юная жена, говорят, отлично молодит и тело, и дух.

– Жена? – хриплый шёпот возле уха и поцелуй – томительно-прекрасный. – Так ты согласна?

– На что?

– На долго и счастливо.

– И умерли в один день?

– Я бы предпочёл не загадывать так далеко. Ты фея, я эльф – нам ли думать о смерти?

– Я наполовину гоблин, – угрожающе напомнила я, притянув к себе Влада за воротник. – Ты по-прежнему столь уверен в своём долголетию?

– Ты сомневаешься в крепости моего здоровья? А я ведь выдержал атаку целого умного дома! В постели! И выжил!

– Сомнительное достижение – ты вёл себя там, как бревно. Возраст сказывается, не иначе, – фыркнула я, из последних сил сдерживаясь, чтобы не поцеловать такие манящие губы. В крови пузырьками шампанского искрились азарт и предвкушение, кожу колото миллиардом иголочек – остро, волнуяще, и дверь моей спальни была так близко...

А Влад сдерживаться не стал и поцеловал. Так, что ноги подкосились, а в голове не осталось ни единой связной мысли. И неважно, стояли мы в коридоре или всё-таки перебрались в спальню – я больше не стеснялась, охотно подставляя шею жарким поцелуям, и сама с энтузиазмом исследователя изучала чужое тело, шалея от собственной смелости. Что сказать – хоть заметными мускулами эльф не отличался, но кое-что в нём заставило бы умный дом давиться от

зависти. И я не только про роскошные волосы, шёлком ласкавшие ставшую невероятно чувствительной кожу.

Согласие на предложение Влад всё-таки получил – коварно подгадал момент, когда с моих губ сорвалось короткое «да», – и закрепил его долгим поцелуем. Он спрашивал ещё трижды, будто не до конца удовлетворился первым ответом, так что к обеду я вышла четырежды помолвленной и невероятно довольной этим неофициальным статусом.

Бабушка поджидала нас в гостиной. А с ней ещё мама, папа, оба дядюшки с женами и пятеро кузенов, которых встреча с семьёй не слишком-то прельщала, судя по скучающим взглядам. Но стоило им увидеть меня под руку с красавцем-эльфом, как настроение в комнате резко изменилось, а Саймон, обзывавший меня когда-то жабой, аж присвистнул, за что получил от матери по губам.

– Вот оно, значит, как, – глубокомысленно заметил папа, внимательно оглядывая Влада с головы до ног. Увиденное ему явно понравилось, но виду он, как истинный адвокат, не подал.

– Мы поженимся! – резко выступил вперёд Владислав, крепко сжав мою ладонь. Родных моих он не боялся, и на отца смотрел твёрдо и решительно.

– А мы и не сомневались, – хмыкнула леди Гринстоун, украдкой подмигнув мне. – Поэтому и решили познакомиться поближе, собрать всех вместе – семья как-никак. Да вы не стойте у порога, как неродные, садитесь. Сейчас чай принесут, а вы с утра ничего не ели – как только спуститься силы нашлись. Давай, подвинься, Саймон, не видишь – их ноги едва держат!

И мы сели, куда предложили. И пили чай. И дружно разговаривали обо всём на свете, словно встречались не только по праздникам, а как минимум каждые выходные. И Влад, мой новоявленный жених, о чём кузены уже успели известить весь «Твиттер», идеально вписался в нашу гоблинскую семейку, будто так и задумано.

Этот суматошный день, начавшийся странно и пугающе, стал самым лучшим на моей памяти – я сидела в кругу семьи, грелась в горячих мужских объятиях и чувствовала себя абсолютно счастливой. И не я одна, судя по довольному эльфийскому дыханию, опалявшему мой висок.

Мама долго с улыбкой смотрела на нас, едва не плача от умиления, но подошла только вечером, когда вся семья решила передислоцироваться из гостиной в столовую – на ужин.

– Я так рада за тебя, доченька. – Мама крепко прижала меня к груди, на секунду вырвав из объятий жениха. – Рада, что вы нашли друг друга. С ним ты по-настоящему расцвела – стала такая красивая, настоящая фея...

– Она всегда была красавицей, – не согласился Влад и уткнулся носом в мою сиреневую макушку, как в лепестки цветов. – Просто фиалки слишком капризные, чтобы цвести для кого попало.

Конец

Ноябрь 2020

Татьяна Гуркало
Твоя невеста оборотень!

ТАТЬЯНА
ГУРКАЛО
Твоя невеста —
оборотень!

Какие могут возникнуть проблемы при знакомстве невесты с родителями жениха? А если невеста умеет превращаться в огромного тигра, а родители всю жизнь прожили в глухом селе и о таком счастье даже не думали никогда?

А у жениха какие проблемы могут возникнуть при знакомстве с родителями невесты? Ага, с обратными. Которые ценят какую-то странную силу. И которым плевать на чьи-то там магические таланты.

Да какие угодно, на самом деле.

Часть 1

Знакомство с его родителями

Лунина была самой красивой девушкой в селе. Да что в селе, таких красавиц надо было еще поискать, что в соседних селах, что в небольшом городке Сосновке, куда Лунина ездила с отцом на базар.

Девушка об этом, конечно, знала. Да даже ее матушка знала еще до рождения дочери. Именно поэтому выбрала для нее такое красивое книжное имя, которое разные дуры из зависти коверкали и меняли на простецкое Лушка. Наверное, запомнить сложное имя не могли, ума им на это не хватало.

На том самом базаре Лунина чувствовала себя настоящей принцессой, хотя всего лишь продавала горшки из красной глины. Настолько обычные горшки, что большинство покупателей подходили, только чтобы посмотреть на продавщицу. Подходили, любовались и не могли не купить ее товар.

В общем, своей внешностью Лунина гордилась. Было чем. Волосы цвета гречишного меда, густые и блестящие. Глаза зеленые, кошачьи, опущены густыми темными ресницами. Носик и овал лица аккуратные, как у красавиц на иллюстрациях в дамских романах. Губы пухлые, улыбчивые. И ямочки на щеках. И фигура из тех, на которые заглядываются. Настоящая красавица же, практически сказочная. А такая красота предполагала переборчивость в выборе будущего мужа. К чему Лунина подошла с ответственностью и умом.

Ну, умной она себя тоже считала. Она вообще была сосредоточием всех возможных и невозможных достоинств.

Остаться в родном селе Лунина, естественно, не собиралась. Разве место такой красоте за гончарным кругом, в коровнике и на огороде? Нет, конечно. Такая красота должна жить в городе. Поэтому она гордо отказала самому завидному жениху села – кузнецу, хотя он и красавец, чего уж там. А у остальных сельских парней вообще шансов не было. И присмотрела Лунина себе жениха в Сосновке, поэтому зачастила на базар и просто в город. А то так посидишь в своем селе, а

тот молодой писарь при сторожевой управе возьмет и женится. Он парень красивый, при деле, желающие точно найдутся.

В общем, Лунина считала себя почти замужней, когда узнала, что сын старосты через пару дней должен в очередной раз вернуться домой.

Староста был так себе мужик. Даже не мужик, а мужичонка, даром что умный. Он был невысок, по молодости, говорят, отчаянно рыж и конопат, а сейчас почти лыс. Нос картошкой. Сам весь такой кругленький. Ну, и жену себе нашел такую, словно хотел село насмешить. Она была почти на голову выше мужа, худая, тонконосая, на болотную цаплю похожая. И что у такой пары могло родиться? Да только нечто напоминающее рябого воробья. Так что обе дочери старосты женихов могли приманивать только приданым. Ну, смогут, когда подрастут. А на его сына Лунина и вовсе не обращала внимания. Да и видела в последний раз, когда он уезжал в какую-то далекую школу магии. В старшую. Потому что вдруг оказался слишком умным для того, чтобы учиться в старшей школе в Сосновке.

Провожали его всем селом, даже Лунину мамак насильно пригнала на эти проводы. И зачем? Становиться старостихой девушка не собиралась. А смотреть там было не на что – Витар умудрился взять от внешности родителей все самое неприглядное. И на его лице чудным образом сосуществовали отцовский большой рот и материнский тонкий нос. От матери он унаследовал длинное лицо, коричневые волосы и непонятного болотного цвета глаза. А от отца ему достались веснушки, почему-то темные. В общем, воробей воробьем. Таким его Лунина и запомнила.

А тут вдруг мамка со странными претензиями.

– Да зачем мне ваш старостин воробей?! – возмутилась первая красавица, сообразив, что мамка требует немедленно печь пироги, чтобы было с чем встретить это недоразумение. В гости якобы случайно зайти. Улыбнуться ласково. – Я в Сосновке буду жить.

– Дура! – грозно рявкнула мамка, Лунина аж подпрыгнула от неожиданности. – Лушка и есть! Мозгов, как у той коровы! В Сосновке она будет жить! А Витар, который будет жить в столице, не устраивает ее чем-то! Ты хоть понимаешь, бестолочь великовозрастная, где он учится?! Думаешь, он после столичной школы в наши болота вернется?! Да Руда еще зимой хвасталась, что он в аспирантство ихнее

идет, совсем ученым будет. В аспирантство кого попало не берут. Таланты там нужны. А ты со своим писарем носишься! Маг ей чем-то не угодил. Дура и есть! Да он и без аспирантства такие подарки сестрам и мамке присылает, что твоему писарю на них и за пять лет не накопить! Ты видела ту брошку, которой она платок на плечах закалывает?! Так там не просто серебро с камнями, там еще и магия для здоровья полезная. А она с писарем при страже носится! Дура!

И Лунина призадумалась. Она же была девушкой умной. И память у нее была хорошая. И брошь – цветок о семи лепестках из фиолетового камня – она помнила. Еще тогда удивилась – зачем тратить столько денег на такую красоту, если потом носишь ее, приколов к старому платку, да еще и ходишь при этом по родному селу? А оно, оказывается, для здоровья полезно. То-то старостиха перестала так часто простуживаться и вечно кашлять.

– Пирог так пироги, – примирительно сказала красавица.

И никуда этот воробей от нее не денется, увезет в столицу как миленький. И благодарен будет. Где он еще такую красоту найдет, чтобы перед знакомыми хвастаться?

Почему-то Луниине казалось, что столичные красавицы каким-то сельским воробьем побрезгуют. Это у нее особого выбора нет, надо брать, что судьба посылает.

Вирта всегда подозревала, что знакомство с родителями любимого человека – то еще приключение. Особенно если эти родители живут в тихом, застрявшем в прошлом веке месте, да еще и далеко от тех земель, где есть хотя бы маленькие кланы оборотней.

Ага, про оборотней в таких местах знают немного. А то, что знают, черпают из сказок, придуманных, чтобы пугать непослушных детей.

И да, Вирта была смелой девушкой. Еще она была сильной девушкой, а уж обидеть ее в звериной ипостаси не каждый медведь бы рискнул. И меньше всего Вирта от себя ожидала, что вдруг возьмет и банально начнет трусить. Ей очень хотелось остановить лошадь, сложить ладошки перед грудью, как та дева на вершине Старого фонтана, и зануть что-то вроде: «А может, не надо?»

И, казалось бы, чего там бояться? Судя по описаниям знакомых, которые успели побывать у родителей Витара в гостях, бояться там нечего. Отец внешне очень похож на магистра Пания, такой же

низенький, упитанный, временами рассеянный, добрый, если его не злить, умеющий вовремя собраться, если дело серьезное, и в целом не без хитринки. А так, шутить любит и смотрит на молодежь со снисхождением. Мама вообще спокойная и любит всех кормить, причем готовит очень вкусно. А еще у них в селе какой-то оборотень с какой-то вдовой живет. И ничего, до сих пор никто даже не попытался потыкать его вилами, чтобы проверить шкуру на прочность.

А Вирта все равно отчаянно трусила и хотела вернуться. Или хотя бы подраться, почему-то казалось, что драка принесет спокойствие.

– Витар, у вас здесь разбойники не водятся? – спросила она с надеждой.

– Нет, что им здесь делать? – удивился любимый мужчина и пожал плечами.

Девушка печально вздохнула. Что делать разбойникам на едва заметной дороге, ведущей из одного села в другое, она понятия не имела.

– А мертвия из оврагов не лезут? – спросила с еще большей надеждой. Ну должен же здесь быть хоть кто-то, с кем можно подраться ради собственного спокойствия?

– Изредка, последнего я в прошлом году сжег. Хиленькое такое было. Источник здесь, под лесом, хоть и есть, но слабый.

Вирта опять вздохнула и не стала говорить, что это он поспешил, что сейчас мертвие было бы к месту.

Некоторое время девушка вертела головой влево, вправо в смутной надежде, что сейчас из леса выскочат волки, медведи или хотя бы больные бешенством зайцы, в которых можно будет швырнуть огненную плюху, отведя душу хоть так. Потом увидеть зайцев резко перехотелось, Вирта вспомнила, что очень не любит тушить лесные пожары.

– Скоро приедем, – сказал Витар и посмотрел на спутницу так, словно был уверен, что она этому обрадуется.

Ну, Вирта ему улыбнулась. Зачем его расстраивать собственным дурацким испугом?

Мама и папа у Витара оказались именно такими, как все Вирте описывали. Он – кругленький, шустренький, с хитрым взглядом. Она – спокойная, высокая и прямая. Полные противоположности, на самом деле. Местные наверняка считали маму Витара некрасивой.

Отличалась она от большинства круглолицых, со вздернутыми носами женщин, которых Вирта успела увидеть, пока ехали по селу. А вот в столице ее внешность сочли бы интересной. И, глядя на эту женщину, Вирта перестала бояться. Зато проснулась жажда деятельности, глупая такая – очень хотелось показать свою полезность.

И все бы, наверное, прошло тихо и мирно. Витар даже придумал, как подвести родителей к тому, что его невеста – оборотень. Чтобы они отреагировали на эту новость спокойно. Но воплотить этот план он, увы, не успел. На самом интересном месте в дверь постучали, за ней послышалась какая-то возня и чей-то сдавленный писк. А когда отец Витара открыл, две странные особы разом попытались войти. При этом каждая старалась помешать конкурентке. И не уронить при этом большие корзины, прикрытые вышитыми полотенцами.

Потолкавшись в дверях бедрами, локтями и корзинами, обе сумели протиснуться, с ненавистью друг на друга посмотрели, а потом широченно заулыбались хозяевам дома и их госте.

– Здоровья, тетушка Руда, дядечка Вилах, Витар и... – поспешно заголосила та из странных особ, которая была немного выше и чуточку рыжее.

Девушки с корзинами были обе рыжеваты. Одна скорее шатенка, вторая русая с рыжинкой. Но обеим до рыжины Вирты было далеко. Ее короткие, едва достающие до плеч волосы горели костром, а их – так, отражали пламя, слегка, как в мутном зеркале.

– И... – повторила русо-рыжая, зачарованно уставившись на Вирту.

Вирта даже заподозрила, что эта странная особа пытается сообразить, не чудится ли ей девушка со столь непривычной для этой местности внешностью.

Вторая пыталась изображать скромность и уставилась в пол, а когда первая запнулась на своем «и», оторвала от него взгляд и тоже уставилась на Вирту. Похлопала немного глазками. Округлила ротик.

– И какой же болотный шучик вас принес? – добродушно поинтересовался дядечка Вилах. – Матушки пирожков напекли и прислали угостить?

– Да, – неуверенно проронила русая.

Вторая почему-то продолжала молчать, пялиться на Вирту, а потом что-то беззвучно зашептала. Может, какие-то оберегающие

речитативы, кто ее знает?

– С любимыми ягодами Витара, – еще более неуверенно добавила русая, похоже, напрочь забыв, что же там за ягоды он любит.

– Счастье какое, – проворчал любитель ягод, наклонился к уху Вирты и прошептал: – Соблазнять меня приперлись. Пирожками. А то вдруг ка-ак соблазнюсь и ка-ак захочу жениться...

– На пирожках? – тоже прошептала Вирта.

– На пирожковладелицах.

Прозвучало многозначительно, и Вирта фыркнула.

Шатенка после этого почему-то стала смотреть со злостью.

В общем, план, как бы обрадовать родителей наличием второй ипостаси у невесты, да так, чтобы их от радости не хватил удар, Витару пришлось отложить. Ну не при незваных же гостях рассказывать. А они намеков, что они здесь лишние, то ли не понимали, то ли вид делали, но чай с теми самыми пирожками пришлось пить всем вместе. И Вирта пирожки даже обнюхала, а то мало ли. Вдруг эти странные особы в начинку приворотного зелья насыпали. Ну, того, что таковым считают. Витару, конечно, ничего не будет. А у его мамы и без того здоровье неидеальное.

Лунина была умной. Ну, или считала себя таковой. Поэтому, в отличие от Шанки, сразу сообразила, что на этот раз сынок старосты привез с собой вовсе не друга, с которым было по пути домой. Впрочем, и до Шанки вскоре это дошло.

– Вечно какие-то заезжие женихов отбивают, – злобно прошипела она, когда оказалась за порогом дома старосты, а та рыжая чужачка осталась в доме.

– Да, – подтвердила Лунина очевидное.

– И кто? Глиста какая-то рыжая. Худая как палка, – продолжала разоряться Шанка, яростно дыша.

– Да, да, – поддакнула Лунина. Чужачка ее тоже злила. Причем большей частью не из-за того, что претендовала на воробья Витара. Нет, это Лунина ей бы еще простила. А вот то, что на фоне этой невысокой, действительно худой и излишне рыжей девушки вдруг почувствовала себя блеклой, огромной и неуклюжей коровой, простить было невозможно. – И зачем ей этот воробей понадобился? Что, в столице холостых парней совсем нет?

– Да она отбирает нашего жениха! – возмутилась Шан-ка, и Лунина поняла, эта дурочка будет мстить, таскать за волосы и пытаться отбить воробья угрозами.

Сама Лунина была умна и по одежде смекнула, что эта Вирта – маг. А таскать за волосы мага – глупость. Еще возьмет и в лягушку превратит, кому оно надо? Нет, Лунина никого таскать за волосы не будет. Она лучше приведет зрителей. Приведет воробья, чтобы полюбовался что на дуру Шанку, что на свою рыжую. Мужчинам дерущиеся женщины не нравятся. В этом Лунина была уверена, ей как-то ее ученый писарь сказал.

– Как она посмела? – практически пропела Лунина, решив подогреть боевитость Шанки, а то вдруг одумается?

– Да! Как она посмела?! – радостно подхватила дурочка и взмахнула пустой корзиной так, словно намеревалась зашвырнуть ее в лопухи у забора. – Она еще поймет, что зря сюда приперлась! Уверена, она тоже не столичная! Но хочется остаться, вот и вцепилась в парня!

– Да, – кивнула Лунина.

А потом с удовольствием наблюдала за тем, как Шанка грозно уходит куда-то вправо от дома старосты. Наверное, подружек пошла собирать. Чтобы наверняка напугать чужачку.

«Так даже лучше, – решила Лунина и поспешила домой переодеться. Не в новеньком же платье выяснять, где сельские дуры собираются ловить рыжую чужачку. – Надеюсь, она вас всех в лягушек превратит. Так будет еще лучше. Так ее вообще в башню для злых магов заберут».

Желание сделать что-то полезное никуда от Вирты так и не делось. Или это было желание во что бы то ни стало понравиться маме Витара. Или все вместе. Она на этот момент даже не пыталась понять, просто шла с пустым деревянным ведром к общему колодцу. Потому что там вода самая вкусная.

По дороге Вирта размышляла. Сначала о странных местных девушках с их пирожками. А ведь они действительно странные. Вот как можно взять и вообразить, что парня можно приманить пирожками? Собака он им или кто?

Потом мысли перекинулись на Витара, на оборотней и на разные отвлеченные темы.

Оборотни по человеческим меркам – все ненормальные. У всех оборотней – раздвоение личности. Просто одна из личностей не человек. И инстинкты у нее временами либо далекие от человеческих, либо излишне яркие.

Зато именно эта нечеловеческая личность не дает ошибаться мужчинам в женщинах и наоборот. Если кому-то нравятся мягкие и ласковые девушки, которые будут ненадоёдливо поддерживать и со снисхождением относиться к недостаткам, другие девушки живущему внутри животному будут неинтересны. Если кому-то нужны сильные, способные решать все и за всех мужчины, за которыми можно спрятаться и весело оттуда показывать язык злему миру, то всех остальных мужчин эта особа будет попросту не замечать, хоть ты ей бриллианты величиной с яйцо под нос подсовывай.

Нет, силу, конечно, все оборотни уважают, поэтому и бегают за холостыми главами кланов целые стайки юных девушек. Ну, если главы – мужчины. Женщинам стаек из юношей не перепадает, юноши все-таки посдержаннее будут. Хотя если глава-женщина бросит клич... то разогнать этих юношей будет сложнее, чем девушек. Инстинкты.

И нет, дело вовсе не в той силе, о которой все сразу думают. Не в силе зверя, иначе суслики, скворцы и прочая мелочь главами бы не становились. И даже не в силе магического источника. Дело в воле, в способности принимать решения и отвечать за них, в способности взять на себя ответственность сразу за всех и выдержать это.

В общем, Вирта всегда была из тех девушек, которым именно главы и нравились, вот такая вот сила ей нравилась, и что хочешь, то и делай. Отец, поняв, что дочка не перерастет желание хвостиком носиться за Лорки Рыжиком, от греха подальше отослал ее учиться в лучшую школу королевства, по совместительству (совпадение, не иначе!) находившуюся одинаково далеко от любого клана оборотней. Наверное, подумал, что там она со своими инстинктами, требовавшими забрать себе самого сильного мужчину, как-то справится, сумеет перерасти в отсутствие раздражителей.

И да, Вирте было сложно. Сначала она грустила. Потом грубила. Потом писала отцу письма, в которых высказывала обиду. А потом неожиданно для самой себя увлеклась природной магией (и это с явно огненным направлением дара) и стала преодолевать трудности, которые поджидали на избранном пути. Трудностей было много, и

почти два года увлеченная девушка вообще никого вокруг не замечала. Злость она срывала на засохшем дереве, которое садовник никак не мог собраться спилить. Радости праздновала с соседкой по комнате, старшекурсницей и тоже оборотнем, которая понимала Вирту гораздо лучше, чем великое множество других знакомых.

А потом пришел тот день – садовник вспомнил про сухое дерево, походил вокруг него, удивляясь следам когтей какого-то большого животного, и занялся превращением этого дерева в дрова.

А еще соседка взялась за написание дипломного проекта, и Вирта наконец сообразила, что та здесь последний год. И что два следующих года придется жить без нее. А еще без полезного для нервов и инстинктов дерева.

И нет, грустить Вирта не стала. Она стала решать проблемы. Огляделась и попыталась сблизиться с одноклассниками, чтобы хоть в кабаке было с кем сходить. И бревно себе подыскала, решив установить эту когтеточку прямо в комнате.

В общем, с бревна все и началось. Точнее, с не вовремя разрядившегося амулета, делавшего это бревно легким. Без амулета Вирта никуда бы его не дотащила, с левитацией у нее были стандартные для огневики проблемы, а облегчать вещи без амулетов вообще умели единицы, да и те – гениальные.

Над своей будущей когтеточкой Вирта стояла прямо посреди тропы в саду. Поздно ночью стояла – потащи она это бревно в общежитие днем, комендантша точно бы не оценила. Стояла и вяло думала, кого бы позвать на помощь и что ей на эти призывы ответят. Тем временем на тропе появился парень, прижимавший к боку позвякивавшую сумку и явно не ожидавший увидеть столь занятную картину. Ага, у него были свои проблемы, он проспорил и теперь был вынужден принести в школу вино.

И что этот парень сделал?

А он решил помочь. Не в обмен на поход в кофейню. Не для того, чтобы по дороге рассказать обо всех своих достоинствах. Он решил помочь, потому что мог. Все.

И дремавшей в Вирте кошке он настолько понравился, что она встрепенулась, взбодрилась и приготовилась бежать за ним, потому что учуяла ту самую силу. Вирта ее еле одернула.

И на следующий день была рассеянной, потому что думала о том, как сильно оборотням мешают инстинкты.

И даже собралась написать очередное письмо отцу, где бы обязательно высмеяла его педагогические методы.

Которые мало того что не сработали, так еще и довели кошку до того, что ей теперь даже не обязательно за главой клана носиться, ей теперь достаточно просто парня с характером. Подошедшего достаточно близко, чтобы этот характер как-то рассмотреть.

Не успела. Потому что пришел Витар и поинтересовался, любит ли она цветы. Он, видите ли, в оборотнях не разбирается, а кто-то из знакомых утверждал, что они могут букет счесть оскорблением.

Вирта тогда еще посмеялась и предположила, что эти оскорбленные букетами оборотни были сплошь обладателями травоядных вторых ипостасей.

И да, то, что парня зовут Витар, что его имя практически копия ее собственного, она узнала нескоро. Как-то выпустила из виду эту мелочь. Не до нее, если пытаешься рассмотреть все, что безусловно видит кошка. А рассматриванию мешают несерьезные веснушки и вечная широченная улыбка.

А потом Витар вместе с другими старшекурсниками уехал на полевую практику, и спустя всего два дня Вирта поймала себя на том, что скучает по его дурацкой улыбке. И по несерьезным веснушкам. А больше всего по ощущению надежности и правильности.

Да, оборотни по меркам людей все ненормальные. У них у всех раздвоение личности и вечные качели в собственной голове. И главы кланов им нужны вовсе не потому, что править больше некому. Там без них хватает владетелей, баронов и прочих землевладельцев. Нет, глава клана нужен в качестве маяка, точки стабильности, якоря, который всех держит. К которому можно потянуться, если перестал справляться с собственным безумием. Чтобы не потерять контроль и человеческий облик. Пока у клана есть глава – все правильно и мир все еще устойчивая штука.

А тут вдруг Витар. Рядом с которым тоже все правильно.

И нет, Вирта тогда не испугалась. И не восхитилась. И не решила, что это та самая судьба. Она просто удивилась. И стала ждать возвращения улыбчивого старшекурсника, чтобы в который раз попытаться понять свою вторую личность вместе с ее инстинктами.

– Ты смотри, идет с ведром! – с восторгом и возмущением поприветствовала дорогую гостью Шанка. Все как полагается, руки в бока, в глазах боевой задор, за спиной подружки, якобы случайно прихватившие кто палку, кто тяпку, а кто и сбегать за коромыслом не поленился.

В общем, сельские девы решили проучить городскую.

Почти то же самое, если бы курсанты военной школы решили проучить студентусов магической. Ага, будущие воины тоже почему-то думают, что маги ничем не смогут им ответить.

– Шли бы вы, девушки, домой. Пирожки печь, – мягко посоветовала Вирта.

Драться с этими несчастными ей совсем не хотелось. Тем более она, в отличие от них, делать это умела и даже без магии могла запросто переломать руки. Главное, бросить о землю правильно, а упасть, подставив руку самым травмоопасным образом, они сумеют.

С другой стороны, она же тут изо всех сил маме Витара пытается понравиться. Даже за водой чуть ли не на другой конец села пошла. А драки невест, насколько знала Вирта, матерям женихов не нравятся. Да даже матерям-оборотням не нравятся, потому что бой и драка – это не одно и то же. И до второго опускаются, в отличие от первого.

– Это сейчас ты пойдешь! – угрожающе прокричала Шанка, наверное, себя подбадривала. А две ее подружки едва не заехали друг другу палками по лбам.

– Пирожки печь? – вежливо уточнила Вирта.

И что сделала эта боевая курица? А она заорала как потерпевшая, вскинула над головой тяпку и побежала в атаку.

Хорошо так побежала, жалко, что под ноги попался камень, тяпка перевесила вперед, и боевая кура шлепнулась носом в пыль.

– Сглазила! – поставил кто-то из девичьей толпы уверенный диагноз.

– Зачем мне? Она и сама неплохо справляется вместе со своей неуклюжестью.

– Да она издевается! – догадалась Шанка. Встала, отряхнулась, подобрала тяпку и опять пошла в атаку. На этот раз медленно и уверенно, печатая шаг и поддерживая в себе боевой дух зверским выражением лица.

Вирте даже стало интересно, что она станет делать дальше. Но, увы, дева оказалась неоригинальной, широко замахнулась оружием, а потом так и полетела за ним следом, стоило уклонившейся Вирте слегка за него дернуть.

– Бей ее! – вместо того чтобы одуматься, бросила клич эта неутомная. И даже вставать не стала – видимо, поняла, что в лежачем положении шансов упасть меньше.

Подружки призыв услышали и радостно бросились бить. Вирта отпрыгнула в сторону, позволив вырвавшимся вперед треснуть друг друга по чему попало своим оружием. Потом опять отступила, потом повесила ведро на чей-то забор, а то еще сломают случайно. А потом поняла, что в эти кошки-мышки играть можно еще долго, а там воду ждут. И что должна была делать Вирта с этими умалишенными? Ну, не огнем же в них запускать. Стазис и сети у нее получались через раз. Подходящий случаю амулет она захватить как-то не догадалась. Выращивать посреди дороги пеленающие травы... а кто их потом убирать будет?

Так что выход оставался только один – напугать и разогнать.

И когда после очередного прыжка на землю вместо довольно мелкой девушки приземлилась большая полосатая кошка, боевые селянки замерли, словно стазис каким-то чудом сработал сам по себе.

– Ну, кто первый рискнет замахнуться? – ласково спросила Вирта и оскалила впечатляющие клыки.

– Мама, – пропищала Шанка, мигом растеряв весь боевой пыл.

– Чья мама? – уточнила Вирта и на всякий случай рывкнула. Негромко даже, сдержанно. Но девушкам этого хватило.

– А-а-а-а-а-а!!! – дружно заголосили боевые селянки, побросали оружие и рванули в разные стороны, вряд ли видя, куда именно бегут. Одна только чудом разминулась с колодцем, к которому так и не дошла Вирта. А несколько не разминулись с заборами, частично их сломав, частично через них перевалившись, дрыгая ногами и подвывая, на зависть собакам.

– Какие пугливые куры, – проворчала Вирта и махнула хвостом, наблюдая за тем, как самые везучие – те, кому досталась для забега дорога, несутся в неведомые дали.

Вокруг лаяли собаки. Где-то кто-то начал ругаться и обещать страшное. И Вирте, если честно, очень хотелось побегать за

девушками, наподдать лапой, рявкнуть погромче в лицо и посмотреть, что будет. Но там же воду ждут.

– Хэх, – выдохнула тигрица печально, качнулась вверх и вперед, перетекла в невысокую рыжую девушку и огляделась в поисках ведра. А увидела в ближайшем переулке Витара, его родителей и подозрительно бледную любительницу печь пирожки, ту, что почти шатенка. – Ну вот, – проворчала девушка. – Раньше надо было рассказать, чтобы сюрприза не было.

Помахала Витару рукой, мол, давай, успокаивай родителей. И пошла к ведру. Вода же сама не придет.

Да и в целом оказалось, что вода – отличная штука. Пока к ней идешь, пока набираешь, пока несешь к переулку, как раз хватает времени, чтобы усмирить игривость кошки и убедить ее, что все серьезно. Поэтому надо пока затаиться и подождать, что будет.

А Витару этого времени хватило, чтобы убедить родителей вернуться домой и уже там задавать вопросы. Странные, он был уверен.

– Тигра, руки нашей великой матушки, тигра, – странным тоном причитала Руда, сидя на лавке и слегка раскачиваясь из стороны в сторону.

Тон был настолько странный, что Вирта не могла понять – в ужасе бедная женщина или в восторге. Как-то подозрительно было похоже и на то, и на другое.

– Тигр, – степенно поправил отец Витара, сидевший за столом. – Точнее, тигрица.

И запил это откровение настойкой, которую достал с полочки под подоконником сразу, как Витар объяснил, что будущая невестка – самый натуральный оборотень. И да, сына все устраивало. Сын у них взрослый. Все обдумал и взвесил. Еще перед тем, как пошел приглашать такую интересную девушку на первое свидание.

И да, она ему сразу понравилась. Еще там, у бревна. Какого бревна? Ну, это длинная история.

Историю Витар тоже рассказал. И даже объяснил, зачем девушке бревно. И демоны знают, успокоило это его родителей или еще больше напугало. Странным тоном Руда стала разговаривать как раз после рассказа. И даже мужа за настойку пока не ругала, хотя Витар очень на это надеялся.

– Тигра, – не обратила на слова старосты его несчастная жена. – Большая полосатая тигра.

– Ну, зато не обидит никто, – рассудительно сказал Вилах. – Как обернется кошкой, как наподдаст! Или убежит, если обижалыщиков много будет.

– Она еще и маг, огненный, – сказал Витар, сидевший рядом с невестой на другой скамейке и демонстративно ее обнимавший, даже этим жестом показывая, что уверен и что не передумает.

– Вообще хорошо, – обрадовался староста. Наверное, настойка начала действовать и заметно улучшила ему настроение.

– Тигра огнедышащая, – на этот раз не стала его игнорировать жена. – Руки нашей великой матушки. А когда детки пойдут, тоже котятки будут? А вдруг человеками быть не смогут? Так и будут бродить по миру полосатыми котятами.

– Или хомячками, – зачем-то сказал Витар. – Ипостась не наследуется. Она от множества факторов зависит, начиная от наличия магии и характера и заканчивая непонятными случайностями и совпадениями.

Вирта сразу поняла, что зря он это сказал. Руда замерла на лавке, посмотрела немного в неведомые дали и осторожно переспросила:

– Хомячками?

– Полосатенькими, – добавил Вилах и запил это откровение очередной порцией настойки.

Бедная женщина моргнула, а потом схватилась ладонями за щеки и натурально заголосила:

– Хомячками? Да не допустите добрые боги! Они жеж потеряются, их жеж кошки поедят! Убегут с мышами в поле и не найдутся!

Вирта даже восхитилась. Чудесная женщина, плевать, что внуки будут хомячками, главное, чтобы с ними ничего не случилось. И чтобы здоровые были, наверное.

Староста встал, достал с полки у стола еще одну чашку, плеснул туда настойки и вручил жене. Видимо, с этой настойкой жизнь казалась проще.

– Или вообще дракон рождается, – решил вывалить на родителей сразу все варианты Витар. – Но драконы большая редкость.

– Добрые боги, – с проклюнувшимся восторгом сказал староста, за что получил от жены тычок в живот.

– Хомячки! – настойчиво повторила она. – Маленькие, беззащитные хомячки. Вы им хоть клеточки сделайте, чтобы не потерялись.

И вот в этот момент Вирта тоже начала чувствовать себя очень странно. И в голову стали лезть очень странные идеи о том, как бы сделать такой амулет, который в случае обращения несуществующих пока детей в хомячков сразу превратится в клетку. Нет, не просто в клетку, а в клетку-крепость, которая даже от нападения дракона защитит сможет и одновременно пошлет зов родителям.

– Мама, – устало сказал Витар.

Вирта попыталась прогнать из мыслей чудные видения о том, как клетка-амулет гоняется за мышатами, а они с писком, подозрительно похожим на хихиканье, разбегаются в разные стороны.

– Что «мама»? Ты был маленький, даже не хомячок, и то два раза в лесу терялся! То ему домик лесных пчел захотелось отыскать. То грибов набрать. Еле нашли, хотя ты был не настолько маленький! А как вы считаете...

– Мама, ну сама подумай, разве могли оборотни не задуматься об этих проблемах и не решить их?

Руда перевела взгляд на Вирту.

– Маленьким детям блокируют возможность оборота, – пояснила девушка. – А тем, у кого настолько мелкая ипостась, ее могут заблокировать вообще на всю жизнь. Тут, правда, больше от контроля зависит. Могут и не заблокировать. Или сделать амулет, который они в крайнем случае смогут снять. Ну, мало ли, вдруг понадобится убежать по мышинным норам.

– Вот видишь, никакие кошки твоих внуков не поедят, – сказал староста и добавил в организм успокаивающей настойки.

Руда нахмурилась, а потом тоже отпила из чашки.

– Тем более, ни о каких внуках мы пока не думали, – добавил Витар. – Вирте еще полтора года учиться. Да и потом – посмотрим.

– Посмотрите? – качнуло Руду в другую сторону. – Это сколько жеж вы там смотреть собираетесь? Вот закончит школу, и чтобы сразу думали!

– Хорошо, – покладисто согласился Витар.

Подумать согласился. Вирта едва удержалась от нервного хихиканья.

В общем, очередные гости пришли очень не вовремя. И ладно бы пришли с пирожками. Или хотя бы с тятками и коромыслами, это Вирта еще бы поняла. Так нет же, они приперли большую доску, изрезанную непонятными символами, грохнули ее около порога и замерли, таращась на Вирту и Витара так, словно они должны были в ужасе заорать и сбежать прямо через стену.

– И вам хорошего дня, – сказал Вилух. – Заходите, гости дорогие, тоже про хомячков послушаете. Интереснейшая тема, знаете ли. – Дорогие гости перевели взгляды на него. – И настоечки моей попробуете, на лесных травах. Ядреная получилась.

Дорогие гости переглянулись. Опять посмотрели на Витара с Виртой, потом молча подняли доску, поставили ее вертикально рядом с дверью и, так и не сказав ни слова, пошли к столу. Настойки, наверное, захотелось.

Доска оказалась не просто доска. Это был оберег для всего села, выпрошенный в каком-то храме еще прадедом одного из дорогих гостей. И сейчас гости явились, чтобы защитить село от великого зла, которое чуть не сожрало дочку другого носильщика доски. Бедная, нежная и трепетная девушка так испугалась, что еле смогла рассказать, что же случилось. А староста, вот жук, это зло у себя дома привечает.

– Нежные и трепетные – это которые с коромыслами, или с тятками? – уточнила Вирта, которой надоело, что ее злом называют. – Я-то думаю, почему они толпой пришли, а они, оказывается, настолько нежные, что без поддержки подружек от дуновения ветра рассыплются.

– Нападение на мага без последствий, – сказал Витар. – Третий том собрания законов королевства от Вильма Огненного и до нынешних дней. По Вильму, кстати, полагалось двадцать палок на площади, если напавший мужчина, и двадцать же розог, если женщина. Вильм считал, что женщин нужно наказывать меньше, потому что здоровьем и умом они слабее. Сейчас, конечно, проще. Заплатить мировую, пройти обследование у лекарки душ, которая докажет, что нападавшая просто дура, а не какая-то безумица. Если не докажет, то придется полечиться, но за счет короны. Ну, и метка еще будет об этом нападении. Чтобы другие маги знали и, если к ним сии

особы обратятся, не стеснялись драть втридорога. Маги вообще люди мстительные.

– Что? – не поверил отец нежной и трепетной.

– Мстительные, говорю, – повторил Витар. – Понимаете, защищаться при помощи магии – та еще морока. Во-первых, не скроешь. Следы обязательно найдут, и тут тоже придется доказывать, что именно защищался, а не упрощал себе жизнь, распугивая население. Это за банду похитителей, грабителей и прочих убийц ничего не будет. А когда нападают чьи-то там дочки с тятками или тупоумные сынки с мечами, решившие заставить мага работать бесплатно, приходится доказывать, что так оно и было. А ходить к мозголомам, камням правды и лекаркам душ маги тоже не любят. Вот поэтому и мстят всяким личностям, из-за которых их коллегам пришлось с представителями этих профессий пообщаться. Но это если без последствий. А ведь могут быть последствия. Например, какая-то идиотка с тяткой могла голову Вирте проломить. Или Вирта, а она огненный маг, могла идиотке личико подпалить, просто не сдержавшись. Или вообще половину села сжечь, если бы силу не удержала. Нет, Вирта, конечно, держать умеет. Но ведь бывают идиоты, которые нападают на первогодок, а те держать только учатся. Или старательно и последовательно доводят ситуацию до того момента, когда ни один маг не сдержится. Поэтому законы по защите магов суровее, чем по защите всех остальных. Когда магам приходится защищаться самостоятельно – бывают разрушения. Лучше подобное пресекать на корню.

– Вилух, твой сын нам угрожает, – мрачно заявил владелец доски. – Вместо того чтобы просить прощения за свою полосатую и клыкастую невидаль...

– Что-то я не слышал, чтобы вы тут просили прощения за своих идиотов, – не стал молчать Витар. – Мозгов вообще нет. Увидели, что Вирта меньше их, и решили побить? Зачем? Думали, после этого я проникнусь восторгом и сразу на всех женюсь? Пускай скажут спасибо, что она решила их просто напугать, а не подпалить волосы и погнать к ближайшей речке тушить.

– Вилух, твой сын...

– Прав мой сын, не вложили вы ума в головы дочке и внучке, чего уж теперь на тигрицу жаловаться, которая этих дурех еще и пожалела?

– Я напишу в дознавательскую управу, – уперто сказал владелец доски.

Отец нежной и трепетной, что странно, промолчал.

– Пиши. Но когда после твоего письма приедут ставить на околице остережный столб, на котором будет написано, что для магов заезжать сюда опасно, я не постесняюсь, перечислю всех дураков, что бегали по селу с тятками, и пускай на ваших воротах развешивают остережные столбцы. Так хоть село из-за кучки дураков не пострадает. И посмотрю я тогда, кто вообще возьмет их замуж, кому будет надо, чтобы из-за жены маги то отказывали в помощи, то требовали тройную плату. Любые маги, не думай, что только амулетные мастера, чьи поделки ты можешь потом перекупить чуть дороже у племянника. И лекари, и очищающие от тьмы, которая и у нас изредка заводится, и...

– Подождите, – потребовал отец нежной и трепетной. – Какие еще тятки и коромысла? Нильта с подружками пошла за водой...

– Чтобы потом полить огородик, который как раз решила от сорняков избавить. Только вот беда, забыли, бедняжки, ведра прихватить, все думали, что подруги возьмут, а оно вон как вышло, – добродушно продолжил Вилух. – Идут такие, идут, спорят о том, кому за ведрами возвращаться, а тут смотрят, незнакомая девица идет. Маленькая, как средняя баронская дочка, которая прошлым летом к нам с охотой заезжала и сильно пирог вдовы Суфки хвалила. Только рыжая. И тут у забывших ведра дев как прорезался пророческий дар, вкуче с божественным зрением, и как провидели они, что не девица это, а кошка полосатая из запустынных земель, которую они только в книге про зверей видели. И поняли девы, что зло к ним прибежало в виде оборотня, и решили это зло забить до смерти, пока окончательно не обозлилось. Благо, тятки и прочее бабское оружие удачно прихватили. Я правильно пересказал сию чудную историю?

Гости промолчали.

– Тогда вот что я вам скажу. Вам не в дознавательскую управу писать надо, а в храм. В храм судьбы. Хотите, судьбы определенной, хотите, судьбы, прокладывающей дорогу. А захотите, найдете и что-то интереснее для таких талантов, вон у степняков, говорят, этих судеб аж семь видов. А у иномирцев и того больше может быть.

– Я поговорю с дочерью, – мрачно пообещал отец нежной и трепетной.

– Поговори. И послушайся совета Вильма Огненного. Не зря же он считается умнейшим из королей.

– Совета? – переспросил несчастный мужик.

– Да. Про то, что бабам с малостью ума и здоровья хворостиной отсыпать надобно. Хворостина им запоминать законы, должно быть, помогает. И думать перед тем, как что-то делать. А то так увидит какой-то парень, как эта дуреха по селу с тяпкой носится, жажда чью-то невесту приголубить, так и передумает на ней жениться, даже если свататься приехал.

В общем, Лунина, подслушивающая под окном, желая узнать, изгонят оборотнику или нет, в очередной раз убедилась, что очень умна. Она же с тяпками не бегала. Но оборотника ей все равно не нравилась. Почему одним все, а другим ничего? И дар магический, и кошку полосатую, и даже старостиного воробья, словно мало ей.

– Ладно, – проворчала она, выползая из пространства между стеной и смородиной вперемешку с крапивой. Ползти приходилось осторожно, крапива же, да и услышать могли.

А о том, что у оборотней слух гораздо лучше, чем у обыкновенных людей, она не знала. Книгами Лунина интересовалась мало, и о том, что в одной из множества хранящихся в небольшой библиотеке при школе есть описание оборотней и их умений, даже не подозревала. Да и некогда ей было думать о каких-то библиотеках. В голове у Лунины зрел план мести. И воробью за игнорирование первой красавицы, и кошке за то, что ей и так много жизнь дала.

Лунина вообще была девушка обидчивая. Хотя сама себя считала справедливой.

– Подслушивала? – столь неожиданно спросили, что Лунина, выдергивавшая сорняки, вздумавшие опять прорасти прямо посреди морковных рядов, едва не упала.

На оборотнику, явившуюся на этот раз в виде рыжей девки, она посмотрела неприязненно, но отвечать ничего не стала, слишком много чести.

– Подслушивала. Так вот, тебе на будущее: у оборотней очень хороший слух, они слышат шебаршение за окном. А нюх лучше, чем у

собак, так что найдут.

Лунина опять промолчала, хотя эта девка злила ее чем дальше, тем сильнее.

– И, как я понимаю, нападение команды с тятками без твоего участия не обошлось. Не зря же так вовремя позвала Витара с родителями. Там слово сказала, здесь обронила... Не люблю тех, кто загребает жар чужими руками.

Лунина швырнула вырванный сорняк, выпрямилась и зло уставилась на оборотнику.

– Возомнила о себе, – прошипела она.

– Я возомнила? – удивилась Вирта. – Ну что ты. Я на жизнь смотрю трезво и знаю как свои достоинства, так и недостатки. А еще я понимаю, что мнение других людей нужно учитывать, потому что оно может кардинально отличаться от моего. И уверена, что о мире знаю малость. И что мужчины – вовсе не безмозглые создания, которые, как собаки, бросаются на пирожки. И на что там еще?

Оборотника насмешливо посмотрела на Лунину, и в нее захотелось чем-то запустить.

– Ах да, на красоту неопишемую еще должны бросаться, теряя остатки разума, – задумчиво произнесла Вирта. – Только, знаешь, красота у всех разная. Вот твое курносое личико чуть восточнее вашего баронства красивым не сочтут. Скажут, что миленькое, но простоватое, выдающее селянское происхождение. С таким личиком надо сильно постараться, чтобы это происхождение скрыть. Ну, если захочется.

– Гадина, – выдохнула Лунина.

– Я? – удивилась Вирта. – Что ты, я тигр, кошка. А вот ты, со своим характером, могла бы стать, если бы в один интересный мир отправилась. Сама же понимаешь, что не из-за беспокойства обо мне побежала звать Витара с родителями. Правда понимаешь?

Лунина фыркнула. Будет какая-то заезжая девка ее учить. Горделиво вздернула подбородок.

– Это ты о себе мнишь. Что, другие парни на тебя, худосочную, не позарились, раз в Витара вцепилась? Теперь удивляешься, что кому-то он нужнее?

– Боги, как все запущено, – пробормотала Вирта. – Я же тебе сказала, мнение других людей тоже учитывать надо. Мнение самого

Витара, например. Который тебя и твоих подружек с детства знает. А он умный. И в то, что девчонка с твоим характером вдруг превратилась в кроткую овечку, не поверит. И пытаться его приманить пирожками... Я думала, только совсем мелкие оборотни могут заикнуться на желании накормить мужчину. Только у них инстинкты, они ничего не могут с собой сделать, а вы...

– А ты на что приманивала? – выплюнула Лунина. – На свои худосочные прелести? Небось, как увидела парня, так времени терять не стала. У вас, оборотней, все это просто, мне один знакомый рассказывал! – рассказывал на самом деле знакомый отца и отцу, но Лунина тогда очень удачно разговор про «чудесных женщин-оборотней» подслушала. – Лишь бы мужик сбежать от такого счастья не успел. И не понял, что вам все равно кто!

– Боги, какая дура. Она еще и что-то услышала, – сказала оборотниха, не расстроившись из-за разоблачения ее гулящей натуры. – Мечтать, конечно, разные пьянчужки могут сколько угодно. Только мы теряем голову от вида мужчины гораздо реже, чем дурехи вроде твоих подружек. Чтобы мы потеряли голову, мужчина должен быть... хм... сложно объяснить, да и у каждой эти типажи разные. Наверное, подходящий мужчина должен быть. Да и тогда мало кто способен настолько голову потерять, чтобы не сообразить, как предмет... хм... страсти отреагирует. Знаешь, когда встречаешь своего мужчину, меньше всего хочется его отпугнуть странным, с его точки зрения, поведением. Понимаешь? Вот Витару никогда не понравится девушка, у которой жених в соседнем городке, а она с пирожками к более перспективному парню побежала. И он отлично понимает, что ни одна из вас как мужчину его не воспринимает, он для вас всего лишь возможность уехать в город и ни в чем не нуждаться. А не воспринимать его как мужчину... Нет, он не обидится, он просто станет таким снисходительным. Ну как к малышне, воображающей себя интриганом и первооткрывателем школьных тайн. Мол, развлекайтесь, раз вам делать больше нечего.

– Хочешь сказать, что я дура?! – зло спросила Лунина.

– Да. Ты дура. Которая не учитывает, что Витар знает вас как облупленных. И что он понимает, что вами всеми движет.

– Пхы! – высказалась что об оборотнихах, что о ее воробье Лунина и отвернулась к сорнякам.

Пускай эта кошка саму себя речами развлекает. Слишком много чести ее слушать.

Впрочем, как ее поставить на место, Лунина уже придумала. И ее. И воробья. Пускай побегают, докажут свой ум. Маги же не любят, когда их допрашивают с камнем правды. Вот пускай и пообщаются.

– Как все запущено, – проворчала Вирта. – Так, первая красавица, постарайся понять и запомнить. Уймись. Витару ты не нравишься. И девушки с палками тебе тут точно не помогут. Впрочем, как и пирожки. И не подслушивай больше, а то онемение лет на пятнадцать наложу, чтобы потом ничего наболтать не смогла. Я умею.

Лунина отвечать не стала. Она планировала страшную месть. И была уверена, что эта мерзкая обортниха еще пожалеет. И, может, даже догадается, кто ей это веселье устроил.

Возомнила о себе.

А Вирта покачала головой и ушла.

Похоже, бывают совсем безнадёжные случаи. И ведь даже не понимает, что мир не имеет дурной привычки подстраиваться под малейшее желание разных доморощенных интриганок. И не желает понять.

– Легко ей, наверное, живется, – пробормотала Вирта.

Вот она о разнообразии мира знала много. И училась усмирять желания, не поддаваться им в тот же момент, чтобы не попасть в неприятности, не выглядеть в чьих-то глазах душой, девушкой с большими странностями или... да, гулящей особой.

У оборотней все гораздо проще, чем у прочих людей королевства. И понятнее. Почти нет надуманных запретов. И никто ничего нехорошего не подумает, если ты ему скажешь прямо, не ходя кругами, принявываясь, стараясь уловить малейший оттенок заинтересованности. Вирта иногда не понимала, как люди не вымерли с таким отношением к такой простой вещи. И нет, среди людей тоже бывают девушки, которым просто нравятся мужчины, ага, те самые, гулящие, иногда сознательно идущие работать в веселый дом, иногда старающиеся чем-то прикрыть свою натуру, например престарелым мужем, а потом и статусом вдовы, с которым можно немного больше. Ну, а среди оборотней бывают те, которым мужчины совсем не нравятся, и максимум чего они от них захотят, это ребенка. Но и тут у оборотней все честнее, никто не заставит потом этого несчастного

мужчину жить с женщиной, которой он не нужен. И женщина не будет делать скорбное лицо, жаловаться на судьбу и обвинять несчастного в неверности, подчеркивая свою добродетель.

В общем, у людей все сложно.

А уж как сложно было у самой Вирты с одним парнем, вместе с его несерьезными веснушками и улыбками, из-за которых вообще ничего не было понятно. Как же он ее временами злил. Как вообще может не злить мужчину, если точно знаешь, как давно он смотрит вслед с определенным желанием, но у него же ритуалы и традиции в отношении честной девушки. А ее он считает честной. Поэтому будет медленно суживать круги и стараться не обидеть.

А Вирта не была уверена, что не обидит его, если возьмет и одним махом все его мнимые препятствия на пути в девичью постель сомнет и растопчет. Потому что у Витара принципы, и они часть его характера и, по сути, его силы.

И да, чем те проклятые ритуалы и традиции должны были закончиться, Вирта так и не узнала. У нее терпения оказалось меньше, чем у него сдержанности. И она рискнула. Просто не отпустила, когда он хотел в очередной раз уйти. Еще и угрожала, над чем он потом долго смеялся. Хотя у Вирты были подозрения, что эти угрозы ему очень понравились.

Что сделают любящие родители, узнав, что сын отправляется знакомиться с родителями невесты?

Наверняка они надают ему кучу советов.

Обязательно вспомнят собственную молодость и то, при каких занятных обстоятельствах познакомились с родителями друг друга.

Иногда могут даже проклясть, если вдруг выяснится, что родители невесты – давние враги. В жизни все бывает.

А что сделали родители Витара?

Опытный Вилух вздохнул и достал настойку. А потом сел за стол и стал гипнотизировать ее взглядом, дожидаясь момента, когда придет ее время.

А Руда сначала даже не поняла, в чем подвох. Сначала она вспомнила, что у нее есть еще и две дочери. Что сейчас обе в школе в Соколицах. Точнее, в разных школах. Старшенькая в мастеровой, потому что дар мага в ней хоть и обнаружили, хорошо поискав, но его было столь мало, что лучше было учиться тому, к чему душа лежала. А

лежала ее душа к такому не женскому делу, как тонкаяковка. Чуть ли не с младенчества к сельскому кузнецу бегала. У младшенькой дар был – не такой сильный, как у брата, но и не из тех, на какие не стоит обращать внимания. И девчонки уже успели распланировать свою дальнейшую жизнь. Они собирались открыть амулетную мастерскую. Одна заготовки будет делать, вторая магию – вплетать. И обе верили, что брат поможет, а родители подождут со своим замужеством. В общем, тот единственный раз, когда они съездили к брату в гости в столицу, плохо на них повлиял.

Или хорошо. Родители пока не поняли.

Магию дети унаследовали от Руды – ее дед был магом с потухшим источником, и она, как и предупреждала когда-то лекарка, в третьем поколении вернулась в семью. Так оно часто бывает. Реже магия возвращается всего во втором поколении. Еще реже – в поколении четвертом-пятом. В общем, виноватой в том, что дети почувствовали в себе силу и стали искать ей применение, была большей частью Руда, хотя муж тоже приложил руку своим воспитанием. Наемничал он по молодости, хотя сейчас и не скажешь, поэтому искренне не понимал, как можно взять и сделать мир для собственных детей меньше. И сейчас Руда не была уверена, хорошо получилось что с воспитанием, что с непростым наследством, или нет. С одной стороны, все ее дети будут чем-то большим, чем она. С другой, ей было страшно, потому что чем больше, тем сложнее.

Даже сейчас было настолько сложно, что девочки не смогли встретиться с братом. У обеих важные практические занятия, и те, как оказалось, графиком не совпадают со старшей школой магов, в которой все еще училась Вирта.

– Так сестер и не увидишь, – вздохнула бедная мать, инстинктивно обняв сына.

– На обратном пути обязательно заедем, – пообещал Витар. – У них как раз каникулы начнутся. А мы, побыв тут три дня, успеем вернуться до того, как у Вирты начнется утверждение тем дипломного проекта, а мне вручат руководителя аспирантуры. Экзамены я заранее сдал, как раз с этим расчетом, хорошо, их проводят дважды. А если не уедем сейчас, то все расчеты пути можно выбросить. Или придется много потратить на порталы.

– Нет, тратиться не надо, – запротестовала Руда, смутно представлявшая, сколько стоит пройти через портал человеку, но знавшая цену отправления небольшой посылки, причем с множеством других посылок одновременно. – Лучше отложить на будущее.

Староста открыл бутылку и плеснул настойки в чашку.

А Руда, смирившись с тем, что сын не дождет сестер и увидится с ними только на обратном пути, и, посмотрев на Вирту, вдруг вспомнила, что она – оборотень, большая полосатая тигра. И замерла, сообразив, куда именно сын собирается.

– Ой, – выдохнула она.

Староста хэкнул и отпил из чашки.

– Ой, а вдруг ты им не понравишься?

– Мама, меня никто не станет есть. Живущие на клановых землях оборотни себя контролируют.

– А если обидят?

– Мама!

– Деточка, ты же защитишь моего мальчика, ты же его любишь, да? – вцепилась бедная женщина в руку Вирты.

– Да он сам себя защитит, – даже удивилась девушка.

– Он у меня добрый. Помнится, собака его одичавшая укусила. Из леса вышла и укусила. Из-за его доброты, покормить он ее пытался.

Вирта ярко представила, как Витар пытается кормить кого-то из братьев отца, которые, словно сговорившись, все были волками, и едва сдержала хихиканье. Руда же искренне переживает.

– Так он ее потом приручил, хорошая собака оказалась, дочек по снегу на волокуше катала, – напомнил Вилух.

Дурное воображение Вирты тут же нарисовало прирученных дядек. Катающих Витара на санках. Рассмеяться захотелось еще сильнее.

– Так то собака, а то люди! – воскликнула Руда. – А вдруг на что-то обидятся? Ой, может, вы лучше прямо сегодня поженитесь и дальше поедете женатыми? – сразу же нашла причину для обиды. – У нас тут недалеко даже храм есть. С обручальным камнем. А то нехорошо, когда неженатые девка с парнем вместе ночуют.

– И днюют, – поделился наблюдением с чашкой Вилух. – Ежели никого другого дома нет.

– Не хочу вас огорчать, – неуверенным тоном произнес Витар, посмотрев на старавшуюся не улыбаться (все же серьезно!) невесту, – но Вирта пока не согласится. И ее родители не очень поймут. Если мы поженимся, даже не обрадовав их предстоящим событием.

– Да, не поймут, – поддержала его девушка.

– А то, что ночуют, поймут? – спросила Руда почему-то у мужа.

– Кто ж их, оборотней, разберет. У них свои традиции. Помнится, охраняли мы как-то одного жадного купчишку. А к нам как раз лекарка прибилась. Оборотень. С клановым знаком. Так ей так Тобиль понравился, что уже через три дня ночевать к ней ходил. Так потом с ней и осел в Залесках. Я потом через три года заезжал, как раз по пути домой, они и тогда неженатые были. Времени все не хватало выбрать храм. Богам они молились разным, он степняком был, так что искать приходилось храм кого-то третьего. И ничего, жили себе, магазинчик с зельями держали, дитенка воспитывали.

– Так то на чужих землях! – повысила голос Руда и повернулась к Вирте: – Признавайся, не обидят твои родственники моего сына?

Вирта неуверенно сказала, что не обидят. Родственников у нее было много. И мало ли что кому в голову втемяшится? Просто она была уверена, что обидеть Витара очень сложно. Что он сможет за себя постоять. И если она начнет на всех рычать, его защищая, то он может обидеться гораздо сильнее, причем на нее. Но не скажешь же это переживающей маме.

Руда вздохнула. Неодобрительно посмотрела на мужа с настойкой, а потом повернулась к сыну.

– Отговаривать тебя не стану, упертый, как мой дед, и уверенность отцовская. Твой папка вон даже мага бывшего бы не испугался, если бы дед дожил до его сватанья...

Вилух загадочно хмыкнул.

– Но дедов амулет я тебе отдам. И чтобы из рук его не выпускал!

У Витара дернулся правый уголок губ, видимо, представил, как ходит по какому-то городу, держа в руках неведомую древнюю ерундовину. В гости с ней ходит. Оборотней распугивает. Вирта и сама едва удержалась от хихиканья.

– Дед говорил, что он опасный и дорогой. Только сила в нем закончилась. От смерти его спасла, когда магия перегорела, и закончилась. А он так потом и не наполнил его опять силой. Почему,

не ведаю. Но он мне клялся, что не разбойничал и ничего плохого не делал. Просто не хотел, чтобы другие маги его видели таким вот. Может, боялся, что наполняльщики узнают. Я этот амулет держала на крайний случай. Вдруг бы произошло что-то такое, что пришлось бы искать денег больше, чем у нас было. Тогда бы и продала. Ты не думай, мама у тебя не совсем дура, хоть и прожила всю жизнь сначала в одном селе, потом в другом. Ни в какие лавки я бы его не понесла. Я оценщика при деньгохранилище в Соколицах давно присмотрела. С репутацией. И дедовы бумаги сохранила, подтверждающие, что я наследница его вещей.

Высказавшись, Руда вздохнула и пошла в свою и мужа спальню. Чем-то там постучала, пошелестела, а потом вышла с длинным свертком в руках. Витар даже заподозрил, что в свертке нож. Или кинжал. Но когда мама развернула сначала ткань, а потом провощенную бумагу, оказалось, что скрывалась в свертке коробка, узкая, в три пальца, но длинная, с локоть.

Открывала коробку Руда аккуратно, положив пальцы обеих рук на крышку. Странно открывала, надавливая. Но коробка открылась. Женщина извлекла из нее еще один сверток из обыкновенной небеленой льняной ткани, и вручила Витару.

Парень молча положил врученное на стол и развернул.

– Королевская жаба, – выдохнул он потрясенно, увидев, что скрывалось в свертке.

И нет, это был не нож и не кинжал. И не волшебная дощечка из дерева куфан. Оказывается, мама всю жизнь хранила даже не амулет, скорее артефакт. Потому что такие штуки делались когда-то долго, нудно и по индивидуальному заказу. А потом еще и переделывались под себя.

– Что это? – спросила Вирта, зачарованно разглядывая переплетение разноцветной проволоки, на которую были нанизаны мелкие камни, драгоценные и не очень, вроде бы как попало, но все равно складывающиеся в узор. – Это же не может быть душехранитель? Он даже в нашем музее только разорванный, с недостаточей камней, который Верку-огню принадлежал.

– Боюсь, что может, – ответил Витар. – Даже интересно, кем был дед до того, как выгорел?

– Сбежавшим наследником великого магического рода? – предположила девушка.

А почему бы и нет? У кого бы еще хватило денег, чтобы подобрать камни с совпадающими параметрами, нанять с десяток амулетчиков, которые в те времена были особо ценными и довольно редкими специалистами, и усадить их за плетение подобной штуки, аналога современного хранилища для заготовок плетений. Только в хранилищах можно хранить лишь что-то одно, чаще всего лечебное. И хранилища рассыпаются после использования. А тут... а тут может оказаться что угодно. Не зря дед говорил, что вещь опасная. А еще плетения – часть этой вещи, а не просто привязанные заготовки. И если бы не безумная цена подобных вещей... Впрочем, их и сейчас делают долго, нудно и по индивидуальному заказу. Потому что поставить такое на поток невозможно.

– Нет, – уверенно сказал Витар. – Его бы искали и, скорее всего, отследили бы из-за этой штуки. У них бы были слепки. Так что скорее амулетчиком. И вот эту вещь, возможно, плели поколениями, пока не доплели.

– Будешь заряжать? – спросила Вирта.

– Попробую. На минимум. Может, это вообще не будет работать в моих руках, мало ли какую защиту дед поставил перед тем, как выгорел.

– Ага, – задумчиво кивнула Вирта, не отрывая от предмета восхищенного взгляда, и все-таки нервно хихикнула.

А жених-то оказался с приданым. Кто бы подумал.

А по дороге, трясясь в телеге, ехала Лунина с отцом. И сочиняла мысленно письмо, которое подбросит в ящик при дознавательской управе. Причем сама бросать не будет, она же умная. Лучше какому-нибудь попрошайке заплатит. Желательно подслеповатому. Бродил там один пьянчужка, может, не помер пока. Вот и пригодится. Главное, говорить не своим голосом. Тогда точно опознать не сможет.

Часть 2

Дорожные приключения

Отдать сыну амулет Руда решила по всем законам, подтвердив соответствующей бумагой и записью в учетной книге деньгохранилища. Потому что вещь дорогая. А Витар явно не наследник владельца земель или хотя бы купца. Вдруг у кого-то какие-то вопросы возникнут. Или кто-то решит незамысловато ограбить, заявив, что это его амулет.

В общем, кем-кем, а уж душой Руда точно не была.

В путь в Сосновку собрались быстро. Выбрали этот городок потому, что деньгохранилище и законники там были, там даже порталная почта имелась. А еще городок был в нужном направлении, в отличие от того, где учились сестры Витара.

У Вилуха в селе был заместитель. Довольно молодой кузнец, сын его старинного друга. У этого молодого человека помимо силы, заставлявшей односельчан его уважать, был еще и ум. И семья у него была. И покидать село он явно не собирался. Вот Вилух потихоньку и готовил себе замену. И да, староста все-таки выборная должность: после смерти старого сельчане выбирают себе нового – судью в разных житейских спорах и переговорщика с магами, дознавателями, сборщиками налогов и прочими представителями закона. Но Вилух был уверен, что, привыкнув к кузнецу-заместителю, кого-то другого они выбирать вряд ли станут.

Ехать до Сосновки было недалеко. Если бы поехали с самого утра, то к обеду уже бы доехали, даже при скорости не шибко молодой лошади, тащившей воз. На возу кроме Руды, Вилуха, чьей-то дочки, решившей напроситься в компанию, и одного из подмастерьев кузнеца ехали обложенные соломой глиняные горшки со свежим медом, аккуратно упакованные лесные травы и фигурки зверей, вырезанные из дерева подслеповатым дедом, которые следовало отдать лавочнику, забрав у него выручку за предыдущую партию таких фигурок. Фигурки, кстати, были красивые. И Вирта купила себе спящую кошку, не дожидаясь, пока ее довезут до города. Правильная кошка была. Лениво расслабленная, с вытянутой вдоль дощечки, на которой спала,

лапой и с ощущением уюта. Эту кошку стоило бы поставить на полку у себя дома, когда этот дом появится. А пока она будет очень хорошо смотреться на столе в комнате общежития.

А Сосновка оказалась обычным городком, каких в этих местах много. Большинство домов были деревянными, самыми простыми, обшитыми выкрашенными в неяркие цвета дощечками и с одинаково оранжевыми черепичными крышами – недалеко от Сосновки добывали глину такого цвета. В центре несколько тяжелых каменных зданий и одно высокое и легкое, со шпилем. Храм Ясноглазой, которую в этой местности почитали больше других богов.

К храму Ясноглазой с трех сторон прижимались храмы еще нескольких богов, причем, если Вирта поняла все правильно, один принадлежал сразу двум, и это никого не смущало.

А вот деньгохранилище в отличие от храмов, привлекавших к себе внимание росписью на дверях, шпилями, необычной для города зеленой крышей или черными стенами, выделяться не хотело и старательно притворялось конюшней при солдатских казармах. Возможно, из такой конюшни его и перестроили. А может, у архитекторов этого странного здания было свое видение красоты. Дверь в деньгохранилище охранял здоровенный тип разбойной наружности. И своей наружностью он наверняка отпугивал разных болванов, которым в этом заведении делать было нечего. Потому что по-настоящему деньгохранилище охраняла система защит.

На Руду, которой помог выбраться из повозки Вилух, тип бандитской наружности посмотрел вполне себе благодушно, видимо, не хотел пугать немолодую женщину. За тем, как груженный дочкой, подмастерьем и товарами на продажу воз едет дальше, понаблюдал с некоторым подозрением. И только после этого обратил внимание на Вилуха, изобразив лицом узнавание. Вирту и Витара, привязывающего своих лошадей под навесом, он старательно не замечал.

– Здоров будь, Вурка, – степенно поздоровался староста.

– И ты будь здоров, – в тон ответил ему охранник. – Приехал оплатить учебу дочек? Так рано еще.

– Нет, привез жену передавать наследство сыну, – не меняя тона, объяснил Вилух.

Здоровяк бросил любопытный взгляд на Витара, обозвал Руду приятной красавицей и даже помог ей подняться по трем ступеням, на

что Вилух только загадочно хекнул. А потом посмотрел опять на Витара и извиняющимся тоном предупредил:

– Незнакомых магов без оттиска силы не пускаем.

– Я знаю. В столице даже знакомых не пускают из-за новой защиты. Там так прописано.

Здоровяк кивнул и посмотрел на Вирту.

– Обратней не пускаете в принципе? – спросила она.

– Пускаем. Только два оттиска нужно, – улыбнулся ей охранник. – Когда и оборотень, и маг.

– А ее ипостась ты можешь рассмотреть? – с любопытством спросил Вилух.

– Нет, только что сильная и опасная, вижу. Но это ничего не значит. Знавал я одну птичку, не больше вороны, только серая такая, неприметная, а силы в ней было поболее, чем в иных волках.

– Ух ты! – восхитилась Вирта. – Врожденное, или амулетом научился пользоваться?

– Амулетом. Вашим, клановым. Магии у меня мало, зато амулеты слушаются, даже такие, экзотические, которые не каждый человек сможет удержать, не то чтобы воспользоваться.

И опять улыбнулся.

Ну, Вирта ему тоже улыбнулась. Понимая, что он, скорее всего, рекламирует свое деньгохранилище. Мол, не смотри, девка, что мы в глуши находимся. У нас тут все правильно и честно. И защита из лучших. И кто попало не проберется в закрытые от не держателей ценностей помещения. Наверное, у них тут даже своя порталная почта есть, более защищенная от вмешательства и попыток отследить посылку, чем городская.

– Тут ближе к осени много купцов ездит, – объяснил Витар, после того как здоровяк, получив слепки, вручил магу и оборотню специальные дощечки. – Ярмарка еще большая. Причем с Каджана тоже приезжают, им сюда ближе, если ехать с северных частей королевства. Те, кто попроще, предпочитают распродаться здесь, а не тащиться дальше, оплачивая еще и дорожные сборы. Так что деньгохранилище у нас соединено договорами в том числе и с Каджаном, отвыкли купцы возить с собой большие суммы денег.

Вирта кивнула. Оказывается, не такая и глухомань здесь, как может показаться на первый взгляд.

Вилух, с видом человека, успевшего побывать в здании деньгохранилища не один раз, провел жену и молодежь к светлой двери справа, проигнорировав как распахнутую дверь слева, так и вскинувшуюся было что-то объяснить девушку, сидевшую неподалеку от нее за столом. Открыл дверь, провел по небольшому коридорчику и уверенно постучал в еще одну дверь, на этот раз темную, одну из четырех по обе стороны. Прислушался и нажал на ручку.

– Ой, – пискнула девушка, обнаружившаяся за дверью, и попыталась спрятать под столом книгу, которую явно читала.

– Вот тебе и «ой», выгонит тебя когда-нибудь Шваб, и будет прав, – тоном доброго дядюшки заметил Вилух.

Девушка его, видимо, знала, поэтому вскочила, постучала в дверь справа от себя, заглянула за нее и страшным шепотом кому-то сообщила:

– Староста. Из того села.

– Репутация, – объяснил молодежи Вилух. – Помнится, не хотел нам этот тип выдавать положенные после бурелома с потопом монеты. Говорил, что мы недостаточно пострадали. Пришлось ему объяснять законы, еще от короля Микеля идущие, да так и не менявшиеся с тех пор. Хорошо мы тогда поспорили, он даже комиссию к нам отправлял, смотреть на крыши и смытый в овраг дом Шершня.

– И выдал монеты? – спросила Вирта.

– А куда бы он делся? Я же тоже эксперта пригласил, подумал, что заплатить законнику будет дешевле, чем ездить туда-сюда, доказывать свою правоту и писать жалобы, оплачивая пересылку по вашей магической почте. Ну, не верилось ему, что я очень хорошо законы знаю, нет у меня документа соответствующего. Но деньгохранитель он хороший. И необидчивый. Еще и поблагодарил за хорошую идею.

– Идею? – спросил Витар.

– Оказывается, даже если тебя сослали в глушь, нанять законника будет дешевле, чем спорить с хитроумными старостами, которые умудрились заставить корону оплатить еще и очистку пруда. Хотя там и до урагана от пруда было одно название, – сказал мужчина, вышедший из помещения, охраняемого любительницей книг.

На Вилуха он посмотрел как на воплощение зубной боли. Видимо, заподозрил, что этот тип опять нашел повод пополучить обратно часть уплаченных короне налогов.

– Жена ценность сыну передать хочет, – ответил на этот взгляд Вилух. – Семейную. Он у нас хороший маг, ему нужнее.

– Ну, пошли, посмотрим на ценность, – вздохнул Шваб и махнул рукой, приглашая за свою дверь.

За дверью, к удивлению Вирты, оказался вовсе не кабинет. Это была самая натуральная лаборатория амулетчика. Даже пара заготовок на столе валялась.

– Увлечение, балуюсь иногда, – объяснил Шваб. – Так что там у вас?

Витар достал из сумки коробку, молча ее открыл, а потом развернул сверток.

Шваб присвистнул.

– Бумаги, подтверждающие владение, есть? – спросил. – А то, если нет, без камня правды, пары дознавателей и запросов в архив мы не обойдемся, и сегодня вы ничего не передадите. Да и потом можете получить только компенсацию, а в лучшем случае – вознаграждение с процентами.

– Есть, – спокойно сказал Вилух.

Бумаги из сумки доставала Руда. Хранились они у нее в еще одной коробке, защищающей их что от потопа, что от пожара, что от любителей случайно унести чужое. Коробка была старая и, похоже, самодельная. Но прочная и рабочая. Руда даже умела ее заряжать от накопителей. Дед, как оказалось, научил ее всему, чему мог научить девочку без дара. Других внуков у него все равно не было, а мага в третьем поколении он так и не дождался, что, видимо, не стало для него сюрпризом.

– Так... – задумчиво произнес Шваб, перебрав листочки. – Печати правильные, – подтвердил, проведя над одной из них перстнем. – Витар Кэр-танку? О, это в его честь малого назвали? Неудивительно, что и сила ему досталась, – примета такая.

– Кэр-танку? – переспросил Витар, которому до сих пор не приходило в голову поинтересоваться полным именем прадеда. Он же его ни разу не видел.

– А, был когда-то такой амулетчик. Даже книжку про взаимодействие, отталкивание и резонанс написал. Еще там про музыку металлов было, но тебе рановато таким интересоваться, у тебя ни опыта, ни нужных знаний. Был, потом пропал. Не здесь, на западе.

Возле Границы, там прорыв тьмы из-за одного идиота случился. Все думали, что амулетчик погиб, и не искали особо. Если не успел выйти из территории, которую через мгновение поглотила тьма, ну, вы понимаете, даже если удалось эту тьму загнать в рамки, от человека там может вообще ничего не остаться. Так вот, он степняк был наполовину. Его собственный отец женился на дочке амулетчика, да так и осел. Основы шаманства вроде бы преподавал и взаимодействие магов с этими шаманами. Так что я бы на твоём месте оставил потомкам запись о том, что где-то ещё через три поколения может и этот дар в ком-то проявиться. Хотя, конечно, не факт, что он у того степняка был. Может, были только нужные знания.

– А мама? – спросил Витар.

– Кельте из Вацхалы. Слышал про таких?

Витар помотал головой.

– Ну, ещё услышишь, думаю. Тоже пока не дорос до их наследия. Артефакты, которые они делали, до сих пор в королевской сокровищнице хранятся. Говорят, там даже есть тот жезл, при помощи которого северного короля убили, окончательно раздробив воинственное северное междугорье на княжества и поселив в этих суровых людях ненависть к магам. Но эта штука была одноразовая. Кельте были достаточно умные для того, чтобы не делать подобных убийственных штук многократными.

– И что с ними случилось?

– Да ничего особенного. Несколько ветвей до сих пор есть, причем в разных концах королевства, и вроде бы даже кто-то в Ирминке. То ли рассорились, то ли просто постепенно разъехались, кто их разберет? С камнями так и работает большинство. Кстати, Лана Яшени тоже урожденная Кельте, замуж просто вышла. Знаешь такую?

Витар кивнул. Немолодая местресса была неслышимая и очень не любила лодырей. А ещё она была лекаркой, а вовсе не амулетчиком.

– Вернешься в школу, поинтересуйся её братом, – посоветовал Шваб. – Можешь даже эту змейку показать, думаю, она очень удивится и не откажется вас познакомить.

– Зачем? – спросил Витар.

– Затем, что старинные рода магов не просто так с упорством, для которого вроде бы нет причин, работают с определенной стихией или определенными материалами, выращивают практически одних только

лекарей или амулетчиков, с малолетства носят ветряные браслеты или защиту от молний. У них в даре есть нечто, что передается и определяет судьбу если не большинства, то многих из этой семьи. И Кэр-танку не просто так решил написать книгу про взаимодействие и музыку металлов. Он просто смог объяснить то, что видел и чувствовал инстинктивно. И в тебе что-то такое тоже может быть. И однажды оно может как помочь, так и помешать. Да, а книгу про музыку металлов тебе читать рано, это тебе сейчас мешает. Но, думаю, у Кельте и свои защиты от молний есть. Пускай ее брат посмотрит, лишним оно не будет.

Витар кивнул.

– Эх, даже заскучал по преподаванию, – вздохнул Шваб. – Может, вернуться, а хитроумных старост оставить на кого-то другого?

– Я тебе осенью пива привезу и настоек, – ворчливо сказал Вилух. – И ученики тебе мешали писать.

– Что да, то да, – согласился Шваб. – Уехал в глухомань, дай, думаю, побуду экспертом по ценностям, допишу работу всей жизни. А тут то потопы, смывшие все дороги и не дающие вовремя доехать помощи нашему тонущему в бумагах деньгохранилищу, зато не мешающие приехать наглým старостам и их законникам. То клад кто-то нашел. То купцы из-за подделки передрались. То аферист, выдающий крашеный магом кварц за гранат. Сплошные приключения. Ладно, идем оформлять бумаги на вашего сына и заносить в архив, что Кэр-танку нашелся, хорошо хоть в неживом виде. А то знаю я эту семейку, у меня руководитель аспирантуры из них был... Ох, сочувствую я тем, кто заденет его правнука, тут к семейке еще и папашино наследие в придачу. И в кого этот папаша такой умный? Вилух, у тебя в предках пропавших королевских законников не заваялось случайно?

– У меня в предках три старосты есть. При одном село горело. При другом разбойники пытались заставить дань платить. При третьем и вовсе купцы мимо ездить стали, парней в охрану сманивать. И ничего, стоит мое село до сих пор, в четыре раза больше стать успело.

– Дурное наследство, – величественно кивнул Шваб. – И даже по отъезду твоих детей никуда оно из бедного села не денется. Наверняка найдется потомок этих троих старост с шилом в одном месте и умением так всех заболтать, что проще будет отдать последние деньги,

чем отказаться отстроить за счет королевства какую-то халупу, которую ее хозяева подумывали превратить в хлев не первый десяток лет до того, как ее смыло в овраг.

– А то! – поднял палец вверх Вилух.

С родителями Витара пара попрощалась уже утром. Пока оформили бумаги, пока ходили в архив, ехать дальше стало уже поздно. Поехали, пришлось бы заночевать в лесу. А они не настолько спешили, чтобы идти на подобный риск.

Ночью успел пройти небольшой дождь. Может, даже вызванный кем-то где-то неподалеку и не успевший полностью вылиться над нужными полями. А с утра вышло солнце и решило быстренько все высушить. Над темневшим невдалеке лесом виднелась дымка испаряющейся воды. Небольшие лужи на дороге чередовались с абсолютно сухими участками. А по обочинам гудели пчелы, чирикали птицы и даже издавал загадочные звуки то ли фазан, то ли кто-то поэкзотичнее. Вот на последнего крикуна Вирте хотелось поохотиться. Слезть с лошади, привязать ее повод к луке седла Витара, превратиться в кошку и отправиться за добычей. Мягко ступая большими лапами.

С другой стороны, дурную птицу было все-таки жалко. Не просто же так она там кричит. Может, пару, бедная, ищет. А тут вместо пары целая тигрица. Сюрприз, в общем.

– Потом, – сказала девушка. – Как-нибудь потом.

И посмотрела на Витара.

Его лошадь ступала величественно и неспешно. Словно была не сельской лошадкой, взятой в аренду на границе баронства Зеленая Земля, а принадлежала к редчайшей породе, которую держат исключительно в королевских конюшнях. Ага, просто в детстве украли и селянам продали. Витар эту величественную лошадь вряд ли устраивал в качестве всадника. Одет просто, лицо тоже не изысканно-благородное, а если посмотреть со спины, то и вовсе не то на солдата, не то на наемника похож.

– А еще у него веснушки, – пробормотала Вирта.

– А? – отозвался Витар.

– Веснушки у тебя, несерьезные, – сказала девушка.

– Да? – рассеянно удивился парень.

– А у меня репутация. Репутация девушки, которая видит в мужчинах только силу. И очень многим захочется понять, где же я ее рассмотрела в тебе. А тут веснушки.

– Ну, не съедят же они меня, – и не подумал озаботиться своей незавидной судьбой Витар. – А еще у меня теперь есть эта штука.

И приподнял рукав, продемонстрировав змейку из проволоки и камней, длины которой хватило, чтобы дважды обмотать запястье.

На руке браслет почему-то потускнел, словно замаскировался, чтобы меньше притягивать к себе ненужного внимания. Вирту, когда она проводила по камешкам пальцем, эта штуковина легко колола магией. То ли предупреждая, что даже несмотря на доверие хозяина, лучше не пытаться этакую прелесть воровать, то ли просто так вот соприкасаясь с магией девушки. Даже великомудрый Шваб не смог объяснить, что там наворотил с защитой покойный Кэр-танку. А в том, что обязательно наворотил, он ни капельки не сомневался. Великий амулетчик все-таки, хоть и выгоревший. И то, как правильно передать этот амулет потомкам, он наверняка заранее продумал.

Шваба, кстати, змейка так шибанула молнией при попытке ее потрогать, что у него рука до плеча онемела. Вилуха при этом тоже только слегка колола.

– Не завидую тому, кто попробует эту вещь отобрать, – неодобрительно проворчал Шваб, наблюдая за тем, как законник деньгохранилища ставит печати и заверяет подписи. – Проклятая семейка. И ведь даже не нажалуешься на опасную защиту в совет, чтобы по шапке за эти фокусы надавали. Помер фокусник.

– А нечего чужое отбирать, – проворчал Вилух.

Вирта тряхнула головой, отгоняя воспоминания, и опять посмотрела на Витара.

– Витар, а эта вещь разговаривать с тобой не пробовала? А то мало ли.

Парень неуверенно помотал головой, потом улыбнулся, провел пальцем по камням, и вслед за пальцем потянулась разноцветная дрожащая взвесь, похожая на крошечную радугу.

– Нет, не разговаривает. Тут другое, просто ощущения. Наверное, Кэр-танку понимал, что амулетом надо научиться пользоваться, и решил как-то помочь. Я, кстати, чувствую, сколько в этой вещи сейчас силы. А еще, когда подумалось, что было бы неплохо, чтобы лес досох

до того времени, как мы к нему доедем, чтобы нам на головы ничего не капало, среди наслоения плетений четко проявилось что-то подозрительно похожее на воздушный кулак, просто очень мощный.

– Амулет тебе предложил валить деревья, чтобы не капало? – хихикнула Вирта.

– Демоны его знают. Если что-то похоже на воздушный кулак, но при этом от него отличается, вовсе не факт, что оно – воздушный кулак.

– Нужно провести испытания, чтобы хоть что-то про эту вещь знать точно, – решила девушка.

– Ага, в лесу, на полянке, подальше от людей, которые могут начать бегать и кричать о спятивших магах.

А в Сосновке два печальных дознавателя сидели над анонимным письмом и крепко думали. О своей судьбе думали. О дурных анонимах, которых даже не расспросишь, идиотов, потому что страшно им. О том, что держатели деньгохранилищ вообще распоясались. Бумагу им подавай, с разрешающей печатью от начальства, и только после этого они соизволят рассказать, чем же таким занимались подозрительные маги в этом самом деньгохранилище. О своем начальстве, которое уже два дня как уехало то ли к знакомой вдове в какое-то село и там отдыхает от подчиненных, то ли было съедено неведомым чудовищем в ближайшем лесу, то ли и вправду кому-то там помогает и не может никак вернуться. А без этого начальства запрос начальству деньгохранилища можно даже не слать. А все почему? А все потому, что где-то неподалеку в каком-то таком же небольшом городке была поймана целая компания младших дознавателей, сначала требовавших у деньгохранилища сведения о купцах, а потом продававших их конкурентам.

В общем, из-за каких-то идиотов, которых просто не могли не поймать – слишком уж часто они занимались своей веселой подработкой, – теперь у всех остальных куча проблем.

– И что будем делать? – спросил один из дознавателей.

– А что мы можем сделать, пока Керт не вернется? Только попытаться не упустить злобную оборотницу, пившую кровь, и ее приятеля, чертившего жуткие знаки и закопавшего под теми знаками дохлую кошку. Потому что координат закопанной кошки у нас тоже

нет. И узнать мы их можем только в том случае, если из-под земли полезет кошкоподобное умертвие.

– Ладно, поеду их догонять и попытаюсь проследить, – вздохнул первый дознаватель. – А ты все-таки пошли кого-то к вдове. Даже если Керт изначально не поехал к этой селянке, то, находясь неподалеку, он не свернуть к ней не мог. Сложно игнорировать женщину с такой фигурой.

– Так женился бы на ней и забрал бы в город, – проворчал второй дознаватель, но с тем, что начальство нужно найти как можно быстрее, спорить не стал.

Минк Вурса, он же несчастный дознаватель из Сосновки, по лесу шел медленно и печально. И размышлял о том, а не вернуться ли обратно? Потому что неспроста же парочка – маг и оборотень – не стала ехать по дороге. Нет, некоторое время они ехали, даже довольно далеко успели заехать. А потом в их дурные головы забрела какая-то не менее дурная идея, они спешили и куда-то пошли, ведя лошадей в поводу. И удрученному дознавателю пришлось идти за ними. Используя уже второй следопытский амулет, потому что парочке захотелось в лес углубиться.

С другой стороны, парочка была молодая, разнополая и с виду здоровая, ну, не учитывая подозрений в нездоровье разума. И забредать поглубже в лес они могли с одной конкретной, вполне себе приземленной целью. Экзотической любви в лично построенном шалашике им захотелось.

– Извращенцы, – мрачно прошептал дознаватель и пошел дальше. – Страшные извращенцы, – добавил он, вспомнив, что девушка все-таки оборотень, и мало ли что этим молодым и изобретательным в их не вполне здоровые головы втемяшится.

И меньше всего Минку хотелось стать свидетелем чего-то подобного. Поэтому пришлось отрегулировать амулет так, чтобы он еще и расстояние до этой парочки измерял, чтобы не свалиться случайно им на головы. А из-за этого поисковая магия в амулетах заканчивалась еще быстрее. А у него их было чуть больше десятка. А лес тут большой, и забредать вглубь странная парочка могла еще долго. Да и опережали они его хорошо так. Пока их догонишь, а Минк не был уверен, что следует именно догнать, они там и своими извращениями успеют заняться, и одну из лошадей неведомому богу в

жертву принести, и провести темный ритуал на древнем кладбище стоявшего в том месте когда-то села или хутора.

– Или и вовсе нашли какого-то прикопанного товарищами разбойника и над ним изгаляются. Тренируются, значит быть. Да. Ну, вот прослежу я, значит быть, и что дальше? Пока буду следить, амулеты закончатся. А потом как-то из леса надо будет выйти с нужной стороны. Да.

Но, несмотря на все сомнения, дознаватель упорно шел дальше. Потому что у него там долг. А где-то и вовсе кошка и странные символы. И аноним, которого хотелось поймать и повозить физиономией по его писульке.

– Хм... а может, его можно было по писульке выследить? Попросить какого-то оборотня, и по запаху...

Из-за пришедшей в голову идеи Минк остановился, немного постоял, а потом решительно достал из кармана другой амулет. Идеей точно следовало поделиться, пока запах не выветрился. Пускай аноним в подробностях расскажет, что за кошка, что за знаки и что его так сильно напугало. Идиота.

Если бы дознаватель решил ускорить шаг, он бы очень удивился. Сначала удивился бы тому, что странная парочка не стала строить шалашик. У этих продуманных личностей оказалась с собой палатка. Небольшая, только от комаров и дождя спрятаться. Зато саморазворачивающаяся, воинская, с присобаченным сбоку амулетом и надувающимся матрасом. Палатку, правда, после разворачивания следовало закрепить, но парочка то ли забыла, то ли увлеклась, и в результате им пришлось с хихиканьем и поисками деталей одежды из нее выползать. Очень уж неудачно она перевернулась, что-то среагировало не так, и палатка частично сложилась.

Если бы дознаватель пришел немного позже этого происшествия, он бы удивился еще больше. Потому что странные путешественники готовили обед, рассматривали какую-то подозрительную карту, азартно споря о том, к какому городку лучше проложить маршрут, и чуть не позволили лошадям убрести. И осознал бы, что они изначально решили срезать путь через лес. Что у них для этого были припасы, та самая карта, самоуверенность и очень много желаний. И понял бы, что у него самого нет ничего из вышперечисленного. И даже амулетов

для преследования могло не хватить. Но он пока оставался в счастливом неведении.

Если бы он догнал их после того, как они пообедали, собрались, отвели лошадей за большое и крепкое дерево, там их привязав, он бы, наверное, обрадовался. Потому что девушка выломала ветку и воткнула ее примерно в центре полянки. Парень закатал рукав, уставился на браслет, обвивавший запястье, и некоторое время на него пялился, бормоча что-то загадочное, с поминанием предков, тьмы и демонов. Причем, вслушавшись в его слова, можно было узнать и вовсе страшное. Получалось, что какой-то предок появился на свет благодаря противоестественным отношениям именно тьмы и именно с демонами, а потом еще и оставил потомкам что-то страшно сильное, но совсем непонятное.

Описав трижды отношения демонов с тьмой, парень и вовсе стал бормотать какую-то магическую абракадабру. Стучал по браслету пальцем, явно чего-то от него требуя.

Потом заговорил о королевских жабах, стандартизации и древних ритуалах, которые в нее не вписываются.

Потом с тоской и усталостью спросил, чего же кому-то там еще надо.

Потом приказал себе сосредоточиться, вытянуть зрительный образ и пожелал спалить проклятую палку.

А потом, когда парень наконец замолчал и замер в напряженной позе, глядя на браслет, а девушка и вовсе, казалось, превратилась в статую, бедный и неудачливый дознаватель их все-таки догнал. Еще и подойти умудрился с подветренной стороны, хотя не собирался этого делать. И, оставаясь незамеченным, подкрался к кусту, из-за которого открывался отличный вид на поляну, очень уж не вовремя. Парень на своем браслете таки что-то высмотрел.

Палка, загадочно торчащая из земли посреди поляны, вспыхнула и разлетелась мелким пеплом. Парень от неожиданности ухватился за знакомый образ неправильного воздушного кулака и приголубил этой штукой тлевшую траву. Выбил немаленькую яму и породил компактный ураган, унесший невезучего дознавателя к ближайшему дереву и накрывший сверху кустом, за которым тот столь неудачно стоял.

В общем, куст правильно понял свою миссию и продолжил Минка прятать.

– Ну, деревья устояли, – подытожила Вирта, наблюдая за падающими листьями и ощущая, что тигрице очень хочется половить их, клацая клыками, а потом и вовсе повалиться, почему-то на спине, раскинув лапы.

– Я его придержал, только не очень понял как, – признался Витар. – Надо подумать.

– И еще немного потренироваться.

– Да. Зато я понял, как оно работает. Похоже, если я не учил чего-то, что есть в этом браслете, и понятия не имею, как оно выглядит и что сотворит, пытаться его подцепить бесполезно.

– Значит, надо еще учиться, – оптимистично сказала Вирта.

С чем они и пошли дальше, до оврага, по дну которого можно было вполне комфортно ехать на лошадях, как раз в нужном направлении.

А дознаватель что?

А он полежал под кустом, сначала в обмороке, потом немного подумал о смысле жизни и своем в ней месте. Потом с кряхтением вылез, порадовался, что оставил лошадь в стороне от неожиданного удара и что ее никто не успел сожрать. Отправил очередное сообщение коллегам и мужественно продолжил преследование.

Потому что кто, как не он? И ведь парочка точно занимается чем-то подозрительным.

Лунимина печально сидела на табуретке напротив сурового начальника практически любимого жениха. Начальник хмурился, поджимал губы и смотрел с осуждением. Жених, вместо того чтобы поддержать, старательно записывал допрос и тоже бросал осуждающие взгляды. И бедная девушка понимала, что все больше и больше не любит одну рыжую оборотнишу. Это ведь наверняка она подговорила того оборотня пойти к дознавателям и предложить свою помощь. Точно она!

То, что Вирте в принципе неоткуда было заранее узнать о написании анонимки, Лунимине в голову не приходило. Наверное, для этой мысли просто места не хватало. Она старательно объясняла, почему написала то письмо. О превращении в тигрицу рассказывала и о том, что мерзкая девица наверняка околдовала воробья, и его надо

было как-то спасти. И идея по спасению придумалась только такая вот. Кому, как не дознавателям, спасти? Они же все сплошь герои.

В том, что никакой кошки не было, пришлось сознаться после угрозы камнем правды. Оказалось, не только маги эти камни не любят. В Лунимине тоже нелюбовь проснулась, почти мгновенно.

Еще в голове птицей билась мысль о том, как теперь заставить жениха все простить и забыть. И не дать ему съездить в село поговорить с отцом. А то там кто-то из завидующих дур с радостью расскажет ему про пирожки для воробья.

Попутно Луними́на старалась давить на жалость сурового дознавательского начальника. Жалость давилась плохо, но девушка не оставляла попыток. И доказывала, что просто испугалась страшного тигра. И про помутнение собственного разума не забыла упомянуть. И даже задумалась о падении в обморок. Пол, конечно, не шибко чистый, падать с табуретки высоковато, и никто подбежать и подхватить не успеет, все присутствующие сидят за столами, каждый за своим, но Луними́на уже готова была рискнуть, запачкать платье и даже получить несколько синяков.

– Ладно, мне это уже надоело, – устало сказала суровое начальство, когда Луними́на тоном полным заботы об односельчанах описывала огромные клыки тигра. – Пускай будут общественные работы. Там как раз помощники нужны для очистки дождевой канавы возле ярмарки.

Луними́на похлопала глазами, не в силах осознать, о чем говорит этот мужчина, а потом перевела умоляющий взгляд на жениха. Но он опустил глаза и что-то старательно писал.

– А самое поганое, что эта жалоба в реестр внесена. А мальчишка как раз амулет получил в наследство, до которого он явно не дотягивает знаниями. И что сделает мальчишка? А он начнет проверять, что же такое ему досталось. Хорошо хоть, в лесу.

– Группа Немира уже отправилась преследовать. Минк такое странное сообщение прислал...

– И вернуть мы их не можем. Просил же главу города не экономить, купить в управу нормальные амулеты, двухсторонние, а лучше и вовсе пчеловские, на основе грибницы. Так нет же, дорого, обойдутся, главное, чтобы на помощь могли позвать. Тьху! А теперь у нас мальчишка с амулетом, да практически артефактом, и кучка

дознавателей, о которых он не знает и может случайно чем-то таким приголубить, что потом будем думать, как их от хоботов избавить. И хорошо, если драка не начнется.

– Может, в Копнянки написать? В их храме есть порталная почта, вдруг перехватят. Ну куда они могут там идти? Только к оборотням, а клан девушки как раз с той стороны, если идти напрямую.

– Не уверен, что напрямую идти будет проще, – проворчало суровое начальство. – Там же лиственный лес, молодой из-за пожара, с густым подлеском. А по еловому баронскому клину хоть гонки устраивай. Он же эти елки на мачты растит, одна в одну, на идеальном для выращивания расстоянии, лишнему там расти не позволяют.

– Это да, – признал жених и бросил на Лунимину осуждающий взгляд, словно это она пожар на коротком пути устроила.

– Но ты напиши, – решило начальство. – И в Копнянки. И на Радужный мост. А лучше даже в Вирки и в Жабью Горку отправь голубей. Может, у них есть связь с лесными пчелопасами, вдруг хоть кому-то попадутся на глаза и смогут рассказать о письме, амулете и твоей веселой невесте. Даже неважно, мальчишке с оборотницей или нашим коллегам.

Лунимина на всякий случай похлопала глазами и попыталась выдавить слезу раскаяния. И у нее почти получилось, стоило только представить себя в роли чистильщицы канавы, так сразу плакать хотелось. Это же позора потом не оберешься, а жених даже не попробовал защищать.

– Но есть у меня предчувствие, что никто и никого не перехватит. Эта пара специально будет людей избегать. Если есть возможность поиграться с дорогой и опасной игрушкой, какой маг от этого откажется? Особенно молодой и осознающий, что для него эта игрушка полностью безопасна? Да я бы и сам не отказался, – призналось суровое начальство и печально вздохнуло.

А Лунимина опять задумалась об обмороке, хотя не факт, что и он поможет, только зря синяков себе наставишь.

А где-то, уже довольно далеко, суровые мужчины сурово преследовали оборотня и мага. Сначала преследовал одинокий и прихрамывающий суровый мужчина. Он вел за собой лошадь и внимательно смотрел под ноги – прихрамывать он начал из-за

неудачно торчащего из-под земли корня. В том, что преследует само зло, этот мужчина был уже практически уверен.

На его голову успел пролиться ледяной дождь, потом чуть не рухнуло дерево, в которое с силой ударил неожиданный порыв ветра, после этого пришлось ловить лошадь и радоваться, что эта дура удачно зацепилась поводом за куст. В общем, кусты для него на этот момент были едва ли не лучшими друзьями.

Ночевал он, кстати, тоже под кустом. В овраге. Разведя крошечный костер и кутаясь в непромокаемое одеяло. Спалось так себе. В голову все время лезли воспоминания о воинских буднях, которые он поменял на дозвнительские, но они все равно его взяли и догнали.

Следующий день Минка тоже ничем не порадовал. Он неудачно нагнал преследуемую парочку, за что получил награду в виде рухнувшего с небес едва ли не перед носом комка из земли и листьев. Лошадь опять пришлось ловить, а кусты подтвердили, что они на его стороне, – дурная скотина в одном попросту застряла. Потом опять пошел дождь, теплый. Потом где-то недалеко запахло гарью. А потом Минк и вовсе вышел к тому оврагу, из которого взяли и полезли скелеты.

Где-то недалеко взвизгнула девушка, а мужской голос удивился:

– Это они откуда здесь?

Скелеты тут же перестали лезть, рассыпавшись на составляющие.

– Да, вот тебе и клад, – сказал что-то непонятное преследуемый маг.

А дурную лошадь опять пришлось ловить.

Остальные суровые мужчины шли за Минком и большей частью удивлялись его странным действиям. Особенно беготней за лошадью. Им почему-то казалось, что если бы он не хотел за ней бегать, то стреноживал бы. У него же даже амулет для этого есть.

И чем дальше, тем больше в этих мужчинах крепло подозрение, что злобные тьмапоклонники как-то помutilи разум коллеги. Не совсем, приступами, с которыми ему приходится бороться. И грешили они на защитный амулет, на котором городской голова тоже сэкономил, потому что «откуда в нашей городке тьмапоклонникам взяться?».

Спустя два дня Минк окончательно убедился, что преследует само зло. Иначе зачем преследуемой парочке понадобилось все дальше

забираться в лес, при этом явно избегая людей и творя какую-то дичь? Ладно, заставили на симпатичной полянке крошечный ручеек забить, за это он им был даже благодарен – не пришлось искать воду. Ладно, зачем-то свалили дерево и частично превратили его в труху – ну, вдруг им труха именно этого дерева нужна была для какого-то зелья, которое им задали для самостоятельной практической работы, а покупать ее было слишком дорого. Ладно, заставили не в сезон дозреть кислотоватую лесную малину, Минк и сам с удовольствием ее поел, а то из продуктов у него было несколько сухих печений и кусок удачно вчера подстреленного зайца – твари худой, жилистой и явно немолодой. Но вот зачем они устроили посреди другой поляны котлован с жидкой грязью? Зачем вырастили за собой колючие заросли, которые Минку пришлось обходить, а потом долго искать потерянный след? Зачем сначала подняли, а потом упокоили полуобглоданного дохлого волка? Зачем те светящиеся цветочки на дереве вырастили, которые он в сумерках принял за глаза неведомого чудовища? Зачем откопали мужской скелет в старинном доспехе из кожи и металлических колец, а потом обратно закопали? Ага, Минку скелет пришлось откапывать повторно, хотелось узнать, что за раскопки они здесь вели. И вообще, как они этот скелет нашли?

В общем, вопросов к парочке было много, и Минк с удовольствием делился этими вопросами с начальством. А бедное начальство после каждого вопроса все больше грустнело и все чаще думало о том, чтобы уйти в запой, впервые в жизни, вон какой повод появился. Там же героически пробирается через лес не только Минк, но еще и группа его последователей. И они тоже находят все эти странности.

И не напивалось бедное начальство только по одной причине. Подозревало, что в нетрезвом виде не сдержится и таки пойдет, придушит одну любительницу писать письма и чистить сточные канавы.

И да, бедное начальство даже обошло все городские храмы и попросило всех богов не дать мальчишке повода защищаться. А то с его амулетом дело может закончиться совсем плохо. Особенно учитывая то, что пользоваться им он особо не умеет. И, возможно, даже не подозревает, как этот амулет может отреагировать на его

эмоциональный посыл, не оформленный во что-то конкретное, зато подкрепленный испугом.

А еще это несчастное начальство написало письмо оборотням из клана девушки. За личные деньги отправило его порталной почтой. И теперь надеялось, что у них там есть кто-то крылатый, кому можно безопасно для разума поискать их полосатую тигру. Если найдет, то хотя бы парочке сможет объяснить, какая ерунда происходит. А отсылать к подчиненным этих крылатых оборотней он уже не рискнул – ну, мало ли как отреагируют, считая, что преследуют тьмапоклонников.

На пятый день безумного преследования, о котором Вирта и Витар даже не подозревали, в небе закричала явно хищная птица. Птицы помельче, которые жизнерадостно чирикали на деревьях, изумленно замолчали. Видимо, как и Вирта, по воплю сразу опознали степного орла и сильно удивились, что он решил полетать над лесом.

Орел тем временем опять закричал, а потом практически рухнул вниз, пролетев сквозь кроны деревьев и каким-то чудом не зацепив ни одну ветку, как-то неуклюже свалился на землю, а потом резко вырос в человека. В тощенькую девчонку-недолетку, у которой только-только начала формироваться женская фигура.

– Хорошего дня! – жизнерадостно поприветствовала она.

– Хорошего, – неуверенно ответили переглянувшиеся Вирта и Витар.

До городка Четыре Дороги они должны были доехать через сутки примерно. А оттуда по реке спуститься к большому селу Перемичке, от которого до родного клана Вирты оставалось еще полдня пути. А тут какая-то девчонка является и одним своим присутствием все планы рушит.

– За вами там дознаватели крадутся! – еще более жизнерадостно объявила девчонка. – А я Фация. Я из Зеленого мира, ну, мира Зеленых Туманов. Вот так удачно в гости к подружке приехала, а то у вас там ни одного крылатого, способного так далеко залететь. Все либо какая-то мелочь, которая в принципе далеко не улетит, ну, вроде воробьев, либо уже немолоды. Вот мне дали поисковичок, и я полетела предупредить. А то начальник этих дознавателей сильно за них переживает. Боится, что вы случайно их зашибете.

И улыбнулась широко-широко.

Вирта и Витар опять переглянулись. Они даже не представляли, зачем каким-то дознавателям за ними красться. И не очень понимали, почему должны этих дознавателей зашибать.

Историю Фация рассказала просто чудесную, Вирта даже пожалела, что не покусала одну доморощенную интриганку. Фация и Витар, правда, были уверены, что в этом случае она бы отравилась, поэтому жалеть не о чем.

Ждать, пока преследующие дознаватели дойдут, никому не хотелось. Потом еще и объясняться с ними пришлось бы, доказывать что-то. Поэтому, подумав, компания решила ускорить шаг. Лошадиный. Тем более в амулете было подходящее плетение. Чтобы точно не догнали. А там либо у реки отстанут, либо объясняться будут уже представители клана, и в этом случае шансов на разные нехорошие недоразумения меньше.

Летать Фации больше было нельзя. В ближайшее десятидневье так точно. Орел хоть птица покрупнее какого-то воробья, но недостаточно большая, чтобы злоупотреблять полетами и не бояться, что потеряешься в крошечном птичьем умишке. Так что лошадям пришлось еще и грузоподъемность повышать. Обеим по очереди, чтобы не навредить.

И до городка Четыре Дороги они доехали без приключений и довольно быстро, по тропинкам, которых в этой части леса уже было много и которые на этот раз искали по карте не для того, чтобы держаться от них подальше.

А Минк тем временем заподозрил неладное. Умудрился встретить людей, узнать у них, где находится, и даже сообразил следующее сообщение отправить не родному начальству, а в дознавательскую управу Четырех Дорог. Он вообще был человеком умным и быстро находящим неожиданные решения, чаще всего правильные. Из-за чего его и взяли в дознаватели. Вот только с этим решением ему не повезло. Правильность у него оказалась сомнительная. Правда, узнал он об этом нескоро – плетений, способных добавить лошадям скорости и выносливости, у него не было, слишком они дорогая штука.

До Четырех Дорог Минк дойти по следу не успел. Как он и подозревал, амулеты выдохлись раньше.

Радовало его в этой ситуации то, что он находился не в глухой части леса, в которой ориентировался так себе, – он большую часть

жизни провел в степях и переехал ближе к лесам, когда получил предложение после окончания контракта с армией уйти работать дознавателем. Амулет окончательно разрядился, аккуратно когда Минк находился на тропе. И по этой тропе можно было даже дойти. Куда-то.

Как потом оказалось, к своеобразному перекрестку сразу из шести троп разной степени утоптанности.

Постояв на этом перекрестке и немного подумав, Минк решил, что к городу должна вести самая утоптанная. Логично ведь вроде бы. А она взяла и привела его на лесной хутор с пасекой и развешанными под навесом метелками полезных растений. Хуторяне оказались людьми добрыми, они Минка напоили, накормили и к тому же объяснили, как найти город.

А уже через пару часов он очень жалел, что не попросил у них проводника – не бесплатно, конечно. Потому что в этом лесу тропинки очень любили пересекаться, раздваиваться, а то и расходиться своеобразной пятизубой вилкой.

Решение вернуться на хутор и все-таки попросить проводника оказалось не лучшей идеей. Он опять умудрился ошибиться с тропой и пришел к малиннику, в котором что-то подозрительно трещало. Выяснить, что именно, Минку не хотелось, и он поспешил оттуда убраться.

Неизвестно, как бы долго он еще блуждал, если бы его, чудо-то какое, не нашли коллеги. Из родного города. Оказалось, они, чтобы сэкономить поисковые амулеты, все это время шли по его следам, спрямляя время от времени дорогу. Потерять знакомого человека при таком способе практически невозможно, а когда Минк начал блуждать по тропинкам, его и вовсе быстренько догнали, потому что он умудрялся даже возвращаться по собственным следам, не замечая этого.

А еще, среди коллег оказались люди, умеющие находить нужную тропу, и Минк наконец смог выдохнуть в уверенности, что теперь-то подозрительные оборотень и маг никуда не денутся. Особенно учитывая то, что их наверняка уже поймали дознаватели из Четырех Дорог.

– Повторите, – занудно попросил довольно упитанный мужчина, маг-менталист при дознавательской управе Четырех Дорог. Менталист из него был так себе, иначе он не работал бы в этом маленьком

городке, ну или работал бы на более прибыльной работе, но уловить ложь он мог. Причем с первого же раза. Просто по правилам следовало провести несколько попыток.

– Я получил в наследство от прадеда амулет. Его мне мама передала, прадед был выгоревшим, но достаточно образованным, чтобы знать, что через несколько поколений дар вернется, даже если травма оказалась столь сильна, что его дети магию не унаследуют. И, пока мы ехали через лес, где возможность прибить случайного прохожего близка к нулю, я испытывал этот амулет. Смотрел, что могу с его помощью сделать и как быстро. А то оставить инструкцию прадед как-то позабыл.

– Понятно, – с тоской во взоре сказал менталист и что-то почеркал на бумажном листе, который положил на стол перед началом допроса. – А мертвецов зачем поднимали?

– Случайно, и я сразу же уложил их обратно, причем даже опечатал, чтобы ненароком опять не встали. Там недалеко природная жила есть. Слабая и не очень близко, но если в ней случится скачок, все эти кости могли бы и без помощи мага встать, – терпеливо объяснил Витар. А что ему еще оставалось делать? Если начать вопить о том, что спешишь, что все ошибка и кто-то там права не имеет, в итоге всего лишь потеряешь время. То самое, за которое кто-то там подпишет официальную бумагу, кто-то другой ее заверит, а кто-то еще и потерять умудрится. Тем более, скрывать Витару было нечего. Право владения змейкой уже проверили.

– Случайно? – переспросил менталист, посмотрел на скромненько сидевшую у окна Вирту и опять начал черкать. Витар даже заподозрил, что он ее портрет рисует.

– Да. Клад искали, – сказал парень.

– Клад? – удивился менталист. – Откуда в нашем лесу клад?

– Ниоткуда. Просто в браслете есть плетения, которые помогают найти скрытый под землей металл и вытащить его на поверхность. Вот я и попробовал. А там кости и остатки доспеха, и костям хватило остаточного импульса, чтобы встать. Видимо, от природной жилы успели перед этим напитаться. И да, это, кстати, может значить, что где-то в лесу есть еще куча костей, готовых ползть из оврагов от малейшего чиха. Я бы написал об этом в ближайшее отделение совета, пускай пришлют специалистов.

Менталист печально вздохнул и произнес:

– Так и сделаем.

Потом еще немного почеркал. Взял бланк из кучи, быстро его заполнил и отдал Витару и Вирте на подпись и оттиск. После чего обрадовал их тем, что они свободны.

Но по глухим лесам пускай пока не ездят, вдруг понадобится что-то уточнить, тогда будет лучше, если рядом окажется дознавательская управа, в которую и пригласят для уточнения.

Витар тоже вздохнул, но спорить не стал. О своем дальнейшем маршруте он уже рассказал. Да и сомневался, что в этой занятой истории понадобится что-то уточнять. Собственно, дознаватели Четырех Дорог настолько уверовали в то, что по их лесу крадется парочка страшных тьма-поклонников, что, остановив этих «тьмапоклонников» на воротах города, вежливо попросили их помочь разобраться в одном недоразумении.

Они просто жили достаточно близко от клана оборотней, чтобы знать, насколько «нежно и ласково» оборотни обходятся с затесавшимися в их ряды тьмапоклонниками. Заигрывание с тьмой слишком сильно и радикально влияет на разум оборотней, причем даже тех, кто не был где-то поблизости. В последний раз всей управой прятали в подвале одного болвана, потому что добрые соклановцы хотели самым натуральным образом вырвать ему руки только за то, что он притащил в их город вещь из земель бывших темных королевств. Очищенную вроде бы, но, как оказалось, способную насылать кошмары.

А тут вдруг парочка, которая поднимает мертвецов и при этом едет к оборотням. И девчонка-оборотень, спокойная и уравновешенная. Со стандартным защитным школьным амулетиком, который чего-то грандиозного попросту не переживет. Даже не уставшая. Ну, какие тут заигрывания с тьмой при таком раскладе?

И нет, среди оборотней, конечно, случались странные личности, желавшие что-то от тьмы получить, но подготавливались они гораздо лучше и почти сразу начинали вести себя странновато и излишне легко раздражаться. Собственно, по слухам, среди оборотней есть даже личности, способные запросто с этой тьмой работать, если их классический дар нужного оттенка, но даже слухи признают, что они страшная редкость. И в то, что эта редкость возьмет и попрется

именно сюда, дознаватель не верил. Нечего здесь делать тьмапоклонникам на самом деле.

– Ну что? – спросила Фация, стоило Вирте и Витару выйти от дознавателей.

Ждала она их вместе с лошадьми под навесом, радуя прохожих той легкостью, с которой запросто сидела на жерди, поджав ногу и положив подбородок на колено.

– Какая-то дура, я даже знаю ее имя, написала клязу о том, что мы страшные тьмапоклонники и что-то ужасное сделали с дохлой кошкой, – рассказала Вирта.

– Оу! – восхитилась Фация.

– И преследующие нас дознаватели теперь не наша проблема, – добавил Витар. – Идем, отдадим лошадей в конюшню, заплатим за их содержание, поедим и будем спускаться по реке. Мы как раз успеваем.

– Ни разу не спускалась по реке, – призналась Фация, которая вроде бы недалеко от этой реки жила.

И мордашка у нее светилась ожиданием приключений. Хотя какие приключения на большой лодке, если в ней даже ходить особо негде? Сидишь себе, либо пейзажем любуешься, либо читаешь. Ну, в крайнем случае можно постоять, опершись на брус в задней части этой лодки. Этот брус там приспособлен для равновесия (на носу лодки располагалась тумба с управляющим амулетом), но любители постоять находятся, и Фация, наверное, из них.

Впрочем, как потом оказалось, стоять в гордом одиночестве орлице быстро наскучило, и она уговорила Вирту присоединиться к ней. Так что девушки первыми увидели странную компанию, выдравшуюся вместе с лошадьми из кустового вербника, высаженного вдоль реки для укрепления берега, и начавшую что-то кричать, размахивая руками. Правда, внимания особого девушки не обратили. Может, опоздал кто-то и наивно решил, что если выскочить из кустов вдали от города, то лодку тут же остановят и их подберут. Как-то. Потому что у девушек был интересный разговор. О мужчинах. Сначала вообще, а потом об одном конкретном. И о его несерьезных веснушках.

У Витара все всегда просто. Вирта в какой-то момент это поняла, словно вдруг увидела нечто до сих пор скрытое от взгляда. Словно занавеска упала.

У Витара все было просто, несмотря на все его традиции, воспитание и даже несмотря на незнание реалий мира оборотней. Нет, основы он знал, на лекции ходил и даже книги читал, Вирта была уверена. Но тут так: пока не столкнешься, не окунешься в этот мир с головой, полностью все равно не поймешь. А после этого обязательно обнаружишь, что сильно ошибался насчет многих вещей.

И вот, несмотря на все это – у Витара все было просто.

Ему понравилась девушка, и он пошел приглашать ее на свидание. И ему было все равно, что она оборотень. Точнее, не так, он сразу узнал, что она оборотень, спокойно обдумал, так ли сильно его это беспокоит, понял, что не особо, и пошел приглашать.

У него всегда так. Он решает и делает, не тратит время на метания, сомнения и уверенность в том, что ошибся и ничего не получится. Ведь если не получится, узнает он именно в тот момент, когда это произойдет. А до этого неуверенность в успехе не имеет никакого значения, она просто мешает и заставляет ощущать себя не на своем месте. Все.

Витар не сомневался и не метался. Он делал. Решил, что будет природником, и спокойно продвигался в этом направлении, в своем темпе, не уделяя особого внимания рассказам о гениях. И, возможно, даже не подозревал, сколько сомнений подобные рассказы посеяли в Вирте.

И в какой-то момент девушка поняла, что это и есть его сила. Что он успокаивает бурю. Не дает ей разрастись в себе, просто начинает движение раньше, чем она становится заметной, гасит ее в других.

Почти как глава клана оборотней. Вожак, за которым все пойдут. Потому что он знает, куда хочет идти, в отличие от них.

Да, а тут суетливая орлица-недолетка. Она видит силу за суровыми лицами с квадратными подбородками, в широких плечах видит, в прямом взгляде еще. И не замечает ее за мягкой улыбкой. И за несерьезными веснушками. И даже за сосредоточенностью на деле не видит.

– Он даже не красавец, – уверенно сказала Фация. – Нет, он милый и улыбается хорошо, но не красавец же.

Вирта пожала плечами. Вот уж чего она никогда не делала, это не искала красавцев.

– Эх, не понимаю, – выдохнула Фация. – Он милаха, затискать хочется, как большую игрушку, набитую шерстью, ну или хлопком там. Моей сестре такую подарили. Да, но ты рядом с ним держишься не так.

– Не так? – переспросила Вирта.

– Не как владелица такой милой игрушки, – хихикнув, объяснила орлица. – Ты с ним держишься так, словно он твое достоинство. Ну, как в той балладе, где воительница была правой рукой барона Зеленого Мыса.

Вирта хмыкнула. Наверное, эта девчонка наблюдательная. Или у нее есть с кем сравнивать. Старшие сестры, подруги...

– И ты знаешь о нем гораздо больше, чем я, – добавила Фация. – Так что ты вряд ли ошибаешься. Ошибаюсь я.

И печально вздохнула.

Вирта пожала плечами. Вот каких признаний эта девчонка ожидает? Рассказать, что Витар – это спокойствие? То самое спокойствие, для которого все просто? Не поймет наверняка. Витар – как и реалии мира оборотней, чтобы понять, надо оказаться очень близко, стать его частью. А подпускать настолько близко каких-то любопытных девчонок она точно не собиралась. Обойдутся.

– Он нравится моей кошке, – сказала Вирта. – Она может рядом с ним лежать и ни о чем не беспокоиться, потому что все правильно.

– О?! – округлила глаза Фация. – Моей орлице парни вообще не нравятся. Любому она хочет выклевать глаза или проклевать дырку в голове. Они такие шумные и напористые. Может, еще перерастут?

– Может.

А самое странное, что несмотря на то что Витар – спокойствие, у которого все просто, он еще и та самая буря, способная все смести на своем пути. Разбить железные ворота. А не получится, снять их с петель и зашвырнуть за горы.

И да, когда Фация спросила, не страшно ли Вирте везти своего мужчину на земли клана, а тем более знакомить с родственниками, она ей вовсе не солгала. Вирте было не страшно. Ведь что бы родственники себе ни решили, для нее это значения иметь не будет. У нее давно есть свое решение. Она нашла силу, спокойствие и бурю. Нашла человека, рядом с которым одинаково приятно и ей, и кошке. Который выслушает и поможет, а не попытается отговорить, потому

что поймет – оно важно. Которого можно просто обнять, впитывая спокойствие, или позволить обнять себя и чувствовать, как испуганная кошка перестает бояться.

А еще он придет, когда ему тяжело, Вирга это знала. Не для того придет, чтобы требовать поддержки. Скорее, чтобы погреться и вернуть себе равновесие. Потому что она как-то стала тоже тем, что добавляло в его мир простоты, не давало безумно бежать в непонятные дали, позволяло остановиться, успокоиться и оглядеться. И да, это тоже было очень приятно. В такие моменты Вирга чувствовала себя силой. Той самой силой, которую долго искала в других.

В общем, все было и сложно, и просто. И совсем не так, как видела Фация. А значит, не так, как увидят другие. Другие, как и эта нахальная девчонка, тоже увидят мягкость, несерьезные веснушки и явное нежелание затевать конфликты. Да, нежелание ввязываться в конфликты вводит в заблуждение даже сильнее, чем веснушки. А ведь Витару просто гораздо больше нравится быть спокойствием, чем бурей. Ну, почти всегда.

Спокойствие – это его сила.

Буря – это демонстрация силы.

Вот как-то так.

Часть 3

Знакомство с ее родителями

Село Перемичка с виду было подозрительно похоже на небольшой городок. Возле него был основательный такой причал. Справа от причала выстроены одинаковые длинные здания, явно склады. А слева раскинулся базар. Причем таким хитрым образом, что самая короткая дорога к гостеприимно распахнутым воротам городка, притворяющегося селом, пролегла через этот базар. А обходить было долго.

– И это еще купцы не приехали, сейчас почти полностью жители окрестностей торгуются, – с непонятной гордостью сказала Фация, которая вроде бы была жительницей другого мира.

Хотя, может, она в мир, в котором из человека можно превратиться в оборотня, подалась потому, что росла рядом с кланом и очень хотела обзавестись красивой, пушистой шкурой или перьями? Вирта хмыкнула, но расспросить девчонку не успела. Стоило сойти с причала на землю, как кто-то басом заорал:

– Хэй-яй! Огонечек!

В ответ тут же залаяли собаки, испуганно закричал чей-то осел, а лошадь, на которой красовался мужчина в богатом охотничьем костюме, встала на дыбы и попыталась всадника сбросить.

– Огонечек! – и не подумал успокоиться крикун.

Кто-то обозвал его проклятым оборотнем. Мужчина ловко спрыгнул с лошади и попытался ее успокоить. А из огороженной части базара вывалился парень. Темнорыжий. Здоровенный. Радостно улыбающийся. И в куртке из парусины с вышитым на плече клановым знаком – кулаком в латной перчатке на фоне круглого баронского щита.

Лошадь при виде этого дива разумно попятилась, утаскивая хозяина с пути здоровья. Над головой любителя покричать пролетело сморщенное от старости яблоко. А Вирта поймала себя на том, что хочет спрятаться за спину Витара, да еще и присесть.

Здоровяка она узнала не сразу, хоть он и был двоюродным братом. Когда уезжала в столицу учиться, он был высоким, угловатым и довольно тощим подростком. Потом, когда приезжала домой, все как-

то не получалось с ним увидеться – Васхи думал, думал да и додумался до того, что, разругавшись с отцом, отправился самостоятельно поступать в старшую школу магомехов. Магия без механики его чем-то не устраивала. Ему хотелось создавать летучие шары и стреляющие капсулами с сонными плетениями палки. Он вообще был уверен, что магомехи рано или поздно полностью вытеснят обычных магов. Ну, не считая природников, мозголомов и лекарей. Жизнь, правда, раз за разом пыталась его разубедить – даже купцы, запершие свое добро на магомеханический замок, все равно заказывали чисто магическую сигналку, а на особо ценное добро еще и защиту. Но Васхи упорствовал и пытался время от времени всех убедить в своей правоте.

С отцом он, правда, довольно скоро помирился. Отец у него отходчивый. А вот Вирте на глаза так с тех пор и не попался. В последний раз разминулись из-за того, что отправился с группой таких же умалишенных в земли бывших темных королевств – изучать, как какой-то темный феномен воздействует на новоизобретенную штуковину. Зачем, Вирта не поняла. То ли они собирались ее заряжать от того феномена, то ли его воздействие блокировать как-то.

В общем, Васхи был рискованным парнем.

А еще громким и бесцеремонным.

Вирту, когда добежал к ней, он сцапал в объятья и сжал так, словно проверял ее на прочность.

– Я ж так рад тебя видеть, Огонечек! – пробасил он ей в макушку. – Запропала на четыре года!

– Это ты запропал, – не согласилась с ним девушка. – И теперь я понимаю, почему ты превращаешься в медведя.

– Теперь это все понимают, – обрадовал ее Васхи и ехидно захихикал. – Мамка сейчас вообще до моей макушки не дотягивается и, когда злится, обещает веником стукнуть, раз ладонью не может.

Дальше этот тип схватил ее за талию, поднял на вытянутых руках, словно она совсем ничего не весила, и стал крутить, как куклу.

– Не, не изменилась, – вынес он вердикт и поставил девушку на землю. – А где твой жених? Он? – ткнул пальцем в направлении одиноко стоявшего Витара, остальные люди предпочли настолько близко к буйному оборотню не подходить, а некоторые и вовсе остались на причале. – Хых.

Витар приподнял бровь и улыбнулся.

– Неразговорчивый он у тебя, – заметил Васхи. – И вырвать невесту из объятий незнакомого мужика не попытался.

– Зачем? – удивился Витар. – Вы же похожи, сразу понятно, что близкие родственники.

Васхи и Вирта даже переглянулись, ища сходство.

– Точно? – спросил здоровяк.

– Да, – кивнул Витар и опять улыбнулся.

– Природники, – проворчал Васхи. – То им абсолютно одинаковые цветочки не похожи, то совершенно разные люди похожи.

Вирта пожала плечами. Потом глубоко вдохнула, выглянула из-за Васхи и посмотрела в сторону выхода с базара. И конечно же увидела, что совсем рядом с этим выходом стоят отец, мама и целая куча других родственников. Весь проход перегородили. А тетушка Марша еще и делает вид, что приценивается к зелени, разложенной на расстеленном платке, и совсем не замечает племянницу. Ну, или не знает Васхи, которого где-то за базарным забором все еще кто-то громко ругал, и его в этом деле дружно поддерживали собаки.

Оказалось, хитроумные родственники явились в Перемичку не просто так. Они решили совместить приятное с полезным – встретить Вирту с ее женихом, за которыми гнались дознаватели, и сходить на большой базар. Они и лошадей для Вирты с Витаром с собой прихватили, и дядю Райма, который был законником и в случае чего мог без применения силы отбить у дознавателей племянницу с ее магом. Дознавателей, правда, на горизонте было не видно, но родственники верили в «удачливость» Вирты и в то, что те еще явятся, просто отстали немного пока. И тащить этот хвост за собой на клановые земли им не хотелось. Лучше здесь немного подождать, заодно купить все, что хотели.

Ну, и к жениху присмотреться, а то вдруг его нельзя вести дальше, как пошутил дядя Райм, за что получил от жениха любопытный взгляд.

– Люблю законников, – пробормотал Витар, на чем первое знакомство и закончилось.

Продолжилось это знакомство в кабаке уже за воротами Перемички. Обратни дружно решили, что в первую очередь путешественников следует накормить, а те в свою очередь возражать не стали.

И да, долгое время в кабаке все было тихо и мирно, даже Васхи не повышал голоса, а родной брат Вирты Омель расспрашивал Витара о предстоящей аспирантуре и ему вроде бы было даже интересно.

Когда дверь толкнули так, что она едва не сорвалась с петель и только чудом не зашибла дремавшего рядом с ней вышибалу, большая часть сидевших за столами людей повернули головы на звук. На ворвавшуюся в кабак компанию все смотрели с интересом, правда, интерес вышибалы был слишком похож на гастрономический, но это уже частности.

– Вон они! – грозно закричал один из новоприбывших мужчин и вытянул перед собой руку, указав пальцем в сторону стола, за которым сидели оборотни и Витар.

– Грабители? – жизнерадостно спросил Васхи и повел плечами.

– Скорее дознаватели, они за нами гонятся, – ответила Вирта.

– Ах да, дознаватели, – поскучнел здоровяк, успевший настроиться на драку.

Дознаватели тем временем всей толпой рванули к столу «тьмапоклонников», видимо, боялись, что они сейчас начнут разбегаться в разные стороны. «Тьмапоклонники» спокойно сидели и наблюдали за ними.

– Они, наверное, тот город объехали, – резонно предположила Фация, когда дознаватели дошли до цели и даже ее окружили.

– Скорее всего, – согласилась с ней Вирта.

Дознаватели от тьмапоклонников ожидали каких-то других действий. Поэтому немного постояли, молча попереглядывались, а потом из их рядов вышел не шибко молодой мужчина, но задавать вопросы тоже не спешил.

– Что-то случилось? – спросил Витар, а то никто другой начинать занятный разговор явно не собирался. – Если вас интересуют наши действия в лесу, случайные поднятия древних скелетов и летающие деревья, то это я просто испытания семейной ценности проводил, за что уже отчитался перед вашим коллегой в Четырех Дорогах. Коллега, кстати, мозголомом был.

Дознаватели опять стали переглядываться.

– Врешь! – припечатал один из них, почему-то совсем не тот, который вышел вперед.

– Зачем мне? – удивился Витар. – Это ведь легко проверить, тут недалеко порталная почта есть. Напишите, уточните. Да и в целом это сплошное недоразумение. Просто одна мстительная особа написала жалобу, чтобы мне с невестой навредить. Ваше начальство уже даже знает, кто именно, и отправило к нам орлицу, чтобы предупредить о вашем преследовании. У меня же семейная ценность, вдруг бы кому-то на голову дерево случайно уронил.

И улыбнулся, спокойно и обаятельно.

– Врет! – рявкнул все тот же дознаватель, а стоявший чуть впереди поднял руку.

– Мы проверим, напишем, – сказал он. – Но пока не получим ответ...

– Вы никуда отсюда не сдвинетесь! – припечатал все тот же решительный. – И мы не сдвинемся!

– Да? – удивился Васхи. – А письмо вы как будете отправлять, почта сама сюда прискачет?

– Гонца отправим, – странным тоном произнес стоявший впереди и оглянулся. Видимо, хотел посмотреть в глаза типу, которому очень хочется постоять.

Гонцом дознаватели и назначили этого своего коллегу, говорливого и решительного. Он шустро умчался. Остальные расселись за свободные столики, но так, чтобы отрезать путь возможным беглецам к двери и окну, почему-то решив не перекрывать проход к кухне, и заказали себе поесть. Видимо, кухня сама по себе должна была чем-то пугать тьмапоклонников. Специи там какие-то им неподходящие хранятся.

– Летающие деревья? – спросил Васхи, когда дознаватели приступили к еде и перестали дружно пялиться на предполагаемых преступников.

– Если что-то похоже на дикую смесь из воздушного кулака и стены ветра, скорее всего это нечто компактное, как кулак, и сильное, как стена, – философски заметил Витар. – Подозреваю, при помощи этой штуки можно выносить ворота... не у какой-то крепости, конечно, но что-то попроще – запросто. Дерево оно снесло почти сразу.

Васхи и Омель переглянулись.

– А треснуть по скале так, чтобы случился давно нависающий там камнепад, ты сможешь? – спросил Омель.

– А надо? – удивился Витар.

– Там проще расчистить и забыть об этой угрозе, чем ездить постоянно с поднятыми щитами и большой группой. Хотели даже взорвать, но расположение на удивление неудачное, при попытке правильно разместить взрывчатку можно этот камнепад и начать, приняв в нем участие. Да, а бить простыми кулаками пробовали, не сдвинулось. А стеной, боюсь, неповрежденную часть той скалы повредим.

– Ну у вас и проблемы, – пробормотал Витар.

– Главное, в нужную точку попасть, – добавил Омель.

Дознаватели к этой милой беседе прислушивались, но пока не вмешивались. Вирта смотрела на брата с подозрением. Да и у Витара было ощущение, что не все так просто с той скалой. А тут явно ждут, что он сейчас радостно воскликнет и начнет обещать непременно камнепад устроить. Ага, во имя хороших будущих отношений.

– И где эта скала находится? – спросил он на всякий случай.

Омель хмыкнул и посмотрел на отца.

– Да, мне тоже любопытно, – сказал этот самый отец. Его звали Камирн, а маму Вирты и Омеля – Осшаной.

Омель в ответ опустил взгляд в свою тарелку.

Витар даже порадовался, что не стал сразу соглашаться, и старался не улыбнуться. С камнепадом точно что-то не так. И нехороший парень Омель, похоже, пытался подловить именно на обещании, а потом посмотреть, как наивный маг станет выкручиваться, сообразив, во что вляпался.

– Так где? – спросила в свою очередь Вирта.

– Возле Замка Короля, – мрачно ответил Омель.

Выражения лиц у оборотней стало настолько одинаковым, что Витар сразу понял – кое-каким Омелям соваться туда не советовали. Причем очень настойчиво не советовали. А он все равно время от времени зачем-то совался.

– Там нет никакого клада, – с мягким рычанием произнесла Осшана. – Там есть только камни, которые обязательно каким-то идиотам на головы свалятся.

– Так для этого нам и нужно ударить сильно и точно! – жизнерадостно улыбнулся Омель. – Свалим заранее, и никаких проблем.

– Что за замок? – спросил Витар у Вирты.

– Потом расскажу, – тихо пообещала девушка и посмотрела на маму.

И думай тут, то ли это такая тайна, известная только оборотням. То ли Вирте когда-то было обещано что-то страшное за попытку к тому замку приблизиться.

А еще Омель бросал странные взгляды, и Витар был уверен, что он попытается уговорить на авантюру. И не был уверен, что сможет от нее отказаться.

Ну, мало ли что там за авантюра.

Впрочем, они даже до клановых земель пока не доехали. Может, в городке оборотней станет не до авантур. Это на чужой территории они стараются вести себя как приличные люди, а там кто знает?

Витар тихонько вздохнул и начал есть.

Бояться заранее проблем, которые могут и не появиться, – пустое дело. Только мысли зря занимаешь и настроение себе портишь.

Свое письмо упорные дознаватели дождались, прочитали его, передавая из рук в руки, потом извинились за неудобства и разошлись. Именно разошлись, в разные стороны и явно по своим личным делам.

– Похоже, мы для них были только поводом, чтобы съездить в это село, – сделала вывод Вирта.

Расстроеными дознаватели точно не выглядели. Даже тот, который, по их словам, пострадал из-за испытаний семейной ценности. Впрочем, этот тип, куда-то сбежав и вернувшись весьма довольным, напросился съездить с оборотнями в гости к их клану. Еще и какую-то бумажку дяде Вирты, законнику, продемонстрировал.

Про клад Витару рассказала невеста.

Считалось, что в этих местах когда-то было королевство. Вроде бы очень древнее и очень сильное, но умудрившееся из-за каких-то загадочных обстоятельств почти не оставить о себе сведений. Впрочем, сказки о принцах, имеющих скверную привычку жениться на лесных волчицах и речных девах в платьях из камыша, в этой местности упорно рассказывали, пытаясь выдать их за правдивые истории. Еще здесь пугали непослушных детей Злым Королем,

который приведет с собой тьму. И время от времени находили разное. Иногда просто копали себе огород, копали, а тут раз, и на тысячи раз перекопанной грядке вдруг находится древняя золотая пуговица, или не менее древняя монета, или какая-то неведомая ерундовина из серебряной проволоки. Впрочем, чаще всего находили наконечники стрел, на удивление хорошо сохранившиеся, с загадочной гравировкой и «запахом магии». И именно эти наконечники со своей гравировкой были наилучшим доказательством того, что королевство когда-то действительно существовало. А то, что о нем нереально найти сведения, скорее всего, намекает – люди по какой-то причине постарались об этом королевстве забыть.

И тут уже могут быть разные причины.

Может, кто-то это королевство завоевал, причем с большими сложностями, и со злости приказал сжечь все, что о несговорчивых королях напоминало, а людей за разговоры о былых временах развешивали по деревьям.

Может, это королевство на самом деле было крошечное, обособленное и никому особо не нужное. Может, тут вообще раньше были сплошные болота, и до него добраться было сложно, а причин, чтобы их преодолевать, особо и не было.

А может, прав Вихул Одноухий. Может, воспоминания о королевстве исчезли вместе с большей частью жителей этого королевства. Из-за какой-то глобальной катастрофы. Ну не зря же в сказках постоянно присутствует король – любитель водить с собой тьму. Или это королевство пришлось всем миром давить и уничтожать, чтобы не превратиться в нечто похожее на земли бывших темных королевств.

Ну и, королевство могло и не быть королевством. А всего лишь баронством. Или отдельным вольным городом. А потом уже потомки выживших решили все преувеличить.

В общем, история как история. О загадочных королевствах много где рассказывают. И все бы было тихо и спокойно, если бы не одно но.

В этих местах время от времени находят клады.

Ценные клады.

Причем не намекающие на существование этого самого королевства.

То кувшин, полный драгоценных камней, найдут. Камни необработанные, кувшин – типичная работа зелькахских мастеров, явно не имеющий отношения к этой местности и привезенный откуда-то издалека.

То слитки золота, судя по всему, когда-то попросту сваленные в яму и закопанные, находят. И слитки без каких-либо опознавательных меток. Ни тебе клейма королевства, ни герба господина. Ничего.

Однажды нашли серебряные монеты, россыпью. Когда копали, казалось, что ими кто-то пытался выложить тропу в засыпанном впоследствии овраге. И эти монеты были разные, принадлежали разным королевствам и землям, и в принципе не оригинальные, хоть и старинные.

В общем, здесь когда-то существовало странное королевство, постаравшееся не оставить о себе сведений потомкам.

А братья Вирты почему-то были уверены, что найдут в каких-то скалах очередной клад, оставшийся после этого самого королевства. При этом их родители были сильно против, чтобы они вообще туда ехали, но братьев это явно не остановит. И да, братья рассказывать, откуда взялась их уверенность, почему-то не хотели. А Витар в свою очередь не был уверен, что стоит отказываться. Ему, если честно, было любопытно.

Земли оборотней начались для Витара незаметно. Ехал себе, ехал, вдоль дороги продолжали расти деревья, травы или красоваться возделанные поля. А потом вдруг оказывается, что до оборотней давно уже доехали. И вон тот виноградник принадлежит какому-то дальнему родственнику Вирты.

В общем, с виду земли оборотней ничем не отличались от всех остальных земель.

Город на первый взгляд тоже ничем не отличался. Дома, деревья, люди.

Назывался этот город Вторая Рука. Почему именно так, оборотни то ли не знали, то ли говорить не хотели. Построено большинство домов было из светло-серого камня. Крыши преимущественно были двускатными, крытые либо желтой черепицей, либо серым камышом, либо керамическими полированными пластинами, ярко-коричневыми, в красноту, похожими на чешую дракона. Изредка крыши зеленели затаившим камыш мхом или каким-то похожим на него растением –

Витар вблизи их не рассматривал. Еще реже красовались оранжевой, привезенной издали черепицей, или были выложены пластинами черного камня, или покрыты тесом, покрашенным синей краской. В общем, именно крышами эти дома чаще всего и отличались. А в остальном – практически одинаковые коробки на два этажа, с минимумом украшений, иногда с растительной росписью вдоль углов и с одинаково высокими порогами.

И, кстати, у города была крепостная стена, по виду вполне функциональная; за ее пределами домов было немного. Зато отсутствовала стража на воротах. Даже плату за въезд с купцов здесь, похоже, не брали. Может, купцы и без платы не особо в этот город стремились? Так зачем их еще сильнее отпугивать?

До дома родителей Вирты компания доехала без приключений. На них никто внимания не обращал. Видимо, здесь было принято ездить куда-то большими группами. А вот когда уже доехали, начался цирк.

– Огонечек! – раненым буйволом заорал парень, габаритами похожий на Васхи, только темноволосый, смуглый и давненько небритый. Больше всего он был похож на разбойника, только-только вернувшегося из леса, где, собственно, разбоем и промышлял.

Вирту он сграбастал в объятья с той же бесцеремонностью, что и Васхи.

– Отпусти! – придушенно потребовала девушка, причем таким тоном, что у Витара появилось желание схватить ее за руку и попытаться спасти.

– А похорошела! – восхитился темноволосый, отстранив девушку и держа ее на вытянутых руках. – Всегда был уверен, что ты вырастешь в красавицу!

– Отпусти ее, тупица! У нее жених есть! – завизжали где-то наверху, и, к удивлению Витара, с ближайшего дерева скатилась девчонка лет этак одиннадцати-двенадцати по виду, хотя вид обратной бывает обманчив. Девчонка была мелкая, рыжая и очень подвижная. Она едва ли не телепор-тировалась к Вирте и здоровяку, схватила девушку за плечо и попыталась отобрать ее у тупицы. – Отпусти! Фу! Выплюнь пакость!

– Что?! – хором удивились здоровяк и Вирта.

– Жених есть, говорю! – жизнерадостно заявила девчонка, обхватила Вирту и повисла, как обезьянка.

Здоровяка ни капельки не смутило то, что теперь ему приходилось держать на весу обеих, да еще и одной рукой. Вторую он театрально вытянул вперед и торжественно спросил:

– И где он?

Ну, Витар и помахал рукой, а что ему еще оставалось делать?

– Хо?! – явно удивился здоровяк. – Какой-то он мелкий.

– Для тебя все мелкие! – обвиняюще сказала девчонка.

Вирта, что странно, промолчала. Может, просто не хотела вмешиваться в отношения этой парочки?

– Я-то думал, ты поменяешь нашего главу на что-то ценное, – задумчиво проворчал здоровяк и поставил Вирту на землю.

– Откуда тебе знать... – вскинулась девчонка так, словно собиралась защищать Витара до последней капли крови, вот только здоровяк ее проигнорировал и направился к жениху. – Эй, ты куда это?! – возмутилась девчонка. – Место! Фу!

– Хватит командовать мной, как собакой! – огрызнулся здоровяк, не останавливаясь.

– А ты не веди себя как собака! – ответила ему девчонка и побежала следом.

И, главное, все молчали и стояли почти не шевелясь, словно боялись лишним движением привлечь внимание этой парочки.

– Стоять! Не смей! Место! – продолжала командовать, как псом, девчонка.

Парень ее игнорировал.

А Витар изо всех сил боролся с желанием сказать: «Дай лапу!» Опасался, что здоровяк его не поймет.

– Так, – сказал здоровяк, дойдя до Витара, и склонил голову набок.

Желание попросить лапу только возросло, а улыбку Витар и вовсе не стал сдерживать, подозревал, что выражение лица будет то еще.

– Так...

В общем, ситуация была очень странная. Витар понятия не имел, что сейчас возьмет и выкинет этот необычный тип. О том, что он сам выкинет в ответ, представление у Витара тоже было смутным. Добежавшая девчонка повисла на спине здоровяка и что-то успокаивающе ему забормотала, ну точно как псу. Вирта стояла с выражением лица «ну и что я должна с этим сделать?». В последний

раз такое лицо у нее было, когда из ценного корнеплода выполз упитанный жук, а потом и вовсе оказалось, что под толстой и прочной шкуркой этот корнеплод сожран почти полностью. Но это тоже не способствовало пониманию ситуации.

– Так, ты кто? – спросил здоровяк и потыкал пальцем Витара в грудь. Несильно потыкал и непонятно зачем.

– Это тот парень, который обрушит камни со скалы! – торжественно произнес Васхи, не дав Витару представиться. – Очень ценный тип. Так что тихонечко от него отойди, попей водички, побегай в лесу и возвращайся, когда выпишься.

– Я же говорю, фу, место, назад, – напонила о себе девчонка.

И что произошло дальше?

А дальше здоровяк отошел от Витара на два шага, передернул плечами, развернулся и куда-то убрел. Прямо так, с висящей на его спине девчонкой. Она ему ни капельки не мешала.

В общем, именно в этот момент Витар и понял, что на самом деле ничего об оборотнях не знает.

Что это была за чудесная парочка, Витару рассказали, когда доехали до дома родителей Вирты.

Дом, кстати, был большой, двухэтажный, длинный, с несколькими выходами на улицу. Витар заметил пять – два на втором этаже, с лестницами, оплетенными вьюнками, и три на первом, – но подозревал, что их больше. Может, задняя часть дома вся утыкана этими выходами – вместо окон. Причем такое множество выходов из одного дома Витар уже видел, но не придавал этому значения, не подумал о том, что в подобных домах может жить одна семья. А оказалось, оборотням жить вместе бывает сложнее, чем поодиночке среди людей. Поэтому им нужна возможность отгородиться от родственников, в том числе мужа, жены и собственных детей, и не сталкиваться с ними при выходе из дома. Так им проще успокоиться и опять стать больше человеком, чем зверем, сердитым на этих родственников. И да, основная проблема была именно в том, что ипостаси в одной семье могли быть совсем разные. Кто-то кошка, кто-то волк, кто-то медведь, а кто-то канарейка. И вот как этот зоопарк может мирно сосуществовать в одном помещении, особенно в те моменты, когда контроль человека по какой-то причине ослабевает?

В общем, иногда лучше иметь возможность вовремя сбежать.

Внутри здания, как успел предположить Витар, было множество дверей, некоторые прямо посреди коридора, при помощи которых тоже можно было перекрыть родственникам доступ в свою часть дома. А в остальном – дом как дом. По убранству было сложно понять, насколько высокого достатка родители Вирты. Мебели немного, ковры только на полу, никаких безделушек, призванных украшать помещение (их в этом доме, похоже, совсем не жаловали), и все, что изредка привлекало взгляд, – оружие, развешанное на некоторых стенах, по виду старинное.

Знакомить с Витаром семью решили в странном помещении, узком и длинном. Почти все его пространство занимал стол и стулья. Окон не было, видимо, не зря Вирта шепнула, что находится эта комната в самом центре дома, может, даже зависнув где-то посередине между первым и вторым этажом, слишком уж необычные лесенки к ней вели. А почему выбрали именно ее, Витар понял, когда мужчины стали приходить уже со своими стульями. Даже за таким большим столом места всем желающим едва хватило. Видимо, посмотреть на жениха сбежались абсолютно все родственники, живущие в этом городе, а может, и из других приехали.

А самое неожиданное – никто никаких провокационных вопросов Витару задавать не пытался. Расспрашивали в основном Вирту, а на него лишь бросали взгляды, приветливо улыбались, иногда хмурились и явно делали какие-то понятные одним им выводы.

Зато рассказали, что за здоровяк и девочка повстречались по приезду в город. Оказалось, это брат и сестра. Брат, которого звали Тобиш, дружил почти со всеми братьями Вирты и саму ее знал с раннего детства. Даже на спине когда-то катал. Поэтому, наверное, в слегка помутненном состоянии сознания все равно решил ее встретить. У него вообще почти все проблемы возникали из-за ответственности.

А Рицху оставили за ним присматривать, чтобы он чего-нибудь не натворил. А она отвлеклась на что-то, вот и пришлось братца догонять и возвращать домой отсыпаться.

– В помутненном состоянии сознания? – переспросил Витар.

Почему-то ему казалось, что, если у оборотней мутится сознание, родственники предпочитают разбежаться в разные стороны, а потом издали пытаться ловить, а в совсем уж запущенных случаях – убивать.

– А, этот дурень неопасный, – махнул рукой Васхи, едва не свалив кувшин с компотом. – Пес, он и есть пес. Собаки к людям относятся неплохо в любом случае. Поэтому он и позволяет себе выложиться там, где другие не рискнут. То он за обижалыщиками молодых селянок охотится, выслеживает их. Выследил, конечно, но пришлось потом и его в горах искать. Потому что его псу захотелось поохотиться на коз. То у него эксперимент, накопителей не хватает, и он берет и опустошает резерв до доньшка. И не спит при этом трое суток, болван. Знаешь что бывает с магами, которые так себя ведут?

– Могут даже выгореть, – осторожно сказал Витар.

– Да, люди могут, – подтвердил Васхи. – Хотя скорее сознание потеряют и попадут к лекарям, где им поставят диагноз «истощение» и насильно усыпят на полдня. А потом еще заставят есть гадостную, но полезную кашку, бульончики пить, запретят пару дней есть мясо и выдадут целую коллекцию зелий с инструкциями, что после чего принимать и как долго. Да. У оборотней все и проще и сложнее, смотря какая ипостась. Вот нашей тетушке Зуи нельзя себя до такого доводить. Если ее канарейка вдруг станет сильнее человека, так можно и спятить всего за пару минут, и никто потом не поможет. Опасные хищники – тоже история не шибко веселая, и тут от возраста зависит. Чем моложе маг, который себя до такого довел, тем неадекватнее, с точки зрения людей, может повести себя его зверь, вдруг обретший контроль над телом, пускай и частичный. А бороться со своим зверем в подобной ситуации... ну, тоже спятить можно. В общем, проще изначально не иметь классического источника и черпать только силу оборотня. Тогда в случае чего просто шлепнешься в обморок, и, если совсем не повезет, потеряешь способность к обороту, станешь обычным человеком. Ну, фактически убьешь своего зверя. Но это бывает очень редко, за всю историю клана меньше десяти раз случалось. Обычно звери людей одергивать успевают. Да, а наш приятель – добродушный пес. И сейчас он фактически спит на ходу. Ну, та часть, которая человек. А пес решил сбегать познакомиться с женихом подруги. Ну, бывает. Хорошо хоть, разбудили его-человека раньше, чем он решил повалить тебя по земле или всучить дохлую ворону, которую припрятал в кустах на обочине.

– Так его разбудили... – только и смог пробормотать Витар.

Зато теперь он понял, почему Вирта так любит накопители. Со второй ипостасью тигрицы до истощения себя лучше не доводить.

А родственники у Вирты оказались вполне приятными людьми. Присматривались, заранее выводы старались не делать, внуков не требовали. Отличные люди, в общем, хоть и оборотни.

Ну, или у оборотней попросту не принято вмешиваться в чужую личную жизнь. Настолько не принято, что они даже совсем уж неприятного типа потерпят и не покажут, насколько он им неприятен.

Жалко только, что и своими выводами о выборе Вирты они с женихом не поделятся. А Витару почему-то очень хотелось узнать, что же они о нем думают. Было у него ощущение, что как раз эта странная семья в большинстве своем думать будет правильно. И откуда только взялось?

У оборотней Витару понравилось. У них, на удивление, было тихо и спокойно, даже спокойнее, чем в родном селе. Хотя город был большой, людей в нем было много, но все они как-то умудрялись не плодить конфликты на ровном месте. Видимо, привыкли относиться к окружающим бережно и осторожно. Чтобы не злить чужих зверей.

Звери, кстати, тоже спокойно перемещались по городу. И Витар не всегда был уверен, оборотень это во второй ипостаси или чье-то домашнее животное гуляет. А спрашивать он не рисковал. Мало ли, вдруг кто-то возьмет и обидится. Мог бы, конечно, спросить у Вирты, но как-то так получалось, что по городу он чаще ходил с братьями девушки, чем с ней самой. У невесты по возвращении в клан сразу же появилось множество неотложных дел.

Сначала она сходила к каким-то проверяющим. Насколько Витар понял, проверить, все ли в порядке с психикой, выдержкой и балансом между тигрицей и человеком. Баланс вообще был очень важной вещью в жизни оборотня. У каждого он был свой. Кто-то был практически неотличим от обычного человека. В ком-то даже никогда не видевшие оборотней сразу заметят что-то не то и инстинктивно станут бояться. Причем эта разница никак не влияла на душевное здоровье и ту самую нужную оборотням сдержанность, умение не выпускать своего зверя, когда он вообще неуместен. Она просто была. И соотношение проявлений зверя и человека у каждого находилось в комфортных именно для него пропорциях. А зависело оно чаще всего от темперамента и характера. Реже – от воспитания. У оборотней,

которые выросли не на территории клана, зверь был менее заметен в большинстве случаев.

Проверяющие никаких опасных отклонений в Вирте не обнаружили и отправили ее возобновить знакомство с главой клана. Постоять рядом с ним хотя бы пять минут. Так, на всякий случай. Она все-таки привыкла, что этот глава находится где-то недалеко, и то, что несколько лет живет вдали от него, могло как-то незаметно и нехорошо повлиять. В общем, Витару объяснили, что даже те оборотни, которые по каким-то причинам росли не на земле клана и увидели этого самого главу впервые на представлении и принятии – а это происходит в восемь-одиннадцать лет – все равно должны время от времени являться к нему в гости. Так восприятие этого главы не нарушается. А еще именно поэтому кланы оборотней никогда не бывают сильно большими. Глава ведь тоже оборотень, который умеет злиться и которому необходимо личное пространство, а временами и полное одиночество, и, если к нему начнут ходить ежедневно... в общем, ничем хорошим это не закончится. Так что если какой-то клан слишком уж разросся, вскоре от него наверняка отколетя небольшая группа и отправится искать себе новое место для жизни.

– Как пчелы в улье, – невольно воскликнул Витар.

Васхи, который это все рассказывал, хмыкнул, а потом сказал, что Рыжику наверняка понравится сравнение с пчелиной маткой. Он вообще парень с юмором. Потом еще и будет хихикать при встрече с другими главами клана, а те будут долго выяснять почему. Лис, что с него взять?

После посещения главы Вирту отправили встречаться с какими-то важными женщинами. Без Витара, потому что его этим женщинам должна была представлять именно невеста и именно после того, как сама уже хоть раз их навестила. Женщины в свою очередь заставили Вирту заняться уборкой в храме на скале, решив, что ей надо усмирить гордыню. То ли традиции такие были, то ли Вирта в какой-то момент не сумела достоверно изобразить смирение, Витар не сильно понял.

Потом она все-таки отвела жениха к тем самым женщинам. Немолодым и очень суровым с виду, подозрительно похожим на степняцких шаманок. Витар вроде бы правильно поклонился, очень вежливо ответил на кучу вопросов и, кажется, был даже одобрен. По крайней мере отпустили его, не забыв обозвать хорошим мальчиком.

Ну, и Вирта выходила из обиталища этих подозрительных женщин весьма довольной. И даже рассказала, что они хранительницы. Хранительницы истории, традиций и ценностей. В общем, своеобразные старейшины. Старейшины-мужчины тоже имелись, но им чужие женихи были неинтересны, они искали в новорожденных зверей и следили за дуэлями, которых в последнее время было немного из-за того, что Рыжик, несмотря на свою лисью натуру и молодость, был сильным главой. А чем сильнее глава клана, тем больше в клане спокойствия.

Потом Вирта повела Витара выражать почтение владельцу земель, местному барону. Не из-за каких-то традиций, а потому, что барон был немолод, любопытен и любил ворчать на молодежь. А поворчать на пришлого мага, человека, умудрившегося влюбиться в девушку-оборотня, – святое дело.

Ну, поворчал в свое удовольствие. Полюбовался ценным амулетом, попутно решив заказать нечто похожее, пускай даже не такое сильное, и подарить младшей дочери, когда эта вертихвостка соизволит выйти из своей лаборатории, найдет себе мужа и подарит отцу внука. В том, что это однажды произойдет, барон не сомневался. Детей его младшенькая любила, впрочем, как и мужчин, но в том, что годика два у наемных амулетчиков будет, он не сомневался тоже.

– Вся в маму, – добродушно проворчал барон напоследок и отпустил гостей.

Погоулять в тот день вместе по городу Витару с Виртой было не суждено. Потому что девушку изловили подруги и уволокли на девичник, пообещав жечь свечи, гадать на костях и угощаться женским вином. Вирта особо и не сопротивлялась – девушки ведь этот девичник ради нее готовили. А Витар дальше пошел все с тем же Васхи, которого подружки не забыли для этого позвать. Видимо, боялись, что в одиночестве Витар заблудится и потеряется.

И Васхи решил, что пришло время напомнить о кладе и камнепаде, который надо устроить. А так как парнем он был понимающим, то прежде чем пытаться вдохновить жениха сестры на подвиг, предложил ему пиво. По его словам, лучшее в городе. Варил это пиво владелец кабака «Рыбий хвост». Вот туда они и пошли.

И да, пиво оказалось действительно отличным.

Друзья Васхи, которые конечно же в тот же кабак пришли «совершенно случайно», были ребятами шумными, веселыми и почти убедили Витара съездить и посмотреть на камни прямо сейчас. Хорошо хоть, вовремя сообразили, что пока доедут, наступит ночь. А таскать ночью по горам человека, который может там ноги переломать, ну глупость же. Так что подвиг все дружно отложили, пиво допили и мирно разошлись.

Но приключения, которые почти ворвались в жизнь Витара, решили не отступать и хоть чем-то его порадовать. Они ему даже не дали далеко от кабака отойти. Васхи как раз решил рассказать, как закусывал как-то самогон неспелыми яблоками вон с той яблони вон у той кондитерской, а в результате едва не женился, как дверь этой самой кондитерской резко распахнулась. С лестницы в три ступени спрыгнула девушка – светленькая, тощенькая и неопасная с виду. Она посмотрела влево-вправо, кажется, даже ухом шевельнула. Потом замерла, уставившись на Витара.

– Покрывало Ясноглазой, – почему-то пробормотал Васхи, сбившись с описания выдающихся прелестей девушки, на которой чуть не женился.

А блондиночка словно восприняла это как команду. Она отмерла и мягко ступила вперед.

– И бежать поздно, преследовать будет, – шепнул Васхи, зачем-то сжав плечо Витара. Возможно, опасался, что он как раз возьмет и попытается убежать.

Девушка шагнула еще и еще, на мгновенье перед каждым шагом замирая. Дошла до парней, глуповато улыбнулась, запрокинув голову, – росточка она тоже была маленького. А потом протянула вперед руку со слегка погрызленным леденцовым медведем и смущенно произнесла:

– Тебе.

И ткнула леденцом едва ли не в нос Витару, он даже отступил на шаг.

– Лучше возьми, и идем отсюда, – тихо сказал Васхи. – Быстро. А то они стаями ходят, и в кондитерской наверняка еще несколько штук есть.

Ну, Витар взял медведя. Улыбка чудаковатой девушки стала еще шире.

– Кушай, – практически пропела она и даже зажмурилась, кажется, от удовольствия.

– Ходу! – приказал Васхи и затащил Витара в ближайший переулок, где и расхохотался, прислонившись плечом к липе. – Это надо же, – стонал он сквозь смех. – Она все-таки ее нашла. Силу, которую ей не запретили трогать. Это надо же. И даже эти умалишенные чувуют. Это надо же!

А Витар стоял, смотрел на Васхи и чувствовал себя очень странно. И, кажется, догадывался, что это такое было. Просто не понимал, а он тут причем? Он же даже не оборотень!

Слухи о Витаре среди малолетних идиоток разнеслись быстро. Впрочем, Вирта в этих идиотках ни капельки не сомневалась, сама была такой не так и давно. И возможно, эти слухи разнеслись к счастью. Потому что когда девушки готовы к встрече с парнем, который ощущается как спокойная сила, за которой можно спрятаться от раскачивающего твою суть мира, они просто стоят и молча на него пялятся. Ну, если умеют себя контролировать. А когда не готовы, подобная встреча достаточно сильно бьет по мозгам, чтобы утратить контроль и в лучшем случае всучить этой силе что-то съедобное.

Один преподаватель в школе посмеивался над подобной особенностью юных девушек-оборотней и удивлялся, что они все не превращаются в львиц. Это у них самки кормят самца, кормят и лишь когда случаются проблемы с привычной добычей, тот встает и идет добывать что-то большое и опасное, с чем самки не справятся.

Витара стоявшие по обочинам и пожиравшие его глазами малолетние красавицы сначала нервировали, но уже к вечеру он не обращал на них внимания. Ну, стоят себе и стоят, может, они там памятниками притворяются.

Вирту, наоборот, чем дальше, тем сильнее они раздражали. Умом она понимала, что эти девчонки не станут претендовать на ее жениха, что это никакая не влюбленность и даже близко не страсть. Это просто желание ощущать спокойствие. Она знала, что девчонки перерастут, что это из-за того, что их тело слишком быстро и довольно кардинально меняется. Ну, в большинстве перерастут, а у меньшинства почти наверняка какая-то кошачья ипостась, может, даже поминаемая преподавателем львица. Еще она читала рассуждение одной весьма разумной женщины о том, что привязанность девушек-кошек к

подобному спокойствию сродни привязанности домашних кошек к дому. Им просто нужно что-то стабильное и безопасное, куда они могут вернуться. И некоторым одного только главы клана оказывается недостаточно.

Впрочем, многим именно своего дома бывает достаточно, чтобы успокоиться и обрести уверенность.

В общем, Вирта все это знала. И даже Витару объяснила. Но девчонки все равно ее бесили, чем дальше, тем сильнее. Потому что вопреки логике ей казалось, что они хотят у нее отобрать Витара. И даже то, что он не из тех мужчин, которых в принципе можно взять и отобрать, ни капельки не успокаивало. Вирта чувствовала опасность. Ее стабильный и безопасный мир пытались раскачать. И ей хотелось броситься в драку, чтобы защитить свое.

Ага, как какому-то мальчишке-недолетке того же возраста, что и эти девчонки. Это именно они бросаются в драку, как только почувствуют, что у них что-то пытаются отобрать. Быть оборотнем вообще сложно. Настолько, что особенно нервных парней стараются занять тренировками, учебой, прохождением препятствий или тяжелым физическим трудом. Чем меньше у них остается нерастрченных сил и энергии, тем лучше и тем меньше шансов, что они во что-то вляпаются, пытаясь почувствовать себя сильными и непобедимыми. У мужчин свои способы ощутить безопасность и спокойствие.

– Нужно что-то делать, – печально сказала Вирта, размешивая сахар в цветочном чае и стараясь не смотреть в окно.

Чай она пила в кондитерской. К чаю здесь прилагались вишневые конвертики. Компанию Вирте составляли Витар, Васхи и наконец пришедший в себя Тобиш – именно он пригласил Вирту и Витара, чтобы извиниться за свое неадекватное поведение и нормально познакомиться с женихом Огонька. А Васхи просто увязался следом. Он очень любил сладкое, но, как настоящий мужчина, считал недостойным в одиночестве бродить по кондитерским. Собственно, он даже с девушкой расстался из-за того, что она предпочитала ходить на свидания в заведения, где подавали мясо, желательно хорошо перченое, и не любила пирожные. Станный тип, в общем.

За окном кондитерской был небольшой яблоневый сад со столиками под навесом, маленьким прудом с мостиком и длинной

скамейкой, затененной разросшимся плетущимся растением. На скамейке обычно сидели те, кто пришел в кондитерскую, чтобы купить сладости и отнести их домой. И когда эти сладости были еще не совсем готовы или их надо было как-то по-особенному упаковывать, чтобы не помялись, вот на скамейке их и дожидались. Но сегодня ее полностью заняли девчонки-недолетки, решившие посмотреть на торжественный выход Витара из кондитерской. Им было интересно за ним наблюдать.

И Вирта это тоже понимала, но все равно злилась.

– Что-то делать? – переспросил Васхи, проглотив конвертик. – А что тут сделаешь? Разве что сбежать, преследовать они точно не будут, повздыхают и успокоятся.

– Возможно, будет достаточно уехать из города на пару дней, – добавил Тобиш. – У них сменится фокус, ну, у большей части. Или появится время на размышления о том, как некрасиво они себя ведут, и многие постараются лучше держать себя в рамках человеческого поведения. Им это даже полезно будет.

– Точно! – радостно поддержал его Васхи. – И я даже знаю куда мы можем поехать. Витар, ты не хочешь камнепад устроить? Ша, Вирта, ты не думай, не просто подойти и ударить. Мы там сначала расчеты проведем, все по науке.

Вирта фыркнула. Васхи она знала хорошо, и в том, что любое начинание брата по своей сути обыкновенная авантюра, ни капельки не сомневалась.

Витар заинтересовался расчетами, и Тобиш стал объяснять, что камни бывают разной плотности и прочности. И что не так уж и сложно понять, где именно начнется обрушение и куда свалится вся масса. Вирта тоже послушала, подперев ладонью щеку. Говорил Тобиш убедительно. Только вот непонятно было, кого именно он пытался убедить – Витара или самого себя.

И это Вирту смущало. Может, парни так сильно хотят заполучить неизвестный клад, что готовы рискнуть и давно убедили себя в том, в чем убеждать не стоило?

С другой стороны, не дураки же они. И о защите, конечно, позаботятся. А тут эти девчонки и растущее желание броситься в драку, защищая свое. Идиотское желание, на самом деле, взрослая же и вроде бы все понимающая.

С третьей стороны, отказаться обрушивать какие-то камни можно и на месте. А прогулка лишней не будет. И горы Витару наверняка понравятся. Горы здесь по-своему удивительные. И почти доказано, что сотворенные человеческими руками. Слишком уж маленькая гряда и слишком похоже, что выращенная для защиты Соснового полуострова. Непонятно только, кто же там столь радикально защищался?

В путь кладоискатели и авантюристы собрались быстро. Наверное, опасались, что Вирта возьмет и передумает. А вдруг все малолетние красавицы разом успокоятся, разойдутся по домам и пропадут с пути Витара? И тогда Вирте никуда ехать не захочется. И убедить жениха в том, что и ему не сильно хочется, она сможет. Ну, или проведет экскурсию по горам сама, по безопасным местам.

Как ни странно, в пути ничего не случилось. Не считать же происшествием стоявшую у городских ворот троицу тех самых малолетних красавиц? Они с тоской смотрели на уезжающего Витара, но преследовать не решились. Может, вообще сочли, что он убегает из города из-за них. Тут пришлось бы его преследовать до самой школы, но в этом случае их гораздо раньше догнали бы родственники, и не миновать тогда скандала с обвинениями в скудоумии.

– Знаете, когда говорят, что горы буквально в паре шагов от города, их из этого города видно, – заметил Витар, когда компания успела остановиться, пообедать и даже опять рассестись по коням, чтобы продолжить путешествие.

– Так то обычные горы, – проворчала Вирта. – А тут непонятно какие и с подозрительным происхождением.

– Да?! – удивился Витар.

– У наших гор есть любопытное название. Корона Кербулуна. Демоны его знают, кто такой этот Кербулун, – сказал Васхи, загадочно улыбнувшись.

– Может, так королевство называлось? – предположил Малар, один из приятелей Тобиша.

– Или так звали мага, который их сотворил, – хмыкнула Вирта.

– Сотворил? – еще больше удивился Витар.

– Сам увидишь, это нечто, – улынулась Вирта. – Но если в целом... Провальная Гряда – очень маленький горный массив, почти карманный, потому что в кармане и находится.

И опять улыбнулась.

Витар перевел вопросительный взгляд на Васхи.

– В провале, в большой яме, заполненной местами водой, что твой крепостной ров, – объяснил парень. – Но ты не беспокойся, там мосты и все такое. Из-за этой воды, кстати, некоторые считают, что Сосновый полуостров никакой не полуостров, а самый натуральный остров. А горы – не горы вовсе, а тоже кучка островов. Просто вода куда-то делась. Большая ее часть.

Витар хмыкул.

– Вот права Вирта, сам увидишь, – сказал Васхи. – Понимаешь, когда прилив, воды там больше. Когда отлив, соответственно, меньше. Но вода всегда есть, особенно по краям Гряды. И вообще, там складывается впечатление, что когда-то кто-то хитроумный вырастил горы, просто вытащив подземные камни наверх. Под этими горами, естественно, появилась пустота, и они в эту пустоту взяли и ухнули. Природа обычно подобной ерундой не занимается. Она скорее маленькую гряду где-то сотворит, чем горы в яме.

Витар кивнул. До сих пор про горы в яме он даже не слышал. Наверное, все любители посудачить про подобное думали, что оборотней эти рассказы могут обидеть. А почему не рассказывали на уроках краеведчества в младшей школе? А может, и рассказывали – так, мельком. Так же мельком, как и о каждом клане оборотней по отдельности. Вот оно из головы и выветрилось. Тем более, экзаменов по краеведчеству никаких не было, учителя, видимо, считали, что кому оно понадобится, тот сам потом изучит все, что ему будет интересно.

До самого вечера горы так и не показались – в общем, представление о расстоянии у оборотней было так себе, и их «рукой подать» могло означать что угодно.

А вот когда солнце начало клониться к горизонту, а в небе противно закричала чайка, путешественники выехали к той самой яме и ее странным горам. Зрелище было удивительным. Земля просто вдруг обрывалась. Хорошо так обрывалась, явно решив изобразить сказочную бездонную пропасть. Ни дна, ни воды, кстати, видно не было, это все заслоняли обещанные оборотнями горы. Самые натуральные. Местами поросшие темными, может, даже хвойными деревьями, местами – голый камень. Черный камень. Или кажущийся

черным из-за заката – солнце собиралось сесть где-то слева за этими горами.

– Что за ерунда? – только и смог спросить Витар, налюбовавшись дивным зрелищем. Учитель краеведения не умел увлекать детей. Потому что если бы умел, Витар заинтересовался бы вот этими странными горами в яме. – Море же с другой стороны. Или это такое большое озеро? Ну, там, дальше, за горами, где ваш Сосновый полуостров должен быть.

– Озеро, – сказала Вирта. – Но озеро очень большое. Слабосоленое, кстати. Диркан, это наш учитель в школе, говорил, что когда-то случился катаклизм и море поднялось столь высоко, что залило какие-то низины даже здесь. А потом море отступило и реки воду разбавили. В этом озере даже некоторые виды морских рыб водятся. И некоторые виды вполне себе пресноводных. А вообще мы живем на своеобразном возвышении. Это просто незаметно, потому что возвышается постепенно, но вот как раз тут, похоже, начинало понижаться, пока кто-то кардинально не поменял местность. И понижается с тех пор очень быстро.

– Понятно. А как туда спускаться? – спросил Витар, очень уж впечатлял обрыв.

– А никак, – ответил Васхи. – Точнее, спуститься там можно. Тут недалеко и лестницы есть, и искусственная осыпь, пологая такая и магически укрепленная. Но оно нам не надо. Мы поедем к мосту Каберти. Думаю, это сооружение тебя тоже впечатлит.

Витар хмыкнул. Но спорить с тем, что впечатлит, не стал. Вот горы в яме уже впечатлили. Кто знает, какие у оборотней мосты водятся?

Как оказалось, мосты у оборотней водились колоссальные. Но оборотни и понятия не имели, кто и когда их построил. Когда они пришли на эти земли, людей здесь было немного. Насчет этих земель ходили упорные слухи то о древнем проклятье, то о спящих под корнями деревьев болезнях. И если сложить все эти слухи вместе, добавить к ним те самые клады, и сохранившиеся то тут, то там развалины, вроде бы остатки древних городов, и сооружения вроде этого моста, получалось, что когда-то здесь существовало могущественное королевство. А потом с ним случилось нечто такое, что от его бывших земель люди очень долго шарахались, как от тех же

земель бывших темных королевств. Или просто не могли сюда попасть, пока вышедшая из-под контроля магия себя не изжила и не развеялась. А еще соседи изо всех сил старались об этом королевстве забыть. И Сосновый полуостров, получается, горами от него отгородился. В общем, веселое королевство было, даже чересчур. И все настолько обрадовались, когда оно самоуничтожилось (ну, или было кем-то уничтожено), что о нем постарались как можно быстрее забыть и подозрительно хорошо в этом преуспели.

Мост Каберти, казалось, тянулся в бесконечность, а его опоры росли как деревья и даже почему-то ветвились этакими ажурными перевернутыми арками. Почему этот мост назывался Каберти, оборотни не знали, может, так звали человека, который его нашел в свое время. Куда этот мост ведет – наоборот, знали. Другой конец моста опирался на плато, ну, или на гору со срезанной вершиной. Кому то плато, находящееся чуть ли не в центре миниатюрного горного массива, понадобилось, разумеется, было неизвестно. Одно время там искали средство для управления ростом гор, но потом все-таки решили, что таким хитрым образом жители неизвестного королевства пытались подобраться поближе к жителям Соснового полуострова. Просто не успели построить еще один мост от плато до полуострова.

Или не успели его вырастить.

В общем, сплошные загадки.

– А нам на плато зачем? – спросил Витар. Не торчит же посреди плато гора, с которой нужно обрушить камни?

– А оттуда ближе. И не придется по воде шлепать, если низинки опять залило, – сказал Васхи, но объяснять, что за низинки, не стал.

На мосту дул ветер, порывами, менял направление, силу и, казалось, примерялся, как бы сбросить вторгшихся на мост всадников. Лошади шли неспешно, лишь изредка напряженно шевелили ушами и всхрапывали, а потом опять ничего, кроме размеренного стука их копыт, не было слышно. Даже птиц, радостно чирикавших перед мостом, слышно не было, даже когда не так и далеко отъехали. Словно мост был отрезан от остального мира. Какой-то защитой или еще чем.

– Словно в другой мир попали, да? – спросил Тобиш и улыбнулся небу. – Тут всегда такое ощущение. Из-за этого даже появилась теория, что горы вместе с этим мостом вовсе не создали и не вырастили. Их

выдернули из какого-то другого мира или скопировали. Как острова кикх-хэй.

– Скорее, этот мост стоит благодаря магии, и звуки отрезает эта магия, – проворчала Вирта.

Васхи почему-то хмыкнул.

Ехали по мосту долго. По ощущениям, очень долго, хотя верить этим ощущениям, наверное, не стоило. Плато, к которому был протянут мост, сначала казалось черной полоской, застывшей где-то на самом горизонте. Потом оно превратилось в полоску, подвешенную между небом и землей; Витар даже поинтересовался, почему оно так выглядит. И оказалось, там просто скала такого цвета, сероватоголубоватая, на ярком закатном солнце становившаяся почти бесцветной и сливавшаяся с небом.

– В общем, эту подпорку явно искусственно создали и мост наверняка собирались тянуть дальше, – опять принялась ворчать Вирта, которой где-то посередине моста вся эта поездка стала казаться очень плохой идеей. – Наверное, более тонкие подпорки большей длины выдержать не могли, надо было что-то поосновательнее посерединке поставить.

А темная полоска разрослась вширь и в высоту. Потом разделилась на желтое и зеленое. А потом постепенно стало заметно, что под желтым есть что-то сероватое.

– Видишь, там на этом серовато-голубоватом основании желтый песчаник, а уже на нем слой земли, на котором растут растения, – продолжила Вирта, которой просто хотелось поговорить.

– И есть предположение, что песчаник нужен для того, чтобы растения не попортили этот странный камень, – вспомнил очередную теорию Васхи. – А камень, кстати, действительно странный, больше нигде такого нет. От него периодически коваряют кусочки для исследований, так это очень долгий и сложный процесс.

– Чудесно, – сказал Витар, который вдруг почувствовал себя так, словно приехал в какую-то сказочную страну. Причем сказка там страшная и поучительная. А он-то думал, что будет так себя ощущать, как только окажется на земле оборотней.

Когда они наконец перешли на плато, это ощущение смазлось и постепенно пропало. На плато, как оказалось, жили люди, точнее, оборотни. Выстроили себе что-то вроде хутора, завели огородики,

посадили сады и делают вид, что место самое обычное. Еще там жили птицы, лаяли псы и даже крутилась под ногами кошка в том кабаке, в который они заехали пообедать.

– К Вилке Демона направляетесь? – поинтересовался немолодой мужчина, жестом подгоняя девушку, пытавшуюся одновременно расставлять на столе принесенные миски с жарким и строить глазки Тобишу.

Хорошо хоть, не Витару.

– Да, – спокойно ответил Васхи.

– Ну, смотрите, там после последнего водоразлива еще больше трещин стало. Я бы лучше подождал, пока оно свалится, а то лезть в тот тоннель...

– Мы попробуем обрушить, – признался Васхи. – А само свалиться оно может лишь спустя пару тысяч лет.

– Ну, смотрите. Надеюсь, нам не придется откапывать то, что от вас останется.

Васхи фыркнул и решительно воткнул вилку в кусок мяса. Вирта одарила его неодобрительным взглядом. А Витару стало интересно. Вилкой Демона что попало не назовут, такое название заслужить надо. Как-то.

Проворчав что-то невнятное о молодежи, мужчина ушел. Девушка периодически возвращалась, спрашивала, не надо ли еще чего, принесла компот и чай, и смотрела при этом на одного только Тобиша, который этот интерес старательно не замечал. А Вирта тихо объяснила, что почти все здешние домики пустуют. Тут в основном селятся оборотни, которым вдруг оказываются жизненно необходимы тишина, спокойствие и одиночество. Поэтому Тобиш игнорирует симпатичную девушку. Если бы ее потянуло вернуться в город, она бы вернулась. А раз сидит здесь, ее лучше просто не трогать, потому что она все еще не нашла в своем одиночестве что-то нужное. Тронешь, она может так и не найти, вернуться, а потом жить с ощущением, что чего-то не хватает. А жить с этим ощущением не очень весело, в лучшем случае характер портится, а худшие могут во что угодно вылиться, были прецеденты.

А так, Тобиш эту девушку знал. И даже ухаживал за ней – она была лекаркой, и познакомились они как раз после очередного его

умопомрачения. А потом у нее умер очень важный для нее пациент, и девушке стало нужно одиночество.

– Быть оборотнем очень сложно, – пробормотал Витар.

– С людьми тоже так бывает, они просто в себе хуже разбираются, а потом почему-то спиваются или со скалы прыгают, – задумчиво сказал Тобиш и зажевал это откровение картошкой. – Потому что не выдержали шума и толпы, когда нужно было побыть одному, найти потерянную точку опоры. Стать целостным и прочным.

На разносчицу он старался не смотреть. Очень старался.

Оборотни на плато жили странно. При виде кладоискателей некоторые прятались по домам. Другие вполне себе приветливо улыбались, махали руками, просили призвать воду. Потому что своей на плато не было. Нужно было либо таскать откуда-то снизу, либо везти по мосту, либо ждать дождя и ловить, либо запасаться амулетами, собирающими воду из воздуха. Время от времени сюда приезжали маги, и тогда местные жители, не стесняясь, просили их добыть воду, а то огородик полить нечем. А лучше всего было, когда маги, способные воду добыть, здесь задерживались. Но это случалось редко. Маги вообще были устойчивее к тому, что загоняло оборотней на это плато.

– Хм, а почему никто до сих пор не изобрел амулет для призыва воды? – спросил сам себя Витар.

– Потому что злоупотреблять будут, – проворчал Васхи, наполнивший уже две цистерны. – Дай этим огородникам волю, и с плато попросту смоем всю зелень, может, даже с домами. А так – берегут и ценят.

Вирта громко хмыкнула, схватила Витара за руку и повела подальше от недовольного привалившей работой брата. И вела долго-долго, до края плато. Там они и сидели почти до ночи, не беспокоя нуждавшихся в одиночестве оборотней и любясь изломанными скалами далеко внизу. Даже почти не разговаривали. И сидеть в полуметре от грандиозного обрыва, прижавшись друг к другу плечами, было почему-то уютно. И правильно.

Наверное, не зря оборотни именно здесь искали свое спокойствие. Ощущение защищенности, почти как в храме Ясноглазой.

К загадочному тоннелю кладоискатели отправились только утром. Оказалось, до темноты туда никак было не добраться. На один только

спуск с плато пришлось потратить несколько часов. По петляющей туда-сюда лестнице. Лошадей оставили под навесом у кабака. Вещи и запас еды тащили на себе. О том, как будет подниматься обратно, Витар и думать не хотел. Вирта мрачно сопела. Остальные делали бодрый вид и вслух размышляли, что до послезавтра какой-то загадочный подъемник точно отремонтируют, и о ступеньках на обратном пути можно будет забыть.

В общем, впору было задуматься о том, что само плато не хочет, чтобы люди с него спускались и искали какой-то клад.

Земля у основания плато была не менее странная, чем оно само. Местами гладкая, словно отполированная, но не ровная, в каких-то потеках. Словно здесь что-то расплавилось, потекло, а потом застыло. Местами присыпанная мелким крошечком, а то и вовсе песком. Местами из щелей загадочно торчали пучки травы. Не менее странной, чем все вокруг. Витар мог бы поклясться, что нигде такой травы раньше не видел, но оборотни только пожали плечами, а Вирта сказала, что это скальник и что он растет в школе в оранжерее на каменной горке. А вокруг торчали абсолютно голые скалы, с виду обыкновенные и не особо высокие, вряд ли хоть одна из них доставала до середины плато.

К Вилке Демона, кстати, пришлось возвращаться. Сначала они шли под мостом, почему-то под ним участок земли был гораздо ровнее, чем вокруг. Потом отклонились левее, и Витар даже сообразил, что идет по тропе, и, похоже, расчищенной. Или это было русло то пересыхающей, то появляющейся речки? Уточнять парень не стал, решил, что обо всем интересном расспросит потом. А сейчас лучше внимательно смотреть под ноги.

– Вилка, – объявил Васхи, когда, по ощущениям, прошло не меньше часа.

Витар с интересом посмотрел на три скалы, умудрившиеся выстроиться ровной линией и действительно напоминавшие закопанную по зубья вилку.

– Нам правая нужна.

– Вы ее хотите обрушить? – спросил Витар. Обрушение скалы ему вовсе не казалось хорошей идеей. Она ведь и другие зацепить может, и демоны знают, что и куда с них начнет падать. Слишком уж близко стоят.

– Нет, что ты, там сбоку такой нарост. Очень похоже, что просто отломанный откуда-то большой камень, принесенный водой. Он даже по структуре другой. Река в этом камне пробилла тоннель, а потом почему-то поменяла русло и стала его обтекать, – продолжил рассказывать Васхи.

– Или тоннель пробрили люди, чтобы спрямить себе путь, – возразил Тобиш. – А то перелезть через камень было неудобно. А обходить долго, там такая местность, что попробуй еще обойди. Такая теория тоже есть.

– А путь просто так не спрямяют, – добавил его приятель.

В общем, те еще авантюристы.

Камень, практически вросший в правый зубец, выглядел самым чужеродным предметом из возможных в этом месте. Даже люди столь чужеродно не выглядели. Люди что, погуляют и уйдут. А камень явно был вызовом – кругом изломанные острые линии, темные, почти черные скалы, старательно сливающиеся с небом плато – и тут вдруг он. Большой, как дом, весь такой округлый, теплого желтого оттенка и даже не песчаник. Витар такой камень вообще впервые видел. Слишком он был похож на большущий кусок янтаря, но, к счастью, им не был. Кусок янтаря величиной с дом – это было бы уже слишком. Даже для этого места.

Горы старались выдавить странный камень туда, откуда он взялся, и он не выдержал, пошел трещинами и стал ронять куски.

– Он похож на вулканическое стекло, только цветом и отличается, – сказал Васхи. – Некоторые умельцы из него даже ножи делают.

Витар кивнул.

Потом подошел и заглянул в широкий разлом, который мешал этот камень попросту обойти справа. Стенки у разлома были отвесные, а довольно далеко по дну текла тонкой полоской вода.

– Это мы еще на возвышении, – философски сказал То-биш. – А там, чем ближе к полуострову, тем ниже и больше воды даже в самые засушливые годы. Шли бы туда, пришлось бы лодку на себе тащить. А потом обратно. Потому что, если оставишь, сгниет за неделю. Там какая-то жрущая дерево синяя плесень в воде водится, и приливы случаются как попало и куда попало.

– Чудесно, – только и смог сказать Витар. Удивительное место же. И почему природники сюда толпами еще не набежали? Не знают? Или оборотни сильно против?

Заходить в тоннель в покоем на янтарь камне ему совсем не хотелось, смущали трещины, великое множество трещин. Но парни дружно твердили, что все в порядке, что у них там подпорки есть и что устраивать обвал нужно за пределами тоннеля. И Вирта им не возражала, так что пришлось идти.

И да, подпорки были. Только как-то слабо верилось, что они помогут, если камень надумает развалиться на куски.

А вот после преодоления тоннеля открылось чудесное зрелище. Тоненькая ниточка реки изображала водопад. Дважды. В первый раз она падала с невысокой скалы, умудрившейся прятаться за желтым камнем и зубцом Вилки. А второй раз низвергалась в разлом, начинавшийся аккурат в этом месте, что было совсем уж странно. Выглядело так, словно какой-то великан взял суперпрочную лопату и попросту этот разлом выкопал. Потому что речка, текущая не в глубокой яме, раздражала.

– И что вам надо обрушить? – поинтересовался Витар, почему-то глядя на воду.

– А вон видишь, козырек нависает, – указал пальцем левее первого водопада Васхи. – Он там подмытый, держится вообще непонятно на чем, но это ладно. А на него еще и куча камней опирается и подозрительные звуки издает, если там начать ходить. На малейшее движение реагирует, видимо, из-за вибрации, но не падает, зараза. Мы даже амулеты для встряски пробовали внизу расставлять, но... Сейчас подойдем ближе, и рассмотрим. Я покажу, куда надо силу прилагать, чтобы на нас не свалилось и речку не перекрыло. Эта речка озерцо одно питает, рыбное.

Витар вздохнул и согласился. Поздно отступать. Или рано. Надо хотя бы посмотреть, вдруг там на самом видном месте лежит причина для отступления. А ощущение какой-то неправильности могло появиться из-за этих странных гор. Они сами по себе неправильные. Так что неудивительно.

Ну, Витар и посмотрел.

С виду камни были как камни. Такие же темные, как и все вокруг. «Козырек» явно откололся откуда-то сверху и, падая, очень удачно

угодил в трещину внизу, где и застрял. На него сверху тоже что-то упало, но почему-то вместо того чтобы обрушиться, вся эта конструкция застыла в странном равновесии. У Витара был приятель, который любил строить башенки из камней, как-то так ставил их друг на друга, находил такие точки, что умудрялся сбалансировать камни в столбиках до половины человеческого роста. А Витар пробовал, и его башенки падали уже на четвертом камне.

Вот так и тут, с виду самая неустойчивая штука на свете. А не падает почему-то.

Ощущение неправильности, преследовавшее Витара от желтого камня, после осмотра никуда не делось. Но что именно было неправильным, он так и не понял. А Васхи был очень убедительным. И Тобиш с приятелями тоже. Вирта почему-то молчала и не отговаривала. И в этих странных горах все они разбирались лучше, чем он. Так что Витар решил рискнуть. Обрушить кучу камней, под которой оборотни опасались ходить, потому что она от малейшей вибрации начинала издавать странные звуки и вибрировала в ответ. Угрожающе так вибрировала, стоило к ней приблизиться.

– Видишь, вон туда надо бить, вон, если стоять так, кажется, что там каменный нос. Как раз подходящая точка для толчка. Мы баланс рассчитывали. И вся куча рухнет вправо, а потом большей частью и вовсе в пропасть с речкой. А там мы эти камни уберем, – вдохновенно объяснял Васхи.

Витар смотрел, понимал, что оборотень, наверное, прав. Что, может, тот «нос» и есть та точка, которая так необходима куче камней для равновесия. И если ее убрать, а потом еще и толкнуть в нужную сторону...

Вирта все так же молчала, только смотрела задумчиво.

Торчать целый день перед горой камней и ничего не делать никому особо не хотелось.

И парни были убедительны.

И не пройдешь там никак, не вызвав перед этим камнепад себе на голову. А обходить эту скалу? Кто-то крылатый видел: другие «дороги» вообще не вариант.

А Витару почему-то так и не пришло в голову спросить, почему оборотни так уверены, что, пройдя это препятствие, непременно найдут клад. Возможно, если бы спросил, он бы понял, что же во всем

этом пейзаже не так. Но, увы, клад Витара интересовал мало, у него голова была забита странными оборотнями, странными горами, странными, едва держащимися, но не падающими камнями и кучей других странностей. Не до кладов.

– Ладно, давайте попробуем, – наконец решил он.

И почему-то даже не вспомнил байку про то, как некие растеряхи искали на пустоши недалеко от столицы потерянные амулеты. А находили ловушки, стражей ловушек и прочие неприятности. Потому что пустоши там не просто так – на том месте когда-то была крепость некоего великого ордена, перемолотого временем и историей в прах. А вот ловушки время перемолоть почему-то не смогло. Или не захотело.

И нет, бил Витар не изо всех амулетных сил. Так, слегка толкнул в нужную точку, чтобы посмотреть, что будет, и решить, что делать дальше. Но этого хватило.

Вирта ту самую байку о том, почему ни один нормальный человек не станет применять на пустоши магию, вспомнила именно в тот момент, когда вместо потревоженных камней вдруг завибрировала земля под ногами. Зазвучала, как большой барабан. Тряхнула стоявших на ней людей, и только после этого начался камнепад, частично, куда и должен был. А частично камни почему-то взлетели вверх, зависли, а потом стали разлетаться в разные стороны.

– Щит! – закричала девушка и сама же его поставила.

Землю опять тряхнуло, а потом стало рвать, как старую, гнилую тряпку, причем сразу во все стороны. Земля буквально расползалась на части и норвила то ли свалиться в пропасть к речке, то ли сотворить несколько новых. И самое поганое, бежать было некуда. Ну, Вирте так казалось.

И когда она увидела, как у Васхи под ногами вдруг пропадает опора и он, взмахнув руками, падает, девушка не думала. Она просто дернула его вверх. Чистой силой, потому что тонкие материи левитации у нее и в более спокойных обстоятельствах не получались. Выдернула, с перепугу подняла довольно высоко. С еще большего перепугу постаралась не упустить и оттащить хоть немного в сторону. Не думая и ничего вокруг не замечая, старалась удержать рвущийся щит, потому что, если получишь в таких обстоятельствах камнем по голове... И уж точно не помнила ни о накопителях, ни о том, что чистой силой можно только бить, резко и быстро, иначе рискуешь за

несколько секунд опустошить резерв. Она просто спасала брата и пыталась в процессе его не убить. И даже успела его опустить на дрожащую и продолжающую разъезжаться землю, а потом мир перед глазами поплыл и стал перемешиваться с темным туманом, полезшим из новообразованных пропастей.

Но зато она успела услышать Витара. Он кричал что-то про глупость и единственный шанс. Что он так бы и сделал, что все специально и фальшиво. И просто пошла на его голос, вместо того чтобы попытаться спрятаться от шума, дрожания земли и страшного тумана. Вот только она не дошла, потому что мир вдруг качнулся особенно сильно и исчез, только кошачий полосатый хвост успел перед глазами мелькнуть.

Магистр Яфин как-то после очередного экзамена, на который Витар умудрился опоздать, да и пришел с мыслями – а вдруг повезет, сказал, что он не удивится, если из такого бестолкового студентуса вырастет кто-то весьма достойный. Видите ли, у Витара было то, чего не было у кучи его сокурсников, старавшихся учить, заучивать и подлизываться к преподавателям. Витар умел подмечать и анализировать даже в очень экстремальных ситуациях. И тогда, когда более толковые студентусы начинали путаться, тонуть в преподавательских вопросах и сомневаться в себе, он вдруг цеплялся за едва заметную подсказку и умудрялся раскрыть тему, которую помнил смутно или и вовсе никогда не знал. А еще у Витара была хорошая интуиция. И он не боялся принимать решения. Такой вот набор, способный помочь в жизни, по мнению магистра Яфина.

Витар тогда покивал, поблагодарил и ушел. И в тот момент он даже не думал, что очень скоро странноватый природник станет любимым преподавателем и незаметно перетянет его интерес в сторону этой самой природной магии. Зато он тогда крепко запомнил, что даже самую нелепую мысль не стоит сразу отбрасывать и забывать о ней. Потому что мысль может оказаться единственно верной. Особенно в ситуации, когда долго думать вообще нельзя.

– Тобиш, желтый камень всегда был в трещинах?! – заорал он на ухо оборотню, когда мир вдруг решил развалиться на куски. Слишком уж камень был непохож на все остальное, еще и цвет такой, словно должен был привлечь внимание в любой ситуации. Внимание людей,

которые начнут его высматривать, зная, что он самый прочный из всего, что есть в этих горах.

Тобиш одарил диким взглядом и дернул вправо, на вроде бы большой и прочный участок, попутно пытаясь схватить стоявшую рядом Вирту.

– Не туда! В тоннель под камень! – закричал Витар, вырываясь. – Это же ловушка! На дураков, которые считают себя умными и не пойдут в разваливающийся тоннель! Быстро! Тут все фальшивое!

Тобиш, словно не слыша, отпустил, выдернул Вирту из появившейся у ее ног щели и швырнул себя вылавливать приятеля, которому, похоже, прилетело по голове камнем.

– Под желтый камень, быстро! – еще громче прокричал Витар и, чтобы на него обратили внимание, отпустил силу, попросту швырнул сразу во все стороны ни во что не оформленную энергию, он так разных недоумков в темных переулках пугал. Оборотни, как ни странно, замерли. – Под желтый камень! – приправил голос силой Витар и схватил за шкурку Вирту, которая вдруг странно дернулась и почему-то шагнула вперед, словно решила вернуться поближе к щели, от которой спас Тобиш.

– Не трогай ее! – завопил где-то недалеко Васхи.

Где он там кричал, Витар не видел, да и смотреть не собирался. Он просто отступал к камню и тащил за собой девушку, а она пыталась вырваться. Потом резко обернулась, и взгляд у нее был настолько нечеловеческий, что Витар опять не стал отмахиваться от очередной странной для себя мысли.

– Тихо! – приказал он резко и отрывисто, скорее отвлекая, чем надеясь, что поймет. – Ша, все хорошо, – постарался сказать спокойно.

Девушка издала непонятный звук и стала перетекать в полосатую кошку.

И что в этой ситуации должен был делать Витар?

– Под желтый камень! – повторил он, вдруг кто-то услышит и послушается, а потом обхватил тигрицу под лапы, прижал усилением и, стараясь помогать себе левитацией, потащил в тоннель. И даже почти сразу понял, что чем ближе к нему подходишь, тем меньше трясется земля под ногами. Просто стопами это почувствовал.

И до этого проклятого тоннеля ведь было совсем недалеко. Какой-то десяток шагов на самом деле. Можно добежать почти мгновенно,

если не бояться наступить на длинный тигриный хвост, упустить извивающуюся и издающую подозрительно похожие на скулеж звуки кошку, потерять концентрацию, упустить левитацию и бездарно рассеять такую простую вещь, как усиление. Так что шел Витар целую вечность. Мотнул головой, отгоняя кого-то, потянувшего руки к тигрице, из-за этой помощи точно бы упустил и потерял. И едва не рухнул, когда дошел, просто из-за того, что сотрясение земли как отрезало, а мир стал спокойным и стабильным.

По ногам хлестнул тигриный хвост, но Вирта хоть вырваться перестала, что было уже хорошо. Отпускать ее Витар попросту боялся, казалось, перепуганная, ничего не понимающая тигрица попытается сбежать, причем непременно туда, где разрушается мир. И он был так сосредоточен на том, чтобы не отпустить, так старался мысленно успокоить, успокоиться самому, потому что откуда-то вылезло великое знание о том, что младенцы плачут, если их матушка беспокоится... Так старался, что, наверное, прошла целая вечность до того момента, как он вспомнил о парнях и поднял голову, посмотреть, послушались ли они и решили ли прятаться в тоннеле.

Оказалось, на расстоянии вытянутой руки стоит Васхи, держится за лоб, вряд ли замечая, что сквозь пальцы течет кровь, и смотрит на Витара большими, круглыми глазами. Еще и плечом дергает, инстинктивно отгоняя белобрысого приятеля Тобиша, похоже, пытавшегося предложить помощь по залечиванию лба. Тобиш на коленях стоял над еще одним своим приятелем, держался за его голову, хмурился и что-то шептал. Ругался, наверное. Еще двое оборотней стояли у самого входа в тоннель. Один смотрел наружу. Второй удивленно тарачился на Витара, держащего покорно обвисшую полосатую кошку. И был он очень похож на Васхи.

И Витар зачем-то попытался понять, все ли оборотни на месте, но не смог. Почему-то не получалось вспомнить, сколько их было изначально.

– Так, – сказал Витар.

Тигрица дернула хвостом.

Малар, который смотрел наружу, обернулся, улыбнулся так, что ему запросто можно было поставить диагноз и отправить в дом для скорбных разумом, и излишне жизнерадостно произнес:

– Теперь поднимается.

– Что поднимается? – спросил Витар.

– Все, – не стал мелочиться парень.

И тигрица тихо зарычала, словно почувствовала, как Витару хочется схватить что-то потяжелее, чтобы приголубить этого весельчака, и решила поддержать.

– Ты ее не отпускай, – сказал Васхи. – Раз удержать можешь. Она привыкнет и будет за тобой бегать, как щеночек.

И Витар понял, что и сам не против отправиться в дом для скорбных разумом. Так остро почувствовал себя пациентом именно этого заведения.

Тигрица лежала под столом, недобрым взглядом встречала и провожала подавальщицу, равнодушную к Тобишу, и время от времени легонько трогала лапой ногу Витара, словно хотела убедиться, что он никуда не делся. А так, вела она себя прилично и явно не собиралась пугаться и сходить с ума. Ну, насколько можно было дальше сойти с ума.

Владелец кабака Вирту узнал сразу и уверенно заявил, что это ничего, что девочка просто в обмороке и скоро очнется. И что хорошо, что ее кошка так Витару доверяет и ощущает его старшим, вожаком, а то пришлось бы перепуганную тигрицу ловить, чтобы себе не навредила. Да и в целом ситуация вполне себе обыкновенная, просто организм так сам себя защитил. Человек не в состоянии ничего сделать, так нате вам кошку, которая хотя бы сбежать может, а то и навалить обидчикам, если сознание вторая половинка потеряла, от кого-то защищаясь.

Историю о том, чем закончился поход за сокровищами, он выслушал с большим интересом, стоя рядом со столом, за который парни сели. А выслушав, покачал головой и проворчал, что не зря там столько дурней пропало. Под землей, видимо, оказались. А то, что те, кто рисковал пройти под грозившим начаться камнепадом, вернулись, в этой ситуации тоже логично. Как и то, что они там что-то ценное находили. Видимо, не трогать те камни было верным решением, хоть и казалось самым неправильным из неправильных.

Спорить с этим мужиком не хотелось. Особенно после того как земля, надрожавшись в свое удовольствие, взяла и вернулась в то состояние, в котором была до того, как кладоискатели тронули камни. Исчезли все образовавшиеся щели и провалы, волшебным образом

вернулись на место скалы и, кажется, даже пыль оказалась там, где лежала до происшествия. И один из оборотней даже видел, как это происходило, очень удачно оглянулся и так и не смог оторваться от удивительного зрелища.

А потом всю дорогу до плато об этом только и болтал, неимоверно раздражая приятелей, а у некоторых ведь еще и головы болели. Одного тошнило, и он пару раз останавливался и кланялся камням на обочине, после чего Тобиш подлечивал его голову. Именно из-за этого парня все и пошло назад сразу, как только полюбовались вернувшимся в исходное состояние пейзажем. Ему нужен был настоящий лекарь, а не недоучка вроде Тобиша, способный лишь что-то стабилизировать, остановить кровотечение или зафиксировать перелом. Так что парня они довели. Васхи запустил иллюзорную птичку, и откуда-то сверху спустили человека на веревке. А потом его вместе с особо пострадавшим кладоискателем потащили на этой же веревке обратно. А всем остальным пришлось сидеть на месте и ждать, пока починят лебедку, спускающую и поднимающую платформу. Хорошо хоть, едой и водой добрые дежурные лебедочники поделились.

Высказавшись, владелец кабака ушел, оставив парней заедать стресс мясом и запивать пивом. И они некоторое время сидели молча. Даже Вирта почти не шевелилась, гордо отказавшись от подачи в виде копченого ребра.

– И все-таки, почему ты решил прятаться под желтым камнем? – спросил Васхи, на правах брата погладив Вирту ногой и получив за это лапой.

– Он там выделялся, – ответил Витар, закрыв глаза и попытавшись вспомнить свои ощущения. – И то, что все пришло в движение, после того как тронули те камни, было очень похоже на ловушку. На ловушку, которую предполагалось очень легко и просто перезапустить, стоит только добежать до безопасного места. Камни ведь тоже на место стали, даже те, которые в реку падали?

– Да, – подтвердил самый наблюдательный оборотень.

– Вот. А ловушка, видимо, была общая, из тех, которую легко описать, – добавил Витар. – Стандартная.

– И? – еще больше заинтересовался ходом его мыслей Васхи. Хотя какой там ход? Витар просто в какой-то момент все понял и принял

решение. Потому что догадка была логичной.

– Ну, вы же говорили, что жители Соснового полуострова от кого-то защищались, – сказал он задумчиво. – А что, если все не так? Что, если это от жителей вашего Соснового полуострова кто-то защищался, что, если там был проход в иной мир или еще какая-то опасная штука. Может, даже соленая вода тут из того, другого мира. До нашего моря отсюда далековато, и на пути от него до вас почему-то нет больших соленых озер. И тогда все логично. И якобы недостроенный мост к плато, на котором, возможно, еще и крепость была когда-то. И такая вот ловушка, где выход именно в эту сторону обозначен и запустить ее можно, легонько ударив по тем камням. И даже чрезвычайно удобное место для спуска-подъема на платформе. Нужно же как-то быстро поднять убегающих на плато, а то вдруг кто-то из преследователей выжил.

– А золото? – встрепенувшись, спросил Васхи, может, даже самого себя. – Эти странные слитки там должны быть, если нашли несколько, то их много... Понимаешь, их уже несколько веков находят, и чаще в горах. Они там просто валяются. Когда-то один тип о слиток прямо под мостом споткнулся и даже не сразу понял, что это такое. Он был грязный, кирпич кирпичом. А то, что на наших землях находят, всегда закопано.

– Вот что меня и смущало, – сказал Витар. – Сокровище. Почему оно обязательно должно найтись? Такое ощущение, что в этих местах золото валяется, как кирпичи на местах древних, разрушенных и растащенных по новым стройкам городов. А ведь все логично. Где-то оно валяется, его там подобрали или выковыряли из стены, пока хозяева дома спали, и бросились бежать. А потом пришлось сокровище срочно прятать, хм... ну, мало ли какие могли быть причины? Надо спрятать, и сокровища закапывали у себя на огороде. А спустя много-много лет сюда пришли оборотни, кто-то решил разбить огород на том же месте и случайно выкопал золотой кирпич.

– Который был украден у жителей Соснового полуострова, – задумчиво произнес Васхи. – Хм, а может, они действительно дома из этих кирпичей строили? Или использовали в ритуалах. Может, золото не такая уж и ценность в их мире.

– Понятия не имею, – честно признался Витар. – Но если от них так защищались, соседями они были не лучшими. Представляешь,

сколько здесь было потрачено сил? Я вот даже не представляю, как оно может работать. Даже учитывая то, что и противники жителей Соснового полуострова могли откуда-то прийти и притащить с собой какой-то мегаартефакт, способный поменять так местность. Воспользоваться воспользовались... хм, может, это вообще была какая-то божественная вещь, которая в этом мире попросту не заряжалась и стала бесполезной. И теперь на плато такое ощущение, как в храме Ясноглазой. Хм... В общем, воспользовались, повторить не смогли, а потом и вовсе слились с местными жителями... хм, получается, их было немного, и они предпочли слиться. А на Сосновом полуострове все либо вымерли, либо со временем превратились в каких-то неразумных шуршалок. Или начали превращаться, вовремя это поняли и поспешно сбежали. И проход с той стороны в оказавшийся опасным мир перекрыли навеки. Интересно только, почему изначально так старались здесь задержаться, что от них горами в яме пришлось отгораживаться?

– Может, какая-то наша ерунда для них большая ценность? – предположил Васхи. – Вон у пчеловов соли нет, а они ее любят, и она для них полезна.

– Все может быть, – признал Витар.

Тигрица вздохнула и легла подбородком ему на стопу. Васхи заглянул под стол, покачал головой, а потом почему-то улыбнулся.

– А знаешь, меня только что тоже осенило, – сказал, уставившись на Витара. – А ведь эти малолетние дурынды правы. Учитывая, как весело идет их перестройка организма, иметь рядом кого-то, кого ощущаешь силой и спокойствием, – отличная идея. Вон тигрица совершенно спокойна даже в отсутствие ее человека.

– Да, – произнес до сих пор молчавший Тобиш и тоже улыбнулся. – Парень, а ты не хочешь пожить в одном интересном мире? Станешь оборотнем и наверняка сможешь собрать свой клан. Сами к тебе сбегутся, не только девчонки, ты не думай.

Витар хмыкнул, выразив все свое отношение к этой идее.

– Ну смотри, – продолжал агитировать Тобиш. – Станешь превращаться в большого тигра, или в волка, или...

– В хомячка, – подсказал Витар. – Я маг, у меня может оказаться как очень большая ипостась, превосходящая меня по весу, так и очень маленькая.

– На волка или какого-то кота, от рыси до черногривого льва, шансов больше, на крупных собачьих и кошачьих всегда шансов больше, – заметил Васхи.

– Но мне может повезти, и я получу то, на что шансов минимум, – сказал Витар. – Я лучше обойдусь. И без ипостаси, и без клана.

– Нет в тебе духа авантюризма, – вздохнул Васхи.

– Последний потратил на поход в горы, – согласился Витар и махнул в сторону окна. – Теперь нескоро накоплю, честное слово.

– Ничего, я тебе золотых кирпичей на свадьбу подарю, – пообещал Васхи. – Трогать те камни больше не будем, просто пойдем. А кирпичей там наверняка много, туда мало кто рисковал идти.

Тигрица опять печально вздохнула, видимо, тоже считала, что какие-то золотые кирпичи не стоят возможности вляпаться в еще одну ловушку. Но эту компанию авантюристов уже не исправишь.

Сначала вокруг Вирты была глухая, пушистая и теплая, но глушащая звуки темнота. Потом темнота начала истончаться, на ней появлялись и исчезали светлые пятна, словно солнце просвечивало, где-то вдалеке слышались голоса, а еще рядом было присутствие. Хорошее такое присутствие, правильное, которое обязательно должно было быть. Причем, что странно, это присутствие время от времени начинало двоиться, и оказывалось, что одно из них немного дальше, а другое совсем рядом, и стоит протянуть руку... Вирта даже попробовала, но темнота не пустила, наверное, не успела достаточно истончиться.

И девушка решила подождать. Темнота рано или поздно истончится еще сильнее и пропадет, почему-то она в этом была уверена. А еще казалось, что, если бы это было не так, тот, чье присутствие она ощущала, не излучал бы столько спокойствия и уверенности. Значит, все хорошо, нужно только подождать.

И она ждала. Наблюдала за светлыми пятнами, сквозь которые вскоре начали просвечивать пейзажи. То она видела грандиозную пропасть, просто в нее заглядывала, пока кто-то не оттянул, по ощущениям – за хвост. То много травы вперемешку с цветами и бабочками. Наглыми бабочками. Одна даже села ей на ухо, и пришлось им пошевелить, чтобы согнать. А еще пришлось сдержаться и не броситься вредное насекомое догонять, потому что тот, чье присутствие все еще было рядом, куда-то шел. Или ехал. Вирта не

очень понимала, просто иногда она видела лошадиные ноги, а иногда почему-то нет. Наверное, тьма все-таки мешала правильно смотреть.

Потом появились дома. Человеческое жилье, в окружении которого почему-то было неуютно. И она жалась к воплощению уверенности и спокойствия, которое все еще было рядом. И даже в дом следом за ним зашла, сдерживая рык и подергивая усами, прислушиваясь и стараясь отрешиться от неприятного влажного запаха.

А потом она лежала на теплом дереве, опять рядом со своим воплощением спокойствия, смотрела сквозь тьму на странных людей, которые склонялись и зачем-то заглядывали ей в лицо. И наконец-то понимала, что что-то не так, что она сейчас не человек, хотя таковым себя ощущает. А еще вдруг осознала, что ничего, кроме имени, о себе не знает, и что это тоже неправильно. Но рядом было воплощенное в молодого мужчину спокойствие, и она, вместо того чтобы паниковать и искать себя, решила еще немного подождать. Тьма же истончается, значит, хоть что-то происходит правильно. Может, это тьма скрывает знания.

– Ты звать ее не пробовал? – спросил Камирн, заглянув дочери в морду и получив в ответ нервное подергивание усами.

– Звать? – переспросил Витар.

– Глава клана это умеет, он даже до совсем слетевших с катушек иногда может докричаться, – сказал Омель, дувшийся на всех за то, что его не взяли с собой в поход к Замку Короля – оказалось, именно так называлась та скала, к которой прислонился желтый камень. – Возле тебя, знаешь ли, ощущения немного похожие. И, возможно, ты достаточно сильный, чтобы дозваться хотя бы ее.

– И как нужно звать? – спросил Витар, инстинктивно погладив тигрицу по голове, за что игриво получил лапой по руке.

– Не знаю. По-разному. Обычно те, кто умеет звать, просто зовут. Иногда кричат. Иногда подходят и ставят ладонь на голову животному или спятившему человеку, – ответил Омель.

– Нужно звать именно человека, – подключилась к разговору Ошана и тоже заглянула в морду дочери. – Если она не очень глубоко, то может выйти. Источник у нее, к счастью, не пустой, так что это скорее обморок, чем то состояние, до которого так любит себя доводить Тобиш. Да и то, что она превратилась в кошку, тоже на это

указывает. Животные думают проще, и если устает голова... Понимаешь, можно просто настолько сильно испугаться и не суметь вовремя принять решение. А можно жонглировать живым человеком, а для этого нужно окунуться в такое сосредоточение, до которого Вирта явно не доросла.

Васхи печально вздохнул.

– Так что попробуй позвать, – продолжила Ошана. – Неважно как, просто позови, пожелай, чтобы она очнулась. У тебя может получиться. Если нет, попробуешь позже, может, пока еще рано. Я ее точно не дозовусь. Я ее даже в детстве дозваться не могла, у Камирна и то лучше получалось.

И Витар кивнул, хотя мало что понял, кроме того, что с маленькими оборотнями могут быть какие-то неясные проблемы, и их время от времени приходится звать. Впрочем, Вирта в этом наверняка разбирается.

– Эй, – прошептала темнота, и в лицо Вирте дохнуло теплом. – Выходи. А то меня тут ваши девочки-недолетки скоро конфетами начнут заваливать. Их стало еще больше.

Вирта фыркнула. И ей подумалось, что пускай заваливают. Он же потом с ней поделится.

– А кошкам сладости нельзя, – сказала темнота, явно подслушав ее мысли. – Конфеты можно только девушкам. Выходи, пойдем в кофейню, и ты мне расскажешь, какие болваны твои братья.

Вирта качнула хвостом. Кофейня явно была чем-то хорошим. Там точно пахло приятно и бодряще так. Заманчиво.

Потом перевернулась на спину и стала ловить передними лапами руку, которая пыталась дернуть за усы. И это было очень весело.

А потом вдруг вспомнила, что тот бодрящий запах, – это же кофе. И что рука принадлежит Витару, вдруг поняла. И что ведет себя странновато для разумного существа. Осталось только начать прыгать по стенам, охотясь за летающей по комнате молью.

– Ох, – выдохнула девушка и шустро перевернулась на живот.

Витар замер с протянутой рукой, а потом улыбнулся, широко и светло, как только он умеет.

– Ты вернулась? – спросил обеспокоенно.

– Я хочу кофе, – мрачно произнесла тигрица и села. – Очень хочу кофе.

– Ну, теперь я буду знать, на что тебя приманивать, – опять улыбнулся Витар. – Запасусь зернами на такой случай, куплю специальную плошку и буду варить кофе, пока не очнешься.

И Вирта его обняла, прямо так, в обличье полосатой кошки. А он не удержался на корточках, и они вдвоем рухнули. А потом лежали на полу и смеялись. А ведь Вирта до сих пор даже не догадывалась, что умеет смеяться в кошачьем обличье.

Зато все было хорошо.

А Васхи за его художества можно убить и завтра. Если не догадается сбежать и спрятаться.

– Нам, кстати, пообещали золотые кирпичи на свадьбу, – излишне серьезно сказал Витар, словно опять услышал мысли.

И Вирта снова засмеялась. Просто представила, как брат приперся на эту свадьбу с грязным мешком. Потому что забыл об обещании, не откопал кирпичи раньше и все пришлось делать в последний момент, даже искать клад. Васхи это умеет.

– Витар, ты мое спокойствие, – сказала Вирта, насмеявшись и превратившись в девушку. – Мне, похоже, именно спокойствия всегда не хватало. Ты – моя уверенность и спокойствие.

– А ты мое солнце, – серьезно сказал парень. – Колочее и теплое солнце. Я тебя поймал и теперь точно не отпущу. Сам буду греться, никому не отдам.

Вирта тихо фыркнула и не стала говорить, что убежать не собирается. Пускай держит, раз не желает отпускать. А она его будет обнимать и слушать, как сомнения трусливо разбегаются в разные стороны. Потому что его уверенность гораздо сильнее этих сомнений. И ему хочется быть уверенным в одной полосатой кошке.

А что может быть приятнее?

Эпилог

В школу они возвращались не спеша. Вирта успела познакомиться с сестрами Витара. Они оказались совершенно разные. Одна смешливая, быстрая и довольно шумная, сразу понятно, что эта девушка в любом случае свое получит. Хоть обаянием, хоть напористостью. Вторая серьезная и спокойная, даже величественная. Глядя на вторую, Вирта невольно начинала верить в сказки о принцах, женящихся на не шибко талантливых магичках. Потому что на такой девушке даже принцу не стыдно жениться.

В целом девчонки отлично друг друга дополняли. Неудивительно, что работать после учебы они решили вместе.

Навестив сестер, пара отправилась к паромной переправе у села Залесское. Оттуда всего за два дня можно было доехать до Купеческой Горки, а там, заплатив пару серебряников, спуститься по реке на большом плоту до городка Аркху. Городок был сам по себе неинтересен. И, возможно, окончательно бы вымер, если бы там не появилась станция Нитки. А на Нитке до столицы можно было долететь всего за полдня, вместо того чтобы тихо и печально ехать дней шесть, а то и семь.

Благодаря этой Нитке они и не спешили. Чтобы опоздать, нужно было сильно постараться. Билеты купили заранее и выехали так, чтобы в запасе было два дня. А там уже долетят. Витар пойдет уговаривать одного магистра взять его в аспиранты. Хотя чего там уговаривать? Наверное, даже самый нелюбопытный ученик младшей школы знал, что магистр Яфин Витара выделяет. Нет, не за великие таланты, на самом деле. За упорство и воображение, пляшущее, по его словам, на грани разумного. Видимо, именно два этих качества магистр Яфин в студентусах больше всего ценил. Сам таким был, судя по всему.

А Вирта сдаст зелья местрессе Айме и пойдет, покается перед магистром Ольшаном, запишется в его группу вопреки своему характеру. Потому что совсем недавно убедилась – откладывать сосредоточение не стоит. Именно нехватка этого сосредоточения мешает ей пользоваться левитацией. Но ведь, казалось бы, какая

ерунда, что она, без левитации не обойдется? Пока. А потом, когда будет больше времени, займется тренировками...

Оказалось, не обойдется, ситуации разные бывают.

Вирта печально вздохнула, вспомнив, как ловила брата, а потом сама чуть не рухнула в бездну кошачьего разума. А умела бы нормально левитировать... но что уж теперь?

Витар, ехавший немного впереди и успокаивающе похлопывавший по шее коня, испугавшегося какого-то дурного жука, решившего пролететь перед лошадиной мордой, обернулся и улыбнулся невесте.

– Знаешь, недавно мне один парень рассказывал байку.

Девушка одарила его заинтересованным взглядом.

– Да, любопытную байку. О том, как один свободный маг, у которого были проблемы с сосредоточением, мысленно связывал звезды, протягивал нити от одной к другой, стараясь рисовать что-то понятное. Говорят, может помочь.

Вирта улыбнулась и кивнула.

Витара хотелось обнять, ткнуться носом ему в шею и просто так посидеть. Он, если подумать, идеальный мужчина, потому что умеет понимать, почему она грустит, и никогда не пытается доказать, что из-за ерунды. Он пытается помочь, как тогда, с когтеточкой.

Жаль, что тропа такая узкая, да и конь Витару достался пугливый. Мало ли как отреагирует на то, что люди вздумали пообниматься.

И хорошо, что до Залесского ехать уже недолго.

Конец

Валерия Панина и Ирина Котова

Отец на стажировке

ВАЛЕРИЯ ПАНИНА
И ИРИНА КОТОВА

Отец на
стажировке

В ходе спецоперации на руках полицейского-оборотня оказывается связанный с ним младенец. Будто этого мало, напарницей становится давняя любовь, которая знать его не хочет. И теперь бравому волку и убежденному чайлд-фри придется примерить передник домохозяйина, не ударить в грязь лицом... и не выть слишком уж часто от этой шутки судьбы.

Глава 1

О проклятиях и том, что разгневанная женщина – всегда немного ведьма

«Уложение оборотней о семье и доме» дает подробные и исчерпывающие указания обустройстве быта, отношениях в семье и клане. Следуйте традициям, освященным веками, и не задавайте вопросов.

Из комментариев к «Уложению»

Много ли надо милым дамам семидесяти лет, чтобы скрасить досуг? В этом рецепте достаточно соединить всего два компонента: молодого любвеобильного соседа-оборотня и хороший крепкий забор, за которым так удобно подслушивать. И подсматривать – ибо забор имел щели ровно той ширины, чтобы все разглядеть, но не быть обнаруженной.

Этим утром сестры-двойняшки, овдовевшие и на склоне лет поселившиеся вместе в одном из миленьких домиков, которыми была застроена окраина Веншица, столицы государства Эринетта, для маскировки чинно пили чай под забором между двумя участками. Скандал, разразившийся у соседа, был прекрасно слышен из его распахнутого окна, украшенного резными ставнями.

– ...Мы всё уже обсудили, я с тобой был честен, Вилда! Дело не в тебе. Я сразу сказал, что свободный волк и мне не нужны семья и дети. Ни сейчас, ни в будущем. Если ты настаиваешь, нам лучше расстаться. Подумай, хочешь ты этого? У нас же все было хорошо...

– Как это не нужны деточки? – возмущенно проговорила одна из бабушек, всплеснув руками. Вторая только укоризненно покивала, молча, чтобы ничего не пропустить, и их седые головы с модными ныне кудряшками снова повернулись к забору.

– Гейб, я думала, у нас нечто большее, чем «хорошо». – Голос девушки звенел. – Что у нас...

– Любовь? – усмехнулся волк. – Возможно. Ты сама захотела всё испортить, заговорив про детей и брак. Я считал, у тебя это пройдет, но нет, ты просто помешалась на этом. Зачем всё рушить, Вилли?

– Я всё разрушаю? – с еще большим недоумением воскликнула девушка. – Я?

– Именно, – не отступал оборотень. – Я тебе четко сказал, что не хочу детей и никогда их не заведу. Плач, пелёнки, погрызенные тапки, писк, лужи по всему дому... Ответственность за кого-то привязчивого... – Волк говорил с отвращением, но голос его всё же дрогнул. – Без меня все это, пожалуйста. Почему ты решила, что я могу передумать?

– Потому что ты никогда не возражал, когда я говорила о семье и детях до того, как переехала к тебе. – Соседкам не было видно, но в голосе волчицы явно чувствовались едва сдерживаемые слезы. Дамы за забором сочувственно переглянулись. – Ты знал, что у меня большая семья. Знал, что я люблю детей. Ты сам позвал меня жить вместе. Я думала, твоё мнение изменилось, потому что у нас все по-настоящему. Что в будущем ты не против детей, я же не заставляю их делать прямо сейчас. Думала, раз у нас настоящая любовь...

– Ну, не плачь. – Голос мужчины одновременно был виноватым и раздраженным. – Вилда... я правда хочу быть с тобой. Но без детей!

– Не понимаю, почему?! Гейб, неужели это из-за того, что ты сирота? Я знаю, что для тебя это больно, но...

– Вилли, – прорычал волк. – Я не собираюсь это обсуждать. Я не хочу детей, и точка. Ты прекрасно знаешь, что, пройди мы обряд бракосочетания, ты сможешь забеременеть. Зачем нам это? Почему просто не жить вместе, безопасно заниматься любовью, радовать друг друга? Откажись от этой мысли навсегда, забудем все и будем жить как раньше...

– Так ты меня перед таким выбором ставишь? – глухо проговорила волчица.

Сосед едва не взвыл от раздражения.

– Зачем выбирать? Вот я, весь твой. Зачем нам дети? Зачем нам еще кто-то? Вилли, ну не дури. Иди ко мне.

– Нет. Я опаздываю, лекция через полчаса, – еле слышно отказалась девушка.

– Хорошо. – Он выдохнул с порыванием. – Остынь, подумай. Буду ждать тебя после учебы. Мне на дежурство в ночь, поэтому сможем договорить, когда вернешься. Или, может, ты меня уже поняла?

Волчица не ответила. Хлопнула дверь, мимо простучали каблучки, а в доме не дождавшийся ответа мужчина выругался. Раздался звук, будто кулаком ударили по столу.

Старушки затаили дыхание. Сосед-оборотень поселился в этом доме лет пять назад и спокойно влился в местное пестрое сообщество – ибо жили как в центре столицы, так и здесь, на окраине, представители всех рас многорасовой Эринетты. Он не искал общения, скорее даже был нелюдим, тем не менее, уважительно относился к пожилым дамам-людинкам, почти не бегал от их бесконечных вопросов и отвечал с юмором, хотя его нельзя было назвать весельчаком и душой компании. Как-то раз он заметил, что на участке соседок покосился забор и сам подправил его, затем снял с яблони их кота... и старушки, прочухав, что сосед явно умеет работать руками, всюю принялись использовать его: то дверь починить, то трубу переложить. Оборотень с непроизносимым именем Гейбртерих никогда не отказывался, и помимо физической подмоги давал охочим до сплетен тетушкам пищу для фантазии и чесания языком.

Бабульки в свою очередь то и дело угощали волка вкусностями и даже иногда по договоренности готовили ему еду на целую неделю, ибо в домашнем хозяйстве сосед был абсолютно беспомощен. Немногие попытки что-либо приготовить неизменно заканчивались чадом от сгоревших кастрюль и сковородок. Вонь и ругань при этом стояли на всю улицу. Выброшенных на помойку кулинарных экспериментов гнушались даже бродячие собаки. Мытье посуды и уборка также не входили в число талантов мейза Гроула. Зато в свободное от работы (и женщин) время он постоянно сидел на крыльце и что-то мастерил из дерева – то стул с чудными завитушками, то набор ложек, то поднос с искусно вырезанными цветами.

– Желу ему надо хорошую, – ворчала мейсис Катерина, наблюдая за холостяцким бытом.

Мысль прижилась и стала, как это водится у сплетниц, материальной. Вскоре вся округа знала, что привлекательный волк,

офицер полиции, ищет жену. И кого только не перебивало в гостеприимном саду старушек – и дочь булочника, и сестра орка-кузнеца, и даже эльфийки с гномками из простых, неаристократичных. Но Гейбртерих лишь кивал на звонкие приветствия, отказывался от приглашений старушек выпить чаю, оборачивался и убегал в дом. Или из дому, если дамы были сильно настойчивы.

Нет, иногда он приводил домой женщин, но дольше нескольких ночей они не задерживались. Так продолжалось до прошлой зимы.

Вилду Хедвиг дамы увидели с полгода назад. А с момента, как она переехала к соседу, прошел месяц.

– Как вы познакомились? – словно невзначай спросила как-то мейсис Нина у расслабившейся за распитием чая волчицы, которую специально пригласили для получения детальной информации из первых уст. Сестры заинтересованно склонились над столом.

– Они устраивали облаву недалеко от моих финансовых курсов, – ответила Вилда с легкой улыбкой. – Я как раз выходила из университета, и Гейб спас меня из-под колес паромобиля, которым управлял сбежавший от полиции гном-фальшивомонетчик. А я от испуга и неожиданности обернулась в волчицу и прокусила Гейбу руку. Пришла потом в отделение извиняться, а он засмеялся и пошутил: «Прошу, если выпьете со мной грога в кафетерии». Пришлось соглашаться.

И она мечтательно улыбнулась.

Дамы прекрасно помнили, какими счастливыми казались эти двое в начале отношений. Такие красивые и похожие – оба высокие, крепкие, с белыми прядями в черных волосах и желтыми глазами, как у всех волков-оборотней. Как прямо здесь, в саду, занимались такими непотребствами, что у мейсис Нины розы от стыда розовели. Как спали теплыми ночами на лужайке под окнами, прижавшись шерстяными боками друг к другу, сидели вечерами на качелях в саду и над чем-то смеялись. Из дома постоянно доносились счастливые вздохи, разговоры, хохот.

А последние дни в доме стало тихо и напряжённо, волк был раздражённым и мрачным, волчица – тихой и задумчивой.

– Она такая молоденькая и наивная еще, – с сердцем проговорила мейсис Катерина. – Эх! Все они, мужики, одинаковы, хоть с хвостом, хоть без.

С самого обеда старушки дожидались развязки, строя предположения и развлекаясь наблюдением за курсирующими туда-сюда дирижаблями: недавно королева Эринетты открыла новый воздушный порт. Когда мимо промелькнула высокая стройная фигура, обе мейсис были на своем наблюдательном пункте и зорко бдели в заборные щели.

– Ты подумала? – раздался из окна голос соседа.

– А ты? – ответила волчица.

– Мое мнение не изменилось, Вилли.

– Тогда проговорю для ясности. – Голос девушки был холоден и спокоен, от утренних нервов не осталось ни следа. – Ты ставишь меня перед выбором. Либо я навсегда отказываюсь от мысли о детях и остаюсь с тобой, либо ты хочешь, чтобы я прямо сейчас ушла. Потому что даже через десять лет ты не передумаешь.

– Все верно, – тяжело ответил оборотень.

– Тогда... катись ты к радужным эльфам, Гейб! Ты сам еще эгоистичный ребенок, а не взрослый мужчина. Я собираю вещи.

Через несколько минут на крыльцо выскочила девушка, волоча за собой пухлый саквояж, из которого торчали наспех собранные вещи, и потянула его по дорожке к калитке мимо роз и зеленой лужайки. Сосед вышел следом, остановился, сложив руки на груди. Ноздри его раздувались, как будто он сдерживал рычание.

Сёстры переглянулись с взволнованным видом и снова приникли к щелям.

– Ты же не пойдешь пешком? Я вызвал тебе таксо, – крикнул он вслед.

– Надо же, какая забота, – бросила волчица через плечо. Из глаз ее катились слезы. – Или ты боишься, что я буду сидеть под забором и не уеду, пока не передумаешь? – И она махнула рукой в сторону забора. Бабушки споро присели пониже.

– Я не передумаю, – громко прорычал Гейб. – А ты потом скажешь мне спасибо за честность!

– Спасибо! – с издевкой откликнулась девушка.

– Не верю, что ты уходишь от меня из-за такой ерунды. Значит, я тебе не нужен, а все твои слова о любви – вранье? Ну что же, беги-беги! Найдешь сговорчивого идиота, с которым нарожаешь толпу слюнявых привязчивых щенков!

Девушка вытерла кулаком щеки и внезапно успокоилась. Развернулась. Словно приняла решение и отрезала все ненужное.

– Как ты добр, – проговорила она с горькой усмешкой. – И честен. Настоящий свободный волк, любви которого я недостойна, раз мне нужны щенки. А может, это ты малодушный трус и недостойн моей любви, Гейбртерих Гроул?

– Вилда, не надо драмы, – поморщился Гейб.

– Великий Вожак говорил, что наши страхи нас всегда настигают. – Вилда выпрямилась, голос стал звучным, как удар колокола. – Запомни мои слова – и тебя настигнет твой самый большой страх! Настигнет рано или поздно и будет с тобой до конца твоих дней!

Это прозвучало как проклятие, и Гроул, нахмурившись, сделал движение вперед, словно хотел остановить или что-то сказать, но под вопль клаксона подъехавшего паромобилия девушка подхватила саквояж и почти выбежала из калитки.

Старушки-соседки, уже не таясь, проследили за отъезжающим паромобилем и резво бросились в дом – за шляпками, припудрить носики и отправиться разносить по округе горячую новость.

Гейбртерих Гроул, не оглядываясь, вернулся в опустевший дом. Проклятий он не боялся – мало ли его проклинали, при его-то службе. Однако сердце билось отчаянно и почему-то болело.

– Я все сделал правильно, – проворчал он себе в зеркале в ванной и потер заросшую щетиной щеку. – Абсолютно все. И хватит думать об этом!

Горячий душ и стакан лимонада помогли вернуть самообладание. Через час он, обернувшись в волка и кивая знакомым и соседям, совершавшим вечерний променад, порысил в центр, в управление полицейской стражи Веншица, где уже два года служил в подразделении быстрого реагирования.

Первые две недели он бесился, но держался. Затем плюнул и пошел к Вилде в университет – попробовать еще раз поговорить, уговорить, объяснить свою позицию, сказать, что она ему нужна.

Но ему ответили, что Вилда Хедвиг две недели назад забрала документы с финансовых курсов. Подруга волчицы, которую он выследил после занятий, на вопрос, не возвращалась ли Вилда в их домик, где они раньше вместе снимали комнату, покачала головой.

Он покрутился по столице еще две недели, пытаясь найти хоть кого-то, кто мог дать нужную информацию, тоскуя и по ночам подвывая на лужайке на луну и пугая соседок. А потом подал заявление на отпуск и рванул на север, туда, где находились земли клана Хедвиг. Но он успел пробежать по землям клана лишь несколько миль, когда ему навстречу вышел отец и братья Вилды. Он видел их фотографии у волчицы.

Увы, тёплой семейной встречи не вышло – узнав, кто перед ним, отец взревел: «Так это из-за тебя я не знаю, где сейчас дочь?»

Сразу за этим последовала драка. Гроул искренне старался не навредить родне Вилли, ибо она его за это по голове не погладила бы. Сказать по правде, родня Вилли вовсе не боялась её огорчить, и Гейба знатно потрепали. Чтобы совсем не загрызли, пришлось не остаться в долгу; Гроул ушел с земель клана на своих четырех, чувствуя на зубах кровь противников и следы чужих зубов на загровке и ляжках.

Он ещё долго наводил справки, делал запросы через полицию во все волчьи кланы Эринетты, но ответа не было. И постепенно Гейб вынужден был смириться. Потихоньку жизнь и работа помогли отрешиться и увериться, что он все сделал правильно. И что все к лучшему – ведь он в любом случае не мог бы предложить ей того, что она заслуживала.

Но при мыслях о том, что Вилда, возможно, сейчас уже нянчит щенят с мужем, ему становилось так тоскливо, что снова хотелось выть на луну.

«Главное, чтобы была жива», – говорил он себе и занимал руки резьбой по дереву.

У него с тех пор было много женщин, но ни с одной не было так легко и тепло, как с ней. А постепенно он и вовсе начал предпочитать проводить свободное время на охоте в лесу или за работой с деревом. Хотя, конечно, куда же здоровому мужику без женских объятий?

Глава 2

Когда исполняются проклятья

Амулеты и заговоры, а также травы и порошки, потребные жене, коли ваш волк закозлил.

Раздел в «Тайной книге оборотниц»

Десять лет спустя

Гейбртерих Гроул уже четыре месяца не спал нормально, не ел и почти не заходил в родное управление. Веншиц совсем недавно пережил массовое поднятие нежити в катакомбах под городом, большую эльфийско-гномскую свадьбу и свадьбу королевы^[1]. Теперь же столица переживала охоту на бандитов.

А все потому, что несколько мафиозных кланов не поделили город и ухитрились устроить на одной из торговых площадей Веншина банальную разборку с, увы, небанальным применением магии. Все бы ничего, но произошло это ровно в тот день, когда королева Миррей с супругом, бывшим ректором магической академии, но вполне себе настоящим принцем-консортом, героем и придворным магом магистром Корнелиусом Фраем отбывала в морской круиз на медовый месяц.

Эринетта была многонациональным государством, а в столице и вовсе причудливо уживались все расы, от гномов до русалок, поэтому и бандитские кланы были разномастные.

Однако в тот день по столице скакали совершенно одинаковые разумные лягушки: заклинания противоборствующих магов и общий хаос вошли в резонанс, и бандиты, торговцы и прочие горожане – гномы, эльфы, оборотни, орки и люди – становились одинаково зелеными и квакающими и упрыгивали с площади в разные стороны.

Ко всему прочему, под заклинание попал личный повар королевы, который сам всегда выбирал продукты к столу ее величества, – он угодил в заварушку по дороге на рынок. Потому-то отъезд пришлось

отложить на несколько дней, до того момента, когда ему вернут человеческий облик (а как, скажите на милость, без рук щупать окорока и без зубов пробовать булочки на мягкость?).

Также особенно сильные затруднения у магистра вызвало возвращение первоначального облика королевскому виночерпию, уже однажды пострадавшему от магии и довольно долго пугавшему кухонную челядь щупальцами. В силу некоторых его особенностей жаба, в которую он превратился, была нежно-голубого цвета.

Королева была очень недовольна.

– И это значит, что мой медовый месяц откладывается, – выслушав доклад о происшествии на совете министров, резюмировала ее величество, опасно поблескивая клычками на нижней челюсти. Министр полиции лерд Фритрик упорно и почтительно смотрел на высокую светлую прическу королевы Миррей, ибо ее серые глаза полны были недовольством, а чуть зеленоватая кожа щек – наследие оркских предков – подернулась румянцем гнева. Все уже успели понять, что, несмотря на счастливое замужество и присутствующего тут же супруга, ее величество не разлюбила устраивать подчиненным показательные порки.

Магистр, к слову, в разборе полетов не участвовал, он споро что-то писал на листе бумаги, хмурился, черкал, что-то сам себе говорил вполголоса. Ее величество поглядывала на по-военному статного мужа с ощутимой гордостью, как на победителя степных скачек на овцебыках.

– Мы сделаем все возможное, ваше величество, – пообещал министр полиции, когда королева все же пригвоздила его взглядом к спинке кресла.

– Сделайте и невозможное тоже. – Королева шлепнула сухощавой ладошкой по столу, и все вздрогнули, будто удар пришелся по чьему-то филею. – Но чтобы к моему дню рождения главарей всех банд арестовали, а город зачистили, – сдвинула она брови. – Я хочу отпраздновать пятьдесят шесть лет в мирной столице, в которой добрые граждане спокойно ходят на рынок, а преступники строгают табуретки в тюрьмах. Я понятно изложила свои требования?

– Исключительно, ваше величество, – проблеял министр. – Разрешите идти выполнять приказ?

– Идите, все идите, – раздраженно махнула рукой королева, и потрепанные подданные поспешно удалились. Министр полиции успел услышать, как заговорил магистр.

– Миррей, – сказал он спокойно, – ну что ты расстроилась? Повара я расколдую, хотя из-за смешения заклятий и хаоса формулу было вывести сложно. Уже сегодня он сможет отбыть на судно. А мы там будем уже вечером. Переночуем под звездами.

– Я не расстроилась, Корнелиус, я знала, что ты это решишь, – довольно мурлыкнула королева, в которой иногда просыпалась утонченность то ли предков-эльфов, то ли еще какой расы из богатой родословной. – Я просто слегка размялась перед обедом.

Послышались нежные воркования, и уходящий последним поспешно захлопнул дверь, дабы в лягушку не превратили уже его.

Министр, получив нагоняй, передал импульс начальнику столичной полицейской стражи, начальник – главам сыскных отделений. Те уже так накрутили подчиненных, что не успел за королевой с супругом закрыться телепорт на побережье, как раскрываемость повысилась в десять раз, а возможность выспаться и отдохнуть простым стражникам – во столько же раз понизилась.

– Ее величество очень недовольна, что в медовый месяц её отвлекают разборки кланов, – с чувством сообщил полковник Норминн сыскарям и стражам групп быстрого реагирования. – Поэтому, ребята, мы не спим, не едим и дышим через раз, пока не арестуем всех нарушителей, преступников и подозрительных!

Но Гейб сейчас не жаловался: у него был личный зуб на бандитов. В ту самую пору, когда банды решили выяснить отношения, он прогуливался по площади с намерением завернуть в таверну, выпить пива и приглядеться (с прицелом на недалёкое будущее) к хорошеньким официанткам. Вместо этого он сначала увидел вспышку зеленого цвета, а затем неделю прыгал лягушкой, ибо магистр Корнелиус расколдовал только повара да виночерпия, а всех остальных – его ученики, недавно поженившиеся Эбигейл Горни и Натаниэль Вудхаус.

Эти двое не нашли ничего лучше, чем совместить снятие заклятия с практикой студентов магуниверситета, и поэтому своей очереди пришлось ждать долго. Наквакавшийся Гейб и без импульса от начальства был готов вытрясти душу из этих бандитов.

Сейчас Гейбртерих Гроул с товарищами по сыску готовился к захвату дома Кирберта Гарэйла – оборотня, главы одного из преступных кланов, устроивших магическую драку, выступившего зачинщиком беспорядков. Его огромная усадьба находилась среди домов старейших фамилий столицы, на центральном проспекте, который шел от королевского дворца до городской ратуши.

Кирберт был неприлично богат, состоял в нескольких аристократических клубах, не будучи аристократом (но деньги и связи открывают и не такие двери), и выглядел приличным законопослушным подданным – из тех, что и с министрами ручкаются, и с начальником полиции, бывает, встречаются за одним столом в гостях. Однако шептались, что клан проворачивает незаконные дела вроде торговли оружием, запрещенными магпрепаратами и даже полумразумными существами вроде пегасов и горгулий.

Кирберт никого не убивал, но по его приказу мешавшего ему могли вывезти в орочьи степи или на русалочьи острова в Перловицу, а что уж там с ними происходило – его, Кирберта, никак не касалось. Доказательств причастности Гарэйла, как водится, не хватало. До последнего случая – когда удалось поймать членов банды на преступлении.

Гейб с раннего утра следил за подручными Кирберта, гномом и орком, которые спешно куда-то уехали из особняка. Он волком провел их паромобиль до таверны на окраине Веншица, вошел внутрь, увидел, как они садятся в угол и требуют подавальщицу. А затем Гейб, ненавязчиво затесавшись в разношерстную компанию завтракающих строителей, услышал проповедь старичка-друида, жреца природы из тех блаженных эльфов, что помешаны на почитании природы и предпочитают общение с животными общению с людьми и прочими тварями. Впрочем, Гейб имел удовольствие общаться с эльфами, и поэтому друида, предпочётшего соотечественникам существ безмолвных, вполне понимал.

Проповедь старичок толкал со знанием дела, с убежденностью, с кроткими и с горящими глазами одновременно – и был столь убедителен, что верилось, что он, как и полагается друидам, спокойно мог разговаривать и с деревьями, и с пегасами, и с единорогами, и с горгульями, и прочими неразговорчивыми (и несговорчивыми) полумразумными животными. Да что там говорить, этот блаженный

ухитрился и Гейба заговорить так, что волк едва не решил отправиться путешествовать вместе с ним в качестве служки. А Гейб знал, что он еще то несговорчивое животное.

Только Великому Вожаку ведомо, зачем бандиту Кирберту потребовался старик, тем более что тот и не пытался сопротивляться – лишь как-то странно ухмыльнулся в ответ на «пойдем-ка с нами, просветленный, работа для тебя есть», покорно позволил подхватить себя под локти и повлечь в паромобиль. А вся таверна стыдливо отвернулась – видимо, подчиненных Гарэйла тут хорошо знали.

Гроул, не веря своей удаче, подождал, пока заревет мотор паромобилиа, а затем, обернувшись волком, понесся следом, держась вне поля видимости. Надо было предупредить группу наблюдающих за особняком Кирберта и послать запрос на захват.

К настоящему времени в доме Кирберта друид находился уже больше часа, и главаря вполне можно было брать на похищении разумного. А заодно и всех, кто там был, определить на казённые харчи.

Увы, разрешение на захват от полковника Норминна было получено ровно в тот момент, когда дом Кирберта изнутри полыхнул зеленым светом. Свет этот как-то странно повлиял на окружающие усадьбу деревья – они мгновенно уменьшились в размерах и зазеленели нежной листвой. Матёрый черный кот с рваным ухом, вопивший у печной трубы так, словно на дворе был март, а не август, мявкнул и превратился в милого котёночка.

Гейб побледнел – не дай Пряха друид отправился к Первоэльфу, эльфы замучают претензиями и требованием сатисфакций всех до последнего стражника. Или жрец проклял всех так, что опять сейчас попрыгают лягушки. Или кролики, зелёные.

– Вперед! – крикнул он. – Всех брать живыми!

Первое, что смутило Гейба, когда они перебрались через ограду, – из окон отчетливо слышался разномастный детский плач. Второе – очень помолодевший и обзаведшийся длинными светлыми волосами друид-эльф, который поднял голову и помахал группе захвата, не вставая со ступеньки мраморного, украшенного резными вазонами крыльца. Теперь похищенный был совсем отдаленно похож на себя в обличье эльфа – куда-то делась изящная фигура, морщины и острые кончики ушей, и друид теперь выглядел не просветленно, а очень

внушительно и хищно. И очень знакомо, а Гейб никогда не жаловался на память.

«Друид» лениво поглаживал двух крошечных виверн, которые тыкались ему в ладонь носами и жалобно пищали, подскакивая и взлетая на маленьких крылышках. В другой руке он держал кусок сырого мяса, которое отрывал острыми и крепкими зубами и по кусочку скармливал детенышам.

– Все в дом, этого не трогать, двое на охране ворот! – приказал Гейбртерих и настороженно подошел к лже-эльфу. – Как ты изменился, пресветлый, – невольно вырвалось у оборотня, пока его коллеги обтекали крыльцо и проникали в дом. – Ты теперь копия дракона Миль-Авентиса. Не знаком, случайно? В газетах печатали и в фас, и в профиль... Говорят, любовник королевы и новый ректор магического университета...

– К сожалению, даже мне приходится довольствоваться чем-то одним, – притворно опечалился дракон. – А у тебя хорошая память, волчонок. Так что, ты арестовать меня пришёл?

– Работа такая, – коротко бросил Гейб, не поддаваясь на провокацию, и тут же поморщился от детского плача, доносящегося из дома.

– Тут одни младенцы! – крикнул из дома напарник Гейба, Маккензи. – Гномьи дети, орочьи дети, мать их! Человеческие! Откуда они взялись?

Дракон сделал невинные глаза и усиленно принялся гладить сытых сонных виверн.

Гейбртерих бросился в дом – действительно, в накуренных комнатах, на кухне, где стояли кружки с пивом и тарелки с закуской, в коридорах на одежде – везде пищали, орали, ползали по мраморным полам младенцы. От обилия детей ему сделалось дурно, и он бегом вернулся обратно, отдышаться. Дракон неспешно уходил, унося под мышками своих виверн. Стражники-люди, оставленные охранять вход, смотрели словно сквозь «друида».

– Что ты сделал с бандой? – крикнул ему Гейб в спину.

– Немножечко проклял, – невозмутимо ответил Миль-Авентис, обернувшись. – Они торговали волшебными разумными существами, удерживали их в неволе. Я выслеживал их несколько недель, после

того как они украли детей у моих знакомых виверн. Мог бы, конечно, испепелить, но это так скучно!

– А проклятья – весело? – злобно уточнил Гейбртерих, понимая, что этого шутника даже сама королева к ответу призвать не сможет. И допросить его не получится.

– Конечно весело, – хмыкнул дракон. – Да ты и сам об этом знаешь, правда? – Он подмигнул. – Или скоро узнаешь.

Гроул начал раздражаться.

– Когда мы сможем их допросить? – рыкнул он. – Когда твое проклятье спадет?

– Никогда, – пожал плечами дракон. – Я обратил их возраст вспять, сделал снова маленькими и невинными. Они не помнят, кто они, что они делали во взрослом возрасте. Давненько я такого не проделывал. – Он покрутил-похрустел шеей. – Подзабыл уже, что и как. Поэтому – никогда.

– И они навсегда останутся сопливыми младенцами? – Гроул схватился за голову и в прямом смысле рвал на себе волосы. Дракон хохотал.

– Почему? – удивился Миль-Авентис, отсмеявшись. – Они будут расти, как положено детям. Станут взрослыми, затем состарятся и умрут. Проживут новую жизнь.

– А разве Пряха не прядет каждому один путь? – поинтересовался Гроул. – Который нельзя изменить?

– Зачем бы ей это делать? – хмыкнул дракон. – Это же скучно, волчонок. Запомни – изменить жизнь можно в любой момент. А иногда и нужно. Особенно если ты – злодей.

– То есть допросить я их не смогу никогда, – повторил Гроул ворчливо, смиряясь с неизбежным.

– Точно, – подтвердил дракон. – Смотри, какой ты понятливый, волчонок, аж с пятого раза все понял! Умник!

Гейб рыкнул, и дракон улыбнулся.

– Зато они получили шанс прожить жизнь по-другому, – серьезно добавил он. – Любопытно будет взглянуть, что из них вырастет на этот раз. Не все получают шанс исправить свои ошибки, но сегодня я отчего-то щедр. Ну все, прощай, волчонок. Будут вопросы – ищи меня в университете.

И он сделал небрежный жест, на глазах Гейба становясь невидимым вместе с вивернами. Ворота хлопнули, стражи так и не пошевелились, словно не слышали разговора и не видели никого.

Гроул с досады рыкнул и пошел внутрь дома. Нужно было запротоколировать осмотр дома и доложить обо всем начальству.

Через пару часов все маленькие бандиты были учтены, внесены в списки и отправлены в лечебницу. Гномские и орочьи кланы были поставлены в известность о появлении неожиданных младенцев, и всех до утра должны были забрать близкие и дальние родственники. Малыши-люди, скорее всего, отправятся в приют, если у них не найдется родственников, желающих забрать их к себе.

А куда делся сам Кирберт, было непонятно. Ни одного щенка-оборотня среди детей обнаружено не было. Гейб напрасно вместе с коллегами-оборотнями обнюхивал стены, полы, двери. Ни-че-го.

Гейб, по правде сказать, искал его очень осторожно. Потому что был один нюанс...

– Гроул, что с тобой? – ткнул его локтем напарник, Льялл Маккензи. – Ты как бомбу ищешь, а не щенка.

– Предпочитаю, чтобы его нашел кто-нибудь другой, – пробурчал Гроул. – Если вдруг он еще не открыл глаза, понимаешь?

– Да брось! – махнул рукой Маккензи. – Ты же видел, тут все обратились в ребяtnю возрастом около года. А наши волчата открывают глаза в месяц. Вдобавок наверняка есть кто-то, кого Кирберт запечатлел в прошлой жизни. Вряд ли привязка может случиться повторно...

– Ладно, – чуть повеселев, успокоился Гейб. – Я пойду еще второй этаж проверю.

– Наши там обнюхали уже все, – напомнил Мак. – Его там точно нет.

– Я знаю, – со значением подмигнул Гроул и взбежал по ступеням наверх под возмущенный вопль напарника.

С Маком они познакомились и сдружились уже после перевода Гроула на нынешний участок, и, хотя все коллеги были в товарищеских отношениях, можно было сказать, что ближе друга у Гейба не было. Клан Маккензи жил под столицей и был настолько продвинутым, что совершенно спокойно принял бескланового Гроула гостем на своих землях.

К бесклановым оборотням инстинктивно относились с предубеждением, потому что единственный путь, которым волк мог остаться без клана, – это совершение настолько серьезного преступления, что глава решил не наказывать виновника лично, а изгнать. Сирот у оборотней не бывало – ведь никогда не случалось так, чтобы из клана не осталось никого из взрослых волков и некому было взять сироту на воспитание.

Почти никогда не бывало, если уж точнее. В это «почти» и попал Гейб. За свою жизнь он довольно вкусил отторжения от сородичей, да и в полицию-то пошел, если уж совсем честно, чтобы профессия дала защиту от подозрений. Так-то его тянуло к работе с деревом. Но и значок стражи не всех убеждал в том, что он благонадежен, – против традиций трудно идти. Тем удивительнее было отношение клана Мака.

Матушка Льялла, радушная пышная оборотница, и вовсе приняла его если не как сына, то как любимого племянника.

– У меня был один мальчишка и семеро дочек, – ворчала она добродушно, помахивая черпаком у плиты. – А теперь двое. Ешьте, волчата, ешьте.

И муж ее, глава клана, друживший с начальником полиции, не обливал Гейба презрением и не подозревал в нем преступника. Может, дело было в том, что они знали, что Мак разбирается и в людях, и в оборотнях. А может, изучили дело Гроула и поняли, что ничего преступного в его прошлом нет. Гейб старался об этом не думать.

– Нашел? – то и дело орал снизу Мак.

– Нет, – радостно прокричал в который раз Гейб. И только собирался пойти вниз, как краем уха уловил то ли писк, то ли мяуканье со стороны кабинета Кирберта...

– Постой, постой, – пробормотал он, неслышно направляясь к обитой деревянными панелями стенке, из-за которой на грани слышимости и доносился писк. – А где это?..

Ему хотелось бежать, но память услужливо подсунула картинку, как страшно ребёнку находиться в одиночестве.

Гейб, согнувшись в три погибели и готовясь отпрыгнуть, если что, обнюхал до самого пола три высокие – на полстены – панели. Из-за одной из них явственно тянуло щенячьим запахом.

– Да быть не может, – буркнул он, простукивая и прожимая панель. При очередном заходе он нажал на один из завитков

орнамента, и высокая панель отошла в сторону, образуя проход в большой и темный второй кабинет. Он был куда более роскошным, по стенам угадывались драгоценные статуи и картины, пахло дорогими сигарами. Осветительный амулет поблескивал во тьме – возможно, разрядился из-за заклинания дракона.

Гейб склонился, вглядываясь в темноту. Если бы не едва уловимый среди табака щенячий запах, он бы решил, что там никого нет. Он уже подумал, что ему показалось, но затем вдруг в темноте блеснули глаза. А после обнаруженный волчонок заскулил-заплакал и пополз, дрожа и путаясь в лапах, к Гроулу.

У оборотня аж шерсть на спине от страха встала дыбом. Он старательно зажмурился. Гейб не сильно разбирался в детях, даже в детях оборотней. Он всю жизнь старался держаться от них подальше. Но даже с таким ничтожным опытом он понимал, что волчонку никак не может быть год. Что ему не больше двух месяцев.

Но глаза-то были уже открыты!

«Прекрати трусить, – грозно сказал он себе. – Ничего не случилось же! Ты ведь ничего не ощущаешь?» – И он с усилием заставил себя открыть глаза. Мелкий был уже у его ног, тыкался носом в ботинок.

– Ты тут творил свои делишки? – Оборотень, преодолев содрогание, подхватил сородича на руки и уныло произнес: – Вы арестованы, Кирберт Гарэйл, вам предъявлено обвинение в похищении и удержании... – Он потряс ладонями, ибо найденыш решил сразу спасителя пометить. – Сейчас обратно засуну! – пригрозил он, но волчонок лишь зевнул, вывалив розовый язык, и заснул прямо на руках. Он продолжал дрожать, и понятно было, что это ненормально.

– Ого, – проговорил напарник, появляясь в дверях кабинета. – Вот и наш старик. Озаботился созданием тайного кабинета, ишь ты!

– Лучше б он спасением души озаботился, – буркнул Гейб. – И поменьше гадостей творил.

Щенок закричал, и прямо в его руках превратился в крошечного младенца, тут же захныкавшего, не просыпаясь.

– Выглядит очень злодейски, – заржал Маккензи. – Но он явно очень маленький... слушай, он, похоже, совсем недавно открыл глаза. Ты куда? – с удивлением крикнул он вслед Гроулу.

– Сдам его в надежные руки! – прорычал оборотень, в панике прижимая к себе ребенка и сбегая по лестнице. – Скоро вернусь, Мак!

Глава 3

Эти глаза напротив

Уход за детьми, их кормление, укладывание, вытирание соплей, воспитание и прочее, не требующее большого ума, возлагается на мать. Оценку же того, как она справляется, следует брать на себя отцу

«Уложение», глава восьмая

– Он истощен и испуган, – говорил лекарь-эльф в ведомственной больнице. – Ему нужен присмотр и уход. В ближайшие месяцы могут быть проблемы со сном.

– Но ведь тут есть кому присмотреть за подозреваемым, мейз? – нетерпеливо попросил Гейб.

Лекарь скептически посмотрел на щенка, который, сладко зевая, поливал стружкой ножку кровати. «Подозреваемый» твякнул и, чуть косолапя и высоко поднимая лапки, радостно побежал к Гроулу. Тот вскочил, отошел подальше.

– Конечно, – кивнул лекарь. – Вы можете идти.

Гейб вернулся на место преступления. Дом был полон полицейскими стражниками. Было много работы по сбору улик, так что домой он вернулся уже поздно ночью, злой и уставший как собака.

Магический визор ожил почти сразу, как он вошел в дом.

– Капитан Гроул? – проговорил он голосом лекаря. – У нас большая проблема. Я вам весь вечер пытаюсь довизороваться. Что же вы не сказали, что нашли ребенка в момент первого открытия глаз?

– Нет-нет. Нет. Я нашел, когда глаза были уже открыты, – с ощущением, что он тонет, а на него движется большой и гулкий пароход, отрезал Гроул. И с тайной надеждой, что речь все же о чем-то другом, спросил: – А что случилось?

– Кто из нас оборотень, вы или я? – с легким раздражением спросил собеседник. – У ребенка случилось запечатление, импринтинг. Вы должны знать, что это такое. Происходит у щенков

оборотней в месяц при первом открытии глаз, если родителей нет в живых. Это механизм выживания. Ранее, когда оборотни жили закрытыми кланами, привязки всегда происходили ко взрослому оборотню и со временем крепили и становились взаимны. Но с расселением кланов... Если кратко, то щенку повезло, что его нашли вы, а не представитель другой расы.

Гроула передернуло. В голове шумело.

– Он весь оставшийся день скулил и успокоился, только когда добрался до стула, на котором вы сидели днем, – безжалостно добавил врач. – Он отказывается есть, пришлось поставить ему капельницу. Хорошо, что у нас есть медсестра из оборотней, она и поняла, что произошло запечатление. Сейчас ребенок снова спит. Вам необходимо как можно быстрее забрать его. Иначе он погибнет.

– Но откуда ж мне было знать, что это первое открытие глаз... я бы тогда к нему и не приблизился! Я не могу взять ребенка, – тупо проговорил Гроул в визор. – Где я и где ребенок? Да и какой он ребенок? Он бандит, контрабандист. Вы что?

– Сейчас он – ребенок, которого вы обрекаете на мучительную смерть, – сухо повторил врач. – Вы обязаны его забрать.

– Да я вообще ничего не знаю о детях! – в отчаянии прорычал Гроул. – Я перепутаю, куда кормить, а что вытирать!

– Вы хотите сказать, что тупее самой глупой молодой матери, Гроул? Стыдитесь! Мозги есть – узнаете. Руки есть – покормить и вытереть задницу сможете.

– Но можно же что-то сделать, чтобы я им не занимался?

– Это вы у меня спрашиваете? В лекарском пособии четко написано: маленькие оборотни не выживают без того, на кого запечатлены, если этот кто-то жив.

– Это я знаю, – глухо сказал Гроул.

– Хотите спасти его, самоубившись? Хватит выделываться, Гроул, приезжайте и забирайте ребенка, – приказал эльф. – Немедленно! Я подготовил бумаги на опеку, вашему начальству ситуация разъяснена. Вам поручено забрать и опекать подозреваемого до совершеннолетия. Завтра вас ждут в участке, за приказом.

В лекарне было темно и тихо – пациентов здесь всегда было немного, за исключением дней, когда проводились крупные операции и поступали раненые. А так днём какой-нибудь чин лечил подагру или

тёща министра пестовала мигрень. В тишине слышался пронзительный царапающий плач, такой тоскливый, что у Гроула сжалось сердце.

Дежурная сестра, пожилая волчица в крахмальной косынке и белоснежном фартуке поверх тёмного форменного платья, качала заходящегося криком младенца. Лицо её было красным и сердитым.

– Здравствуйте, – поздоровался Гейб, чувствуя себя неловко.

– Здравствуйте, – нелюбезно ответила сестра. – Явились наконец!

Гроул немного удивился. Ему приходилось часто бывать здесь – и сам залетал с ранениями, и коллег навещал, так что со всем персоналом был знаком и даже дружен. К тому же не было ни одной женщины, от оборотницы до дриады, сумевшей остаться равнодушной к его обаянию.

Малыш на руках у женщины завозился и весь вытянулся стрункой, выкарабкиваясь из рук. Не переставая плакать, потянулся к оборотню, дрыгая ручками и ножками, выпутываясь из пелёнок. Сестра с облегчением сунула его в руки Гейба и потёрла поясницу.

– Так, приданое на первое время мы ему собрали. – Она протянула руку за большой корзиной. – Здесь пелёнки, распашонки, подгузники...

– Подгузники? – держа дитя в руках точно так, как он держал бы бомбу, переспросил Гроул. Бывший контрабандист перестал плакать и только тяжело вздыхал, всем тельцем прижимаясь к мужчине.

– Подгузники, – терпеливо повторила сестра. – Из прорезиненной ткани со вкладышами внутри. Бутылочки, соски. Амулет, смягчающий колики. Немного козьего молока – не забудьте подогреть, прежде чем давать ребёнку. Умеете подогревать? Наливаете молоко в бутылочку, а саму бутылочку ставите в кастрюлю с горячей водой на марлю...

У капитана голова шла кругом.

– Для каш он ещё слишком мал, – растолковывала ему сестра строго. – Соблюдайте распорядок дня – щенок месяца от роду должен спать, бодрствовать и есть вдоволь. Радуйтесь, что в человеческом облике щенята оборотней развиваются быстрее людей – малыш уже может держать голову, сидеть и ползать. Они ползают до полутора лет, а ходить начинают после полутора, даже позже людей, потому что к году развитие замедляется и постепенно сравнивается с человеческим.

В какой-то момент Гейб понял, что отключился. Слова слились в какой-то гул, он покачнулся, как будто падал в пропасть.

– Вы меня слушаете, мейз? – перед его носом щелкнули пальцами.

– Да-да, – включился Гроул. – Спать вдоволь... это хорошо.

Через минуту он стоял на крыльце с корзиной в одной руке и ребёнком в другой. Обычный способ передвижения оборотней – на своих четырех – был временно заблокирован.

– Венсан вас отвезёт на карете скорой помощи, – сказала вышедшая следом сестра. – Сейчас все кучеры пересели на паромобили, но Венсан слишком стар, чтобы учиться. Так и дрыхнет в карете всю ночь напролет.

Гейб на слове «дрыхнет» отчётливо скрипнул зубами.

Поездка на карете со знаком целителей не запомнилась Гроулу ничем. Он почти сразу уснул на заднем сиденье. Младенец копошился рядом, попискивая. Когда карета остановилась у дома и кучер громко оповестил: «Приехали!», оборотень проснулся и зевнул.

– Спасибо, друг. – Он выбрался из кареты, похлопал лошадь по крупу и пошагал к дому.

Обалдевший старик сначала решил, что его пассажир пошёл открыть дверь, а потом вернётся за ребёнком и вещами. Однако оборотень спокойно отпер дверь, вошёл и больше не возвращался.

Гроул рухнул на диван в гостиной, не раздеваясь, и мгновенно уснул. Двое суток без сна – чересчур даже для оборотня. Проспал, как ему показалось, минут пять, когда в дверь забарабанили.

– Кто там! Какого тролля! – рывкнул оборотень, натягивая на ухо подушку.

У старушек мейсис Нины и мейсис Катерины никогда не было такой приятной бессонницы, как сегодня. Из мезонина они наблюдали, как сначала к дому соседа подъехала карета лекарей, что было крайне удивительно – на их памяти Гроул никогда и ничем не болел и если и лежал в больнице, то из-за ранений. Сосед вышел, а карета осталась стоять. Лошади беспокойно переступали по брусчатке. Минут через пять кучер выругался, соскочил с облучка и направился к дому.

Сперва он деликатно звонил в дверной колокольчик, потом стучал по двери кулаком, следом – ногой. В доме по-прежнему была тишина, зато из кареты слышался скулёрж и царапанье.

Старик вернулся к карете, открыл дверцу. До старушек донеслось сдавленное ругательство. Кучер вынырнул из кареты, держа что-то вопящее, как маленький ребенок, под мышкой и корзину в другой руке, опять взбежал на крыльцо и забарабанил с утроенной силой.

– Что нужно?! – рявкнул волк, открывая дверь.

– Вот что! – Разъярённый кучер с фуражкой набекрень сунул хозяину вырывающегося щенка, которого было прекрасно видно, корзину, развернулся, добежал до кареты и умчался в ночь.

Глава 4

Дети вообще спят?

Оборотню следует стойко переносить испытания, посланные ему Великим Вожаком, поскольку только терпением укрепляется тело и закаляется дух. Выть можно.

«Уложение», раздел «Наставление для мужа»

Гейб машинально закрыл дверь, сунул корзину под вешалку и поплёлся в спальню. Щенок радостно скулил и лизался.

– Ну прекрати, – морщился Гроул, когда шершавый язычок щекотно прошёлся по коже у подмышки. – Ты только утром еще курил сигары, мелкий.

Посадил щенка на разворошенную кровать ближе к стенке, стащил штаны и рубашку, упал на одеяло и уснул.

Волчонок разочарованно заскулил и попытался укусить оборотня за ухо, но беззубый ротишко только облизывал его. В круглом животике заурчало, щенок завозился и обернулся голеньким мальчиком.

Гейбу снилось, что он лежит в засаде в вонючем болоте. Ночь, кричит выпь, его засасывает в глубину, а он не может выбраться. Дёрнул головой, попал рукой во что-то липкое и моментально проснулся. Он лежал на животе, рядом лежал вопящий младенец, а по подушке и одеялу растекались пятна, цвет и запах которых не позволяли их ни с чем перепутать.

– Вот же ведьмин хвост! – выругался оборотень, вскакивая и хватая ребёнка. В ванной одной рукой открыл воду, умылся, и застыл, придумывая, как бы помыть младенца. Вертел его над ванной так и эдак, примериваясь. Ребёнок надрывался от плача, и Гейб решился. Сделал воду теплее, наполнил большой фаянсовый таз и опустил малыша в воду.

– Вроде бы ему нравится, – глядя на то, как ребёнок удивлённо моргает зелёными глазками, проговорил оборотень, энергично отмывая упругое тельце. – Завернуть во что-то... – потянул с верёвки свою рубашку, завернул дитя, завязал рукава. Гордо выпрямился, чувствуя себя круче, чем когда в одиночку скрутил банду из семи гномов и одного кентавра. Но переставший было орать мальчишка завопил снова.

– Что? Что?! – Оборотень в ужасе потряс младенца. – Не ори! Не надо! Великий Вожак, лучше бы Миль-Авентис превратил тебя в лягушку! Ты что, болен? Ты ведь не умираешь, нет?

Однако уговоры не помогали, а мелкий орал слишком требовательно для умирающего. Сквозь путаные от недосыпа мысли про смертельную болезнь в голову Гроула пробилась одна здравая. Или сыграло свою роль урчание в животе у ребенка?

– Ты голодный, что ли? – Гейб, прижав ребенка к плечу, поплелся на кухню, достал кастрюлю, налил воды и зажёл плиту. Несложные действия, если делать их одной левой, занимают, оказывается, довольно много времени.

Пока вода грелась, оборотень со скрипом в мозгах, слышимым в ночи, вспоминал, куда он дел корзину с «приданным». На поиски ушло несколько драгоценных минут, за которые вода успела закипеть. Поэтому, когда Гейб опустил в кастрюлю бутылочку, бутылочка сделала «бумц» и треснула. Молоко вытекло, оборотень выругался, поминая мать и отца ребёнка, а также процесс его зачатия. К счастью, в корзине была еще одна бутылочка с молоком, а Гроул настолько поумнел, что додумался перелить молоко в кофеварку и подогреть.

Взмокнув от усилий, с затёкшей рукой и ухом, оглохшим от крика, оборотень сел на пол и сунул в вопящий ротик соску. Две секунды стояла благословенная тишина, а потом соска была выплюнута.

– Опять?! – простонал Гейб, пристраивая ребенка на плечо. Мелкий икнул, и по плечу потекло горячее. Волк выругался, решив отмыться позже. – Что, не пошло, детёныш? Не вкусно? Может, кислое или горячее?

Попробовал.

– Нормальное молоко... ну козьё, но оно все так пахнет. Давай посмотрим, может, у меня коровье осталось.

Последние десять лет раз в три дня за пару эрингов к нему приходили соседки, приносили продукты, стряпали и убирали его логово. И заодно засовывали любопытные носы везде, куда можно, но Гейб с этим смирился.

В кладовке, в которой магический кристалл поддерживал определённую температуру, Гейб обнаружил нарезанную ветчину, сыр, кровяную колбасу, половину жареной курицы, сырые свиные антрекоты и телячьи стейки.

– Молока нет, – отрывая зубами кусок ветчины, констатировал оборотень. В ответ младенец поднял силу крика ещё на пару децибел.

Часы на стене показывали половину четвёртого. Рынок открывался в пять.

Гейб натурально зарычал.

В дверь соседнего дома Гроул постучал так, словно с обыском пришёл. Открывшая ему мейсис Нина, в чепце и халате, вовсе не выглядела сонной. За её спиной мейсис Катерина была олицетворением любопытства.

– Что-то случилось, капитан Гроул? Мы так крепко спали... – фальшиво изумилась мейсис Нина.

– Доброй ночи, дамы, – нервно поклонился оборотень. – Прошу простить визит в неурочное время, но обстоятельства чрезвычайные...

Сёстры вытянули шеи, как гусыни, осматривая его, и Гейб вспомнил, что так и не отмыл плечо.

– Не могли бы вы одолжить мне немного молока?

– Молока?

– Молока, – терпеливо подтвердил Гейб, оглядываясь на свой дом.

– Вам нужно молоко... – мейсис Катерина не теряла надежды выудить подробности.

– Да! – рывкнул Гроул. – Для ребенка! Есть оно у вас?

– Да, – пролепетала мейсис Нина, отшатываясь.

– Несите! – грозно приказал оборотень.

Шаркая тапочками, мейсис Катерина принесла большую кружку, сунула соседу и оскорбленно захлопнула дверь. На следующее утро весь квартал знал, что Гейбртерих Гроул прижил дитя от девицы из гильдии развлечений (кто-то говорил, что от дикой оборотницы, которая его бросила), что его прокляла ведьма, наложив обет безбрачия, и прочие подробности, которые по мере передачи из уст в

уста так видоизменились, что когда мейсис Нине их пересказали, она не узнала самолично выпущенную утку.

– Ну пей же ты! Будь хорошим оборотнем! – взмолился волк, сидя на полу перед волчонком. Щенок вилял хвостом, скулил и чихал в блюдечко.

– Конечно, – пробурчал Гейб. – Если привык хлестать коньяк, от молока будешь нос воротить.

Полчаса назад, вернувшись с молоком, он обнаружил корзину, в которую перед уходом положил малыша, валяющейся на полу пустой, хотя она стояла на кровати. Ребёнка в ней не было. Гейб обшарил весь дом, обнюхал каждую щель, пока не нашёл волчонка в собственном сапоге в прихожей.

Гроулу хотелось есть, спать и выть на луну. Наверное, младенцу тоже этого хотелось, и он не стеснялся – скулил и выл, будучи в шкурке, и громко и отчаянно плакал, оборачиваясь мальчишкой. Закономерности оборота Гейб не понимал – вот только на его руках пищит младенец, и через минуту по полу с подвыванием бегают щенки.

– Чем я прогневил тебя, Великий Вожак? – взмолился оборотень, обращаясь к потолку, когда за окном окончательно рассвело. Наоравшийся ребёнок уснул на бегу, перекинувшись в щенка. Гейб побоялся его трогать и оставил на полу, укрыв потеплее.

Зевая с риском вывихнуть челюсть, Гроул потащился в душ, встал под ледяную воду, чтобы не заснуть на ходу. Потом стащил с постели грязное бельё и отнёс в подвал, где была оборудована прачечная, потому что вонь стояла невыносимая, и только-только сел в кухне, чтобы съесть хоть что-то, как...

– Опять?! – простонал Гейб, роняя вилку и подпрыгивая бежать.

На полу гостиной вопил голый младенец, суча ножками.

Глава 5

Нежданные встречи и коварные планы

Ежели вашего мужа настигли последствия его решений, постарайтесь не говорить: «Я же говорила!» Убегайте в лес и потанцуйте там на поляне.

«Тайная книга оборотниц»

Управление стражи левобережья находилось среди цветных двух- и трехэтажных домов простых горожан и выделялось серой кладкой и парком полицейских паромобилей у входа. В стражники принимали все расы, однако известно было, что лучшие сыскари – волки, лучшие патрульные – гномы, а орки – идеальны для групп захвата. Вид капитана Гроула, выходящего из таксомобиля с ребёнком на руках, вызвал фурор у стражников всех рас.

– Эй, Гейб, это улика?

– Нет, он арестовал этого младенца!

– Бедняжка малыш, какое дело он тебе шьёт?!

Под шуточки подобного рода, подколки и свист капитан поднялся по ступенькам. Малыш слабо попискивал, обессилен от плача и голода.

– Ты теперь всегда его будешь рядом держать? Продолжишь традицию, заведённую Булавой? – фыркнул напарник, хлопая его по плечу. Иногда Гейбу казалось, что Маку гораздо больше пошло бы быть троллем, а не оборотнем. – Тоже будешь таскать младенца на работу в слинге и кормить на рабочем месте? Полковник будет в восторге! Или еще... пристегни его к себе наручниками!

– И ты туда же, – процедил сквозь зубы капитан. – погоди! – в голове что-то щёлкнуло. – Что ты сказал?!

– Полковник будет в восторге, – с недоумением повторил Маккензи.

– До этого?

– Традиция, заведенная Булавой, – покорно повторил Мак. – Тебя что, по голове вчера ударили? Булава – это наш новый финансовый

инспектор, та еще зараза. Я тебе про нее говорил. И у нее есть маленький ребенок.

– Ты гений, Мак! – Гроул огрел напарника по спине и помчался наверх, перепрыгивая через ступеньки.

– Должен же в нашей команде хоть кто-то быть умным, – донеслось ему в спину.

* * *

Новый финансовый инспектор, она же казначей, появилась в управлении несколько месяцев назад, после того как мейз Мюррей, по прозвищу Денег Нет, въедливый и дотошный гном, ушёл на повышение. Сотрудники управления, которым надоело отчитываться за каждую осьмушку казённого эринга, переписывать отчёты и выслушивать придирки за расточительство, вздохнули было с облегчением. Но, как оказалось, рано обрадовались.

Женщин в управлении было очень мало: секретарша начальника, писмоводитель и пожилая уборщица. Поэтому когда в кабинете Мюррея начала хозяйничать молодая оборотница, высокая, со стройной гибкой фигурой, большой грудью, подтянутыми ягодицами и очень красивым лицом с крупным ярким ртом, у всех сразу появились дела по финансовой части. Мужики, особенно холостые, один за другим наведывались к ней с целью завести приятное знакомство, однако долго никто не задерживался. И дело было даже не в маленькой волчице, которую инспектор постоянно носила с собой на работу либо в слинге, либо в детской корзине.

– Она скряга и крюкотвор почище Денег Нет, – жаловался Мак Гейбу. – Выписала мне счет за форменную рубашку. Видите ли, мне новую выдали досрочно. А то, что предыдущая на мне буквально сгорела, когда мы сумасшедшего пироманьяка ловили, то это не в счёт! Пришлось идти к полковнику. Так Пила меня заставила объяснительную писать.

– Пила? – Гроул был в отъезде, когда в управлении появилась новая метла, а потому слушал новости с большим интересом.

– Да. Мы ещё не определились с прозвищем. Предлагают Таран, Катапульта, Праща, Пила – за острый язык и напор. Но большинство

за Булаву, после того как она огрела Стини по голове так, что отправила его в нокаут.

– За что она его? – отсмеявшись, спросил Гейб.

– Этот идиот отвесил ей двусмысленный комплимент и, будто этого мало, попробовал ущипнуть за задницу. К этому моменту она привела в порядок всю финансовую отчетность управления, и полковник ее начал боготворить, поэтому Стини получил еще и от него.

– Пойду познакомлюсь с вашей неприступной язвительной красоткой, – усмехнулся Гроул. – Мне как раз нужно отчитаться за дорожные расходы.

– Удачи! И не вздумай спросить, где отец её дочери, – крикнул вслед друг. – Ты крупно пожалеешь!

– Какое мне дело до её дочери, – отмахнулся капитан. – С ума вы тут все посходили, что ли?

Но в тот раз он так и не добрался до казначейства, пришел срочный вызов. Затем он неделю прыгал жабой. А затем четыре месяца он провел вне управления, выслеживая людей Кирберта, и ему было не до знакомства с неприступной красоткой.

* * *

Гейб, удерживая ребенка, дошел по коридору до административного крыла, завернул за угол и постучал в обитую металлом дверь.

– Войдите, – ответил хриловатый и одновременно мелодичный женский голос.

Гейб поспешно вошел, открыл рот поздороваться да так и застыл. Напротив двери за столом сидела и смотрела на него в упор Вилда Хедвиг.

– Вилда?!

– Гейбртерих? – совершенно спокойно ответила его бывшая подружка. – Наконец-то дошел. Я думала, так и не решишься.

– Я не знал, что это ты тут, – оторопело проговорил Гейб, от удивления даже не возмущившись. Вилда недоверчиво хмыкнула.

Ребенок на руках зашевелился, и он плотнее прижал его к себе. – Где ты была всё это время? Ты ведь даже учёбу не закончила...

– Диплом показать? – сухо поинтересовалась волчица.

– Я не об этом, – отмахнулся оборотень. Волчонок на его груди едва слышно сопел и всхлипывал. – Я рад... рад, что ты жива, здорова и жизнь сложилась... Я ведь искал тебя тогда, чтобы...

– Хватит, Гроул. Это всё дела далёкие, и мы их никогда обсуждать не будем. – Вилда опять говорила холодно и сухо. – Было и прошло. Мы были молоды и ошибались. А сейчас у меня своя жизнь, у тебя своя. Раз мы уж взрослые волки и работаем в одной конторе, предлагаю забыть обо всем и сохранять рабочие отношения. Чтобы избежать неловкости.

Гроул лишь кивнул – мысли от недосыпа и удивления никак не получалось собрать в кучу.

– Давай к делам насущным, – ворвался в его засыпающий мозг голос Вилды. – Откуда малыш? – Она кивнула на щенка. – В твоих документах сказано, что детей у тебя нет.

– Хотел бы я, чтобы так и было, – пробурчал он, и лицо оборотницы еще больше закаменело. – Вилли, ты не так поняла, это бандит! – попытался оправдаться он.

– Гейб, это же ребенок! Как ты можешь так говорить? – возмутилась Вилда.

– Да он на самом деле бандит. Контрабандист! – попытался объяснить Гейб, шагнул к ней, как вдруг ему в лодыжку вцепились острые зубки. Гейб посмотрел вниз и с удивлением увидел маленькую волчицу. Она угрожающе рычала, не выпуская добычу.

– Гм... – не нашёлся что сказать Гроул. – Узнаю эту хватку... Твоя мама как-то мне так же в руку вцепилась.

– Плюнь дядю, Морна, – поднимаясь и подходя, велела мать. – Это кака!

– Это и есть твоя дочь? – задал глупый вопрос оборотень.

Вилда молча подхватила пушистую дочку на руки и погладила между ушек.

– А где её отец? – втянув носом воздух, неосторожно поинтересовался Гейб. От Вилли не пахло мужчиной.

– Не твое дело! – рыкнула Вилда. – Хватит болтать. Что ты хотел?

Гроул с некоторой опаской посмотрел на её пальцы с выпущенными когтями, блеснувшие клыки, перевел взгляд на грудь и спросил:

– Ты ведь кормишь ее еще?

– Ты совсем сдурел, Гроул? – разъярилась Вилда. – Как тебя это касается?

Младенец разорался.

– Спаси меня! – почти в отчаянии взвыл Гейб.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? – поразилась волчица, глядя на него как на сумасшедшего и переводя глаза на малыша.

– Покорми его, – взмолился оборотень. – Он не ел Пряха знает сколько и плачет со вчерашнего дня!

Малыш действительно надрывался криком так, что покраснелся и начал икать.

– Бедняжка, – мгновенно успокоилась Вилда, протягивая руки к младенцу и устраивая его поудобнее. Села в кресло, расстегнула блузку и выпростала из ворота круглую грудь с крупным ярким соском. Оборотни не стыдились кормления, считали это таким же естественным, как дышать, но Гейб смотрел на неё как загипнотизированный. Малыш всхлипнул и впился в сосок, как умирающий от голода. Чтобы отвлечься от воздействия шикарной женской груди и нахлынувших воспоминаний, Гроул огляделся.

Дочка Вилды оказалась маленькой круглощёкой девочкой с тёмными кудряшками. Все, что он мог понять, припоминая слова медсестры о возрасте, в котором дети оборотней начинают ходить, – что она родилась больше полутора лет назад, потому что сейчас, обернувшись человеком, сначала понаблюдала за мамой, поколебалась, устроить скандал или нет, а затем, зевнув, уверенно дошагала до переносной большой корзины-колыбели и забралась туда. В чертах лица угадывалось сходство с матерью. Гейб перевёл взгляд на Вилду. Она склонила голову к малышу, глядя заплаканные щёчки, мокрые от пота волосики, ласково поглаживала животик. Тот сосал так жадно, что то и дело захлёбывался, и оборотница уговаривала его не торопиться.

От облегчения у Гроула закружилась голова. Теперь-то все будет в порядке. Теперь ребенка можно будет отдать Вилде на попечение и просто почаще навещать его... Ну хотя бы днем.

– Где его мать и почему он у тебя? – спросила оборотница, прервав воркование.

– Где мать, не знаю, – не сразу ответил Гейб. – Его зовут Кирберт Гарэйл, и он был внеклановым сиротой.

«Как и я», – хотелось сказать ему, но он промолчал.

– Так, – резко сказала Вилда. – Объясни мне нормально, при чем тут некто Гарэйл и что ты там болтал про контрабанду...

Гейб под чмокание мелкого бандита рассказал, как все произошло.

– И ты его запечатлел. Бедняжка, – повторила Вилда грустно.

– Да, мне очень трудно, – со вздохом признал Гейб.

Она посмотрела на него, как на диковинное животное.

– При чем тут ты? Это ребенок бедный, зависит от такого, как ты, много лет.

– Вилли, – с величайшим терпением напомнил Гейб, – Это – главарь банды. Гроза Веншица. На его счету тысячи похищений и подпольных махинаций. Он – преступник, понимаешь?

– Сейчас он – просто младенец, – покачала головой Вилда. – И только от тебя зависит, каким он вырастет.

Гроул хотел было возмутиться, но тут у него в голове что-то щелкнуло.

– А ведь это ты меня прокляла, Вилли, – обвинил он её.

Она равнодушно пожала плечами.

– Правда? Не помню. В любом случае дети – это не проклятье. – Волчица посмотрела на дочку, которая резво прыгала в своей корзине, да так, что та перевернулась. – Хотя, – усмехнулась она, – иногда они бывают почти невыносимы.

В коридоре раздались быстрые шаги, и в кабинет ворвался Мак.

– Гейб, быстрее, – заинтересованно косясь на обнажённую грудь, выпалил Маккензи. – Полковник ждёт нас у себя в кабинете.

– Вилда?

– Иди, – кивнула волчица, – оставь только что-то из одежды, чтобы он не беспокоился. Как поест, принесу.

Успокоенный малыш прикрыл глазки и ел уже сквозь дрёму.

Гейб поспешно содрал с себя рубашку. Вилда оглядела его торс, улыбнулась. И только он решил, что она далеко не все забыла, как она шепотом подсказала:

– У тебя отрыжка засохла на груди.

Он посмотрел, рыкнул и побежал в уборную отмываться.

* * *

– Информатор сообщает, что конкурирующие банды пронюхали о том, что случилось в доме Кирберта. – Полковник Норминн захлопнул папку, побарабанил по ней пальцами. – Твой волчонок, Гейб, все еще владеет банковскими счетами, недвижимостью и бизнесом. За опеку над ним, то есть за имущество, будет настоящая война. Его постараются украсть и усыновить, чтобы так получить доступ к бизнесу.

– Но волчонок же умрёт без Гейба, – пробормотал Мак, глядя на друга.

– Ты думаешь, их это волнует? – усмехнулся начальник. – Им нужно предъявить ребёнка нотариусу и получить бумаги, а потом опекун получит всю власть распоряжаться имуществом, и малыш любому будет лишним в игре. Кирберта так и так убьют, рано или поздно, если он не умрёт сам.

Мужчины выругались.

– Что будем делать? – переглянувшись с напарником, задал вопрос Гроул.

– Чистить столицу от мафии дальше. Благо ее величество еще в кризисе. А вас с ребенком спрячем, – прошёлся по кабинету шеф. – Нужно подумать, куда вас отправить, проработать легенду. На всё у нас два дня от силы. И тебе сегодня возвращаться домой уже не стоит. Куча народу видела тебя с ребенком, только что стало известно, что и газеты уже все разнюхали. Поедешь на конспиративную квартиру. Вещи тебе привезут.

– Полковник, – медленно, на ходу обдумывая пришедшую мысль, начал Гейб. – Мне не обойтись без кормилицы, это уже понятно. Лишних людей втягивать нельзя...

Полковник заинтересованно кивнул.

– ...Хедвиг вполне подготовлена...

Мак прыснул и с серьёзным лицом закашлялся в кулак.

– ...Является служащей управления, и она кормящая мать, в конце концов. И сейчас кормит младенца.

– Хочешь изобразить с Булавой счастливую семейку? – Напарник не выдержал и расхохотался, несмотря на строгий взгляд начальства. – Хочешь к ней таким образом подкатить, раз другие не добились успеха?

– Лейтенант Маккензи, ведите себя подобающе! – одернул его полковник. – Гроул, Вилда Хедвиг совершила чудеса в нашем финансовом отделе. Благодаря ей наконец-то меня не трясет ежеквартально казначейство, она ухитряется и обеспечивать нас всем необходимым, и экономить одновременно. И для того, чтобы я снял ее с места, нужны весомые доводы.

Гроул все еще соображал медленно, но собрался и кое до чего додумался. Да, появление Вилды стало едва ли не большим потрясением, чем запечатление бывшего контрабандиста. Но все же на первом месте стоял именно вопрос ухода и кормления подобрыша. А уж где-то далеко за возможностью выспаться – признание, что Вилли стала еще более притягательной, а ее строгость почти разбудила в нем охотника. Почти, потому что сейчас все его ипостаси хорошему сексу предпочли бы отличный сон.

К тому же она ясно дала понять, что ничего общего с ним не желает иметь. Так что зачем стучаться в закрытую дверь? А вот просунуть под дверь младенца вполне возможно.

– Да я в ужасе оттого, что на меня повешен этот ребенок, – честно признался Гроул, и оба собеседника понимающе закивали. – Полковник, я не отказываюсь от него, но сами поймите, я лучше дом построю или поле вскопаю, чем разбираться, отчего в очередной раз вопит младенец. Ухаживать за детьми – женская работа, у них этот, как его, инстинкт, по природе, а у Вилды к инстинкту прилагается и опыт, и молоко. Но самое главное – у нас есть возможность решить проблему внутри управления! Главное, чтобы ее пропажу не связали с моим отсутствием. Внутри управления болтать не станут, а вот если хватятся родные? Ее клан ведь на севере, да? Здесь она общается с кем-то близко? Мужчины, подруги?

Он совершенно точно знал, что на севере.

– Мужчины у нее нет, иначе мы чувствовали бы запах, – вставил Мак. – По-моему, у нее здесь никаких интересов, кроме работы и дочки. Я помню, как мы косились на нее, когда поначалу она ходила с малышкой, примотанной к груди.

Полковник порылся в папках личных дел, раскрыл, полистал.

– Так... десять лет назад внезапно перевелась с финансовых курсов нашего университета в аналогичное заведение в Веснице.

– Так вот куда, – сквозь зубы пробормотал Гейб. Королевство было окружено множеством соседей – в одних сосуществовали разные расы, другие были почти мононациональны. Среди них были и русалочья Перловица в южном море, и Оркский каганат на востоке, гномский Минагор с севера и эльфийская Чаща на западе. Весница, страна оборотней, тоже располагалась на севере, за Самоцветными горами, рядом с гномским государством. Там Гейб никогда не был – и отрицал любые мысли туда съездить, потому что к бесклановым оборотням там относились как к отщепенцам.

– Ты что-то сказал, Гроул? – поднял брови полковник.

– Никак нет! – ответил Гейб. – Слушаю, командир!

– Окончила курсы, там же устроилась на работу в местное отделение стражи. Проработала пять лет. А замуж вышла, хм-хм, за человека. За помощника посла Эринетты в Веснице, ученого. И потом перешла на финансовую работу в посольство.

– В стране оборотней оборотница не нашла ни одного достойного волка? – вновь заржал Мак.

– Он умер почти два года назад, и она сначала вернулась в свой клан у гор, там родила, а когда дочке исполнился год, переехала обратно в столицу. Вступила здесь в скромное наследство и сразу стала искать работу. За нее хлопотал посол, он уверял, что она превосходно считает, распределяет и контролирует финансы, и оказался прав. Но я колебался, потому что она женщина... и еще с грудным ребенком, – пробурчал полковник. – Однако одновременно пришел указ королевы, чтобы каждое ведомство не отказывало женщинам. Пришлось брать. И я ни разу не пожалел. Ни разу!

Глава 6

О женском предназначении и поприродных умениях

Женам подобает кротость. Соглашаться во всем с отцом, супругом, старшим родственником мужеского пола и в целом с любым мужчиной – залог счастливого девичества, успешного замужества и добродетельного вдовства.

Раздел «Наставление для жен» из того же «Уложения»

– То есть вы хотите, чтобы я поехала с ним? – Вилда бросила на капитана Гроула холодно-ядовитый взгляд. Тот сидел напротив неё откинувшись на стуле, скрестив на груди руки и вытянув длинные ноги. – Вместе с дочкой в качестве прикрытия и кормилицы?

– Да. – Полковник прямо-таки лучился доброжелательством. – Вы – лучшая кандидатура из всех возможных!

Оборотница демонстративно огляделась вокруг и саркастически хмыкнула.

– Но я могу отказаться, правильно я понимаю, мейз полковник? – деловито проговорила она. – Это ведь не входит в перечень моих обязанностей по контракту?

– Нет, не входит, – вынужденно признало начальство. – Но вы как мать можете помочь этому бедному ребенку. Из сострадания, Вилда.

– Как мать я прежде всего должна думать о своей дочери, – жёстко ответила волчица. – А вы сами сказали, что на мальчика охотятся. Могу ли я подвергнуть мою малышку опасности?

– Я смогу защитить и детей, и тебя, – напомнил Гроул, опираясь на стол и наклоняясь к ней.

– Ну, вы герой, капитан, это всем известно. – Она даже не шутила. – Но один волк не одолеет стаю шакалов.

– Я могу поехать с ними, – с воодушевлением вступил в разговор Мак. – В качестве родственника.

– Лучше в качестве прислуги: садовника или дворецкого, – скорректировал Норминн. – Видите, Вилда, втроём вы уже грозная сила. Представим вас зажиточной парой из Весницы, все странности можно будет списать на это. Плюс в доме напротив мы организуем пункт наблюдения, и если вдруг вас обнаружат, преступников быстро скрутят.

– А кто будет выполнять мою работу? – резонно поинтересовалась Хедвиг, машинально поправляя висевшую на груди безмятежно спящую дочку. Маленький Кирберт свернулся щеночком в застеленной полотном корзине, стоящей рядом с Гейбом. – Вообще-то у меня полугодовой отчёт, и в казначействе сократят финансирование на следующий год, если я не сдам его вовремя, а меня – оштрафуют. И вам нужно в срок начислить и выдать жалованье. Или нет? Вы найдёте мне замену за... – Она посмотрела на часы на стене. – Полтора дня? После ухода предыдущего инспектора отдел стоял три месяца! Я еле разобралась с накопившимися бумагами!

– Может, вы просто будете заниматься детьми, а из ваших обязанностей оставим пока только отчетность? Это же всего на три-четыре месяца, затем нагоните, с вашими-то талантами, – льстиво предложил полковник.

Вилда обвела всех изумленным взглядом.

– То есть вы хотите меня использовать не только как прикрытие и кормилицу, но и как няню? – произнесла она. – Чтобы я целый день ухаживала за детьми?

– А какая тебе разница, за одним или двумя? – недоуменно и осторожно спросил Гроул.

– Но это твой ребенок, – проговорила Вилда. – Ты-то что будешь делать, кроме как присутствовать рядом?

– Защищать вас, конечно, – ответил Гейб, чувствуя, что разговор идет куда-то не туда и он чего-то не понимает. – Вдруг на нас нападут, а я уставший?

Вилда резко выдохнула и поднялась.

– Исключено! – отрезала она. – Я только из жалости к малышу и уважения к вам, полковник, выслушала ваше предложение! Но вы предлагаете мне бросить то, что я с таким трудом наладила, дом, столицу, уехать тролль знает куда и посвятить все свое время чужому

ребенку, пока его опекун отдыхает под прикрытием? Нет, ни в коем случае. А будете настаивать – уволюсь!

Полковник с отчаянием поёрзал на своём стуле.

– Мейсис Хедвиг, милая, успокойтесь, – заворковал он, бросая на Гроула убийственные взгляды. – Никто не хотел делать вас няней. Капитан Гроул справлялся с упившимися троллями, он способен и сам позаботиться о ребенке. Что он и сделает, правда, Гейбртерих?

– Д-да, – буркнул Гейб. Волчица презрительно фыркнула, словно не верила.

– Но, к сожалению, без грудного молока нам не обойтись, а искать кормилицу-волчицу на стороне – это терять несколько дней и ставить под угрозу прикрытия. Да и всегда есть риск, что ребенок не примет еще одну кормилицу. Что касается вашей работы... Вы сможете работать на новом месте! – воодушевился он. – Мы обеспечим вам все условия! А Гроул сможет иногда приглядывать и за вашей дочерью!

Гроул сглотнул и поймал очень скептический взгляд Вилды.

– Он только вчера ребенка первый раз взял на руки, – сказала Вилли со скепсисом. – Он же не умеет ничего.

– Научится! – жизнерадостно отбивался полковник. – Научишься же, Гейбртерих?!

– Так точно, – оскалился в ужасе Гроул.

– Нет, вы не понимаете, – покачала головой Вилда. – Столько документов с собой перевозить... Да пока я их собираю и сортирую, неделя пройдет!

Гейб понятиливо молчал под убийственным взглядом полковника.

– Хедвиг, а мы вам зарплату поднимем, – оживился Норминн. – Вы как раз на нее сэкономили! И не только на нее. Двойная ставка вас устроит?

– Двойная ставка, начиная с сегодняшнего дня, и премия за сложные условия после сдачи отчёта, – отчеканила оборотница.

– Годится, – торопливо согласился полковник, пока она не запросила ещё чего-нибудь. – Тогда начинайте подготовку к отъезду, немедленно! Старшим группы назначаю капитана Гроула.

Вилда Хедвиг не могла поверить, что согласилась провести несколько месяцев в компании Гейбртериха Гроула. С момента их расставания прошла уже целая жизнь, но он очень обидел ее тогда, а оборотни не прощают предательства и трусости.

Она понятия не имела, что воля судьбы и протекция посла закинет ее в то самое отделение полицейской стражи, в котором служил Гейб. Однако в первый же день услышала знакомое имя, а затем и нашла его в документах. Раньше он работал в группе быстрого реагирования на другом участке, а здесь получил звание капитана и должность старшего сыскаря.

Вилда не была уже той нежной и безумно влюбленной девушкой, которая пошла против воли отца, «связавшись с сиротой без клана», и все, что она чувствовала сейчас, было застарелой обидой. Тем более что в ее жизни появилась Морна, с которой не оставалось времени на что-то еще, и был, пусть недолго, такой замечательный человек, как Вильям. Может, она не любила его с тем безумием и самоотдачей, как Гейба, но он никогда не делал ей больно и не предавал.

Ровно до тех пор, пока не умер.

Но у нее хотя бы осталась Морна. Дети оборотниц всегда рождались оборотнями, даже если отцом был представитель другой расы. Разве что окрас шерсти мог слегка отличаться.

Отец говорил ей, что безродный Гроул искал ее на землях клана, и она даже иногда задумывалась, что было бы, если бы она не уехала напрямую в Весницу, а отправилась зализывать рану в родной клан в горы. Что бы ей сказал Гейб? И смогла бы она его простить?

Но потом она вспоминала, как было ей больно, когда он ее вышвырнул, словно бесполезную вещь, как был эгоистичен, и всякие сентиментальные размышления прекращались.

– Ключи от конспиративной квартиры у Мака. Он привезёт мои вещи, а потом может поехать к тебе домой. – Волк, едва не сияющий от облегчения, двигался рядом с Вилдой к ее кабинету и на ходу отдавал распоряжения. Волчонка он держал на плече. – Ночевать будем все на новом месте.

– Я соберу вещи и без вашей помощи, – отрезала Вилда. – О себе позаботьтесь.

– Тс-с, потише, Вилли, – хмыкнул оборотень. – Необязательно вести себя как стерва. Ты же можешь быть славной девочкой, я знаю.

– Вот что, Гроул. – Волчица остановилась и жестко взглянула ему в глаза. – Мы работаем в одной конторе и некоторое время будем вынуждены жить в одном доме. Но повторяю еще раз, оставь свои намеки на наше прошлое при себе. Мы будем жить рядом, но не

вместе. Запомни это, иначе я не постесняюсь напомнить. Ты понял? Повтори.

Гейб легкомысленно пожал плечами.

– Рядом, но не вместе, помнишь об этом, пока мы живём вместе. То есть рядом.

Вилда рыкнула и пошла быстрее. Гроул временами был очень взрослым, но иногда – будто и не повзрослел. Прошло десять лет, и ничего не изменилось.

– Скоро увидимся, чтобы покормить этого бандита! – крикнул он ей вслед. – И спасибо, что согласилась, Вилли!

* * *

Прежде чем уехать, Гроулу нужно было сдать текущие дела, так что освободился он только к ночи. Мелкий, к счастью, не обернувшийся младенцем, сначала спал, потом проснулся, выбрался из корзинки и бегал по кабинету, заинтересованно принюхиваясь. Периодически он издавал голодный плач, и Гейб трусцой относил его в кабинет Вилды и потом так же быстро уносился обратно.

Вилда к вечеру тоже устала, и в очередной приход Гейба обернулась волчицей, чтобы покормить сразу обоих детей. Она лежала на полу, вылизывая одного и другого, дети урчали, чмокали и перебирали лапками, и картина была до того идиллической, что Гроул засмотрелся и очнулся только тогда, когда Вилда оскалилась и рявкнула на него.

К нему она явно не испытывала того же умиления, какое сразу проявила к мелкому.

В остальное время Гейб был так занят, что почти не обращал на щенка внимания. Оказалось, что зря. Бывший бандит наделал по всему полу не только лужиц, но и кучку, в которую Гроул благополучно наступил.

– Какого линялого хвоста ты не можешь потерпеть? – брезгливо тряс сапогом, зарычал он. Мелкий испуганно попятился, прижав ушки, и заскулил. Волка где-то глубоко кольнула совесть. Он не любил, когда дети боятся.

– Ну, не скули. – Гейб подхватил волчонка на руки. – Я тебя не обижу. Правда. У меня просто голос громкий. И для меня все это в новинку.

Щенок вякнул и лизнул его в губы. Волк с силой отер губы рукавом.

– Ты, конечно, милый малец, – объяснил он. – Но я пока не готов целоваться с бандитскими воротилами.

Щенок понимающе твякнул и снова его лизнул. Гейб со вздохом отпустил его, нашел тряпку и принялся оттирать пол.

К тому времени, как капитан закончил с делами и уборкой, давно стемнело. Малыш выспался и проголодался, о чём оповестил громким рёвом. Гроул, прошлой ночью не спавший и двух часов, день проведший на ногах только с парой бутербродов в зубах и умирающий от желания эти ноги вытянуть (или протянуть уже, всё равно такая жизнь не мила), громко застонал.

– Опять! – Он взял ребёнка на руки. – Хотя я сам завывать готов, так что понимаю тебя, Хвостик. Потерпи, сейчас тебя покормят. Твоя мамочка ещё не ушла, наверное.

– Мамочка? – В дверях, недовольно подняв брови, стояла уставшая Вилда. Морна, снова обернувшаяся толстым пушистым и серым щенком, прыгала у ее ног.

– Я вживаюсь в легенду, – объяснил Гейб, с готовностью протягивая ей мальчишку. Та взяла, прошла к его столу и села, удобно подвинув стул. Её дочка недовольно твякнула и подпрыгнула, пытаясь укусить в который раз отбирающего мать чужого волчонка.

– Морна, милая, успокойся. – Мать погладила её по холке, по острой мордочке. – Малыш просто голоден. Я твоя мама. А молока хватит вам обоим.

Конфликт не успел разгореться, поскольку в кабинет ворвался весёлый Мак с огромной корзиной, от которой пахло жареным и пареным.

– Я решил не дать вам умереть с голоду. – Он начал выкладывать снедь на свой стол. – Дома еда тоже есть, – с опаской сообщил он другу, увидев, как Гейб набрасывается на «добычу». – А кто это у нас? – спросил, наклоняясь к Морне. – Какая красавица! Можно тебя погладить, малышка?

Маленькая оборотница твякнула и начала подскакивать, как мячик. Судя по всему, скакать она так могла до ночи.

– Подкрепишься? – Гейб протянул Вилде ломоть хлеба с хорошим куском мяса. Стейк был сочным, слабо прожаренным.

– Да, давай. – Волчица начала есть, не прерывая кормления. Морна вертелась у стола, принюхиваясь.

– Можно ей дать что-то? – спросил Мак, глядя на Вилду.

– Нет, – категорично покачала головой мать. – Она маленькая ещё. Ест только молоко, пюре и каши. Иногда даю погрызть косточку для здоровья зубов и кусочки мяса на пару.

Некоторое время Вилда, Гейб и младенец молча ели, а Мак рассказывал о делах.

– Что это за звук? – насторожилась волчица. Отняла от груди наевшегося малыша, отдала оборотню и заглянула под стол Мака. Там сидела её дочка и пыталась откусить кусок куриного окорочка. Получалось только облизывать, она сердилась и изо всех сил трепала мясо острыми зубками: их уже было двенадцать, но получалось все равно плохо. – Кто ей дал окорочок? – Она посмотрела на Мака, на Гейба.

– Она так выпрашивала, – отвел глаза Гроул.

– А если бы она у тебя сигарету выпрашивала, ты бы тоже дал? У нее от жирного и жареного может быть расстройство желудка! – возмутилась Вилда. – Гейбртерих Гроул! Разве ты не слышал, что слово матери – закон?!

– Да вот как-то не пришлось, – буркнул Гейб, встал и направился к двери. – Извини, Вилли, я не знал... Думал, ты слишком строгая просто. Неправ. – Он отступил под взглядом, полным ярости. – Пойду руки помою, – нашелся он и сбежал.

Выбор нового места жительства полковник Норминн объяснил так:

– Где лучше всего спрятать яйцо? Правильно, среди других яиц. Сибай – небольшой городок, но там в окрестностях живут несколько небольших волчьих кланов, да и в самом Сибаве есть ваши сородичи – пары и одиночки. Ваш приезд будет выглядеть естественно – многие родители переезжают туда ради ровного климата и тёплых источников на соседнем курорте Баден. Там шумно и многолюдно, а из Сибая туда легко добраться. В Сибаве, кстати, тоже есть несколько источников, они

мелкие, но для детей сойдет. По легенде, вы – из зажиточных ремесленников, живете в окрестностях столицы. У вас своя мастерская, Гейб у нас хороший плотник и столяр, Вилда участвует в семейном предприятии как финансист. Вас зовут Фанс и Ола Ристерд.

– А меня? – вмешался Льялл Маккензи.

– А тебя, Мак, – Уим Фильям. У Фанса и Олы дети-погодки, с минимальной разницей в возрасте, малыш слабый, у Вилды после родов пошатнулось здоровье, вот и пришлось переселиться поближе к целебным водам. Мафия будет искать одинокого волка с ребенком, а не семейную пару с двумя. Скорее всего, начнут прочесывать клановые земли волков на севере, полезут в Весницу, но додуматься, что вы спрятались в Сибае, не сможет даже менталист. Вот амулеты смены внешности для вас всех. – Он подвинул к краю стола три коробочки. – Разбирайте под отчет. Потом вернуть в хранилище!

– Как они работают? – спросила Вилда подозрительно, обрывая ленту с учетным номером и открывая коробку. Внутри лежал кулон с обычным резным камушком в виде листика.

– Слегка меняют внешность. Другая форма ушей, носа, подбородка, и все, по фотографиям газетчиков вас узнать будет невозможно. Да и если знакомый попадетсся навстречу, вы покажетесь ему похожими на себя, но не более. Надевайте. Да, в зеркалах вы тоже будете отражаться с измененной внешностью.

Некоторое время они привыкали к новой внешности и разглядывали друг друга – лица казались знакомыми и одновременно чужими, будто какой-то шутник где-то чуть нарастил объема, где-то убавил или вдавил.

– Ты все равно красотка, Вилда, – попытался утешить Гроул, глядя, как волчица озабоченно разглядывает в зеркальце увеличившиеся нос и щеки.

– Ола, – отрезала она тоном «лучше помолчи». – Привыкай называть меня так, Фанс.

Глава 7

Неожиданности бывают разные

Чтобы привести супруга в чувство, скажитесь больной недели на две, уедьте к маме, на крайний случай – сломайте лапу. Две недели заботы о детях и доме творят чудеса даже с самым непрошибаемым оборотнем.

«Тайная книга оборотниц»

Амулет-переноска сработал штатно, и трое взрослых и двое детей (оба сладко спали) с багажом оказались на пустынном просёлке на полпути от Бадена к Сибаю. Вообще, городки связывал прекрасный мощёный тракт, но волкам нужно было обойтись без лишнего внимания, а потому сотрудник управления под прикрытием, живущий в Бадене и содержащий компанию таксомобилей, встретил их именно здесь.

– Называйте меня Венс Смоковски, – представился немолодой мужчина с непримечательной внешностью – видимо, тоже под амулетом: встретишь такого и потом даже описать не сумеешь. – Я под прикрытием приглядываю за местной полицией. Здесь меня знают как шофера таксо. Дом вам арендовали старой постройки, с садом. На окраине Сибая. Подходы с улицы хорошо просматриваются, а уйти можно через сад и переулки, если что. Подвал тут добротный, его укрепили магически, занесли припасы, там есть вода и место для сна, воздуховод, можно месяц сидеть внутри. А напротив вашего дома – дом победнее, для охраны. В вашем доме есть телефон и визор, по которому вы сможете связаться и с охраной, и со мной, если вам будет нужна срочная помощь. Но нужно ненавязчиво охранять сад.

– Мак у нас как раз будет слугу и садовника изображать, – кивнул Гейб. – Сможет наблюдать за посторонними – весь день на улице проводить без подозрений. И под видом садовых работ ставить ловушки на незваных гостей.

– Да. – Венс учтиво открыл дверцу даме, мужчины уселись сами, мобиль тронулся. – Для прислуги у ворот домик имеется. Вполне комфортабельный. В самом доме, кстати, все удобства.

– Ещё бы, я это специально оговорила, – усмехнулась Вилда.

– А повариху ты не оговорила? – поинтересовался Гейб с надеждой.

– Пыталась, помня, как ты готовишь, – ответила Вилда с язвинкой. – Но полковник назвал это излишеством. Нельзя привлекать людей со стороны. Так что готовить будешь ты. И стирать. И убирать.

Гейб захохотал.

– Ты и раньше была шутницей, Вилли, – фыркнул он.

Вилда открыла было рот, но тут паромобиль подпрыгнул на кочке, и Морна, лежащая на руках у матери, проснулась.

– Привет, – заворковала Вилда, на глазах преображаясь. – Как ты, малышка? – Она потрогала влажный лоб, поправила платице из плотной ткани. – Пить хочешь?

Девочка завозилась, пытаясь сесть, и кивнула.оборотница посадила её удобнее, вытащила из объёмистой сумки бутылочку с водой и дала дочке. Свободной рукой коснулась лба и щёчек малыша, погладила животик.

Кирберт услышал сквозь сон, что кто-то рядом ест, и заплакал, не просыпаясь.

Гейб нахмурился и потряс младенца.

– Осторожнее, – упрекнула Вилда. – Испугаешь!

Гроул выразительно посмотрел на неё, но ребёнок стал будить осторожнее. Тот потянулся, открыл глазки и улыбнулся оборотню.

– Вот молодец, – невольно отвечая на улыбку, заговорил Гейб. – Ты, наверно, тоже пить хочешь?

Волчица молча извлекла из недр ещё одну бутылочку и протянула ему.

Дом располагался на чинной и сонной улице, по которой пару раз проезжали телеги, запряженные мулами, и один раз протрясся большой паробус с туристами. Далеко внизу дорога упиралась в море, но берег тут был скалистым и галечным, купались только местные, а туристы, по словам Смоковски, предпочитали песчаные пляжи в Бадене. Дом оказался красивым, слегка запущенным и по-старинному основательным. Из красного кирпича, два этажа, высокие окна,

черепичная крыша. Сад зарос, но все деревья были увешаны плодами и ягодами, начинавшими спеть или уже румяными и сочными, а потому выглядел привлекательно и нарядно. С двух сторон за заборами виднелись такие же очаровательные дома.

Вилда обошла сначала первый этаж, потом второй, заглянула в кухню.

– Отлично, – констатировала она, усаживаясь на диван в гостиной и опуская дочку на пол. Малышка немедленно обернулась и побежала знакомиться с новым жилищем. – Я занимаю кабинет...

– Никто не претендует, – буркнул Гроул, втаскивая из прихожей сундук.

– Жалко, что нет спальни на первом этаже. Но, к счастью, здесь две отдельные спальни, для хозяина и хозяйки.

– А кому достанется детская? – Гейб, пыхтя, занёс два необъятных саквояжа. – Ты что, кирпичи с собой привезла?

– Дети будут спать с нами. – Вилда проигнорировала последний вопрос. – Мы с дочкой привыкли спать в одной кровати, а к тебе можно принести колыбельку. Спальни смежные, так что я спокойно могу ночью покормить малыша.

– А может, колыбельку к тебе поставим? Тебе удобнее будет, – вкрадчиво улыбнулся волк.

– Нет, это тебе удобнее, – отбила подачу Вилда. – Он должен быть с тобой, сколько раз повторять? Всё, неси саквояжи в кабинет. Меня не беспокоить, я и так полдня потеряла.

– А ужин? – удивился Гейб.

– Готовь. – Она уже листала какие-то бумаги. – Холодильный шкаф и кладовка полные. Я буду мясо и овощи, для Морны сделай кролика на пару, будь добр, – сказала она и, поманив дочку, подхватила чемодан и открыла дверь в отделанный тёмным дубом кабинет с массивным столом и похожим на трон креслом.

– Послушай, Вилда, – зайдя следом за ней с саквояжами и небрежно бросив их у кожаного дивана, начал Гейб. – Ты же шутишь, да? Следить за мелким буду я, но домашнее хозяйство, в особенности готовка – женское дело.

– Может быть, – кивнула волчица, начиная выкладывать документы стопками на стол и бюро. – Если женщина чувствует к этому призвание, хочет заниматься только домом. Лично я – нет. В

столице я нанимала служанку, мне просто некогда было убирать и готовить, я с Морной иногда сутками сидела на работе.

– Но зачем? – поразился Гейб. – Если у тебя проблемы с деньгами, ты всегда могла попросить у отца.

– Я не хочу от кого-то зависеть, – отрезала Вилда, но в глазах ее мелькнула печаль. – Здесь нанять прислугу по понятным причинам невозможно. Мак будет ухаживать за садом и охранять нас, у меня – работа и дочка. И ночные кормления Кирберта. Значит, ведение дома, готовка, уборка и уход за малышом – твои обязанности. У тебя есть другой вариант распределения обязанностей, при котором я смогу полноценно работать?

Гейбртерих открыл было рот, чтобы возразить, но понял, что возразить нечего. Вилда посмотрела на его ошарашенное лицо и смягчилась.

– Я буду помогать в выходные с готовкой и уборкой, это будет справедливо. Закончу отчет, и смогу взять на себя завтраки. Но ближайшие недели я плотно занята. Где ребёнок, кстати?

Гроул слушал её, все больше мрачняя.

– Хвостик бегаёт щенком где-то в доме, куда ему деться?

– Маленький совет, Гейб, – тонко улыбнулась оборотница. – Никогда, никогда не оставляй ребёнка без присмотра!

– Что с ним сделается? – отмахнулся Гроул, с ужасом думая, на что он подписался.

– Все что угодно. Он может упасть куда-нибудь, вылить на себя кипяток, съесть что-то вредное, порвать, сгрызть твои ботинки, пораниться и даже погибнуть, – пожала плечами Вилда. – Морна, иди ко мне.

Малышка-оборотница подбежала, взяла у матери резиновую козу и улеглась у стола чесать зудящие дёсны.

Гейб развернулся и поспешно вышел.

– ...!!!

Вилда вбежала в гостиную, в которой оборотень громко поминал чью-то мать, а также женщину, любившую мужчин профессионально.

На низкой оттоманке лежал голенький малыш, весь испачканный чем-то темным. По светлой обивке расплывалось большое пятно шоколадного цвета. Однако ещё за пять шагов становилось понятно, что это – совсем не шоколад!

Гейб стоял, разевая рот в беззвучном рычании, а Вилда рядом вдруг засмеялась, просто захохотала – так, как она смеялась давным-давно, когда они были молоды и счастливы.

– Да, бывает и так. Это самое безопасное из того, что может случиться. Ещё один непрошенный совет, Гроул, – хохотнула она, вытирая выступившие слезы. – Разведи мыло в холодной воде, когда будешь отмывать обивку. – И дверь за ней захлопнулась.

– Что с тобой? – Мак едва выговорил это от смеха. Он вошёл пару минут назад, увидел друга, с головой, замотанной как у оркского кочевника – повязка закрывала рот и нос, – на четвереньках у низкой штуковины возле дивана. Гроул обернулся, сверкнул глазами и продолжил возить тряпкой. Беззаботный малыш, завёрнутый в полотенце, издавал жизнерадостные агуки, лежа в бельевой корзине.

– Хвостик, – гнусаво объяснил волк, не отрываясь от своего занятия.

– Что? – не понял Мак. – Говори громче!

– Не отмывается, – невнятно донеслось до него.

– Ничего не понимаю, – продолжал допытываться «садовник». – Что ты бубнишь?

Оборотень с досадой махнул мокрой тряпкой.

– А, какашки, – догадался наконец Маккензи. – Новый опыт, Гейб! Воспринимай это как возможность для развития!

Гроул щёлкнул зубами, как злой и страшный серый волк.

– В доме всё спокойно, – понятиво переключился напарник. – Подходила любопытная соседка, милая старушка. Рассказал ей, что в доме будет жить мейз Фанс Ристерд с женой Олой и детьми. Мейсис Клозин сказала, что здесь принято приглашать соседей на послеобеденный чай с булочками и печеньем.

– А булочек она не оставила? – спросил Гейб с надеждой, швырнул тряпку в тазик и сел на пол.

– Ты еще можешь думать о еде? – гнусно захихикал Мак. – Кстати, а что у нас сегодня с ужином? Кто готовит?

– Похоже, я, – мрачно ответил Гроул.

– И где он? – возмутился Мак. – Жрать охота!

В него полетела тряпка, он увернулся и с хохотом выскочил на улицу.

– Гейб, что ты делаешь с ребёнком? Почему он так кричит? – Хмурая волчица вошла в кухню. Там злой как тысяча троллей Гроул одной рукой качал орущего младенца, а другой что-то переворачивал на нещадно чадающей сковороде.

– Не знаю! – рявкнул оборотень нервно. – Ел он недавно, не зевает, живот мягкий. Не знаю!

– Дай его мне. – Оборотень чуть не бегом отдал ей младенца, схватился за ручку сковороды и с шипением затряс обожженной рукой. Оборотница закатила глаза, взяла ребёнка поудобнее и ушла. Вернулась через несколько минут с корзиной и довольным малышом. Злой оборотень с замотанной мокрым полотенцем рукой гремел кастрюлями.

– Вкладыши в подгузники, Гейб, нужно менять. И иногда давать ребенку полежать голеньким, чтобы избежать опрелостей. Ты не пробовал ходить в мокрых штанах? Тебе не понравится. – Она уложила ребёнка в корзину, поставила ту на широкий подоконник. За окном уже темнело. – Он спать хочет, бедняжка.

Малыш и правда закрыл глазки и засопел.

– Морна хочет есть. Готов кролик?

Гроул смотрел на заставленную посудой плиту как на сложное уравнение.

– Готов? – повторила Вилда настороженно.

– Вот. – Гейб подвинул на край огромную кастрюлю. – Давно парится, должно быть, готов.

Вилда заглянула под крышку. На дуршлага лежала большая кроличья нога, целиком.

– Гроул, я не ожидала от тебя особых кулинарных талантов, но догадаться порезать мясо ты бы мог. Оно же неделю готовится будет! – Она перевела на него укоризненный взгляд.

– Да он готов, – неуверенно возразил Гейб, тыча в кролика пальцем. Кролик упруго пружинил.

– Рискнешь куснуть? – хмыкнула Вилда. – Мне кажется, живым он был мягче.

– И аппетитней, – со вздохом признал Гроул, со звяканьем закрывая крышку.

Оборотница разочарованно махнула рукой и взяла с полки еще одну кастрюлю.

– Я приготовлю на всех кашу, – сказала она. – Но завтра все с тебя, Гейб. Мне несложно приготовить, но я целый день работала и валюсь с ног.

– Ты так говоришь, будто я ничего не делал, – проворчал Гейб.

– А что ты делал? – сунулся в окно Мак. – Ты ж с ребенком сидел отдыхал.

Гроул зарычал и кинул в него кроличьей ножкой. Судя по звучному шмяку, на роль оружия кролик был приготовлен идеально.

Глава 8

О том, что привлекает женщин в мужчинах

Ежели мужа люди хвалят, похвали с ними, ежели ругают – защити на публике, а уж дома вправь мозги подручными средствами. То же относится и к ребенку.

«Тайная книга оборотниц»

Месяц спустя

Гроул, который зевал громче, чем хныкал проголодавшийся младенец, ночью подложил одного младенца Вилде под бок, и она задремала под чмокание и урчание. Проснулась опять, когда Гейб забрал малыша. Приносил он его еще трижды, а утром волчицу подняла выспавшаяся дочка. Надо ли говорить, что в это утро Вилда снова встала совершенно разбитой?

За последний месяц еженощных побудок она устала так, как не уставала и в первые месяцы с Морной. Дочка к тому, что ночью то и дело поскрипывают половицы и раздаётся чмокание, постепенно привыкла, хотя первые пару недель просыпалась, хныкала и днем была особенно капризной. Потом Вилли сообразила, что проще ложиться спать волчицей, тогда и Морне спокойнее, и ей самой можно немножко поспать, пока наевшегося младенца не заберет прикорнувший тут же, у кровати, Гроул.

Молока было даже очень много, и ей иногда удавалось сцеживаться и замораживать его в бутылочках. Тогда на следующую ночь становилось полегче – Гроул под утро разогревал бутылочку и не будил Вилли, справлялся сам. Но это получалось не каждый день.

За эти недели она от отчаяния, наступив на горло своим принципам, по договоренности с Гейбом пробовала пару раз взять малыша себе под бок на всю ночь, только бы не просыпаться, – он сам бы во сне нашел сосок, сам бы поел и продолжил спать. Тем более она

уже привязалась к нему – да какая оборотница бы не привязалась к незащитному младенцу и не жалела бы, не начала бы испытывать материнские чувства? Но мелкий без Гроула не засыпал, искал его, возился, пытаясь выбраться из кровати и добраться до двери, скулил и будил Морну, которая потом укладывалась очень тяжело. Сердце разрывалось и от плача дочери, и от скуления волчонка.

Гроул, забирая его, выглядел тоже бледно, на малыша бурчал, и Вилли казалось, что в нем нет ни капли того тепла, которое уже зародилось в ней к младенцу. Гейб не обижал волчонка, что уже было хорошо, но ей было неприятно, что он будто не позволял себе обнять, проявить чувства, одарить лаской. Он просто стоически терпел мелкого рядом и таскал его по ночам к Вилде.

Единственным разумным выходом было бы разделить с Гейбртерихом и детьми кровать, но это было совершенно невозможно просто потому, что этому не бывать никогда. И волк об этом даже не заикался, хотя она видела пару раз, что он был на грани, чтобы предложить.

Конечно, она бы не согласилась.

Обида, нанесенная Вилде десять лет назад, когда она была так влюблена и совершенно восхищена Гейбом, сильным, остроумным, заботливым и страстным, который внезапно решил, что его глупые страхи важнее нее, и почти прогнал, была надежной защитой от подобного решения. Пусть оно стало бы спасением для всех – оно бы стало и возможностью для сближения, которого Вилда не хотела.

Надо отдать Гроулу должное: он больше не заговаривал об их прошлом, не пытался шутить на тему «ты же такая нежная девочка» или флиртовать – а он умел флиртовать и очаровывать, уж это-то Вилда точно знала. Но иногда, в редкие минуты покоя, когда они вечерами собирались все вместе в гостиной и она возилась на ковре с детьми, а Гроул с Маком сидели в креслах и шутливо пикировались или смотрели новости по визору, она ловила взгляды Гейба – не горячие, страстные, раздевающие, которые она помнила очень хорошо, а другие – глубокие, задумчивые и теплые, будто он около печки грелся и демонстрировал всем телом расслабленное удовольствие.

И это было даже опаснее. Не потому, что топило лед, сковавший ее сердце, а потому, что такого Гроула она не знала.

Могло ли быть такое, что он изменился?

«Мужчины не меняются», – напоминала она себе, потому что пару раз прилетали «ласточки» (летучие письма на заколдованной бумаге, которыми пользовались для переписки) от отца. Отец стал еще упрямее, чем десять лет назад, и на его примере она убеждалась, что мужчины неспособны признавать свои ошибки. А все негативные черты у них с возрастом усугубляются.

Отцу она не отвечала.

Вилли жила на кофе, работала и в редких паузах наблюдала за Гроулом. Он хлопотал по дому и готовил с видом обреченного на казнь, и получалось кое-как, хотя она не могла не признать, что он старается. Восторга и удовольствия это ему не приносило, кашу он варил стиснув зубы, а картошку чистил, тихо ругаясь, но делал и ни разу не пожаловался. Разве что иногда, переступая через себя, спрашивал у Вилды, как приготовить то или иное блюдо.

Получалось все равно ужасно. И ей постоянно хотелось потрясти его и объяснить, что тряпку для мытья пола нужно полоскать и выжимать, а не возить одной по всему полу, что посуду надо мыть тщательнее, а ребенок не должен ходить весь день в кофте с утренней кашей на груди. Но по крайней мере он мыл овощи перед тем, как варить, и шерсть в тарелке никто не находил.

Вилда терпела, ощущая на зубах скорлупу от яиц или скрип подгоревшей картошки, – потому что он портачил не специально. А еще Гроул все чаще занимался с обоими детьми разом, высвобождая ей время. Брал их на прогулки, правда, в сопровождении Мака, но все же, прыгал с ними в саду. И в это время, плотно занятая отчетами, Вилда все равно отдыхала – любимая дочка была очень активным ребенком, и одновременно следить и ухаживать за ней и работать было очень тяжело. А няню нанять сейчас было нельзя, да и в столице тоже, хотя и по другой причине. И Вилли сполна оценила наличие второго взрослого рядом, который может присмотреть за ребенком.

Ей до сих пор было страшно отпускать Морну с Гейбом, потому что в плане понимания свойственного детям желания залезть везде, куда нельзя и где опасно, у Гроула пока просветления не наступило. Да и вообще Вилда начала подозревать, что у мужчин нет того встроенного считывателя всех опасностей, который включается у любой матери в новой локации. Но Гроул настоял.

– Мне все равно нужно поддерживать легенду, что я – отец-молодец, – буркнул он. – Я обещаю не давать ей ничего из запрещенного, Вилли, и не отпускать от себя. Да и ребенку надо гулять.

– Хорошо, – согласилась она через силу. – Но смотри, чтобы она ничего не ела с земли! И не подпускай ее к розам – там могут быть пчелы! И ругай, если решит помочиться на столбик посреди улицы...

– А почему нельзя? – хохотнул Гейб, но увидел ее выразительный взгляд и отступил. – Да шучу я, Вилли, не смотри так. И чем тебе столбики не нравятся?

* * *

– Нет, я так скоро с ума сойду, – жаловался Гроул другу, прогуливаясь по городку с коляской, в которой сидели оба ребенка.

Он изображал поход по лавкам, Мак изображал слугу, который будет нести сумки, и они то и дело раскланивались с местными жителями и отвечали на одни и те же вопросы: «А где же ваша очаровательная жена?», «Как настроение?» и «Ну что, спасете еще кого-то сегодня, мейз Ристерд?»

– Месяц уже каждый день одно и то же, одно и то же! Дни похожи один на другой как картофелины. А ночи? Я не припомню, когда я нормально спал всю ночь. Я вскакиваю каждый час – то отнести его поесть к Вилде, то поменять подгузник, то покачать, а то что-то страшное приснилось. Что может сниться страшное такому мальцу? Разве что воспоминания о прошлой жизни? Честно, надо было доехать до дракона и попросить его наколдовать мне пару сисек. Сунул в рот младенцу – и спи нормально всю ночь!

Маккензи промышчал что-то сочувственное. Он опасался заговорить, потому что неизбежно бы расхохотался.

– Ты заметил? Меня сиськи сейчас интересуют только как объект кормления! Я даже сейчас про еду говорю, – скрипнул зубами Гейб. – Как меня достала эта кухня, посуда, уборка! Хорошо ещё, ты нашёл прачечную и мне не приходится стирать бельё, тролль бы его побрал. На что я трачу свою жизнь, а? Мак? О Великий Вожак, ну хоть

завалющее бы настоящее дело! Арест, погоня, засада! Да хоть бы на охоту выбраться, свежатинок загнать!

– Охота – это хорошо, – как-то сдавленно поддержал Мак.

– Я тайно хожу с детьми к соседям и ремонтирую им мебель, только чтобы поддержать легенду и делать что-то стоящее! И, кстати, я на этом уже заработал больше, чем за месяц в полиции! Я готов сотнями помогать старушкам, лишь бы забыть, как мыть посуду! Мак, прекрати ржать!

– Что вы, мейз Ристерд, – смиренно произнёс напарник, вытирая глаза и кланяясь. – Как я могу смеяться над своим хозяином?!

– А эти источники? – продолжал ворчать Гроул. – Мак, ты их не видел, это не источники, а теплые лужи в камнях в парке и в большой пещере с дырявым сводом! Нет, там есть и глубокие чаши, но детям туда нельзя. И я каждый день туда таскаю волчат, потому что мы же приехали оздоравливаться, нам же нельзя нарушать легенду! Сижу в этих лужах в лучах солнца с детьми как идиот! А потом снова домой, готовить...

– В этой ситуации меня удивляет только одно... – снова захохотал Льялл.

– Что? – буркнул Гроул.

– Ты месяц у плиты, а твою еду до сих пор есть невозможно! – выпалил Мак и отскочил в сторону. – Ты не всю заначку еще потратил на кулинарные лавки?

Гейб не подрался с ним только потому, что они как раз выходили из узкого переулочка на «проспект», как называл мэр Сибая центральную улицу с примыкающей к ней городской площадью. Здесь была сосредоточена вся городская жизнь и достопримечательности: ратуша, полицейский участок, тюрьма, банк, лечебница, аптека, лавки и рестораны. Дальше к скалистому пляжу находился парк с лечебными источниками. Народу, несмотря на то что погожий выходной день был в разгаре, было немного, и это доставляло градоначальнику немало душевных мук.

– Жизнь кипит там, в Бадене, – как раз восклицал он, простирая длань в сторону моря. – Там и казино, и торговля. И настоящие источники, а не наши, мелкие. Доходы, одним словом. А мы прозябаем! Влачим жалкое существование!

Орк – владелец кулинарной лавки, которому мэр изливал свою скорбь, сочувственно кивал, скорбно поигрывая бровями и щелкая клыками. Однако при виде покупателей его щёки, обвисшие, как у грустной собаки, взбодрились и округлились.

– Мейз Ристерд! – устремляясь навстречу, проговорил он, энергично кланяясь. – Доброго дня, рад вас видеть. Как ваши очаровательные детки? – заглянул он в коляску.

– Здравствуйте, мейз Беггинз, приветствую вас, мэр Финс, – вежливо ответствовал Гроул.

Мэр задушевно улыбнулся. Он почитал себя радушным хозяином и демонстрировал своё расположение любому, кто снимал жильё в Сибасе.

Далее последовала ничего не значащая беседа, когда собеседники чувствуют обязанность задать вопросы, ответы на которые их мало интересуют. Хозяин лавки терпеливо дожидался конца ритуала, развлекая детей тем, что показывал им «козу». Дети, на удивление, сидели смирно, к большому облегчению «отца». Мак, скромно стоя в стороне, строил глазки симпатичным горожанкам. Наконец мэр отошёл к соседнему магазинчику, а оборотень вошёл с хозяином внутрь.

– Вот, мейз, ваши любимые жареные колбаски, посмотрите. Сегодня у нас также большой выбор пирогов, запечённая рыба, мясные рулеты...

– Кладите всё, Беггинз, – давась слюной и доставая из кармана кошелёк, приказал Гейб.

– Разумеется! – с воодушевлением воскликнул тот, кивая слуге. – Вам, как любимому клиенту, мы сделаем скидку. О, совсем забыл. Жена так благодарна вам за то, что вы поймали нашего мальчика, что велела мне подготовить небольшие подарочки вашей супруге и детям. – Он протянул руку к полке и снял довольно громоздкий свёрток.

Гейб кивнул. Он знал, что у орков женщины являются главами семей, и не удивился подарку. В прошлый раз он, прогуливаясь возле кулинарной лавки, заметил мальчишку-орка, который залез на высоченное дерево. Чуткий слух уловил треск ветки, и Гроул, не выпуская коляску, понесся к уже летящему вниз орчонку. И поймал-таки его, отбив себе руки и получив локтем в глаз.

Зато унылые будни хоть чем-то раскрасились.

После многочисленных взаимных любезностей Гроул вышел на улицу. Маккензи не было видно за толпой восторженных барышень, наперебой сюсюкающих с детьми и кокетничающих с их нянем. Дети, успевшие обернуться, хватали особо назойливых особ за руки, отчего те визжали и с улыбкой, не всегда искренней, ласково грозили щенкам укушенными пальцами.

– Добрый день, леди, – мрачно поздоровался «Ристерд».

Девушки защебетали:

– Это он, я говорила, что это его дети!

– Ах, как жаль, что он женат!

– Он спас почтенную мейсис Тильду из моря! Оставил коляску на берегу, бросился в волны волком и доплыл до нее!

– Но говорят, что она тайно встречается с каким-то русалом и волк сорвал ей свидание...

– Мы так гордимся вами, – вздохнула одна, пока Гроул протискивался сквозь толпу. Девушки его хвалили, но он подозревал, что Вилда его пропесочила бы за то, что он оставил коляску без присмотра. Но что было тогда делать, смотреть, как пожилая мейсис тонет? Хотя пляж в Сибаве не располагал к купанию из-за обилия камней, местные все равно ленились ездить в Баден и привычно окунались и загорали здесь, на скалах.

– Если бы не вы, случилось бы горе!

– Уим, забирай покупки, – распорядился «хозяин».

– А где же ваша супруга, мейз Ристерд? – заступила ему дорогу хорошенькая девушка. – Вы все время с детьми сам, это так необычно для оборотней!

– Моя милая Ола очень занята финансовыми делами нашего предприятия, поэтому все заботы по дому и детям я взял на себя, – заученно и с должной гордостью ответил Гроул, которого уже замучили этим вопросом.

– Но почему вы не наймете няnek? – раздалось удивленное со всех сторон.

Положение нужно было спасать.

– Как?! – надрывно возмутился Гроул, скривившись так, что ближайšie девушки отшатнулись. – Отдать кровиночек в чужие руки? Только настоящий отец может воспитать детей настоящими

оборотнями! Кто еще научит их правильно выгрызать блох и грызть косточки? – Он оглядел впечатлившихся собеседниц и решил сбежать. – Дамы, мне пора делать массаж моей супруге, всех благ.

В глазах дам читалось огромное и завистливое: «Подкаблучник!».

Гейб быстро двинулся через дорогу, в аптеку, следом шёл нагруженный двумя огромными корзинами напарник.

* * *

Гроул ушел, и Вилда, отчитавшись через визор перед группой наблюдения в доме напротив, что все спокойно, принялась за работу. Однако не прошло и четверти часа, как с улицы донесся требовательный звон колокольчика на воротах. Выглянув из окна, она увидела трех почтенных дам, годящихся ей в матери, в шляпках и длинных платьях чуть устаревшего фасона. В руках они держали корзинки и издали были похожи как тройняшки.

Звон не прекращался. Дамы оказались настойчивыми под стать возрасту.

– Мейсис Ристерд, – вдруг завопила одна из дам, не теряя величественности. – Мы встретили вашего супруга, и он сказал, что вы дома. Мы на пять минут, милая!

Вилда, вздохнув, пошла открывать калитку незнакомкам, которые за глаза весьма опрометчиво присвоили ей звание «милой». Кажется, они тоже засомневались в этом определении, увидев Вилду в широких брюках и легкой блузе – она надевала в кабинет деловую одежду, чтобы настроиться на рабочий лад. Все же людишки и эльфийки в провинции были консервативны, в отличие от женщин других рас, хотя в столице все дамы свободно носили брюки, да и сама королева часто надевала их и приговаривала, что настоящая женщина должна уметь и носить все, и овцебыков останавливать.

– Мы устали ждать, пока вы выйдете в город, набрались смелости и сами пришли к вам познакомиться, милая Ола, – вещала старшая из дам, то ли Минни, то ли Винни, сидя у чайного столика в относительно чистой гостиной. Они уже все познакомились, но тетушки действительно оказались невозможно похожи, хотя сестрами не были. Вилда успела запутаться, кого как зовут, и сейчас,

старательно улыбаясь, разливала чай: в клане Хедвиг этикету отпрысков учили с детства. – Тем более что ваш супруг – настоящий герой!

– Я тоже так думаю, – отозвалась волчица с должной нежностью. – Фанс так заботится о детях!

– Это да, это удивительно, – закивала вторая дама, которую отличал разве что острый нос. – Но мы пришли не из-за этого. Он и так нагружен покупками, бедняга, – и тут она кинула на Вилли такой укоризненный взгляд, будто оборотница должна была сама бежать нести покупки, предварительно втащив на руках самого Гейба на диван и вручив ему газету и пиво. – Поэтому мы решили отдать гостинцы в знак благодарности напрямую вам.

– И заодно посмотреть, что за таинственная жена у нашего героя, – подхватила третья из тетушек, пухленькая. – Вы действительно так тяжело работаете, дорогая? Говорят, в ваши окна постоянно влетают и вылетают «ласточки».

– Финансы семейного дела не тяжелы, но требуют внимательности и сосредоточенности, – искренне ответила Вилли, стараясь игнорировать наблюдательность и склонность к сплетням у местного населения.

– Ох, финансы – это очень необычный выбор профессии для женщины, – слегка брюзгливо произнесла Минни.

– Ну что вы, идеальный выбор. – Вилли понизила голос: – Ведь мы же прекрасно знаем, кто в семьях на самом деле распоряжается деньгами.

Дамы переглянулись и вдруг дружно захихикали, совсем как молоденькие.

– Ваша правда, Ола, – сказала востроносая. – Но все же для нас это экстравагантно, хотя городку давно нужна свежая кровь. Вы не хотите остаться у нас навсегда?

– Подумываем, – дипломатично ответила Вилда. – У вас прекрасный климат, лучше, чем в столице, детям он на пользу. Но сами понимаете, там мастерская, клиенты...

– Ну подумайте, подумайте, – благодушно велела старшая из дам. – Тем более что нам нужны такие соседи, как ваш супруг. И вы, конечно, и вы, – спохватилась она.

– Так что же такое Гроу... грандиозное совершил мой муж? – выкрутилась Вилда, мысленно обругав себя. Все же надо было больше тренироваться в общении, чтобы не ошибаться, а не перекидываться парой предложений по вечерам.

– Ах, так вы не знаете? – оживились тетушки. – Он еще и на редкость скромн, надо же!

– Да, он такой, – нетерпеливо поддакнула Вилда, мысленным взором окидывая пачку платежных ведомостей на рабочем столе.

– Он вчера поймал вора, который обокрал больше десятка почтенных горожан! Негодяй вытаскивал кошельки, – воскликнула востороносая.

– В том числе и мой, – поддакнула пухленькая.

– Представляете, никто не заметил, – продолжила Минни. – Ибо одет этот нехороший господин был весьма представительно, имел вид упитанный, живот такой солидный, купеческий. – И она показала живот человека, любящего с толком поесть. – И сорил деньгами в лавках. Потом оказалось – фальшивыми! – возмутилась она.

– Он со мной разговаривал, вор этот, ручку жал, – возбужденно и боясь, что перебьют, затараторила пухленькая. – И тут я гляжу, сзади ваш супруг коляску на слугу оставил и как побежит! Как напрыгнет! Я уж думала, оборотень взбесился, а он того раздевать стал! Ну точно, думаю, бешенством заразился, небось, у мясника Никсона сомнительные кости покупал, а нет! Сорвал с него накладной тряпичный живот, а в нем прорезь и чужие кошельки внутри уложены рядком! И как только разглядел! Ему бы в полиции работать!

– Ах, мой герой! – воскликнула Вилда, чтобы перебить слово «полиция». – Я всегда знала, что мой супруг – смелый, сообразительный и обладает острым зрением. Не поверите, он ночью комаров ловит и не дает им на меня садиться!

– Как вам повезло, Ола, – с должной долей зависти проговорили тетушки, переглядываясь и складывая губы куриной гузкой.

– Мне повезло, – в очередной раз покладисто согласилась Вилда и наконец-то глотнула чая.

Дамы тоже приступили к чаепитию, болтая о всяких разных мелочах: о том, кто беременна, кого бьет жена-орчанка, а кто из почтенных матрон тайком встречается с русалом – типичные слухи для маленького городка. Через полчаса, когда чайник опустел, они

спохватились и стали собираться; корзинки были вручены Вилде для передачи герою. Заглянув в них после ухода тетушек, она обнаружила баночки с вареньем и разносолами, сушеные фрукты, горшочки с маслом и медом, вино и пирожки всех мастей.

– Герой и дамский любимец, – хмыкнула она с теплотой, тут же осеклась, оттащила корзины на кухню, взяла пирожок с мясом и пошла наверх, работать.

Глава 9

О чем говорят мужчины

Оборотни, в отличие от оборотниц, которым пустословие позволительно в силу их легкомысленной натуры и необременительных мыслей, должны рассуждать о вещах, достойных мужей, как то: политика, справедливость законов, воспитание юношества, охота, достоинства жен и тому подобное.

*«Уложение оборотней о семье и доме»,
раздел четвертый*

– Вечно вокруг себя курятник собираешь, – ворчал Гроул, когда они завершили круг почёта по торговым заведениям и возвращались домой. Нагулявшиеся детёныши двумя клубками спали в глубине коляски, укрытой заботливым папенькой кружевной занавеской от мух и сквозняка.

– Да они к тебе подошли, а не ко мне! – хохотнул Мак. – Друг мой, ты меня пугаешь! Где же Гроул – гроза всех хорошеньких официанток? Где твое... как это по-новомодному... либидо, друг?

– Да какое там либидо, – выверился Гейб. – Для меня сейчас единственное, что я хочу от постели, – это развратно и непозволительно выспаться. Мне кажется, я думать о сексе не смогу еще лет пять!

– Ну, ты преувеличиваешь, – закатил глаза Мак. – Но так как из нас двоих именно ты молодой отец, а я – свободный самец, то я соображаю лучше. И действую. – Мак на всякий случай отодвинулся от капитана, взглядом ищущего, чем бы его огреть. – Ты разве не заметил, что на мужчину с ребёнком, особенно таким крошечным и симпатичным, а ещё лучше с двумя, женщины делают стойку, как хорошая охотничья собака на дичь?

– Да ну? – скептически поднял бровь волк.

– Да не «да ну», а ну да! – подтвердил Льялл. – Они видят прекрасного самца, сделавшего отличное потомство. Это инстинкт, – снисходительно объяснил. – Эх, не будь мы на задании...

– Сам же сказал – они потомства хотят, – хмыкнул друг. – Ты готов жениться?

– Всегда найдётся цыпочка, которой нужен процесс, а не результат, – отмахнулся Мак. – Наведаться бы в Баден, найти подружку, провести горячую ночь... – помечтал он вслух. – Слушай, мы тут вроде ради морских ванн, а на море ни разу не выбирались. Так не пойдёт. Мы на грани провала легенды! – с деланным ужасом заключил он.

– Да, надо съездить, – рассеянно согласился Гейб. – Вот Вилда закончит срочные дела, и поедет.

– Ездить в Ньюкесл со своим углем? – возмутился Маккензи. – Пусть занимается своими бумажками, а мы поедет вдвоём, и мелких возьмём для наживки. Хоть расслабимся, а то я уже спать стал плохо. Отсутствие маленьких радостей мешает мне работать!

– Это как? – удивился напарник.

– Отвлекает, – отрубил Мак. – Всё время о женщинах думаю.

– Я вот тоже думаю, – со вздохом признался Гроул. – О кухарке, о прачке, об уборщице... няне...

– Ты меня снова пугаешь. – Льялл дурашливо поиграл бровями. – У тебя такая роскошная женщина под боком, а ты думаешь о других! У тебя что, проблемы по этой части?

Нет, если что, я – могила. Но можем хорошего лекаря поискать. В Бадене.

– Да не в этом смысле, – поморщился Гроул. – Вилда прекрасна... да. Она сильная и горло перегрызет любому, даже мне. Ты же сам понимаешь, как мы, оборотни, реагируем на сильных женщин.

– О да, – мечтательно протянул Мак. – Это инстинкт, друг. Батя говорил, это потому что от самых сильных и яростных самок получается сильное потомство.

– Даже не мечтай, – предупредительно рыкнул Гейб.

– Да что я, слепой, что ли? – хохотнул напарник. – Тем более что потомство потомством, а я люблю девочек тихих и мягких. Мое либидо выбирает их. А твое – кухарок, я понял.

– Мне кажется, у меня теперь секс напрочь связан с появлением детей, – проворчал Гроул. – Как подумаю, что от него получаются дети, пусть у оборотней только в браке, сразу всё желание пропадает. А может, мне просто надо выспаться. Понимаешь?

– Не понимаю, – поднимая корзины, признался Мак. – Но скажу тебе так, друг, – лечи подобное подобным. Когда выспишься, конечно.

Он все-таки получил свою затрещину, но тут захныкала Морна, укушенная каким-то злобным насекомым, и Мак взял ее на руки, укачивая на ходу и продолжая сладко улыбаться встречным дамам всех возрастов.

* * *

Вилда вышла в гостиную, едва заслышав стук двери. В прихожей снимал обувь Гроул.

– Где Морна? – с тревогой спросила волчица.

– Она спит в коляске вместе с Хвостиком, – успокоил Гейб. – За ними Мак смотрит.

– Не плакала? – немного спокойнее спросила Вилда, подхватывая с полу свалившийся свёрток и идя следом за оборотнем на кухню.

– Немного, но они оба вели себя на редкость хорошо. Твоя идея укладывать их днем спать вместе и вывозить в общество только вдвоём – просто отличная. Они теперь пахнут немного нами обоими и друг другом. Если особо не принюхиваться – сойдёт, никто не догадается, что не я отец Морны, а Хвостик у нас совсем не родители, – разбирая провизию, говорил Гейб. Вилда вооружилась ножом и доской и ловко нарезала рулеты и хлеб.

– Тебе, кстати, принесли гостинцы, – вспомнила она, кивая на корзины. – Три милые тетушки, которые пытались вытянуть из меня все о нашей жизни. Рассказали, какой ты герой и как ловко поймал вора. Рискуешь легендой, Гроул?

– Не мог же я смотреть, как он грабит бедную леди, – тут же ушел в оборону Гроул и цапнул из корзины пирожок. – Видишь, и польза есть. Вкусно!

– Да, вкусно, – согласилась Вилли. – Но я бы обошлась без визитов.

– С этим я сделать ничего не могу, – развел руками Гейб. – И для легенды куда опаснее то, что ты постоянно сидишь дома. Нам нужно съездить на море, – напомнил Гроул. – А тебе – выйти с нами на источники. И лучше делать это регулярно. Я пока отговариваюсь твоей занятостью, но скоро это начнет выглядеть подозрительно.

– Надо. – Вилда устало потерла глаза рукой. – Но полугодовой отчет, Гроул. Попробуйте без меня пока. – Она бросила в рот кусочек мяса и зажмурилась от удовольствия. – Жаль, нельзя каждый день покупать еду у Беггинза или получать такие гостинцы, правда? – посетовала оборотница. – Надоело есть подгорелое и сырое.

Гроул положил в холодильный шкаф пакет и медленно выпрямился. Душу затопила совершенно иррациональная, даже где-то истеричная обида. И очень странная, потому что он прекрасно знал, что готовит ужасно. И что Вилли, скорее всего, не собиралась его обидеть.

Может, все дело в том, что он действительно старался научиться? И хотел, чтобы она увидела это?

– Я торчу в этой троллей кухне сутками, стараюсь, готовлю, – проговорил он, сдерживая рычание. – А ты говоришь, что моя еда несъедобная?

На ее лице промелькнуло что-то похожее на смущение, но тут же пропало, сменившись упрямством.

– А ты считаешь, что она вкусная? – поинтересовалась Вилли нейтрально, откусывая ещё кусочек.

– По сравнению с тем, что было вначале, – сносная, – отрезал Гроул. – В конце концов, я не нанимался в кухарки! Да я вообще не должен здесь находиться, заниматься этой ерундой, возиться со щенком...

По мере того как он говорил, Вилли тоже выпрямлялась.

– Я, я, я, – с кривой усмешкой повторила она. – Всегда «Я». Я уж подзабыла, хорошо, что напомнил. Мир вращается вокруг тебя. Солнце встает ради тебя. Десять лет прошло, а ничего не изменилось. – Она пошла прочь. Остановилась. – Легко быть героем для чужих людей, а вот рутинный труд – это не для героев, да? Никто не похвалит, не восхитится, значит, он неважен, правда? А ведь никто не должен здесь находиться, Гейб. Маккензи бросил клан, чтобы страховать тебя, я подвергаю опасности свою дочь ради помощи – тебе плевать. Ты

думаешь только о том, как тяжело тебе... Несчастный малыш! Он будет жить, не зная любви, ласки, с оборотнем, которому нет до него никакого дела. Ты ведь относишься к нему как к бифштексу.

– Что?! – Гейб ощутил, как лицо его каменеет, а мышцы напрягаются, как перед оборотом. Но Вилда не отступила.

– Как ты готовишь? Абы как посолил, абы как кинул на сковороду, абы как пожарил. И с ребёнком также – сменил пелёнку, уложил спать, сунул бутылочку. Ты не вкладываешь ни капли любви в то, что ты делаешь. Тебе плевать на него. Тебе на тетушку с улицы меньше плевать, чем на него!

– Я. – Он осёкся от этого очередного «я» и выдохнул, пытаясь не злиться, хотя она явно провоцировала его на скандал. – Мне не плевать! Как ты можешь этого не видеть? Ты просто предвзята, Вилли, – сообразил он. – Ты все еще обижена, да?

– Да что ты? – Она ядовито улыбнулась. Слишком ядовито для той, кто не обижен. – Какое легкое объяснение ты нашёл. А истина в другом. Ну, скажи мне, как ты его зовешь?

– Э-э-э-э, – протянул Гроул, чувствуя себя дураком. – Хвостик?

– А у него есть имя! – Вилда победно усмехнулась.

– Это дурацкая претензия, Вилли, – буркнул Гейб. – Я не могу называть его по его имени. Мы тут шифруемся, помнишь?

– Тогда дай ему другое, – тихо сказала Вилда. – Так, как должен поступить отец. Другого отца у него уже не будет, Гейб. И тебе решать, каким отцом будешь ты.

Она ушла. Оборотень остался один. Через минуту из сада послышался её негромкий голос, баритон Мака. Стукнула одна дверь, вторая – видно, оборотница вернулась в кабинет.

– Мейз Ристерд, дети спят на веранде, но скоро проснутся и захотят есть! – В кухню ворвался сияющий Мак. – А я уже хочу! Мало того что вы мне жалованья не платите, так ещё не кормите... – начал изгаляться он, но осекся, заметив, что оборотень мрачен. – Что случилось, Гейб?

– С Вилдой поцапался, – нехотя признался Гроул.

– Что вы всё делите? – Мак оседлал стул и внимательно посмотрел на друга. – Если ты за ней так ухаживаешь, то это неверная стратегия, друг. А если нет... такое чувство, что вы успели поругаться когда-то давно и до сих пор не помирились.

Гейб поморщился, и Мак, видимо, что-то прочитал по его лицу и присвистнул.

– Рассказать не хочешь?

– Нет, – покачал головой Гроул.

– Ладно, – ничуть не обидевшись, жизнерадостно согласился Мак и встал. – Любовь останется любовью, а кушать хочется всегда. Накрывай на стол, а я сварю кофе.

– Я сам сварю, – отрезал Гроул. – Твоим, уж извини, только муравьев под розами травить.

– А я и травлю, – ухмыльнулся Мак и плюхнулся обратно на стул. – Вари, хозяйюшка.

В него полетел черпак, и Льялл с хохотом увернулся.

Через пятнадцать минут Маккензи как нейтральный парламентар поскрёбся в дверь кабинета, держа в руках обоих проснувшихся малышей.

– Вилда, обед готов!

Гроул был готов к тому, что оборотница не выйдет к столу или заберёт тарелки с собой. Однако она вышла, спокойно села за стол и посадила на колени Морну. Начала кормить дочку мягкой (Гейб проверял!) курицей, овощным пюре, давая попить из детской кружки с зайчиком. Маленький оборотень сидел под столом и слюнявил ножку стула.

Гейб, дождавшись, когда Морна попросится на пол и обернётся, протянул маленькой волчице ярко-зелёную косточку.

– Малышка, мейсис Беггинз передала тебе подарок. Сказала, что прекрасное средство для прорезывания зубов.

Вилда, резко наклонившись, отобрала у дочки кость и попробовала. Признав лакомство безопасным, вернула недовольной Морне и принялась за обед сама.

У Гроула язык чесался спросить, действительно ли она считает его необучаемым монстром, способным причинить вред ребёнку, но он сдержался. Некоторое время взрослые ели под разглагольствования Маккензи, вещавшего, как новомодный радиоговоритель. Вилда и Гейб ограничивались односложными восклицаниями или короткими предложениями. Из-под стола сначала слышалось сопение, тьяканье и цокот коготочков, потом шум и топот усилились, поехала на край скатерть со стола.

– Эй! – Гроул наклонился и обнаружил двух сердитых щенков, с рычанием отнимающих друг у друга косточку. Взял в руки малыша, отобрал у него вкусность, отдал торжествующей Морне, поскорее уволокшей свою драгоценность под защиту к маме. Маленький оборотень по-щенячьи расплакался от такой несправедливости.

– Ну, не плачь, мелкий. – Гейб потрепал волчонка по спинке. – У тебя есть твоя собственная. – Он протянул щенку ярко-розовую косточку, опустил на пол. – Ринор, не балуйся!

Вилда улыбнулась в тарелку.

– Что ты так на меня смотришь, Мак? – недовольно спросил Гейб.

– Ринор? – высоко поднял брови Маккензи. – Это означает «Счастливый»?

– Ринор, – отрезал Гроул, беря нож и вилку. – Нужно же ребенку какое-то имя.

Вилда всегда купала дочку перед вечерним кормлением, и обычно Гейб ненавязчиво подбрасывал мелкого в ванную, утверждая, что у него трясутся руки, он боится и что ребёнок непременно пострадает от его неумелых действий. Одно дело – подмыть после детских дел, а другое – вымыть голову. Это же вода может в уши попасть или мыло в нос! Единственный раз, когда он купал младенца, был в первую ночь их совместной жизни, и тогда Гейб был слишком невыспавшимся, чтобы бояться.

Однако в этот раз Гроул дождался, пока освободится детская ванночка и оборотница уйдёт к себе в спальню. Решительно налил воды, долго колебался – то холодной доливал, то горячей, прибавлял воды, убавлял. Малыш лежал в корзинке, грыз себе пальцы и говорил «агу-агу». Наконец волк решился.

– Иди, маленький бандит. Будем купаться. – Трясущимися руками он взял ребёнка и опустил в воду, замирая. Однако малыш не закричал от холода или ожога, наоборот, с удовольствием плескал ручками, дрыгал ножками. Гейб разжал закаменевшие руки, взял забытую Вилдой жёлтую уточку и неуверенно ткнул уткой в пузико.

– Кря-кря, – забубнил он фальшиво. Однако Ринор так развеселился, что расхохотался во весь голос. Оборотень, чувствуя себя идиотом, изображал, как утка крякает, ныряет, поёт, летает.

Малыш сидел в воде, зелёные глаза сияли, рот улыбался, показывая дёсенки.

– Понравилось купаться? – Оборотень осторожно полил ребёнка из ковшика, чувствуя, как вздрагивает маленькое тельце. Поднял, закутал в полотенце. В спальне быстро и аккуратно облачил дитя в рубашечку и подгузник, надел смешные носочки и тихо стукнул в дверь между спальнями.

– Заходи, – негромко отозвалась оборотница.

Через полчаса, когда он успел перекусить и лежал на кровати в одних мягких широких штанах, Вилда принесла сонного Ринора назад. Каждый вечер она приносила его и клала в кроватку, но сегодня Гейб жестом попросил положить малыша рядом. Ребёнок повернулся, прижался к оборотню и уткнулся носиком в его руку. Оборотница ушла, а Гроул лежал, боясь пошевелиться, пока всё тело не одеревенело.

Глава 10

О том, как важно понимание

Хорошая жена никогда не допустит, чтобы муж повысил на нее голос или, не дай Пряха, поднял руку. Она всегда должна опережать его желания и иметь под рукой сковородку, скалку либо другой твердый предмет.

«Тайная книга оборотниц»

Еще месяц спустя

– Ты так подрос! – Ринор вцепился в пальцы Вилды, она потянула, и малыш встал на коленки. Подбежала Морна и стала помогать – обеими ладошками подталкивать оборотнёнка в спину.

– Осторожнее, моя хорошая, – предостерегла мать. – Ты старше и больше, уронишь Ринорчика.

По лицу Морны было видно, что уронить Ринорчика – её мечта. Однако Хвостик, хоть был сильно младше, ростом был только на голову ниже, а потому под напором устоял. Развернулся и изо всех сил заехал кулачком Морне по плечу. По инерции шлёпнулся набок, возмущенная Морна тоже. Дети на четвереньках подползли друг к другу, обменялись тумаками, заревели и поползли к оборотнице параллельными курсами. Полезли на колени, старательно отпихивая один другого, и тут уж Морна не сдалась – во-первых, у неё зубов выросло больше, а во-вторых, это была её собственная родная мама, и никаким самозванцам она её отдавать не собиралась. Пока Вилда уговаривала детей и отвлекала игрушками, утешала, вытирала слёзы, поила из бутылочек, в кабинет влетели с десятков «ласточек» с печатями финуправления.

На столе рядом с почтовым лотком, куда приземлялись «ласточки» со счетами, ведомостями, ордерами, стоял в вазе небольшой букет садовых цветов, который появился вчера с утра. Как появлялись

букеты целый месяц до этого. Гроул на прямой вопрос врал, что это от Мака, но цветами пахло от него, а Мак с усмешкой разводил руками и сбегал, и эта комедия Вилду одновременно и раздражала, и тревожила. Потому что доставляла ей удовольствие. И то, что Гейб приносил ей посреди рабочего дня кофе с маленькими печеньками и сливками. И то, как смотрел на нее. А ей не должно было быть приятно.

– Гейб, – крикнула Вилда в гостиную, доставая письмо из лотка и, не глядя, разворачивая. – Мне прислали документы, я их всё утро жду. Займись ребёнком. Дочка, идём, поиграешь в кабинете до обеда.

Однако детки, продолжавшие развлекаться отниманием друг у друга игрушек, игрой в догонялки и ссорами по любому поводу, не намерены были расставаться.

Она глянула в документ, который держала в руках.

«Это последнее предупреждение, Вилли, – писал ее отец. – Вернись в клан, иначе я тебя из него изгоню. Ты станешь внеклановым оборотнем и будешь беззащитна и презираема, а всё из-за твоего упрямства. Подумай о дочери, на какую судьбу ты ее обрекаешь?»

Вилда смяла листок в кулаке так, что на ладони остались отпечатки ногтей, потом с ожесточением принялась рвать на мелкие клочки.

Через четверть часа раздражённая Вилда, которой прилетел еще и внеочередной отчет со сроком «вчера нужно», вышла из кабинета, ведя за собой детей, и направилась в кухню.

– Гроул, – начала она отрывисто, едва открыв дверь. – Я полчаса тебя не могу дозваться. Займи детей, у меня времени... – и осеклась. Внутри качнулась сдавленная ярость.

Возле выходящего на восток окна в кресле-качалке, заваленном подушками, безмятежно спал Гроул. Пустые кастрюли и сковородки, чистые и грязные, громоздились частью на разделочном столе, частью в мойке и на мойке. На столешнице валялись овощи, в миске лежал неряшливый кусок мяса с потёками крови. Над миской кружила большая ошалевшая муха, видимо, не верящая своему счастью.

– Детки, обернитесь и идите погулять к дяде Маку, – утрированно ласково велела оборотница, открыла черный вход двум весёлым щенятам, кивнув «садовнику», который кивнул в ответ, показывая, что присмотрит, и плотно закрыла за ними дверь. Подошла к мойке, выбрала ковшик потяжелее, взвесила в руке и шагнула к волку.

Гейб проснулся от выстрелов над ухом. Рванулся из качнувшегося кресла, нелепо взмахнув руками и ногами, рухнул на пол и пополз в укрытие. И только потом осторожно поднял голову и огляделся. Возле кресла стояла Вилда с раздувающимися от ярости ноздрями и лупила по металлической столешнице латунным ковшом.

– Ты что, с ума сошла?! – Оборотень встал, сделал два шага и отобрал у неё ковш. Ноздри гневно раздувались, он просто пылал праведным негодованием.

– Да. Я обезумела. Когда согласилась на эту авантюру. – Её глаза метали молнии. – Ты опять думаешь только о себе!

– Неужели? – разъярился он. – Ты думаешь, я специально заснул? всю работу по дому делаю я, слежу за Ринором, слежу за Морной! Это первый раз за эти месяцы, а ты... ты не забываешься, Вилда? Я не твоя собачка, чтобы ты со мной так обращалась. Да ни с кем нельзя так обращаться! Ты сейчас ведешь себя как истеричка! Ты все-таки мстишь мне, да? Забыть не можешь?

Наступила тишина.

Бледная Вилда, не говоря ни слова, развернулась и вышла. Гроул долго смотрел на ковш, потом запустил его через всю кухню и выругался.

Мак явился с детьми, когда злой и потный Гроул почти домыл посуду, залил отмокать кастрюли, поставил тушиться мясо в горшочках, одновременно запекая детям рыбу и оттирая заляпанный всем на свете пол.

– Мы обедать сегодня будем или нет? – Маккензи разочарованно похлопал крышками пустых кастрюль.

– Будем. – Оборотень с ожесточением орудовал шваброй, огибая тискающих друг друга детей. – Только в духовку поставил.

– Что? – Напарник уставился на него. – Ты время видел? Скоро ужин, а мы не пообедали. Ну ладно мы, но дети-то за что голодные сидят?

Дети, к слову, есть пока не просили. Похоже, Вилда обоих хорошо покормила грудью.

– Я не успел, – виновато огрызнулся Гейб, моя руки и заглядывая в духовку. – Сходи в кулинарную лавку, а? Еще долго готовиться будет.

– Чем ты занимался целый день, мне интересно? – продолжал злить его Мак. – Ты весь день проводишь в доме, не ходишь на службу,

не работаешь, как Вилда.

– Мак, ты заткнешься или нет? – пробурчал Гроул, отмывая мойку. Сил орать и ругаться у него не было.

– Ты не перегружен, мне кажется, – не унимался напарник. – Что такого дом в чистоте содержать и еду готовить?

– Я ещё с ребёнком сижу, ты забыл? С двумя!

– Пфе, – снисходительно фыркнул Маккензи. – С ребёнком сидеть – не землекопом работать. Я вот с ними полчаса сейчас провел и ничего такого, из-за чего можно устать, не заметил. А до этого землю рыл, ловушки ставил. На лапах мозоли – во!

Гроул с грохотом ставил в шкаф чистую посуду, не устаивая напарника ответом. Что говорить? Что тому, кто не находится с детьми круглосуточно, просто не понять крайней степени сопутствующей этому задолбанности? Что погулять с малышами полчаса или час или постоянно отвечать за их жизнь, самочувствие и здоровье – это разные вещи? Что он бы лучше весь сад перерыл вдоль и поперек? Что он за ночь вставал пятнадцать раз, потому что Хвостик плакал? Оказалось, что на прорезывание зубов он реагирует температурой и расстройством кишечника. И он вышел с ним во двор, чтобы не разбудить Вилду и Морну, и качал его всю ночь, не принося к Вилли, потому что аппетита у Ринора не наблюдалось, а поутру побежал в аптеку за средством для облегчения прорезывания. Затем, пока намучавшийся Ринор спал, Гейб приготовил завтрак, а когда начал готовить обед, пока Вилли забрала детей на немножко поиграть, буквально на минутку прилёт, потому что его шатало, и проспал больше двух часов. Пока Вилда его не разбудила варварским способом. Что на нее нашло?

– А почему Вилда плачет? – прислушался Мак. – Ты её обидел?

Спина у оборотня напряглась.

– Скорее, она меня, – буркнул он. – Скажи мне, как мать не может понимать, почему я тоже иногда устаю?

– Ты правда устаешь? – почти серьезно поинтересовался Мак.

– Нет, я шучу! – вызверился Гейб, возвращаясь к раковине. – Не беси меня, Мак! Я не могу нормально поспать, помыться и в туалет сходить! Это как круглосуточная работа без выходных и свободных вечеров! Хотя нет, хуже! Это как круглосуточная полоса препятствий для подготовки групп захвата! Я, тролль побери, как в бесконечной

массовой перестрелке участвую, потому что все время должен быть начеку, ведь дети постоянно пытаются либо что-то натворить, либо обо что-то пораниться! Только там можно выйти под пули и сдохнуть, а тут нельзя, потому что от тебя зависит еще одна жизнь! А еще уборка и готовка! И она ещё придирается...

– Великий Вожак, надеюсь, моя жена будет не из этих модных... как их... феминисток, как Вилда, и будет ухаживать за детьми и домом сама, – с ужасом отступил Мак. – Со стороны это выглядит очень просто, но ты ведь не притворяешься?

Гроул покачал головой.

– Тогда лучше я буду приносить зарплату в дом и лежать на диване с газетой, пока моя волчица будет суетиться по дому, – заключил Мак.

– Я тоже хочу отдавать кому-то зарплату и ни о чем не беспокоиться, – огрызнулся Гроул. – Но, как видишь, Великий Вожак иногда шутит с нами. Ищи жену такую, чтобы ей не пришлось в голову, что именно она может отдавать тебе зарплату и лежать на диване.

Мак вздрогнул.

– Вожак не допустит, – сказал он убежденно. – Я ведь мужик, а мужику по природе положено домом не заниматься. А у женщин по природе есть эти... инстинкты ухода за детьми и наведения чистоты. И мыть посуды. И горшков. По природе.

– Продолжай, продолжай, – кивнул Гейб, намывая кастрюлю. – Очень интересно, очень. Посмотреть на себя самого три месяца назад.

Вилда не вышла к ужину, Мак принес ей еду для Морны и занес Ринора, чтобы покормить. Гроул наскоро поел в компании Мака, пребывая в самом дурном настроении, которое мог припомнить за всю жизнь. Волчонок крутился у него под ногами, поскуливая, как будто что-то чувствовал.

Взяв щенка под мышку, Гроул поднялся на второй этаж. Малыш вертелся и лизался, чувствуя настроение своего вожака и стараясь утешить. Из-под двери Вилды виднелась тонкая полоска света, но было тихо. Гейб положил сытого мелкого в корзинку в спальне, притушил свет, сам же налил ванну, прикрыл дверь, оставив небольшую щель, чтобы слышать, что происходит в спальне, и улёгся, откинув голову на полотенце. В ванной был включен только

небольшой светильник, и оборотень наслаждался темнотой и покоем. А ещё лелеял обиды.

«Сначала тебе пришлось брать на себя детей и дом. Теперь тобой помыкает женщина, которая даже не твоя жена, и пока ты драишь полы и готовишь каши, она отдыхает у себя в кабинете. Ты для нее не мужик уже, а так, полемойка».

Тут совесть подсказала, что он немного преувеличивает. Или много. Вилда ночью кормит, а значит, не высыпается так же, как он, целый день просиживает за рабочим столом: то и дело в ее окна залетают и вылетают стаи «ласточек» – она получает документы и отправляет их. Бумагами забиты два шкафа уже. А еще она иногда вечерами наводит порядок, хотя едва держится на ногах, и периодически готовит завтрак, когда не сильно загружена. И с Морной она все-таки проводит много времени, хотя Гейб старается Морну на прогулки брать с собой.

Ну и вряд ли мужественность можно потерять, взяв в руки швабру или подгузник. Она или есть, или нет.

Гроул заглушил этот противный голос справедливости и продолжил: «Она не ценит того, что я делаю, не замечает, что всё я делаю для неё...»

Уже довольно долго он краем уха слышал скулёж и царапанье, но был слишком занят собой, чтобы обращать на это внимание. Потом за дверью послышались бормотание и плач, а ещё шлепки и удары маленькой ладошкой, как будто кто-то пытался открыть дверь. Но она открывалась наружу, и волчонок был слишком мал, чтобы отжать ее носом и зайти.

Гроул со вздохом вылез и пошлёпал открывать, оставляя на полу лужи и клоки пены.

– Что ты не спишь, я же тебя выкупал и уложил, – взял он на руки крупного мальчишку. Вилда говорила, что ростом и крепостью Ринор уже догоняет восьмимесячного человеческого ребенка. Мелкий мало напоминал того худого и синекожего от крика младенца, что стал его личным проклятием. Лицо малыша просияло, он ткнулся в нос Гроула губами, обхватил его сильно-сильно, и Гейб выдохнул, чувствуя, как душа размягчается. – Посиди, дружок, пока я смою мыло и вытрусь, и мы пойдем спать, ладно? – И он бросил полотенце на пол и усадил туда ребенка.

Два оборотня, большой и крошечный, улеглись на кровати, обнявшись. Малыш гладил своего кумира по лицу, что-то бормотал, чмокал маленькими губками в нос и щёки. Гроул сначала морщился, потому что было горячо и неудобно. Но потом молочный запах маленького, доверчиво прижавшегося ребёнка, тревожный стук его сердечка вдруг родили осознание того непреложного факта, что у этого дитя нет никого, кроме него, Гейба, что от него зависит здоровье и сама жизнь малыша, и это нельзя изменить или отменить, что ему придётся строить свою дальнейшую жизнь вдвоём с этим волчонком. Сознать это было одновременно тяжело, как любую зависимость, но оно давало и облегчение.

Гроул вдруг понял, что больше не воспринимает его как бывшего бандита Кирберта Гарэйла. Может, наконец-то наступил эффект привязки. Но, скорее, забота и бессонные ночи показали ему, что это всего лишь малыш, который нуждается в тепле и поддержке. И если Великий Вожак дал ему в поддержку Гроула, значит, он исполнит его волю.

Плевать, что было тяжело, что каша до сих пор подгорала, а лучшим блюдом получалась яичница, близкий контакт с ребенком оказался не страшным и почти не болезненным. Почти, потому что Гроул теперь еще отчетливее понимал, чего сам был лишен в детстве. Но зато он мог показать Ринору то, каким хорошим детство может быть, когда есть кто-то, кто о тебе действительно заботится.

– Ладно, мелкий. Вдвоём так вдвоём.

* * *

Не только Гроул не спал этим вечером. Вилда, как ни была вымотана, не могла заснуть и не ворочалась только потому, что рядом спала дочка. Они обе были в обороте и грели друг друга мохнатыми боками, но даже оборот не успокоил ее сознание. И совесть.

Потому что она действительно поступила некрасиво. Безжалостно, прямо сказать. Как бы там ни было, если отвлечься от изначального неприятия Гейбртерихом детей и его неуклюжести в плане ухода за ними, он и правда старался и обучался. И даже когда она ворчала на него, выхватывал разумные крохи из ее насмешек или

обидных слов и в следующий раз пытался сделать лучше и правильнее. И почти не огрызнулся, хотя она вела себя как стерва.

«Он прав, я просто ему мщу за обиду», – думала она невесело.

И ей ли не знать, как может сморить сном после месяцев трудных ночей? Более того, недавно Гейб целый день занимался Морной, потому что Вилда задремала над отчетом и ей спешно пришлось доделывать работу вечером.

Хотя она знала, почему так разъярилась. Она просто вылила на Гроула свою ярость, обиду и отчаяние. Все из-за отца. Он не отступится, пока не заставит ее вернуться. И не извинится. Отец извиняться не умел.

Неужели она такая же? Оборотни всегда впитывают черты своих родителей, всегда. Упрямство от отца в ней было, и непримиримость тоже. И борьба со своими слабостями. Но ведь умение просить прощения – это не слабость. Это, наоборот, сила.

Хорошо, она была неправа. Значит, она попросит прощения. Это совсем просто. И нужно попытаться выстроить с Гроулом нормальные отношения, ведь неизвестно, сколько им здесь жить вдвоем. Нормальные, но без любого намека на сближение.

И знаки внимания вроде цветов или кофе в кабинет надо пресекать. Это же прощупывание почвы, которое может при ее попустительстве перейти в откровенное ухаживание. Пусть он старается, но предавший раз предаст снова, как ни крути. Кто знает, в какой момент он снова решит отказаться от нее?

В дверь легонько постучали, и она тихо рыкнула – заходи, мол. Неслышно вошел Гроул, удерживая на руках сонного подхныкивающего Ринора, и Вилда чуть сильнее повернулась, выставляя живот с сосками. Морна тут же завозилась, скорее по привычке и из чувства соперничества тоже прихватила один, рядом пристроился волчонок.

Гейб сел у кровати спиной к стене, откинул голову, глядя на Вилду. Взгляд был тяжелый, и у нее не хватило духу обернуться и извиниться.

Она фыркнула и закрыла глаза. И не открывала их до тех пор, пока Гейб не забрал задремавшего младенца к себе.

Видимо, она больше дочь своего отца, чем думает. Или нет, ведь отец никогда не был малодушным трусом.

Глава 11

Хорошие гости на пороге не задерживаются

Кормите мужа особенно вкусно тогда, когда он занимается с детьми, и пресно – когда нет. Даже если его человеческая половина не уловит разницу, волк окажется сообразительнее.

«Тайная книга оборотниц»

– Ты как будто пил всю ночь, – посочувствовал Мак, когда они ранним утром с Гроулом пили кофе в закрытой беседке. Дети волчатами скакали рядом, Вилда еще спала: она хотела встать, когда утром Гроул принес кормить Ринора и проснулась Морна, но Гейб буркнул, что до завтрака сходит с детьми купить свежего молока и творога. И она на удивление не стала спорить. – Что, Ринор орал?

– Нет, он спал со мной. – Оборотень потёр красные глаза. – Первый раз так спокойно, как сегодня. Но я то и дело просыпался по привычке. И от страха, что придавлю. И от тишины, потому что привык, что он то и дело орет.

– Зачем же клал? – подливая ему в кружку, поинтересовался Маккензи.

Оборотень пожал плечами и в два глотка выпил кофе. Затем помахал рукой – за забором соседнего участка мелькнула старушка Клозин, радостно и звонко поприветствовав оборотней.

– Пойдем прогуляемся с детьми к соседке, – предложил он. – Присмотришь за ними, я обещал мейсис Клозин поправить двери и смазать петли в доме.

– Вы с Вилдой вроде неплохо ладите? – спросил Гейб друга по пути к соседке.

– Ревнуешь? – гоготнул напарник. – Не надо, я же говорил, я не свинья, лезть поперек друга в сердечных делах. Тем более к такой, как Вилда. Хотя я до сих пор умираю от любопытства, чем же ты так проштрафился, что она до сих пор на тебя в обиде?

– Помоги мне, – попросил Гейб. – Я потерял ее из-за своей трусости. Боялся того, кем могу стать. И только сейчас понял, что все эти годы мне ее не хватало.

– В постелях красоток из баров это понять было сложно, – поддел его Мак со смешком.

– Это все не то, – помотал головой Гроул. – Ты поймешь, когда найдешь свою волчицу. И я чувствую... мне кажется... А, гоблинова мать! – Это был первый раз, когда он хоть с кем-то говорил о чувствах, но Мак был ему самым близким другом. – Мне кажется, что в ней осталась не только обида, – признался он. – Я хотел бы пусть не восстановить отношения, но хотя бы чтобы она не смотрела на меня как на пустое место.

– Ладно, – посерьезнел Мак. – Что надо сделать?

* * *

Колокольчик на калитке зазвонил, когда Вилда заканчивала утреннюю переписку документов для отчета, поглядывая на неизменный букетик на столе и не зная, то ли горько улыбаться, то ли всплакнуть снова, то ли разозлиться и выбросить его вон. В животе уже подсасывало от голода – но она хотела закончить до завтрака. Долгий труд подходил к концу, плюс начальство сообщило, что ей нашли помощника и часть дел тот возьмет на себя в управлении.

Она выглянула в окно кабинета – у калитки стояли высокая широкоплечая дама в цветастом наряде и тонкий изящный мужчина с длинными волосами.

– Неужто Гроул снова поймал вора? – пробормотала Вилли, направляясь к двери. Она уже привыкла к периодическим визитам соседей и снискала репутацию слегка экстравагантной дамы, которая с головой погружена в работу.

Вблизи пара оказалась еще более необычной, чем виделась из окна. Дама была явно старше лет на десять, выше кавалера, обладала грацией мастера по ремонту паромобилей, что слегка скрадывалось круглыми очками. Волосы ее были смело подрезаны по подбородок. А мужчина, придерживающий ее за локоток, был бледен и прекрасен,

одет в свободные одежды, расшитые жемчугом, и смотрел на даму с обожанием.

«Русал», – сообразила Вилда, рассмотрев крошечные прозрачные чешуйки у него на щеках и шее.

– Меня зовут Тильда Вендор, а это – Виши, – трубно заговорила дама, и голос ее был ей под стать. – Я ваша соседка. – Она кивнула на дом, виднеющийся из-за яблонь. – Мы до сих пор не познакомились, потому что я постоянно в море. Или на фестивалях. Я пою народные песни. Слышали, может? «Русал и принцесса» и «Пленница русала»? А еще...

– Добрый день, – поспешно вклинилась Вилда, поздоровавшись за себя и гостей, – я Ола Ристерд.

– Я знаю, – хохотнула дама, мгновенно забыв то, о чем говорила, – ведь мы пришли к вам, а не к кому-то другому.

Вилли вымученно улыбнулась.

– Проходите в дом, у меня прекрасный чай, – предложила она, пытаясь быть радушной.

– В другой раз. Мы не будем задерживать вас, – подал чарующий голос русал.

– Твоя правда, Виши, – смягчилась Тильда. – Все знают, что вы, мейсис Ристерд, дама занятая. Но мы не могли больше ждать – скоро опять отправляемся в путешествие, поэтому пришли с подарком вашему супругу.

– Что он опять натворил? – осведомилась Вилда, которой после вчерашней ссоры слышать о «супруге» было нервно.

– Ах вы шутница, – подмигнула Тильда. – Нелегко быть женой такого деятельного мужчины, правда?

– О, я не жалею! – Вилли мгновенно включила Олу.

– И правильно! – похлопала ее по плечу гостя.

– Моя душевная подруга хочет рассказать, что ваш супруг с месяц назад спас ее во время шторма, – спокойно вступил в разговор русал.

Вилду кольнул странный страх. Гроул, конечно, отчаянный.

– Отчаянный, – повторила Тильда, и волчица поняла, что последнее слово произнесла вслух. – Если бы не он, я бы уже кормила рыб. Кстати... хорошая идея для баллады...

– Я у него в долгу, – снова проговорил русал. – Я запаздывал на встречу, и Тиль со свойственной ей смелостью решила доплыть до

нашего грота сама.

– Не рассчитала силы, – грубовато призналась мейсис Тильда. – И с меня смыло очки, я плыла в сторону от скалы. Если бы не мейз Ристерд... он оставил детей в коляске и поплыл.

Видимо, Вилду слегка перекосило при словах «оставил детей», потому что Тильда поспешно добавила:

– Там собирался народ, они присмотрели за детьми, пока он спасал меня.

– Если бы не он, я бы потерял милого друга, – вздохнул русал.

– Про нас многое болтают, – доверительно сообщила Тильда, склонившись к Вилде, – но мы друзья. Встретились на вечере любителей поэзии и с тех пор дружим, читаем друг другу стихи.

Вилда с сомнением посмотрела на русала, который глядел на спутницу совсем не как на подругу, и тот мученически поднял глаза к небу. Видимо, мейсис Тильда была близорука не только в том, что касалось зрения. Хотя Вилда была наслышана о том, что русалы – любители гаремов, и «близорукость» Тильды могла быть вполне намеренной.

– Тиль пишет очень красивые баллады, – заверил русал. – Мы скоро организуем поэтический и песенный вечер, приходите.

– Обязательно приходите, – громыхнула мейсис Тильда. Пожала Вилде руку, хлопнула по плечу, развернулась.

– Подарок, – деликатно напомнил Виши.

– Ах да, – всполошилась гостя. Пошарила в объемистой дамской сумочке и выудила тяжеленькую даже на вид шкатулку. – Это для вас собрал Виши.

Вилда осторожно взяла шкатулочку размером с ладонь и открыла ее. Та до краев была наполнена черным жемчугом.

– Что вы, – сказала она в неподдельном изумлении. – Я не могу это принять. Нам с мужем достаточно вашего «спасибо», поверьте. Он ведь спасал вас по зову сердца!

– А мой милый Виши по зову сердца набрал вам жемчуга в знак благодарности, – покачала головой Тильда.

– Жизнь Тиль стоит дороже всего жемчуга мира, – добавил русал очарованно. – Примите, не обижайте нас отказом.

И Вилде ничего не оставалось, как смириться и взять подарок. Смирению помогла мысль, что, откажись она, дарители придут снова к

Гроулу, а она от соседей и прочих гостей уже немного устала.

* * *

Операция «Море» началась за завтраком. Покормленные дети чем-то гремели в гостиной – то ли мячик катали, то ли расшвыривали ботинки Гейба. Но пока звуки были безобидными, взрослые на шум не реагировали. Гроул уже знал, что бояться надо, когда наступает тишина.

Они с Вилдой делали вид, что вчера не было никакой ссоры. Она не молчала: сдержанно пожелала доброго утра перед завтраком, поблагодарила, что Гейб взял Морну с утра погулять. Он ответил: «Мне не сложно».

Прекрасный вышел диалог.

– Какая чудесная сегодня погода, – жизнерадостно вступил Мак. – Нет жалящего солнца, но тепло и безветренно. Море наверняка прогрелось, вода как парное молоко, – вещал он как заправский курортный агент. – Детям полезны морские купания, да и я бы с удовольствием поплавал. Кроме того, я давненько не ел свежеприготовленной рыбы и морских гадов.

– Я бы с радостью, но Вилда занята, – сокрушенно вздохнул Гейб, разрезая бекон в яичнице. Яичница, кстати, вышла на удивление приличной, и он даже возгордился. Он взглянул на оборотницу, но Вилда молчала и смотрела себе в тарелку. Вид у нее был какой-то странный, будто ошеломленный.

– Вилда, ты не выделишь день отдыха? – очаровательно улыбнулся Мак. – Иначе легенда трещит по швам: вы приехали оздоравливать детей на море, а на море ни разу не были.

Волчица, нахмурившаяся было, подумала и вдруг неуверенно кивнула. У Гейба от удивления со звоном выпала вилка из руки.

– На самом деле я вчера отправила почту с отчетом и у меня есть целых два выходных, пока ее визирует финслужба полиции, – проговорила оборотница медленно. – Мне нужно только посмотреть несколько отчетов помощника, чтобы понять, насколько он компетентен, но мне на это нужен час, и можно ехать. Надеюсь, мы найдём в Бадене магазин купальных костюмов?

– Тогда звоним Венсу и заказываем таксо к одиннадцати, – оживился Мак.

– Гроул, – так же заторможенно позвала волчица.

– Что? – насторожился Гейб.

– На подоконнике стоит презент тебе. От нашей соседки мейсис Тильды Вентор и ее русалистого воздыхателя. За спасение.

Гроул осторожно, словно там была бомба, открыл шкатулку. Мак, высунувшись из-за его плеча, присвистнул.

– Да ты теперь богач, папочка! Тут хватит, чтобы десять таких домов купить. Усынови меня, а?

Гейб моргнул и посмотрел на Вилли. Та так же странно смотрела на него.

– Я говорила, что мы не можем принять, – пояснила она. – Но они были очень настойчивы. Если что, это твое личное вознаграждение, его не надо визировать в финотделе.

– Тогда разделим на троих, – решил Гроул.

– Но спасал-то даму ты, – возразил Льялл, тут же становясь серьезным.

– Мне ничего не нужно, – мотнула головой Вилда, приходя в себя.

– Это будет справедливо, – отрезал Гроул. – Если бы ты не согласилась приехать сюда, я бы не оказался на том берегу. То же касается и тебя, Мак. Это наше общее дело.

– Нет, – твердо сказал Мак. – Это твоя награда, Гейб.

Вилда согласно кивнула.

– И, Гроул, – не удержалась она, поднимаясь. – Ты молодец, правда. Но. Заведи маленькие наручники. Или поводок. Чтобы быть уверенным, что дети никуда не убегут из коляски, пока ты будешь геройствовать.

Гроул поморщился и нехотя кивнул.

– Ты права, – сказал он. – Я подумаю, что можно сделать.

Глава 12

О курортных соблазнах, гаремах и соблазнительях

Ежели супруг решил изменять, приготовь ему бифштекс с особой приправой, в которую входят ломиствол, падитрава и лежикорень. Пусть не достанется никому.

«Тайная книга оборотниц»

Паромобиль медленно катил по набережной. Слева сверкало и переливалось глубоким малахитовым цветом море, за изумительный оттенок и зовущееся Изумрудным. На его глади виднелись парусники и пароходы, под легкими облаками висело несколько дирижаблей. Справа блестели стёкла витрин самых дорогих магазинов городка. Гейб и Вилда с детьми сидели сзади, Мак, одетый в белую рубашку и тёмные брюки, – впереди, рядом с водителем.

Побережье южного моря в конце августа – самое чудесное место для отдыха. Не жалит кожу палящее солнце, лёгкий бриз развеивает юбки и обнажает ноги дам ровно до той линии, когда это ещё благопристойно, щекочет волосы на груди мужчин, щеголяющих с распахнутыми на груди рубахами. Ничто так не располагает к кокетству и влюблённости, как атмосфера царящего здесь вечного праздника с вкусной едой, весёлой музыкой, танцами под военный оркестр на открытых площадках.

Вилда дышала полной грудью и невольно улыбалась, захваченная царящим настроением. Однако и Мак, и Гейб смотрели на обстановку и окружающих совершенно другими глазами, профессионально отмечая в толпе карманника, жиголо за работой, мошенника, обрабатывающего доверчивого клиента.

– Слева, брюнет в парусиновых брюках и красной рубахе, – не поворачивая туда голову, говорил Гроул. – Он из банды Хромого Орка, находится в розыске два года.

– Если меня спросят, где лучше спрятаться, скажу, что на набережной в Бадене, – хмыкнул Маккензи. – Местная полиция что, никогда фотографии на розыскных листах не смотрит?

– Хорошо, если не смотрит, хуже, если она всё видит, – сухо заметил Гроул.

– Да, чувствую я, что, в случае чего, на местных рассчитывать не стоит. – Мак стал серьёзным. – Смотри, наши соплеменники, – указал он лёгким кивком головы на колоритную пару, о чём-то экспрессивно беседующую с лавочником у входа в ювелирный салон.

Гроул покосился на свои дорогие часы, на нитку жемчуга на шее Вилды, прямо из хранилищ управления, призванных поддержать легенду о зажиточности, и поморщился. Он успел скопить небольшой капитал за время службы в полицейской страже, да и жемчуг от русала позволял не думать о финансах теперь, но подозревал, что Вилду не впечатлит даже ящик украшений. А впечатлить ее хотелось. Чтобы она улыбнулась.

Водитель услужливо остановил машину прямо перед входом. Оборотни, те, которых они видели, подъезжая, хищно принялись к новичкам, вежливо кивнули им и отвернулись, потеряв интерес.

– Рядом как раз магазин женской одежды, мейсис Ристерд. – Венс открыл дверцу, подал руку в перчатке. – А соседняя дверь – кондитерская. Там мейзы могут скоротать время за прохладительными напитками.

– Да, благодарю, – кивнул Гроул. – Мы с Уимом и детьми ходим в кондитерскую.

– Слушаюсь, мейз, – вытянулся Маккензи, принимая из рук оборотней их отпрысков.

– Не давай детям сладкого, милый, – распорядилась Вилда. – Можешь купить им яблочного сока и воды.

– Я все сделаю, дорогая, – пообещал Гроул, проводил волчицу глазами и повернулся к Маку, делая ему страшные знаки бровями и рукой показывая, чтобы шел отсюда.

– У вас нервный тик, хозяин? – недоуменно проговорил «слуга».

Вилда остановилась, обернулась.

– Мошка в глаз попала, – объяснил Гроул с досадой. – Прошло уже.

Волчица скрылась в магазине купальных принадлежностей, а Гроул зашипел на Мака.

– Я говорю, иди с детьми без меня. Я зайду в ювелирный.

– Хочешь посорить эрингами? – хохотнул оборотень тоже шепотом. – Слушай, мне кажется, что мягкий и непересоленный кролик впечатлит Вилду больше...

Гроул припечатал его взглядом к стене и направился к ювелиру. Хозяин, непрерывно кланяясь, разрывался между старыми клиентами, которые прощались и все не уходили, и новым. Но, заметив на запястье новоприбывшего дорогие часы и здраво рассудив, что прежние покупатели, если уйдут, то уже с покупкой, а новые – с пустыми руками, без колебаний обрушил всю свою любезность на Гейба.

– Могу я узнать, что угодно мейзу? – залебезил он, пропуская его вперёд себя в магазин и делая властный жест службе.

Тот уже отодвигал стулья, обмахивал от невидимой пыли идеально чистый стол.

– Прошу садиться, – пригласил хозяин. – Кофе, воды? Алмазы для вашей супруги?

– Нет, украшений у меня и у жены достаточно, – чуть скованно отказался оборотень, и хозяин разочарованно поджал губы. – Покажите мне детские украшения. Я хочу что-то подобрать для дочери.

– Сколько вашей малютке? – вновь расплылся в улыбке хозяин, подавая новый лоток.

– Скоро будет два года, – не моргнув глазом сообщил Гейб.

– Я думаю, маленькой красавице подойдёт вот такой кулон, – приподнял хозяин цепочку с лунным камнем – камнем оборотней. – Ведь этот камень приносит оборотням удачу?

– Да, говорят, что он растет на следах Великого Вожака, – рассеянно согласился Гейб, рассматривая остальные украшения на лотке. – И камень достаточно большой, чтобы она его не проглотила...

– Сразу видно, что вы вовлечены в воспитание детишек, – расчувствовался хозяин. – А сыну ничего не хотите подобрать?

И Гроул понял, что действительно хочет.

– А есть что-то, – он покрутил рукой, – что будет одновременно и амулетом, и местом для хранения воспоминаний?

– О, я понял, что вы хотите, – подмигнул ему хозяин. – Смотрите. – И он взял небольшой овальный кулон из лунного камня, на лицевой стороне которого была вырезана волчья морда. – Это амулет. – Он зацепился пальцем за крошечный выступ, и кулон раскрылся. – А внутри – место для памяти. Для локона волос, кусочка ленты, записки или маленькой фотографии, – пояснил он. – У нас как раз в ателье по соседству есть современный фотообскур, делает семейные фотографии.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Гроул. Отчего-то он был уверен, что кулон Вилде понравится.

– Так вам два? – настойчиво напомнил о себе хозяин.

– Да, два... четыре! – сообразил Гейб. – Давайте четыре.

– Сию минуту! – обрадовался хозяин. – Отличная покупка, мейз!

И как приятно встретить такую любовь к семье!

Волк старательно улыбнулся, но, видимо, перестарался с энтузиазмом, потому что ювелир взбледнул и поспешно отскочил к прилавку. Однако звон эрингов быстро его успокоил, и Гейб пошел на выход с четырьмя крошечными коробочками в кармане.

Лавка, в которую вошла Вилда, с порога поражала многоцветьем, пестротой и при этом роскошью. Дорогие ткани, богатая отделка, аксессуары – у оборотницы глаза разбежались.

– Дорогая мейсис, – произнёс откуда-то сбоку мелодичный певучий голос. Вилда даже не поняла сразу, кто к ней обращается – мужчина или женщина. – Рад приветствовать вас. Нечасто к нам заходят настолько изысканные и прекрасные дамы... ап-п-пчхи!.. простите, аллергия.

Волчица повернулась и увидела высокого молодого мужчину с длинными белыми волосами, очень бледной и гладкой кожей, кое-где покрытой чешуйками, одетого в полупрозрачные шаровары и жилет-болеро на голое тело. Это тоже был русал, как Виши, но если друг мейсис Тильды казался утонченным и спокойным, то хозяин лавки выглядел каким-то вертлявым; он изящно промокал нос носовым платком. За его спиной сновали несколько молодых и красивых женщин в накидках, покрывающих голову, – гарем. У русалов чем больше женщин в женах, тем выше вес в обществе – ибо столько можешь прокормить. Говорили, что у царя русалок вообще было четыреста жен и десять тысяч дочерей.

Так что недавний знакомец Виши с его неразделенной страстью к Тильде был, видимо, для своих очень нетипичным. Если он не прятал от нее десятков жен, конечно.

– О, милая, – чуть гнусаво протянул русал со странным выражением бездонных глаз. – Какой прекрасный цветок! Даже у нашего царя нет такого в его цветнике!

Вилда знала, что русалы обычно одаряют всех женщин бесконечным количеством комплиментов, и пропустила это мимо ушей.

– Здравствуйте, – сдержанно ответила она. – Вы хозяин? У вас есть купальные костюмы?

– Я – Саши, – изящным жестом прикладывая руку к груди, представился блондин. – А-а-апчхи! Извините. К вашим услугам. Конечно, прекрасная мейсис, прошу вас, осмотритесь. С вашей фигурой, – голос его журчал, как ручей, – вы можете носить что угодно и будете выглядеть царицей... выбирайте, мои жены вас обслужат... а-а-апчхи!!!

Вилда и сама не поняла, как оказалась у длинной стойки, на которой рядами висели купальники самых разнообразных фасонов и расцветок. Сейчас, слава Пряхе, женщины не должны были одеваться в платья, чтобы искупаться. Купальные костюмы напоминали трико, обрезанное по середине бедер и плеч и украшенное юбочками разной длины и пышности.

– Показывайте! – велел хозяин, деликатно высморкавшись в платок, и жены начали один за другим демонстрировать Вилде костюмы. Они под увещевания русала, перемежаемые чиханиями, кружились вокруг волчицы, и ее стало даже чуть подташнивать.

– Мейсис, а-а-апчхи!.. С вашей великолепной фигурой вам подойдет эта модель. – Торговец продемонстрировал ей нечто короткое цвета молодой травы. Голос его казался самым прекрасным и чарующим на свете. – Примерьте. Я знаю толк в таких вещах, будьте уверены. Будьте уверены...

Вилда хотела отказаться, но вместо этого почему-то прошла в кабину переодеться. Из большого зеркала на неё смотрела брюнетка в облегающем наряде, похожем на соединённые вместе бюстье и панталоны. Только штанишки были очень короткими, лишь слегка

заходя на бедра и облегая их, а верх костюма почти полностью открывал грудь.

– С этим платком вы будете королевой пляжа! – Русал, неизвестно как оказавшийся рядом, опоясал её талию большой зелёно-золотой шалью. Лицо его чуть побагровело – он явно сдерживал чих.

– Не слишком ли открыто? – засомневалась Вилда, очарованно смотря на Саши. Она знала, что на побережье царят гораздо более свободные привычки в одежде, но прежде её пляжные наряды были куда скромнее. Однако вопрос она задала, только чтобы еще раз услышать его голос и то, как он восхищается ею.

– С вашей потрясающей фигурой и дивной кожей совершенно нечего стесняться, – пожал покатыми плечами Саши. – Вами можно только бесконечно восхищаться, восторгаться, благоговеть... а-а-апчхи!

Голос обволакивал, завлекал, заставлял щеки алеть, а сердце биться чаще. И даже непрерывное чихание казалось влекущим...

– Что здесь происходит? – раздался от двери ледяной рык Гроула.

Вилда вдруг увидела себя со стороны – она стоит почти обнажённая в тесном пространстве кабинки. Гнусавый русал стоит за её спиной, очень близко, касаясь кончиками пальцев её бёдер, как бы поправляя платок. И ни одной женщины в магазине!

Она отскочила и зарычала, сдергивая с бедер платок. Русал нацепил на лицо выражение «А ничего не было, не было ничего!».

– Вы хотите выбрать подарок супруге, мейз? – льстиво спросил он, подходя ближе к оборотню и шмыгая носом.

– Ола, отвернись, – рыкнул Гроул. Волчица первый раз за все время не возмутилась, а послушно отвернулась.

– А может, не надо? – тонко вспискнул русал.

В ответ раздался сочный шмяк и грохот.

– Вам запрещено применять чарующую магию к сухопутным расам! – жестко проговорил Гроул.

– Она сама! – трагично воскликнул русал. – Не виноватый я, она сама разделась!

Снова раздался шмяк и стон.

– Ува-а-апчхи-жаемый, – прочихал русал. – Клянусь, это первый и последний раз. Был неправ, сражен красотой наповал. Изумительная

женщина! Изумительная! Никогда раньше не на-а-апчхи-рушал закон!
Все мои двенадцать жен со мною по любви!

Раздался такой звук, как будто кто-то пинал мешок с костями.

– Милый, – удовлетворенно позвала Вилда, уже переодевшись и выйдя из кабины. – Не пачкайся об эту падаль. Давай поступим не как орки и вызовем стражу. Мало ли кого еще, – она кивнула на дверь во внутренние помещения, откуда со страхом, шушукаясь, выглядывали жены, – он зачаровал.

– Не надо! – взвыл русал.

– Надо, Саши, надо, – мстительно сказала оборотница. – И вообще, скажи спасибо, что тебя просто побили и сдадут страже. На оборотнях чары долго не держатся, и я, когда бы очнулась, откусила бы тебе все, до чего дотянулась бы.

И она выразительно щелкнула зубами. Русал взвизгнул.

– Стража! Лучше стра-а-апчхи-жу!

– Ну что же, – сказал Гроул, – стражу так стражу.

И он хорошенько замотал руки русала его собственным кушаком, а затем пошел к магазинному визору, чтобы вызвать местную полицию. Описал ситуацию, добавив в голос разъяренности, сказал, что они с супругой готовы повторить показания письменно, но ждать стражников не будут, ибо дети требуют внимания, да и он сам еле сдерживается, чтобы русала не загрызть.

Местные полицейские, по всей видимости, смертоубийства в городке не хотели, поэтому пообещали прислать в дом к Ристердам следователя завтра, взять показания.

– Ну, жди, властитель гарема, – ехидно сказал Гроул уже на выходе. – И, кстати, купальный костюм мы тоже берем. Сколько он стоит?

– Деся-а-апчхи-ть эрингов, – прорыдал русал с пола.

Гейб кинул ему на пол монету и вышел. Вилда вышла за ним.

– Его жены не развяжут? – спросила она тихо, беря его под руку.

– Возможно, если он хороший муж, – пробурчал Гейб. – Но я связал крепко, и если полиция расторопна, то не успеют. Привлекать лишнее внимание нам все равно нельзя. Хотя и не получилось быть незаметными.

Вилда помолчала.

– Спасибо, Гейб, – сказала она вполне искренне.

– Мне было приятно набить кому-то морду, – ухмыльнулся Гроул. – Тем более для защиты прекрасной мейсис. Хоть какая-то отдушина.

* * *

Под низкой пальмой с широкими жёсткими листьями Мак подбрасывал в воздух хохочущего Ринора. Морна бегала вокруг в виде волчонка и радостно потягивала.

– Дети совсем извелись, добрые мои хозяева, – с укоризной сказал Мак. – Я уже не знал чем развлекать.

– Не ной, – хмыкнул Гейб. – Побыл пятнадцать минут нянькой и разнылся. Попробовал бы ты целыми сутками с ними сидеть! – горделиво добавил он.

– Я лучше весь сад еще раз подстригу, – с ужасом открестился Маккензи и передал волчонка другу. Вилда тоже взяла Морну на руки, и они пошли к пляжу.

– Погоди, – сказал Гейб, когда они проходили мимо фотоателье. – Давай сфотографируемся всей семьей, Вилда?

– Семейей? – подняла брови волчица.

– У нас ни одной семейной фотографии, – понизив голос, проговорил Гроул. – Как скоро визитеры начнут задавать вопросы, Вилли?

– Ты прав, – неохотно признала она. – Но только на пять минут, а то мы никогда не дойдем до пляжа.

Они наснимались в разных ракурсах на десять семейных альбомов и наконец-то пошли на море. Когда они выходили, из магазина купальных принадлежностей под старательный, но не очень искренний вой жен выводили русала.

– Я вернусь к вам, мои цветочки! – восклицал он, чихая. – Скоро вернусь!

Вилда с Морной ушли чуть вперед, и по дороге Гейб вполголоса рассказал Маку, что случилось.

– Ты ведёшь себя глупо, Гроул, – покачал головой Маккензи. – Что ты устроил? Зачем ты привлёк к себе и Вилде ненужное внимание?

– А что мне было делать? – процедил Гроул, похлопывая хохочущего мелкого по спине. – Терпеть, когда мою жену пытаются украсть в гарем какая-то рыба?

– Ты не забываешься, капит... хозяин? – серьезно и тихо проговорил Мак. – Ты мог просто увести Вилли оттуда, сделав вид, что ничего не понял. А этого гаремовода взяли бы потом по наводке из столицы. И к нам бы это не имело отношения. Это операция прикрытия, а не семейные выходные. Встряхнись, или мы провалим дело. Что бы у вас ни было раньше, решай это без ущерба заданию.

Мак поклонился, как верный слуга, и быстрым шагом догнал оборотницу.

Глава 13

Отец-молодец

Оборотню не должно чрезмерно следить за здоровьем и обращаться к врачам без крайней необходимости. Здоровье мужа – первейшая забота жены. Но помните, что только Великий Вождь знает, кто исцелится, а кому суждено отправиться на вечную охоту.

Фаталистический подраздел того же «Уложения»

Закрытый пляж для состоятельной публики был отгорожен от публичного забором, замаскированным под зелёную изгородь, и оборудован по высшему разряду. Зонты от солнца, лежаки и столики, просторные кабинки для переодевания с душевыми, чтобы смыть соль или охладиться после долгого лежания на солнце. Слуги сновали с напитками и закусками, играл патефон. Для детей был выделен «лягушатник», в котором под надзором нянь и гувернёров плескалась разноплеменная детвора от гномят до орчат.

Морна, обогнав мать и Маккензи, забежала в воду по пузо и тьякала на набегавшие волны. Не желая отставать волчонок кинулся следом, но плеснувшая волна окатила его с головой, подхватила, потащила за собой. Гроул как был – в щегольской обуви и брюках, – прыгнул в воду и выудил щенка. Испуганный Ринор весь дрожал и жалобно скулил.

– Морна, вылезай. – Вилда, убедившись, что дочка послушалась и сидит рядом с Маком, подошла к Гейбу.

– Надо проверить, не попала ли вода в ушки. – Она осторожно повернула голову Ринора в одну сторону, другую, тщательно осмотрела, потрепала по макушке. – Ничего страшного. Сейчас я переоденусь, и пойдём с вами плавать. Да, маленький? – рассмеялась она.

Гроул остался утешать волчонка и удерживать Морну от того, чтобы она снова не нырнула. Маккензи выкладывал из принесённой сумки полотенца, детские бутылочки.

– Уим, займись детьми, пока я сниму штаны, – попросил Гейб друга. – Я весь мокрый и в песке.

– Да, мейз, – кивнул Мак, протягивая Гроулу купальные плавки и забирая у него Ринора.

Оборотень шагнул было туда, где были мужские кабинки, но остановился и замер. К ним шла Вилда. Роскошные груди мягко колыхались в свободном лифе, стройные ноги были обнажены до самых бёдер. Платок не скрывал, а подчёркивал наготу, забранные в пучок волосы открывали красивую шею и плечи. Пара юнцов восторженно засвистела, и Гроул едва удержался, чтобы не побить их. Однако Вилда не замечала ни взглядов, ни шепотков. Забрала обеих малышей, понесла к воде, что-то воркуя. Шедший следом Мак принял у неё из рук шаль и остался поджариваться на пляже, пока она, зайдя в море по колению, присела, посадила на бёдра детей и вместе с ними стала плескаться в теплой водичке и смеяться.

Гроул присоединился к ним, неожиданно получая удовольствие от того, как реагируют малыши на брызги и волны. Чувствовалось, как колотится маленькое сердечко, когда он опускал щенка в воду, держа под животик. Волчонок дрыгал лапками, пытаясь плыть, а Морна плыла довольно уверенно, загребая хвостом, как бобёр. Потом дети обернулись, потому что шёрстка намокла и тянула ко дну, и барахтались на мелководье, пока не устали. На берегу их укутали в толстые полотенца, напоили и уложили в тень под присмотром Маккензи.

Дав Ринору бутылочку, Вилда зашла на глубину и поплыла, сильно, почти по-мужски рассекая волны. Гроул сначала хотел дать ей время побыть в одиночестве, но увидел, как в волнах мелькнули светлые волосы и перламутровые тела русалов, которые тут работали в качестве спасателей, и решительно поплыл следом за оборотницей. Он держался на расстоянии, но и гаремоводов отгонял, позволив волчице поплавать спокойно.

Вечером они зашли в морской ресторан. Дети дрыхли в своих корзинках, Маку как слуге, присматривающему за ними, был выделен

отдельный столик для ужина, а Гейб и Вилда уселись в нише с видом на море и ждали, когда подадут блюда.

– Хороший сегодня день, – заметила волчица.

– Хороший, – согласился Гроул и едва сдержал зевок. – И тем, что мне не надо готовить, тоже.

– Я сдала отчет, теперь до следующего смогу подменять тебя с готовкой по выходным, – проговорила она. – И делать завтраки на постоянной основе, это будет справедливо.

– Сегодня не просто хороший, а отличный день, – подмигнул ей Гейб и ткнул вилкой в поднесенного жареного осьминога.

Вилда промолчала. Слишком по-настоящему было все это: уютный вечер, разговоры ни о чем, обаятельный и улыбающийся Гейб. Слишком хорошо, настолько, что можно забыть о том, как он когда-то прогнал ее. И она выбрала молчать.

Гейб, поразмыслив, тоже решил помалкивать. Вилда как будто смягчилась, даже лицо стало не таким строгим, взгляд перестал быть настороженным. И он боялся спугнуть ее настроение.

Так что они очень уютно молчали и наслаждались едой и морским закатом, до тех пор, пока Гроул не кашлянул.

– Я хочу вам кое-что подарить, – начал он хрипло, полез в карман и достал оттуда коробочку из ювелирного. – Вот, – сказал он, с неловкостью открывая коробочку. Лунный камень засиял в свете заката. – Это для Морны и для тебя. И для нас с Ринором есть. На память о сегодняшнем дне. – Он раскрыл один из кулонов, в котором была маленькая фотография их четверых.

Вилли переменялась в лице. Оборотень замер.

– Гроул, зачем? – спросила она с горечью. – Нам с Морной от тебя ничего не нужно.

– Я думаю, нам следует поговорить, – прямо сказал он. – Обговорить то, что случилось тогда. Может, Великий Вожак не зря снова свел нас, Вилли? Я многое понял за эти два месяца и...

– Гейб, ты все сказал десять лет назад, – перебила его Вилда, не желая слушать дальше, потому что глупое сердце требовало выслушать и простить. – Предавший однажды предаст и дважды, поэтому не нужно этих иллюзий. И подарков. Ты Морне не отец, и мы не семья. Мы просто работаем вместе. Еще пара месяцев, пока

разберутся с безопасностью Ринора, и мы разъедемся. Через год она о тебе и не вспомнит.

– Ты этого хочешь? – сипло спросил он.

– Только этого, – твердо ответила Вилли.

– Хорошо, я тебя услышал. – Он суетливо начал убирать кулон в коробочку, выронил его, выругался, запихал кое-как и сунул все обратно в карман. – Больше никаких иллюзий, Вилли, раз ты даже дружеский подарок воспринимаешь как неискренний и сделанный, чтобы понравиться тебе.

– А разве это не так? – прямо спросила Вилда. – Разве этот подарок – только дружеский?

– Ты спрашиваешь, хотел бы я, чтобы ты относилась ко мне иначе? – уточнил Гроул. – Чтобы мы попробовали снова и забыли старое? Да, конечно. Ты сама это видишь. Но я хотел для начала, чтобы ты хотя бы попробовала не ненавидеть меня. Меня поменяла вся эта ситуация. Я заблуждался, хотя и ты была неправа.

– Это в чем же? – поинтересовалась она сквозь зубы.

– То, что я не хотел детей, не означало, что я тебя не любил, Вилли, – сказал он прямо. – Это никак не связано.

Есть и... другие причины. Ты могла бы не быть столь категоричной, не сбегать сразу...

– Да мне все равно уже, – сказала она спокойно.

– Тогда... – Он оглянулся на детей. – Тогда я не буду навязываться.

– Уж будь добр, – ответила она холодно.

– Не беспокойся, – заверил он не менее ледяным тоном.

Домой они возвращались в отстраненном молчании, и даже Мак, окинув их внимательным взглядом, не стал шутить, а молча сел на переднее сиденье.

К обеду следующего дня Вилда заснула за дневным кормлением Ринора и не смогла подняться, когда Гроул пришел забрать его. Морна скулила рядом. Голова Вилды была тяжелой и горячей, душил кашель, из глаз катились слезы. Увидев Гейба, она попыталась встать.

– Надо же было просидеть два месяца дома и в единственный выход заболеть, – прошептала она, смагивая слезы. – Видимо, у вчерашнего русала была не аллергия.

– Надо было ему еще пару раз наподдать, – угрюмо буркнул Гейб, перехватил Ринора и мягко надавил Вилде на плечо, заставляя лечь. Он

ни словом, ни знаком не намекнул об их вчерашнем разговоре. Разве что букета на столе больше не было. – Отдыхай, я вызову лекаря. Морне лучше побыть со мной.

– Да, – согласилась она, бессильно роняя голову на кровать. – Спасибо, Гроул.

Лекарь пришел, определил у Вилды грипп, который не щадит ни гномов, ни русалов, ни орков, ни, как выяснилось, оборотней, и прописал пилюли от температуры, постельный режим и обильное питье.

Два дня Гроул носил ей бульоны и морсы, занимался детьми. У Вилды кое-как получалось кормить Ринора – она очень боялась, что перегорит молоко от высокой температуры. Мак, чтобы не заразиться, в дом не заходил, охранял снаружи, ходил за покупками и общался с начальством, отчитываясь о состоянии больных и получая последние новости о бандитских разборках. Что-то в них было тревожащее, но Гейб выслушал и не постарался вникнуть в свои ощущения, как сделал бы обычно, потому что на третий день разболелись дети, и для Гейба наступили тяжелые времена.

Теперь оба малыша лежали по бокам от Вилли, которая все еще мучилась от высокой температуры, насморка, кашля и ломоты. К детям вызванный лекарь строго наказал вызвать мага, если лечение не поможет в течение двух суток. А пока Гроул носился по дому, то варя бульоны, то убирая в комнатах Вилды и своей, то размешивая микстуры и кипятя молоко и морсы.

И каждый раз, когда он заглядывал к ним с подносом, когда успокаивал Ринора и Морну, а то и обоих разом, потому что Вилли не могла встать, когда отсасывал им сопли, делал медово-горчичные компрессы на спинки и поил микстурами от кашля, – Вилда испытывала давно забытое чувство защищенности и благодарности. То чувство, когда ты не одна за все в ответе, и, если тебе плохо, не нужно из последних сил вставать, варить ребенку обед и ухаживать за ним, потому что больше никого у вас нет.

Гроул иногда засыпал тут же, перетащив на пол перину, или на краешке кровати. Вилда его не гнала – язык не поворачивался сказать, чтобы убирался. Наоборот, рядом с ним было спокойнее.

На пятый день волчица, пропотев ночью так, что надо было менять простыни, проснулась оттого, что ее больше не ломает. Нос

еще был забит, и кашель еще прорывался, но уже сходил на нет.

Она пощупала под боком – там сопела мохнатым клубком Морна, которой в обороте легче было переносить болезнь. Нос ее был холодным, но она то и дело всхрапывала и покашливала. Детям все же пришлось вызывать мага, и после этого они пошли на поправку.

С другой стороны Вилду грело что-то большое и горячее. Она сначала прижалась к этой замечательной печке, затем ее осенило, и она повернула голову. Там на кровати полусидя спал Гроул, а на груди его, прижатый мощными руками, сопел сопливым носом Ринор. Доктор сказал, что малышу нужно спать на высокой подушке, чтобы не так кашлял, и Гроул теперь был этой высокой подушкой.

Вилда потрогала лобик малыша – он был теплым, без температуры.

Она, все еще слабая и озябшая оттого, что была мокрой от пота, немного погрелась об Гроула – и вдруг сообразила, что он уж слишком горячий и пахнет от него болезнью. Коснулась кожи – кипяток! И словно подтверждая ее мысли, оборотень глухо, лающе закашлял.

– Понятно, – прошептала она с сочувствием. Привстала, подняла сонную Морну, уложила ее в сухую корзину с теплым пледом и побрела сама переодеваться в сухое. А затем, так же медленно, трясущимися от слабости руками – смешивать микстуры для Гроула и ставить новый бульон.

Глава 14

О том, что бывает, когда муж – волшебник

Женщина должна быть все время беременной и занятой домом, дабы времени не было вспоминать, как она вольной волчицей бегала.

Хитрость из «Уложения оборотней о семье и доме»

Четыре дня спустя

Когда в дверь с утра позвонили, первым порывом Вилды было проигнорировать визитёра. Дети уже почти поправились и прыгали в гостиной, а вот Гроул дремал наверху – его выздоровление шло тяжело, ибо этот упрямец старался вставать и делать дела по дому, и потому Вилда его принципиально не будила с утра, уходя с детьми в другую комнату. Ринор подрос и уже почти всегда спокойно оставался без Гроула на час-два, но не больше.

Помощник Вилды, слава Пряхе, справлялся со своей частью работы, нагрузка снизилась заметно, но времени в сутках все еще было мало, а забот о детях из-за слабости Гроула – много.

Но калитку она открыла. За ней стояла старушка в яркорозовом пальто и такой же шляпке, с ниткой жемчуга на морщинистой шее. В руках дама держала какой-то объемистый свёрток.

– Добрый день, мейсис Клозин, – поприветствовала оборотница соседку, с которой до сих пор они только здоровались и обменивались короткими любезными репликами во время вечерних выходов Вилды в сад поиграть с детьми.

– Ох, здравствуйте, милая Ола! – улыбнулась соседка. – Ваш садовник, – она кивнула в сторону Мака, тут же собиравшего яблоки, – сказал, что вы уже поправились, и я решила нанести вам визит.

– Прошу вас, – вынужденно отступила Вилда. Следом за ней гостья прошла в гостиную, уселась и заняла своим свёртком весь

кофейный столик.

– Я пришла поблагодарить вашего супруга, мейза Ристерда, – проникновенно начала дама. – Вы знаете, что он сделал для меня, разумеется. Помимо того, что починил все двери в доме.

– Фанс сейчас отдыхает, он еще слаб после гриппа, – пояснила «Ола», – поэтому не может к вам выйти. Но я уверена, что он очень вам помог. Он такой. И рассказывать о своих подвигах не любит.

– Ничего, я как раз принесла вам малинового варенья и меда! Пусть отдыхает, а мы с вами поболтаем как подружки. – Она подмигнула. – Перемоем косточки вашему мужу, да? Он очень скромн и благороден. Поэтому, совершив этот подвиг, он вам о нём даже не сказал. Я исправлю эту несправедливость!

Из пространного и избыточного ненужными подробностями рассказа, вроде того, что зелень в лавке Гопкинса подорожала на осьмушку по сравнению с прошлой неделей, а мейсис Андерсон неправильно готовит фаршированную курицу, Вилда поняла, что какой-то заезжий воришка несколько седмиц назад вырвал у мейсис Клозин сумочку и постарался удрать, а Гроул его догнал прямо с коляской, отобрал добычу, сдал преступника городовому, а сам проводил старушку до дому и донёс её покупки. А дальше любезно согласился с детьми попить чаю у нее дома.

– О, не подумайте дурного, – энергично жестикулировала дама похожими на куриные лапки ручками, затянутыми в чёрные перчатки. – Я была так потрясена, так взволнована, что просто не могла оставаться одна. Он по доброте душевной составил мне компанию.

Оборотница могла бы обвинить «мужа» в чем угодно, но всё же не в романе с дамой, годящейся ему в бабушки. А потому заверила соседку, что ничуть не ревнует.

– Милая, как вам повезло с супругом. – Старушка потрясла сложенными ладошками и прижала их к груди. – Мало того что он поймал преступников больше, чем наша полиция. Так он еще такой тонкий, понимающий, высокой духовности мужчина! Как он внимательно меня слушал!

Вилда закашлялась, представляя себе лицо Гроула, слушающего сплетни про зеленщика и мясника. Нет, Гроул открылся ей с новой

стороны за последние дни, но по поводу своей высокой духовности он бы усомнился так же или даже ещё сильнее.

– Мейсис Клозин, позвольте угостить вас чаем? Или вы предпочитаете кофе?

– Чай, милая, – благожелательно покивала та. – Я как раз, помимо варенья и меда, принесла вам угощение. – И она принялась доставать из своего свёртка блюдо с пирогом, пакеты с печеньем и булочками.

Вилда принесла из кухни серебряный поднос с посудой, большим заварочным чайником, сахарницу и конфеты ручной работы.

– Вот попробуйте, дорогая, – подала оборотнице кусок пирога на тарелочке соседка.

– Действительно, очень вкусно, – подцепив кусочек серебряной вилочкой, согласилась Вилда.

– А вот это – особый подарок для мейза Ристерда, – указала на булочки старушка. – Он так на них набросился, милый мальчик, – хихикнула. – Вы его совсем не кормите, похоже?

– В нашей семье нас кормит он, – с милой улыбкой отбила пас «Ола».

– Да, я слышала, это очень прогрессивно! – Дама с чувством отпила чаю. – Мой-то Гинни даже солонку сам взять не мог, не то что еду разогреть. Ах, какая это редкость, ваш муж! И он так тепло о вас говорил! Рассказывал, что вы прекрасная мать, обожаете детей и они у вас на первом месте, так что вам не до кухни. А нанять хорошую кухарку в наше время – настоящая проблема! Правда, жаловался, что у него не очень вкусно получается, но это ничего. Научиться готовить можно, а вот научиться любить – нельзя.

Вилда поскорее отпила чаю, чтобы скрыть изумление, проступающее на её лице, как нос у старой дриады.

Сверху раздались тяжелые шаги – спускался лохматый Гроул. Увидев мейсис Клозин, он сделал шаг назад, чтобы спрятаться, но было поздно, и он кое-как пригладил волосы пятерней, застегнул рубашку.

– У нас гости? – проговорил он хрипло и закашлялся. – Здравствуйте, мейсис Клозин. С радостью поцеловал бы вам ручку, но боюсь заразить.

Соседка запунцовела и засмеялась от удовольствия.

– Какой обходительный! Но мне пора, пора. Вы еще кашляете, мейз, а мне нельзя болеть. Что за противный грипп ходит по нашему краю, да, милая Ола? – тараторила она, поспешно направляясь к дверям. – Но я рада, что вы и дети уже в добром здравии. Представляете, Урсула лежала в горячке две недели, а ее пес бегал по улице и выл, и мы уж думали...

– Рада была познакомиться, мейсис, – с улыбкой попрощалась Вилда у калитки. – А я должна заняться детьми и мужем.

– Таким мужем не грех заняться, – подмигнула ей старушка и бодро посеменила в сторону своего дома.

Королева Миррей вернулась из медового свадебного круиза в прекрасном настроении. Но, увы, таковым оно оставалось недолго, потому что нынешний принц-консорт, магистр Корнелиус Фрай, оказался-таки настоящим волшебником.

А может, сыграл роль целебный морской воздух.

– Мне скоро пятьдесят шесть! – бушевала королева в спальне поутру, с удовольствием устраивая мужу сцену. Онный муж и сообщил ее величеству, почему через два месяца после возвращения любимый овечий сыр стал пахнуть прелыми тряпками, а мраморные стены захотелось облизать. – У меня двое взрослых сыновей, и я надеялась, что уже никогда не свяжусь с пеленками и кормлением!

И она топнула ногой, а затем, подумав, кинула в супруга диванную подушку.

– Но ты связалась со мной, – с истинно военной невозмутимостью улыбнулся Корнелиус, до которого подушка не долетела. – А от этого случаются дети.

– Но не в мои же годы? – возмутилась ее величество, с тоской глядя на столик, где стояло любимое красное мельтийское. – Пряха, я только отправила детей подальше и начала жить!

– Эльфийки до двухсот лет могут рожать, – напомнил Фрай. – А в тебе, любовь моя, все же эльфийской крови предостаточно.

– А мозгов недостаточно, – пробурчала королева, постепенно успокаиваясь, но, подумав, для верности пнула вторую подушку. – Лучше бы эта кровь мне талию потоньше обеспечила, а не фертильность. Я думала, в пятьдесят шесть мне ничего уже не грозит.

– У тебя прекрасная талия, – возразил Корнелиус, походя к супруге и обхватывая эту талию двумя ладонями.

– Это пока, – ответила Миррей ядовито. – Скоро я буду похожа на бочонок.

– Самый красивый бочонок в Эринетте, – согласился супруг.

– Не хочу кормить грудью, Кори.

– Найдем кормилицу.

– И ночей бессонных не вынесу.

– Я сам буду вставать. Нянек найдем.

– Да мы с тобой только на один медовый месяц съездили! Я хотела еще один, к родственникам в степь, на весенний сабантуй!

– Слетаем на дирижабле. Произведешь фурор, заодно подпишешь договоры с Матерью Орков на продажу парочки воздушных судов.

– Это да... – Королева чуть успокоилась, но тут же вновь раздраженно потрясла руками. – И еще эти перепады настроения. В последнюю беременность я чуть не объявила войну эльфам, потому что их посол чихнул на вручении верительной грамоты. Я страшна в беременности!

– Тогда хорошо, что это всего на девять месяцев. – Муж коснулся ее губ легким поцелуем. – Ну что, успокоилась?

– Почти, – буркнула Миррей. – Надо выпустить пар, не одной же мне страдать. Кто там у меня в немилости? А, да. Министр полиции. Сейчас распорядюсь, чтобы собрали кабинет министров.

– Но сначала – к королевскому лекарю, – напомнил будущий отец и настоящий волшебник.

– Хорошо. Но пусть только попробует запретить мне красное мельтийское, – пробурчала ее величество. – Сразу станет бывшим королевским лекарем. Или в осьминога его обратишь. Или в черепаху.

– Все для тебя, моя ярость, – мудро пообещал магистр и герой, а про себя сделал мысленную заметку добыть всю возможную литературу про протекание беременности у орчанок, эльфиек, людей... а лучше про все расы, ибо мало кто знает, кто там был еще намешан в правительнице и супруге.

Кабинет министров сидел бодро, на все вопросы отвечал чётко и горел желанием угодить своей королеве чем только возможно. По окончании собрания правительница приказала остаться министру полиции лерду Фритрику и главному казначею. Магистр Корнелиус тоже был тут, привычно что-то записывая в свой блокнот. Пока остальные лерды, тщательно скрывая облегчение, покидали

королевский кабинет, двое оставшихся пересаживались ближе к королеве.

– Лерд Фритрик, через месяц мой день рождения, – поблескивая клычками, начала ее величество. – Как был выполнен мой приказ арестовать всех главарей и очистить столицу от банд?

– Мы в процессе, ваше величество, – бодро отрапортовал министр и украдкой вытер пот со лба. – Каждый день проходят облавы, но, к сожалению, части мелких сошек удалось сбежать.

– Работайте лучше, – приказала королева.

– Так точно, ваше величество! – склонил голову министр. – Осмелюсь доложить, что нами вскрыты почти все схемы незаконного обогащения Кирберта Гарэйла и почти все его счета арестованы до суда – удалось найти улики, что деньги он добыл незаконным путем, но расследование не закрыто. Однако мы знаем, что у него спрятаны еще большие суммы, но где – это могут рассказать лишь его ближайшие подельники – те, кто не попал под заклятие. Сейчас мы их ищем.

– Отличные новости. Королевству как раз нужны свободные деньги на строительство дирижаблей, а этот делец сумел сколотить отличный капитал, – постучала Миррей пальцами по столу. – Незаконными способами. Лерд Фритрик, – расслабившийся было министр полиции снова встрепенулся. – А что вам было известно о его теневой империи до того, как случилась эта история с проклятьем? Пряха, как же удачно с ним разделались. – Она рассмеялась. – Миль-Авентис такой душка, такой затейник, правда, Корнелиус?

– Я бы предпочел, чтобы он затеи свои осуществлял где-нибудь за океаном, – недобро сверкнул глазами магистр, который периодами ревновал супругу к любящему пафос и глум тысячелетнему дракону, а супруга с удовольствием развлекалась, поддразнивая и заставляя его чуточку ревновать. Дракон третьего в этом воображаемом треугольнике тоже играл со всей отдачей и фантазией.

– Лерд Фритрик, вы ответите на мой вопрос? – напомнила королева о том, что гроза не прошла.

Министр полиции помедлил, прежде чем ответить – трудно было выбрать лучшую из двухдохлых кошек. Скажешь, что знал о Гарэйле и его делишках, – её величество спросит, а почему тогда мафиози позволили вырастить его теневой бизнес до таких масштабов?

Признаешься, что ничего не ведал, – королева задумается, зачем ей такой неинформированный министр.

– Мы почти сплели сеть вокруг него, ваше величество, – туманно начал Фритрик. – Ещё немного, и мы бы... – Он покрутил кистью. – Э-э-э... Пресекли его деятельность.

Миррей саркастически усмехнулась.

– Министр, впредь постарайтесь пресекать деятельность подобных фигур до того, как я ими заинтересуюсь. И до того, как бандитские разборки лишат меня повара и омрачат мне отдых.

– Да, ваше величество, – просипел багровый лерд.

– Теперь вы, лерд Болдер, – стёрла Миррей с лица казначея улыбку. – Почему имущество Гарэйла до сих пор не изъято в казну? Королевству нужны дирижабли, а столице не помешают новые мостовые.

– Он не был признан преступником по суду, ваше величество, – вкрадчиво начал лерд. – Формально на настоящий момент он законопослушный подданный...

– Слышать не хочу это ерунду, – раздраженно перебила Миррей. – Короче. Всех бандитов на рудники, имущество в казну. Мне дирижабли.

Министры мысленно закатили глаза.

– Но, моя королева. – У казначея затряслись щеки. – У Гарэйла есть наследник! Точнее, наследник – сам Гарэйл, но мы не можем судить младенца как взрослого, ведь все его прегрешения обнулены! Уважаемый Миль-Авентис создал правовой казус, и мы не можем попать основополагающее право собственности!

– Да, он ведь теперь малыш... – смягчилась королева. – Забавная все же история. Кто сейчас его опекун? – Она бросила взгляд на министра полиции.

– Сотрудник управления капитан Гроул, ваше величество.

– Значит, как законный опекун он может распорядиться имуществом. Оставим мальчику достаточный капитал на будущее, а на остальное пусть Гроул оформит отказ в пользу казны. Укажите в дарственной: «Все иное имущество, движимое и недвижимое, в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось», дабы, когда удастся найти тайники Гарэйла, деньги и ценности из них тоже ушли в казну.

Магистр с умилением подумал, что у Миррей, похоже, в предках и тролль затесался.

– Подготовим документы за неделю и сделаем! – вытянулся в струнку казначей, который прекрасно знал, когда надо перестать перечить королеве.

– Не затягивайте, – приказала Миррей. – Чтобы в эту пятницу у меня на столе лежал отчет о том, на сколько пополнилась казна!

– Да, ваше величество. Всё будет исполнено, ваше величество! – Лерды кланялись, пятясь к двери.

Как только за ними закрылась дверь, Миррей скинула туфли посреди кабинета и некоторое время в одних чулках ходила от стены к стене, потирая поясницу и ругаясь по-оркски и по-гномски.

– Я только утром узнала, что беременна, и уже все прелести. И еще хочется эклеров с паштетом из сырой рыбы! – пожаловалась она мужу. – И чтобы спина не болела!

– Ложись на стол, – предложил Корнелиус. – Сейчас я тебе поглажу спину, и ты будешь бодрая и весёлая. А потом пойдем обедать.

– А ещё что-нибудь для бодрости, любимый? – мурлыкнула Миррей, блеснув клыками и послушно, изящно укладываясь животом на стол.

– Нет, моя королева, – вздохнул мэтр с неподдельным сожалением. – Доктор запретил нам «ещё что-нибудь» на месяц как минимум.

Королева с досадой стукнула кулачком по столу. Руки мужа нежно и сильно гладили ей поясницу, и тянущая боль уходила.

– Как это я прогадала, – проворчала она. – Не надо было угрожать ему уволить из-за бокала мельтийского в день. Ты ведь лучше мельтийского, Корнелиус.

– Уж надеюсь, – ответил он так серьезно, что только глухой не услышал бы в этой серьезности иронии.

Глава 15

Лёд тронулся

Ежели тебе пршло в голову посоветоваться о чем-то с женой, выслушай ее и сделай наоборот.

«Уложение оборотней», будь оно неладно

– Гейб, тебе письмо. – Вилда вышла из кабинета и обнаружила Гроула в гостиной, играющим с детьми. Какая это была игра – «дети погребают павшего в неравном бою с силами зла оборотня» или «дети уже уложили павшего оборотня в драгоценном мавзолее и встали в почётный караул», – Вилда не поняла. Гроул очень натурально дрых посреди ковра, засыпанный кубиками, колечками от пирамидки, машинками, зверюшками и мячиками, а дети сидели по бокам, как каменные львы на Королевском мосту в Веншице. Морна что-то лепетала, Ринор подгукивал.

Морна, которая была старше Ринора на полтора года, всю училась говорить. Лепетала «мама», а Гроула называла папой, хотя, кажется, никто в доме не говорил этого слова, и сердце Вилды каждый раз сжималось. Малышка звала Льялла «Мяк», требовательно кричала «дай» – это у неё получалось лучше всего. «Ринор» она выговорить, конечно, не могла, а потому он в её исполнении звучал как Иня. Хвостик её обожал, но и взрослых ревновал к ней ужасно, как и она к нему. Они соперничали из-за всего: игрушек, сладостей, даже одежды. Бывало, они даже молотили друг друга по голове и вопили при этом так, что на улице было слышно, но если их разнимали и на некоторое время разводили по разным комнатам, они начинали кричать ещё громче, требуя вернуть их обратно.

– Эй, хвостатый нянь, – Вилда беззлобно постучала конвертом по сложенным на груди рукам волка, – поднимайся!

– Я не сплю, – пробормотал оборотень, не открывая глаз.

– Дети забрались в кухню, – нежным и вкрадчивым голосом поведала Вилда.

– Опять?! – подорвался оборотень, вскакивая так стремительно, что наклонившаяся Вилда не успела отскочить и свалилась на ковёр, хохоча. Радостные дети запрыгали вокруг.

– Вы что, снова?! – простонал оборотень, гигантскими шагами направляясь в кухню. Веселье в гостиной усилилось.

Гроул опасливо оглядел помещение, заранее ужасаясь от мысли, что две мелкие шкоды успели натворить. В прошлый раз они пооткрывали все шкафы, столы и буфеты, вытащили пакеты, банки и бутылки и все, что могли, порвали, открыли, рассыпали и разлили. И всё это за те пять минут, на которые Гейб отлучился в жизненно важную комнатку и неплотно закрыл дверь в кухню. Вернувшись, он обнаружил двух милых деток, играющих в куличики. Заводилой, естественно, оказалась Морна, потому что Ринор еще не соображал, как хулиганить по-крупному.

В роли морского песка выступал песок сахарный, а также соль, мука, крупы и всё такое прочее. Горох, видимо, изображал гальку. Поскольку в сухом виде куличики из всего этого не лепились, в кучу на полу была вылита бутылка масла, какая-то липкая субстанция тёмного цвета – патока и мед, как было определено впоследствии. На скорбный вопль оборотня, похожий на вой нежити, прибежала не только Вилда из соседней комнаты, но и Мак из сада. Дети невозмутимо продолжали лепить. Отсмеявшись и отвывшись, Гроул вслух порадовался, что уксус хранится высоко на полке, и пошёл наливать ванную. Вилда раздела детей прямо в кухне, и они с Маком понесли их отмывать, держа на вытянутых руках. Потом Мак читал им книжку, а Гроул до самого ужина и вместо него отскребал с пола и частично с мебели отвратительно-жирные пятна.

Однако сейчас кухня, к счастью, была чистой и пустой. Гроул вернулся в гостиную и минутку-другую любовался на Вилду, шалящую с детьми.

– Тебе письмо, – повторила оборотница, кивая на пол, где так и валялся конверт, и продолжая щекотать хохочущих детей.

– Это от шефа, – проговорил он, когда прочитал. – Сообщает, что к нам через три дня, в пятницу, придет нотариус, оформлять в казну всё движимое и недвижимое имущество Гарэйла. На всю бумажную волокиту нужны две недели, и казначей сможет любоваться гербовыми

купчими. Однако они оставят Хвостикку пожизненную ренту. Посмотри, – протянул ей листок.

– Ты сможешь распорядиться выплатами до его совершеннолетия, – возвращая бумагу Гроулу, заметила Вилда.

– Зачем бы мне это? – буркнул Гроул. – Я способен обеспечить ребенка... и не только.

Оборотница сделала вид, что ничего не слышала.

– Если все деньги Ринора уйдут в казну, то опасность для него исчезнет, понимаешь? – осенило ее. – Он будет в безопасности. И... – Она осеклась.

– И нам не нужно будет больше жить здесь вместе? – продолжил Гроул, глядя на нее.

– Да. – Голос ее дрогнул. – Мы сможем вернуться домой. В свои дома.

Он усмехнулся, но не сказал ни слова.

– Идите ко мне, банда, маме нужно работать. – Гейб похлопал ладонями по дивану. – Чем будем заниматься? Посидите или будете скакать, как тушканчики?

Удаляясь, Вилда чувствовала его взгляд. Но не оглянулась. Ей хотелось побыть здесь, но нужно было серьезно подумать.

Королевским нотариусом оказался невысокого роста седоволосый и чуть зеленокожий мейз, в котором, помимо человеческой, явно проглядывала орочья кровь. Вилда подала кофе и чай и хотела было уйти, но Гроул остановил её.

– Вилда, останься, пожалуйста. Ты разбираешься в этих делах куда лучше меня.

Внешне невозмутимая оборотница села за стол рядом с Гроулом. Но внутри у нее разливалось тепло – Гроул не постеснялся попросить помощи.

Мейз Динар Джафер бросил на Вилду быстрый взгляд, но не перестал профессионально-значительно улыбаться. Зачитал вслух привезённые с собой купчие и вручил для ознакомления длинный перечень имущества, а также дополнительное соглашение о передаче всех активов, которые будут еще обнаружены. Вилда быстро пробежала глазами то и другое и кивнула Гроулу.

– Прежде чем удостоверить вашу подпись, я должен убедиться, что ваш подопечный действительно является Кирбертом Гарэйлом. –

Нотариус принял строгий и деловой вид. – И что вы – действительно Гейбртерих Гроул, его опекун, а не кто-то под личиной. Таков закон.

– И как вы будете это делать? – подозрительно уточнил Гейб, которому представилось, что сейчас малышу будут колоть палец или проводить ещё какие-то неприятные манипуляции.

– У меня есть специальный амулет, который Кирберт Гарэйл сам оставил для заверения своей личности в банке, а также флакончики с вашей и с его кровью. – Мейз Джафер вынул из футлярчика небольшой перстень с кроваво-красным камнем и с круглым отверстием рядом. – Я вставлю флакончик с кровью вот сюда, – и он действительно вкрутил крошечный флакончик, как лампочку, в перстень, – и надену амулет на палец ребёнка. Если это он, амулет станет прозрачным.

Ринор с любопытством вертел головёнкой, сидя на коленях у Гроула, пока нотариус проводил необходимые процедуры. Перстень, надетый на пальчик, уменьшился в размере, крепко обхватив кожу. Камень, как было обещано, стал прозрачным. Затем он почернел.

– А почему камень стал чёрным? – напряженно и даже зло спросил Гроул, прижимая к себе ребёнка.

– Увы, это означает, что у дитя нет живых родственников, которые могли бы наследовать его состояние, – сухо ответил нотариус, снимая перстень и вкручивая в него второй флакончик. – А теперь вы, мейз Гроул.

Гейб сунул указательный палец в перстень, почувствовал, как он сжимается – и камень снова стал прозрачным. А потом тоже почернел.

Волк опустил голову и сжал зубы. По скулам заходили желваки, а глаза почему-то повлажнели.

Каждый сирота все равно надеется, что близкие живы, произошла ужасная ошибка и его когда-нибудь найдут. И когда получаешь подтверждение, что это не так, больно и детям, и взрослым.

Гейб понимал, что родители мертвы, – иначе бы не случилось того, что случилось с ним, – и пытался найти следы других родственников. Бабушки, деды, тети, дяди... Но не нашел. Он даже фамилию клана, из которого происходил, не смог установить. И теперь оказалось, что у него действительно никого нет.

– Давайте завершать дела, – прервала неприятную паузу Вилда, забирая у оборотня Ринора. – Идём, малыш, я дам тебе что-то вкусное.

Гейбу показалось, что она прижимала к себе ребёнка так нежно, как никогда раньше. А еще, когда она брала волчонка, она словно нечаянно сочувственно погладила Гроула по плечу.

Королевский нотариус в сопровождении аж шестерых парней из охраны уехал. Гроул метался из угла в угол – за ним радостно бегал Ринор в щенячем облике, – затем быстро настрогал жаркое на ужин, взял швабру и с ожесточением намыл весь дом, но разбередившаяся рана никак не желала закрываться вновь. За ужином он был угрюм и смотрел в свою тарелку. И даже не услышал, как первый раз его позвала Вилда.

– Гроул, – окликнула она. – Мы сто лет не оборачивались. Не хочешь прогуляться в окрестных лесах до детского сна?

Она предложила это, чтобы отвлечь его, но вдруг поняла, что ей самой невыносимо хочется насладиться бегом по морскому берегу, заросшим лесом холмам.

– Не хочу, – буркнул он, вставая и подходя к окну, за которым, как мокрое бельё, висели начинающиеся влажные сумерки.

– Давай пробежимся, разомнёмся, – спокойно продолжила она уговаривать. – Осень же, столько запахов. Поохотимся. Мак посидит с детьми.

– Я посижу, – кивнул Маккензи с готовностью. – Ну что, детки, посидите с дядей Маком пару часов? Хотя дядя Мак бы с удовольствием тоже побегал... Гроул, если ты не хочешь, то я тебя заменю.

– Обойдешься, – буркнул Гейб, тяжело поворачиваясь к Вилде. – Хорошо. Мне не мешает подышать морским воздухом. – Он наклонился и поднял с пола весело твякающего Ринора. – Малыш, побудешь без меня немного? Я вернусь очень скоро, понимаешь? Пока тебя еще рано брать на охоту. И Морну тоже. Но мы обязательно побегаем по лесу, когда вы подрастете.

Ринор не заплакал, но задрожал всем тельцем, когда Гейб отдал его другу. Мак подхватил второй рукой и Морну и пошел за Вилдой и Гроулом в сад.

Два оборотня перетекли в звериную форму и потянулись, разминая мышцы. Мелкие тоже обернулись, прыгали вокруг них, твякая и вякая. Оборотень коротко рыкнул, призывая к порядку, и по очереди ткнул носом каждого в спинку. Волчица лизнула в нос сначала

дочку, потом волчонка, они заскулили, но плюхнулись на попы, подметая хвостами дорожку. Огромный чёрно-серый волк большими скачками помчался вперёд, перемахнул через ограду и исчез из виду. Следом рванула светлая волчица. Щенки попробовали догнать, но скоро вернулись, ткнувшись в закрытую калитку и разочарованно скуля. Морна быстро успокоилась, а Ринор лёг, уткнувшись носом в волчий след, и замер. Маленькая волчица наскакивала на него, предлагая играть, но он никак не реагировал. Тогда она легла рядом, начала лизать его ухо, вылизывать мордочку. Маккензи присел рядом на корточки, погладил пушистую спинку.

– Не расстраивайся так, мелкий. Твой отец тебя не бросит, он скоро вернётся. Я же вижу, как он любит тебя, и никогда не оставит. Давай, вставай, я вам дам мячик, побегайте.

Но волчата так и лежали, прижавшись друг к другу, не обращая внимания на взрослого. Мак вздохнул и обернулся сам, чтобы немного размяться и развеселить детей, и вскоре в саду начался радостный шум, визг и тявканье.

Осень в лесу оказалась пьянящей. Теплый влажный ветер уносил давние обиды, разочарования, страхи. Два великолепных зверя носились под низким пасмурным небом, наслаждаясь скоростью и силой мощных лап, великолепием мускулистых литых тел. И в них росло знание, как каждый притягателен для другого, и поднимались воспоминания о том, как они так же бегали на охоту в начале своего знакомства, как хорошо им было тогда.

Осенний воздух словно растворил боль в груди Гроула, и он по-настоящему увлекся погоней за быстрым зайцем, догнал, принес Вилли, которая больше играла, пугая белок, чем хотела охотиться. Она не оттолкнула его дар, и Гроул, наблюдая за тем, как она разрывает добычу крепкими зубами, дал себе слово, что не будет ее торопить. И дождется, пока она сама придет к нему.

Они вернулись обратно бок о бок и, не оборачиваясь, решили с детьми спать в саду. Мак, вымотанный двумя волчатами, посмотрел на них и понятливо ушел в сторожку. Так они и проспали всю ночь – двое волков и волчата между ними.

Глава 16

Зло под солнцем

*Врага нужно знать в лицо, желательно
выгравированное на могильном камне.*

*«Уложение», которое иногда тоже
бывает полезным*

Если имя Кирберта Гарэйла было на слуху, то его правую руку, Пэнка Слоуна, не знал почти никто, кроме собственно главаря и самых преданных бандитов. Должность у Слоуна была такая – личный казначей Гарэйла. Невысокий, в круглых очках, чуть сутулый, с примесью гномской крови, он жил в не самом богатом квартале столицы, с Гарэйлом общался только на конспиративных встречах и, аки лев, охранял его богатства. Гарэйл щедро платил ему, но не знал, что Слоун был патологически жаден до денег. И планировал убийство главаря.

Но, увы, дракон со своим проклятием успел первым. Теперь Гарэйл стал ребенком, и его миллионы были арестованы. Не все – было еще множество тайников. Только вот беда – открыть их мог только сам бывший хозяин, потому что заперты они были амулетами, зачарованными на крови главаря.

Поэтому Пэнк Слоун, возглавив сильно прореженную банду и пообещав бандитам хорошую долю, принялся искать и Гарэйла, и его нового опекуна, засветившегося в фотообскурах журналистов.

Слоун перехватил управление широкой сетью осведомителей в разных структурах, которые раньше работали на Гарэйла. Он платил щедро, а ещё не гнушался шантажа, если ему это было нужно, и брал в заложники членов семьи ради получения информации.

И вот раскинутая сеть наконец-то дрогнула – прошёл сигнал, что добыча обнаружена. Клерк в королевской нотариальной конторе, работающий на казначейство, продал служебную тайну за сходную цену.

Слоуна ждал неприятный сюрприз. Оказалось, что королева велела передать в казну все имущество Гарэйла, документы уже подписаны и скоро сам бывший главарь не сможет открыть тайники, ибо договоры заверяются магически. Оставалось или заняться королевским нотариусом, пока документы не вступили в силу, и завладеть бумагами, или найти «золотого» младенца в самый кратчайший срок, опять же через королевского крючкотвора.

«Потрошить» самого нотариуса, как обычно делал Слоун, было неразумно – наверняка за ним установлена слежка, и даже если нотариус просто исчезнет, его будут искать, а следы остаются всегда. Пришлось идти круглым путём – пустить за нотариусом «хвост», выяснять пути передвижения мейза Джафера перед удостоверением сделки, ехать тем же поездом, расспрашивать в Бадене, где его видели и куда он ездил или ходил. В городке давно имелся продажный полицейский чин, обеспечивающий прикрытие игорным притонам и торговле контрабандой, он-то и навёл на дом Ристерда в соседнем Сибае. Этот поиск занял пару дней, а его итогом стало то, что пара десятков мужчин в похожих костюмах, нагруженных тяжёлыми чемоданами и саквояжами, сели в один и тот же поезд, направляющийся на юг, по одному или двое в разные купе и вагоны.

– Что такое? – тревожно спросила Вилда, когда Гроулу за завтраком скользнула в руки «ласточка». Мак тоже вопросительно уставился на друга.

– Пишет полковник, – хмуро ответил Гейб. – Они установили слежку за известными полиции членами банды Гарэйла, которые остались на свободе. Сегодня бандиты прибыли в Баден. Значит, нас каким-то образом раскрыли. Полковник говорит, что это идеальная возможность накрыть остатки банды, и это необходимо сделать, потому что без главаря они стали творить беспредел, убивать и грабить. Гарэйл, оказывается, ещё как-то держался в рамках закона.

– Значит, сегодня, – воодушевленно вклинился Мак. – Наконец-то все закончится! Я соскучился по маме!

– Это не смешно, Мак, – рявкнул Гроул. – Дети в опасности! Группа захвата в доме напротив предупреждена, они будут наготове. Мы с Ринором, – он сжал зубы, – должны сыграть роль наживки. Ринора нужно показать днем в саду и вечером желательно помелькать

с ним в окнах. На ночь спрячем его. Вилли, ты с Морной можешь уйти прямо сейчас.

Она побледнела.

– Да, я должна уйти. Я не могу рисковать Морной.

– Я знаю, – сказал он. – Бери портал-амулет и уходи. Он заряжен, его хватит на всех нас.

– Давай я унесу и Ринора тоже, – сказала она сдавленно.

Он покачал головой.

– Больше всего я хочу, чтобы он был в безопасности. Но ты сама знаешь, что он не может без меня больше двух часов. Я запру его в подвале и буду спускаться к нему, чтобы покормить. В морозилке есть бутылочки с твоим молоком, нам хватит до завтра.

– А если ты погибнешь? – спросила она мрачно, представив, как страшно будет малышу одному в подвале.

– Тогда в справочниках появится информация, что бывает с теми волчатами, у которых умирает привязанный взрослый, – невесело усмехнулся Гроул. – В любом случае банду выбьют и Ринор хотя бы не умрет от голода. Уходи сейчас, Вилли, не тяни время.

Вилда посидела секунду, колеблясь, затем, подхватив дочку на руки, побежала в кабинет и быстро открыла сейф с бесценным амулетом. Каждое использование порталного амулета было подотчетным, потому что стирало часть заколдованного камня и стоило как небольшая квартира в столице. Поэтому и использовались амулеты в крайних случаях – как сейчас.

Вилда закрыла глаза и представила то место, куда желала попасть.

Она всем сердцем жаждала быть с Гроулом и Ринором. Но безопасность Морны тоже была важна.

* * *

Ольф Хедвиг, вожак клана Хедвиг, благостно поедал пирожки с мясом, которые напекла жена, когда в столовой его большого дома засиял портал и оттуда вышла непокорная и много месяцев прячущаяся от него дочка с внучкой на руках. Седой оборотень так и застыл от этой картины.

– Я не вернулась, – предупредила Вилда, быстро целуя дочку в лоб и крепко прижимая к себе. – Даже не думай. Я принесла тебе внучку погостить. – Она опустила Морну на пол. – Заберу завтра. И только попробуй ее от меня спрятать, папа! Я пожалуюсь королеве! И вообще, я выхожу замуж!

– Вилда, а ну стой! – зарычал наконец-то пришедший в себя вожак, но упрямая дочка сжала в руке какой-то амулет и снова шагнула в волшебный, стоящий огромных денег портал.

Морна, деда помнившая слабо, но узнавшая запахи, жалобно затыкала вслед матери, но быстро утешилась кусочком пирожка, который ей сунул под нос вожак.

– Ольф, ей нельзя, – возмутилась мейсис Мита, отбирая у внучки угощение. – А кто это у нас такой хороший? – поцеловала она хохочущую Морну. – Такой славный? А сейчас я кого накормлю вкусной полезной едой? А тебе, – погрозила она пальцем мужу, – сколько раз говорила: не рычи на дочку, поговори с ней как со взрослой, она уже сама мать, а ты к ней все как к неразумному ребенку.

– Мита, не указывай мне как поступать, – прорычал вожак. – Вас, женщин, нужно держать в строгости. Вот дал Вилде свободу – и получил дурь в голове и неблагодарность.

Мейсис Мита оскорбленно ушла на кухню, всей спиной показывая, кого теперь будут держать в строгости.

– Нет, подумать только, оставила дитя и сбежала, – продолжал вожак ворчать и через полчаса, пока внучка сидела у него на коленях и тягала за бороду. – Только пусть попробует вернуться! Замуж она выходит. Выйдет за того, за кого я скажу! Только так! Королеве она пожалуется, надо же. О, а вот и твоя пюрешечка, – заворковал он, принимая из рук жены только что сваренную и протертую курицу. – Давай... за маму... за деда... две ложечки... Кормят ребенка всяким, нет бы косточку дать, да, малышка? Вот в моем детстве так детей не баловали! – и опять завел заезженную пластинку: – Замуж, меня не спросясь!

Вилда появилась в гостиной, когда Мак, склонившись над столом, рассказывал Гроулу, какие ловушки он еще успел поставить. Они оба уже были вооружены. Ринор щенком прыгал по карте туда-сюда.

Гейб обернулся на шорох, потянув руку к пистолету, но, увидев Вилду, застыл.

– Что ты тут делаешь? – изумленно спросил он. – И где Морна?

– У моего отца она в безопасности, – ответила Вилда тихо. – А я решила вернуться. К тебе, – добавила она после паузы.

– Так, пойду-ка я водички попью, горло пересохло, – нервно вклинился Мак и сбежал на кухню. Гейб и Вилда не обратили на него внимания, глядя друг на друга.

Гроул наконец-то отмер.

– В каком смысле ко мне?

– Во всех, Гейб, – ответила она твердо.

– Но... – промямлил он, понимая, что потерял дар речи и выглядит глупо. – Почему?

– Потому что ты заботился обо мне даже тогда, когда я сказала, что не хочу быть с тобой, – проговорила Вилли, подходя ближе. – Потому что ты показал, что, как бы тебе ни было трудно с детьми, ты не трусишь и не сбегаешь. Ты добрый и помогаешь другим людям, а доброе сердце – величайшая ценность. И ты научился слышать меня, Гейб.

Она подошла к нему, обняла. Они постояли минуту, крепко прижавшись.

– Ты станешь моей женой, Вилли? – сипло и словно не веря спросил он.

– Да, – сказала она и с нежностью поцеловала его.

Они так и обнимались бы дальше, забыв обо всем, если бы с кухни не донесся кашель Мака, который, видимо, так усердно пил воду, что подавился.

– Вилли, – проговорил Гроул после паузы, – я не хочу, чтобы ты пострадала. Уходи к отцу, мне так будет спокойнее.

– Увы, – она показала пустую цепочку от амулета, – уже не могу. Он был рассчитан на нас пятерых, но для переноса к столице, а земли моего клана находятся далеко от нее.

– Ты можешь еще уехать поездом, – настойчиво сказал он. – Выведем тебя через участок соседки.

– Морна – моя дочь, но и Ринора оставить я не могу, – сказала она твердо. – И тебя тоже. Я тоже умею драться, если понадобится, ты знаешь. И Ринору хотя бы не будет страшно в подвале, потому что с ним буду я. И тебе не придется дергаться из-за него.

Он снова обнял ее.

– Как это мило! – появившись в дверях, всхлипнул Мак, и тут же отскочил назад под их раздраженными взглядами. – Эй, палить надо будет в плохих парней, а не в меня. Я – хороший! И вам все еще нужен свидетель на свадьбе!

Вилда покачала головой и с улыбкой повернулась к Гроулу.

– Только не лезь под пули. – Она погладила его по щеке. – Нам очень многое надо обсудить, Гейб.

– Если ты хочешь, – сказал он, напряженно вглядываясь в нее.

– Да, – ответила она твердо. – Хочу.

– Готовься, друг, – серьезно и даже сурово обратился Мак к Гроулу. – Если выживешь в перестрелке, то выяснения отношений можешь и не пережить.

Вилда не бросила в него ничего только потому, что под руку путного не попало, а Гроул просто хмыкнул. Но не очень уверенно.

Вечером Гроул сам спустил Ринора в оборудованную комнатку в подвале, и оборотница закрыла дверь изнутри на тяжелый засов. Затем поправила подушки на кровати, где спал малыш, обернулась и легла рядом с ним так, чтобы защищать его своим телом.

Глава 17

Под покровом ночи

Что касается отношений с другими расами, то следует проявлять добрососедство, дружелюбие и приязнь, прятать клыки и не ловить блох при общении. Ежели хочется соседа укусить, надобно воздержаться и вмазать кулаком.

«Уложение», раздел семнадцатый

Штурм начался сразу, как только в Сибэе погасли огни и все добропорядочные жители легли спать. Пара десятков темных теней проскользили по улице, перебрались через забор мимо дома сторожа и одна за другой, рассредоточившись по участку, пошли к дому. Лезли и через участки мейсис Клозин и мейсис Тильды, но старушку днем убедили навестить родных, а поэтесса до сих пор была в отъезде.

Свет не горел, в саду были потушены фонари, даже луны не было. Мак и Гроул, засевшие в сторожке и наблюдавшие за нападающими из темного окна, слышали, как кто-то сдавленно охнул и громко захрапел – попал в сонную ловушку на тропинке. Сдавненное рычание и болезненный визг подсказали, что ещё один или два врага обезврежены.

Слева, со стороны дома мейсис Клозин, пытались одновременно прорваться трое. Спрыгнули в траву и сразу попали в магическую трясиину, сковавшую злоумышленников вязкой жижей до самого пояса.

Справа ловушки атакующим удалось нейтрализовать. Гроул шкурой чувствовал злое ликование тех, кто рвался сейчас к дому. Ворота тоже были хорошо защищены, но бандиты точно не были дураками и сейчас штурмовали дом не в полном составе. Кто-то обязательно остался за воротами, а кто-то, возможно, и наблюдал издалека, чтобы помочь, если будет нужно, или сбежать, если начнется жара. Поэтому и группа захвата из дома напротив пока выжидала – нужно было, чтобы на участок пришли все.

– Стрелять они не должны, – почти неслышно сказал Мак Гроулу, – иначе есть риск привлечь внимание соседей, которые могут вызвать полицию. Будут давить нас числом.

– Ты видел, что они пошли через участки соседей? – прошептал Гейб. – Наверняка и в дома уже наведались. Если бы соседи были дома, сидели бы сейчас связанными и полицию через визор вызвать бы не могли. Я бы не рассчитывал на тихий захват, Мак.

Еще несколько сдавленных воплей – парализующие арбалеты сделали свое дело. Раздался скрежет, стук – бандиты добрались до заговоренной двери и ломали ее. Кто-то разбил стекло, полез внутрь и, тут же получив заряд электричества, завопил. Остальные столпились у дверей, а через ворота начали перепрыгивать все новые захватчики.

– Ну что, пойдём, – скомандовал Гроул, направляясь к подвалу сторожки, в котором хранился уголь и из которого можно было незаметно выбраться наружу между забором и стеной. Группа охраны тоже должна была выдвинуться из соседнего дома и скрутить тех, кто остался за воротами.

Но вдруг сверкнула вспышка, и они с Маком бросились обратно к окну. Прямо посреди сада из портала вышел сутулый человек в очках, что-то покрутил на пальце – и дом вместе с частью участка оказался накрыт огромным призрачным куполом, словно круглой крышкой от гигантской масленки, отрезая всем возможность попасть внутрь.

– Он отрезал нас от остального городка, – процедил Гроул. – Теперь нам никто не поможет, Мак. Только мы сами. Пока маг группы охраны сможет взломать эту защиту, они доберутся до Ринора и Вилли, если их не остановить. А их не меньше пятнадцати и, сам понимаешь, теперь они могут стрелять.

– Но и мы можем, да? – напомнил Мак невесело.

Бандиты ломали зачарованную дверь – та неохотно, но поддавалась, – пытались обезвредить ловушки на окнах. Кто-то уже лез на крышу по водосточной трубе, кто-то пытался забраться в окно второго этажа. Через несколько минут с двух сторон сада раздались пистолетные выстрелы – сразу несколько захватчиков свалились мешками, остальные прижались к земле и мгновенно начали палить во все стороны. В темноте пули сверкали золотыми росчерками, ударялись о стены защитной «крышки», рикошетили.

«Крышка» купола мерцала, будто в нее кто-то колотил снаружи.

– Мы сами себя поубиваем! – крикнул кто-то из бандитов. – Не стреляйте!

Гроул, расстреляв всю обойму, змеем прополз в кустах, во тьме нырнул к стенке дома и бесшумно прыгнул на двух палящих по саду бандитов. Метнулся к одному, свернул шею, второго ударил в висок, и он мешком свалился в кусты. Оборотень растворился в зарослях, размышляя, что делать дальше.

С другой стороны раздался сдавленный стон, которого стреляющие хватчики не расслышали. Это сработал Мак. Гроул обернулся и, убедившись, что пока не обнаружен, в прыжке сбил еще одного бандита, вместе с ним покатился по земле, вцепившись ему в горло.

«Четверо из пятнадцати, – думал он. – Такими темпами мы их за два дня не переловим».

Мак подстрелил еще двоих, но с его стороны сильно запахло волчьей кровью – видимо, его ранили.

Осталось, кажется, девять. Мгновение Гейб решал, что делать, и рванул за угол. Быстро и без сантиментов расстрелял тех, кто пытался разбить окна и взломать дверь черного входа.

Совсем близко рванул взрыв, и Гейб, поспешно открыв черный ход, скользнул внутрь.

Бандиты, не сумев взломать дверь ломami, применили взрывчатку, и запирающее заклинание разлетелось вместе с дымом. Они стремительно врывались внутрь, но там со второго этажа их уже отстреливал Мак, чуть раньше забравшийся через окно и предусмотрительно обезвредивший на нем свою ловушку.

В доме было темно, но оборотни видели ночью не хуже, чем днем. Мак залёг на лестничной площадке, ведущей на второй этаж, куда они днём затащили диван, и стрелял по вспышкам света. Одного из нападавших он уже уложил – оборотень чуял труп, а несколько бандитов засели в нише, в которой находилась лестница в подвал, и безостановочно стреляли. Гейб снял и их – с пола раздавались стоны раненых. Но стрельба все еще велась со всех сторон.

И тут раздался крик: «Стоять, всем руки вверх!», вспыхнул свет и в дом начали забегать парни из группы охраны, валить бандитов на пол, скручивать их. Видимо, маг все же сломал защиту.

– Что, пойдём пленных брать? – Льялл, убедившись, что никто в доме больше опасности не представляет, спускался по лестнице, сильно хромая. Бедро его было перетянато кухонным полотенцем.

– Без тебя скрутили, к медику иди, – хлопнул его по плечу Гроул. – Я к Вилде и Ринору.

Он спустился в подвал, заставленный бочками с маслом и соленьями, старым барахлом, прошел мимо этого всего к двери в убежище.

– Вилда, как ты? – позвал он.

– Нормально, – раздался ее тревожный голос. – Все закончилось? Ринор плакал. Я его покормила, он успокоился, но сейчас снова плачет.

– Все закончилось. – Гроул оперся рукой о косяк, прислонился лбом к двери. Адреналин уходил, и тело против воли расслаблялось. Но скулеж щенка заставил его собраться. – Можешь открывать.

Дверь распахнулась, в проеме показалась Вилда. Лицо ее было бледным, но она улыбалась. Он шагнул к ней – и внезапно глаза ее расширились от ужаса.

– Гроул! – крикнула она с отчаянием.

Только звериная реакция спасла его от смерти. Просвистела пуля, пробивая ему плечо, и Гейб прыгнул в сторону стрелка, засевшего за бочками, оборачиваясь на лету и закрывая Вилли своим телом. В грудь сбоку ударила еще одна пуля, но Гроул не остановился – сбил стреляющего, разорвал клыками его руку, заставив выронить пистолет. Однако тут Гейба повело, и он беспомощно рухнул на бок.

В глазах расплывалось, но он успел увидеть, как через него с рычанием перепрыгнула Вилда в зверином обличье и вырвала нападающему глотку.

Под утро в городок нагрянули боевые маги и начальство.

– ...Главарь был весь увешан амулетами, – говорил Мак, потирая перевязанное и уже подлеченное бедро, – поэтому мы не почувствовали его запах, когда он проник в подвал. Он, видимо, думал там отсидеться, а затем сбежать, и не ждал, что найдет там того, кого ищет. Ему повезло... а потом сразу не повезло. Чудо, что Гроул успел среагировать.

– А вам в подвале отсидеться было не судьба? – рявкнул полковник. – Нужно было геройствовать?

– Если бы мы сидели в подвале, они бы быстро взломали двери и проникли внутрь. И поджарили бы нас там, как лисиц в норе, – возразил Гроул слабо. Над ним колдовал маг – пытался магически извлечь пулю, застрявшую в ребре, и оборотень морщился, несмотря на обезболивание. Он был очень слаб – пусть первая пуля прошла навывлет, крови он потерял много. В больницу он ехать напрочь отказался, чтобы не оставлять Вилду и Ринора, который дремал тут же, под боком.

Вилли хлопотала на кухне, пытаясь приготовить что-то на толпу мужиков.

– Согласен, – смягчился полковник. – Кто бы мог предусмотреть, что у этого Слоуна окажется столько редких амулетов! Но теперь он мертв, и не видать казне богатств из тайников Гарэйла.

– Ну уж извините, – язвительно сказала Вилда, ставя на кухонный стол, с которого оттерли следы грязных ботинок и брызги крови, большую кастрюлю сладкой овсяной каши. – Меньше всего меня в тот момент волновали деньги.

– Мейсис Хедвиг, корона не останется в долгу, и вы получите награду за храбрость, – тут же сменил тон полковник. – Как и эти двое. Но помимо награды вы, два героя, получаете возможность еще послужить Эринетте.

– Опять куда-то ехать под прикрытием? – простонал Маккензи.

– Нет, – успокоил его полковник. – Дело в том, что у нас внезапно образовалось сразу две вакансии. Венс Смоковски арестовал начальников полиции Бадена и Сибая за сговор с преступниками. Они братья, и получали неплохие отступные от местных воришек и мошенников за то, что закрывали на них глаза. А еще все преступники Эринетты знали, что можно отсидеться здесь, на курортах, дав на лапу братьям, и их никто не тронет. Они же сдали перемещения королевского нотариуса Пэнку Слоуну. Поэтому вот что. Как вы смотрите на то, чтобы здесь задержаться? Я предложу её величеству назначить вас начальниками полиции, – невозмутимо продолжил полковник. – Гроул, тебя в Сибай, и дом этот впридачу. А тебя, зубоскал, – в Баден.

Напарники переглянулись.

– Жить на побережье, где столько красоток? – уточнил Мак. – Молодому холостому оборотню? И вы надеетесь, что я откажусь?! Ни

за что! Кстати, мне этот дом тоже нравится!

– В Бадене работы побольше, – с каменным лицом парировал полковник. – Если тебя назначать в сонный Сибай, то ты тут от скуки за всеми юбками обволочишься. Будете страховать друг друга.

– Хитро, – хохотнул Мак. – Ладно, я согласен. Отец будет счастлив: тридцать лет – и уже начальник полиции. А ты, друг? – обратился он к Гроулу. – Или бросишь меня тут одного?

Гроул пожал плечами и посмотрел на Вилду. Та кинула на него быстрый взгляд, закусил губу и продолжила раскладывать кашу в глубокие тарелки рассевающимся вокруг большого стола коллегам.

– Вообще я хотел открыть столярную мастерскую... – медленно проговорил Гроул. – Но в любом случае я не могу сейчас ответить. Решение принимать не одному мне.

– Детям здесь хорошо. И море мне понравилось, – словно невзначай бросила Вилда, уходя на кухню, и Гейб просветлел лицом.

– Ого! – хохотнул кто-то.

– Вот дела! – протянул полковник озадаченно.

– Оборотня взяли в оборот, похоже.

– Примеряешь каблук, Гейб? – продолжали изощряться коллеги в остроумии.

– Сейчас перца сыпану в кашу! – рявкнула Вилда с кухни, и все примолкли и прилежно заработали ложками.

– Суровая, – подмигнул Мак. – Не жалко терять свободу, Гейб?

– Она того стоит, Мак, – отозвался Гроул с дивана, и коллеги одобрительно захмыкали. – Она того стоит...

Глава 18

О том, что иногда лучше говорить, а не молчать

С прискорбием должны отметить, что иногда оборотня постигает помрачение по имени любовь. Хотели бы сказать, что с этим можно бороться, но нет: смирись, волк, лекарства от этого нет.

Из в кои-то веки мудрого «Уложения»

Через двое суток следственные работы были закончены, преступники отправлены под арест, окна и дверь вставлены, а начальство и коллеги уехали обратно в столицу. Ринора уложили спать, а взрослые под шелест осенних листьев, падающих с деревьев, укутавшись в пледы, пили в беседке гномский бальзам и беседовали. Мак, чувствуя, что разговор потихоньку начинает перемежаться выразительными паузами, понятливо взял свою кружку, бутылку и с непередаваемой улыбкой удалился к себе. Гейб и Вилда любовались на звёздное безлунное небо, пили по глотку и молчали.

– Как ты жила все это время? – наконец решился спросить Гроул.

Она пожала плечами.

– Наверное, самое подходящее слово – нормально, Гейб. Я очень обиделась на тебя тогда, но понимала, что к отцу возвращаться нельзя. Отец... он меня очень любит, но он вожак, и этим все сказано. Если он что-то сказал, то должно быть только по его и никак иначе. Он ведь еще до того, как я сбежала в Весницу, много раз высказывал сожаление, что отпустил меня учиться. Но в клан требовался финансист, и он решился, когда мне исполнилось двадцать один. И когда я через три года рассказала ему, что встречаюсь с тобой... он потребовал вернуться и сказал, что сразу же выдаст меня замуж. А я не вернулась и решила жить с тобой. И потом, после... зная что меня ждет, взяла из университета рекомендации и табель и уехала в страну оборотней, поступать на курсы там. Там получилось доучиться два

года и устроиться в посольство Эринетты, там же я, отработав пять лет, познакомилась с Уильямом.

– Каким он был? – глухо спросил Гроул, судорожно отпивая большой глоток.

– Он был очень добрым и мягким, – грустно ответила Вилда. – Ученый, исследовал магические артефакты. Я не знала человека добрее него и уверена, что могла бы прожить с ним всю жизнь. Мы были... друзьями? И пожениться решили, потому что я устала от ухаживаний местных, а на него наседали мать. А когда он женился на мне, а не на «нормальной человеческой девушке», почти прекратила с ним общаться. Он предложил, а я хотела семью, хотела детей, и мне было с ним очень тепло, поэтому согласилась. Он сгорел за сутки, мы даже не поняли, что это было. Началось все как обычная простуда, и если бы мы вызвали мага, а не простого врача... кто же знал. Затем уже выяснилось, что он по просьбе полиции проверял конфискованные артефакты и схватил проклятие.

– И ты решила вернуться в Эринетту?

– Я вернулась в клан, потому что беременность протекала нелегко. Отец вроде как успокоился, но, когда Морне исполнилось полгода, снова заговорил о том, что нашел мне мужа, который сможет за мной присматривать, и что через неделю знакомство. Мне удалось сбежать, накопления были, посол дал мне рекомендацию, и я поступила на работу в управление. Было очень тяжело. – Она вздохнула и потянулась к кувшину. – Ты сам видишь, какая Морна активная. Но она сейчас хоть что-то соображает, а тогда постоянно требовала внимания. Я постепенно приучила ее к тому, что маму во время работы трогать нельзя, но все равно приходилось подспудно наблюдать за ней, кормить, переодевать... Плюс постоянно присутствовало чувство вины, что ребенку надо гулять, а гуляли мы только утром по дороге на работу и вечером, когда шли обратно.

– Почему ты не наняла няню? – недоуменно спросил Гроул.

– Я боялась, что отец выкрадет Морну и тем самым заставит меня вернуться в клан. – Она вздохнула. – Завтра после церемонии надо будет садиться на поезд и ехать за ней. Но теперь он меня не сможет заставить остаться. Понимаешь, он хороший, правда. Да, в клане жесткая иерархия и все знают свое место, но отец не жесток и не самодур. Однако в отношении меня он словно с ума сходит.

– Он, наверное, очень тебя любит, – пробормотал Гейб. – И боится, что без его защиты и опеки тебя кто-то обидит, ты в чём-то ошибёшься.

– Может быть... Меня все любили – и он, и мама. И братья с сестрами. Я всегда росла в любви, – улыбнулась Вилли и тут же посерьезнела. – Теперь ты, Гейб. Как мне кажется, я слишком многого о тебе не знаю. Расскажи мне. Почему на самом деле ты не хотел детей?

Он тяжело вздохнул.

– Ты ведь знаешь, что мы перенимаем черты характера своих родителей? – начал он. – Ты – дочь вожака, и ты смелая, сильная, лидер по натуре. А я... – Он помолчал и решился, тяжело роняя слова: – Я боялся, что буду так же жесток к детям, как человек, к которому я оказался привязан.

– Я думала, ты вырос в сиротском доме, – проговорила она медленно.

– Нет. – Он покачал головой. – Я попал туда только в тринадцать, когда слетела привязка. А до этого я все тринадцать лет зависел от человека, который не испытывал ко мне никаких добрых чувств. Ты же знаешь, что взаимная привязка происходит только между оборотнями? А если ребенок-оборотень, а взрослый, к которому он привязался, другой расы, то никакой потребности заботиться и оберегать в нем не возникает? Этого человека звали Гас Грин, и он был владельцем цирка на колесах. Он нашел меня на окраине оркского поселения в степи, где давал представление, и, к моему несчастью, я впервые открыл глаза именно у него на руках. Я не знаю, каким образом я появился там. Я ездил потом к тому поселению, выяснял, в этих краях никогда не бывало оборотней и никаких слухов о щенке оборотней не ходило. Я не знаю, кем были мои родители и кто мои родственники, Вилли, хотя объездил, когда подрос, все кланы Эринетты, посылал запрос в Весницу. Я надеялся, что пусть мои родители мертвы – а иначе я бы не привязался к тому, кто меня нашел, – то хотя бы родных найду. Но, похоже, у меня никого нет. Так моим «отцом» стал циркач.

– И ты, – в ужасе осознала Вилли, – фактически оказался...

– В рабстве, можно сказать. – Гроул снова отпил из кружки. – Я не мог прожить без него и часа. С голода не умер только потому, что у него в цирке была кормящая собака, и она приняла меня. Он

путешествовал с женой, другими артистами и кучей своих детей. Я пытался играть с ними, но они меня не принимали, смеялись и кричали, чтобы я шел к животным, где мне самое место. А когда Грин понял, что ему стоит что-то мне сказать и я не могу не выполнить, что я ловлю каждое слово... он стал с двух лет ставить со мной цирковые номера. Назвал это «Бесстрашный волчонок Гроул». Я прыгал щенком через горящие обручи, умирал от страха, плакал, но прыгал, потому что он приказывал. Я выходил на арену с тигром и убегал от него. Прыгал меж ног слониhi. Летал с акробатами и каждый раз надеялся, что упаду и умру. Сколько раз я резался, обжигался, получал сотрясение – даже вспомнить не могу. Но на представления с «бесстрашным волчонком» зрители ходили с охотой, я стал золотой жилой для Грина.

Вилли смотрела с ужасом, в глазах стояли слезы. Воображение рисовало, как тяжело было расти маленькому оборотню, всем существом привязанному к приёмному отцу, без ласки, внимания. Ведь тот, кто запечатлевал щенка, становился для него центром мира, солнцем, источником тепла, дыханием жизни. Немудрено, что Гейб ожесточился. Нельзя отдать то, чего не имеешь, а Гроулу никто не показал, что такое любовь, родительская самоотверженность и нежность. У оборотницы всё сжималось внутри, когда она представляла, что на месте Гейба могла оказаться Морна или Ринор.

– Там был только один добрый человек, клоун Виф, который научил меня вырезать из дерева, работать столярными инструментами. Но он был очень старенький и умер, когда мне было десять. Сама понимаешь, как только у меня началось половое созревание и привязка разорвалась, я сбежал в тот же день. Долго бродяжничал, пытался прибиться к разным кланам, но меня отовсюду гнали. Как беспланового. В Весницу я даже не стал соваться – там к бесклановым отношение еще суровее, чем в Эринетте. Затем меня в столице поймали стражники и отправили в сиротский дом. Оттуда я сразу поступил в полицейские кадеты, и вот я здесь. А фамилией взял себе ту же, «Гроул», потому что я не знаю, кто я и откуда. Да, и я, уже выйдя на полицейскую службу, нашел Грина и сделал так, что он никогда больше не будет измываться над слабыми.

– Ты его покалечил? – с одобрением поинтересовалась Вилли.

– Нет, собрал доказательства мошенничества, жестокого обращения с животными и эксплуатации детей и отправил его на каторгу, – ответил Гроул. – Я же не он.

Она не выдержала, села ближе, обняла его за руку и положила голову на плечо.

– Ты должен был рассказать мне это тогда, – сказала она тихо. – Знаешь, как меня обижало и жгло то, что мы жили вместе, спали вместе, а я оказалась недостойной того, чтобы ты хотя бы объяснил, почему не хочешь детей?

– Прости меня, – попросил он.

– И ты меня, – ответила она после паузы. – Я и до твоего рассказа осознала, что не нужно было ставить ультиматум ни мне, ни тебе, нужно было подождать, пока ты сам раскроешься. Ты меня не узнал к тому моменту достаточно, чтобы доверять такое, хотя мне казалось, что мы настолько близки и не должны уже иметь секретов друг от друга. Возможно, со временем ты бы изменил свои взгляды, и даже если бы мы расстались, у меня бы не было ощущения унижения, чувства, что ты просто выкинул меня как использованную вещь.

– А я решил, что иметь детей для тебя важнее, чем я, – признался он через силу.

– Но я же не знала, что все так... Ты никогда бы не стал жестоким к детям, Гейб! Ты же добрый, отзывчивый, чуткий, всем помогаешь... а я решила, что ты со мной просто из-за постели, что ты меня не любишь.

– Я любил и люблю тебя, Вилли, – ответил Гроул, и они обнялись. Им нужно было помолчать и осознать все сказанное, потому что не осталось больше тайн и недомолвок и даже самое болезненное было высказано и потеряло силу. Прохладная ночь заставила их всё ближе прижиматься друг к другу и горячо целоваться. Поцелуи очень греют, как оказалось. Но всё же недостаточно.

Они взбежали по лестнице, целуясь и сдирая друг с друга одежду. Открыв дверь в спальню, продолжили целоваться, оставляя на губах укусы. У Гроула перед глазами стояла пелена, как у бешеного оборотня. Вилли, шальная от предвкушения, гладила его по плечам, прижималась всем телом.

– У? – раздалось в спальне звонкое и любопытное.

Оборотни отскочили друг от друга и посмотрели на кровать. Там, засунув в рот ногу, сидел Ринор и с любопытством смотрел на взрослых.

Гроул беспомощно поглядел на Вилду. Та, сама того не желая, вдруг начала беззвучно смеяться, и он тоже захохотал, привлекая ее к себе. Волчонок, глядя на странных маму и папу, тоже задрал голову и начал весело попискивать.

Наконец, отсмеявшись, легли спать. Гроул остался в коротких штанах, Вилда – в сорочке, они улеглись по обе стороны от довольного волчонка, держась за руки над его головой, и заснули. И перед тем, как погрузиться в сон, Гроул вдруг понял, что он абсолютно, полностью счастлив.

Глава 19

О свадьбах и главенстве в доме

Выходя замуж, убедись, что жених тебя любит. Тогда в семейной жизни он будет руководствоваться сердцем, а не Уложением, и вы всегда сможете договориться. Обязательно также, чтобы руки росли из нужного места.

«Тайная книга оборотниц»

Когда через несколько дней на земли клана Хедвиг въехал паромобиль с двумя оборотнями на борту, его у дома вожака поджидали сам Ольф Хедвиг, его жена Мита и целая толпа братьев и сестер Вилды.

На руках старый вожак держал внучку, которая за эти дни сделала из сурового деда если не послушного пса, то очень и очень добрую собаку точно.

– Дочь! – торжественно сказал он, когда Вилда вышла из паромобиля.

– Отец! – так же торжественно сказала волчица и взяла снявшего шлем и очки Гроула за руку. – Позволь представить тебе моего мужа, Гейбртериха Гроула. Мы с ним поженились в храме Великого Вожака в Бадене, о чем есть запись в храмовой книге.

– А кто он такой, этот твой муж? – язвительно выкрикнул отец.

– Он начальник полиции города Сибай, – так же язвительно ответила Вилда. – Города, где мы решили жить. Самый достойный и заботливый оборотень в мире.

– Я тот, кто любит вашу дочь и обещает заботиться о ней до конца своих дней, – выступил вперед Гейб.

Ольф нахмурился.

– И тот, от кого она сбежала десять лет назад, да так, что даже от родни пряталась?

– Я был неправ, – коротко ответил Гроул.

– Тот, кого мы трепали на границе? – выкрикнул кто-то из братьев Вилли.

– Кто еще кого трепал, – угрюмо хмыкнул Гроул, набычившись.

Со стороны встречающих послышалось рычание, и быть бы, возможно, хорошей драке, но тут раздался писк, скулеж, и из открытой двери паромобиля на землю вывалился Ринор. Подхватился, отряхнулся и высоко задирая лапки побежал вперед, к клану.

Затявка Морна, выкручиваясь из рук деда так активно, что тот не удержал – опустил на землю, и маленькая волчица побежала к волчонку, затем к матери и Гроулу – облизать, затем снова к Ринору, и они принялись прыгать, носиться, играть, радостно покусывая друг друга.

– А это еще кто? – грозно спросил Ольф, когда тьяканье и писк чуть стихли и можно было снова говорить.

– Это мой сын, – с вызовом ответил Гроул.

– И мой, папа, – твердо заявила Вилли. – Я назвала его своим сыном.

Вожак посмотрел на них, махнул рукой и развернулся.

– Заходите в дом, – приказал он. – И детей с собой возьмите.

Перед тем, как двинуться в дом, Вилда, подхватив Морну на руки и расцеловав до залиvistого тьяканья, попросила ее обернуться человеком. А Гейб, чмокнув дочку в щечку, надел ей через голову кулон из лунного камня, такой же, какой висел на шее у него, Вилли и Ринора.

– Соскучилась по мне? – спросил он таинственно, когда Морна потянулась к нему на руки.

– Дя! Папа! – звонко ответила девочка и крепко-крепко прижалась к нему.

– Я тоже, – признался он, погладив ее по голове, и подмигнул Вилде: – Никогда бы не подумал, что с одним ребенком в доме будет слишком тихо.

– В этом вся суть родительства, – усмехнулась она. – С детьми тяжело, но когда их рядом нет – места себе не находишь. Только все соберутся – начинаешь мечтать отдать их в гости с ночевкой. На все выходные.

– Загадка природы, – многозначительно уронил опытный отец.

– Значит, вы уже поженились, – пробурчал старый вожак, когда все расселись, а мейсис Мита, поцеловав дочь, разнесла всем чаю. – Не спросив моего благословения.

– Ты бы его не дал, папа, – отрезала Вилда.

– Кто знает, кто знает, – неожиданно ответил отец. – Мне вчера пришло благодарственное письмо из министерства полиции с поздравлениями, что я вырастил такую храбрую дочь, и грамотой для тебя, в которой говорится, что ты награждаешься за то, что уничтожила главаря жестокой банды. Рад видеть, что ты вся в меня.

– Насколько я помню, основным возражением было то, что Гейбртерих – внеклановый, – недоверчиво сказала Вилли.

– Он не внеклановый, – так же ворчливо отозвался отец. – Когда ты отказалась перестать встречаться с ним, я по своим каналам через старых должников в Веснице все узнал, а вчера, когда получил «ласточку» от тебя, что вы поженились, раскопал старые бумаги. Вот. – И он взял у одного из сыновей большой бумажный конверт, набитый бумагами, и сунул его Гроулу. – Посмотри... зятек. Мне эти документы стоили немало прощенных долгов.

Пока Гроул просматривал документы, сжимая зубы, Ольф рассказывал:

– Лет тридцать назад в Веснице была попытка государственного переворота. Несколько кланов пытались сместить действующего Вожака вожаков. Про это никто не знает, кроме дипломатов, – свою прессу оборотни держат в жесткой узде. Но какие-то слухи по кланам, живущим вне Весницы, как мы, например, конечно, прокатились. Бунт подавили, и начались зачистки непокорных кланов. Один из небольших кланов, Виндег, был полностью уничтожен, хотя потом, через несколько лет, оказалось, что они не были ни в чем замешаны.

Гроул смотрел на фотографию двух молодых счастливых оборотней – мать держала на руках крошечного щенка, отец обнимал её за плечи – и чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

– Это твои родители, – подтвердил тесть. – Их звали Текс и Вина. Они погибли при штурме замка вожака, твоего деда. Но мне удалось найти старую служанку-людинку, жившую в клане, и она рассказала, что за полчаса до штурма молодая Вина ушла в портал с новорожденным ребенком на руках, а вернулась без него. Сказала, что действовала тихо и оставила ребенка с вещами и приданым у дома

старой орчанки, а орки хорошо заботятся о детях. И что пусть лучше ты будешь без имени и фамилии, зато живой.

– Но Грин нашел тебя раньше, – всхлипнула Вилли.

Гроул перебирал фотографии, документы, едва сдерживая слезы.

– Клан Виндег реабилитировали, а тех, кто их оболгал, уничтожили, – поведал старый вожак. – Так что ты вполне можешь вступить в наследство, зять. У тебя есть земли и замок.

– Мне ничего не нужно, – глухо ответил Гроул.

– Ну тогда я, как твой тесть, вполне могу взять их под свое управление, – не смутился Ольф. – До совершеннолетия твоего сына. Ты подумай, подумай.

Вилда укоризненно посмотрела на отца, да и Гроул поднял голову.

– Я подумую. И спасибо, – сказал он с трудом. – За то, что нашли все это. Теперь я хотя бы знаю, кто я.

– Но почему ты мне про это не говорил, папа? – возмущенно поинтересовалась Вилда.

– Зачем? – не смутился Хедвиг. – Вы уже расстались, тебе это было без надобности. А теперь, – он довольно потер руки, – будем готовиться к свадьбе.

– Я уже замужем, папа! – напомнила Вилли.

– Окрестные кланы об этом не знают, – отмахнулся вожак. – Пусть церемония была, но как же праздник? Нет, Ольф Хедвиг выдает замуж дочь, и все должно быть на высоте!

Вилли покачала головой, подошла к отцу и обняла его.

– Ради твоей репутации мы потерпим, – сказала она. – Да, Гейб?

– Ради уважения тестю – да, – коротко кивнул он.

– Но не увлекайся, папа, – попросила она кротко.

– Ладно, ладно, – ворчливо отмахнулся он. – Будем гулять три дня, а не семь. Так уж и быть.

– Хватит болтать, Ольф! – вмешалась Мита, решительно поднимая зятя за плечо и подталкивая его к плотно заставленному кушаньями столу. – Дети с дороги, голодные, а ты их всё разговорами кормишь. Бедная Вилда совсем исхудала с этими переживаниями. За стол, пока не остыло, быстро, быстро.

Ольф Хедвиг был хозяином долины, но весь клан знал, кто хозяин в доме Ольфа Хедвига. Однако вожак сдержал слово – Долина Обратней гудела и праздновала следующие три дня.

Эпилог первый, повествовательный

Скрыть произошедшее нападение от жителей Сибая и газетчиков было невозможно: мало того что при взломе купола группой захвата вспышки освещали весь городок, так и стрельбу слышали все соседи. Жители Сибая с огромным изумлением узнали, что героический Фанс Ристерд и его жена Ола, как и их слуга Уим – полицейские под прикрытием, которые смогли поймать целую банду, что зовут их на самом деле иначе и внешность другая... Совершенно естественно, что местные эту историю вспоминали и много лет спустя, а газетчики так надоели Гейбу и Вилде, что особо настырного, залезшего в дом по водопроводной трубе, Гроул цапнул за мягкое место и волком гнал потом до моря.

Оскорбленный газетчик получил свою сенсацию, Гейб – очередные сплетни и славу, а семья – долгожданное спокойствие, потому что рисковать филеом больше никто не хотел.

Затем соседка, мейсис Тильда, вдруг вышла замуж за русала Виши, и семья Гроул из новой сенсации превратилась в старую, чем они были вполне удовлетворены.

* * *

Жизнь почтенных сплетниц мейсис Катерины и мейсис Нины стала куда менее волнующей, когда их сосед, Гейбртерих Гроул, исчез вместе с обретенным ребенком в неизвестном направлении. За прошедшие месяцы сплетни успели несколько раз расцвести буйным цветом и затухнуть, и окраину столицы, как и всю страну, накрывала осень. Последний раз соседа обсудили, когда в газетах появилась его фотография и рассказ о том, как он в каком-то городишке на юге помог задержать целую банду.

И каково же было удивление тетушек, когда через пару недель они увидели соседа с знакомой волчицей! Оборотни активно собирали вещи в домике, а по полянке носились двое волчат. Сборам помогали с десяток крепких парней, в которых наметанные глаза бабушек узнали стражников.

Сёстры не могли упустить такой случай и срочно вызвали бывших соседей на чай. И там с горящими глазами выпросили все, что могли выпросить, а что не смогли – додумали сами, когда рассказывали всем желающим (и не желающим тоже) эту потрясающую историю. Сбежать Гроул с Вилдой смогли только под обещание, что тетушки могут приехать к ним на пару недель погостить. Небольшой компенсацией родителям были изгрызенные детьми ножки журнального столика, которым хозяйки очень дорожили.

– Послушай, Нина, – задумчиво сказала мейсис Катерина, когда осела пыль за грузовыми паромобилями, забравшими вещи. – У нас в сундуках лежат еще с десятков летних шляпок, а лето уже закончилось.

– Да, здесь, в Веншице, оно преступно коротко, – согласилась сестра.

– И я подумала, не поехать ли нам следующим летом на море? Куда-нибудь в...

– Сибай, – подсказала мейсис Нина, хорошо запомнившая название городка, где ныне проживал Гроул.

– У нас достаточно времени, чтобы подобрать там домик.

– Стоит ли? Наш сосед так мило пригласил нас погостить. – Сестры довольно переглянулись, мстительно вспоминая пострадавшую мебель.

Пыл почтенных дам не угас ни зимой, ни весной, а вот жить в одном доме с двумя детьми тетушки хотели всё меньше с каждым взглядом на злополучный столик. Потому к лету в Сибаве у крошечного, но очень уютного домишки, расположенного через квартал от дома Гроула, появились две новые хозяйки, а у столика – новые витые ножки, изготовленные Гейбом, конечно.

Сёстры по осени вернулись в столицу за вещами, потому что решили навсегда переехать на море, ведь Ринорчику и Морне так нужны были няньки, мебель тому свидетель!

Эпилог второй, романтический

– Пора обедать! – раздался мужской голос из столовой.

По лестнице кубарем скатились два щенка, а затем чинно спустилась Вилда. За накрытым столом уже сидел частый гость – Мак, а Гроул выходил из кухни с небольшой супницей.

– Попробуй. – Гейб налил в тарелку перед Вилдой супа. – Можно это давать детям или нет? Мне кажется, неплохо получилось...

Вилда зачерпнула ложку чего-то кремово-сливочно-нежно-зелёного и попробовала.

– Что это? – спросила она, зачерпывая ещё раз и опять пробуя.

– Невкусно? – погрузился Гейб. – Это крем-суп из зелёного горошка, курицы и сливок.

– Наоборот, – покачала головой она удивленно. – Попробуй, Морна. – Вилли налила суп в детскую тарелку и дала дочке ложку.

– А я сам себе налью, если нас никто не кормит, – провозгласил Мак и подмигнул Ринору. – Как им не стыдно, правда, Хвостик?

Ринор согласно возмутился и замолотил кулачками по столешнице, пока Мак наливал себе суп.

– И тебя покормлю, не трясись. – Гроул забрал сына на колени из стульчика, начал кормить. – Хорошо идёт, я смотрю!

– Дя! – подтвердила Морна.

– У! – согласился Ринор.

– Какие они славные. Ну что, пора за третьим? – умилился Мак. – Где двое, там и трое, опыт у вас уже есть... – Он увидел глаза друзей и подавился. – А что я такого сказал? Дети – это же счастье, сами говорите! И вы двое уже почти не похожи на нежить!

– Вот сначала ты испробуешь счастья, а потом уже и мы за третьим, – ласково пообещала Вилда.

– Могла бы и просто побить, что уж сразу проклинать-то, – пробурчал Мак и понятливо молча заработал ложкой.

– Гейб, и в чем секрет? – поинтересовалась Вилли после воспитательной паузы. – Почему это вдруг наш папа начал так хорошо готовить? Последние пару недель мы просто в кулинарном раю.

Гроул хмыкнул, но по нему было видно, как ему приятно.

– Я попросил мейсис Беггинз открыть кулинарные курсы, – не стал он делать тайны. – После того, как я поймал ее орчонка, я её любимчик, ты же знаешь. Ходим туда с Маком.

Мак махнул ложкой, а Гейб продолжал:

– Он клеит горожанок, которые заглядывают туда якобы учиться, а на самом деле пофлиртовать с ним, а я, как видишь, постигаю науку кулинарии. Оказывается, все дело в точных пропорциях и времени. И в терпении.

– И в любви, – добавила Вилда нежно.

– Да. – Он подошел сзади и обнял ее. – И в любви.

Эпилог третий, философичный

Дракон Миль-Авентис, зачем-то несколько лет назад согласившийся вступить на должность ректора Веншицкой Магакадемии (хотя причина была проста – банальная скука), изучал смету на магические ингредиенты, лениво раздумывая, испепелить бумажку или в кого-нибудь превратить преподавателя создания магических амулетов, который безбожно клал часть денег себе в карман. В это время распахнулась дверь и секретарь хорошо поставленным голосом оповестила:

– К вам посетитель, мейз ректор!

– А, волчонок, – увидев посетителя, приподнял брови дракон и отложил бумаги. – Как давно мы виделись у дома этого похитителя виверн, два года назад?

– Три, – поправил гость.

– Пришел просить об исполнении какого-нибудь желания?

– Нет, – покачал головой Гроул. – У меня все есть, и во многом благодаря тебе, старейший. Пришел поблагодарить. – Он достал из сумки резную коробочку и протянул ректору.

Миль-Авентис покрутил ее в руках со слабым предвкушением. Отодвинул, чтобы подождать подольше – не так часто он испытывал это чувство, – и жестом пригласил посетителя садиться.

– Теперь я вижу, что ты уже не волчонок, а волк, – сказал он. – Меня обычно благодарят историей, поэтому присаживайся и рассказывай, что с тобой случилось, а подарок я открою в конце. Только с самого начала рассказывай, чтобы я знал: как проклятие, которое было на тебе, обернулось благословением. А нам сейчас принесут вина.

– Я не люблю вино, – попытался отказаться Гроул.

– Тогда сделай вид, что пьешь, – отмахнулся дракон. – Рассказывай.

Гейб никогда так долго не говорил. Он пригубил вина, когда совсем пересохло горло, и далее рассказ о его мучениях с младенцем пошел веселее, да и Миль-Авентис стал подхохатывать. С улицы раздавались голоса студентов, в приемной то и дело кто-то хотел

прорваться к ректору, но дракон в какой-то момент бросил на дверь заклинание, и шум перестал быть слышен.

– Мне почти сразу после нападения бандитов пришлось заступить на должность начальника полиции. Полковник Норминн сказал: «Ты пока думаешь, Гроул, подхвати дела, наведи там порядок, бумаги разбери. А там посмотришь. Захочешь – останешься, нет – держать не буду. Но сейчас никого, кроме тебя, я быстро на эту должность не найду».

– И ты, конечно, согласился, – кивнул дракон.

– Из уважения к полковнику. Он много сделал для меня. Да и я не мог никак решиться. Понимал, что если брошу полицию, то затоскую без погонь и арестов, а если не брошу, то не будет времени на мастерскую. А два дела не позволят мне уделять время семье.

– А жена что говорила?

– Так жена меня и успокоила, – улыбнулся Гейб. – Сказала: «Попробуй, вдруг получится все совмещать? Уволиться действительно всегда успеешь». И, как ни странно, у меня действительно все получилось. Город наш, Сибай, сонный, преступлений в нем немного, подчиненных у меня оказалось всего двенадцать людей и нелюдей, включая телефонистку и уборщицу.

– И поэтому выбирать не пришлось?

– Точно. До трех дня я в форме, а вечерами и на выходных Вилли выделяет мне пару часов среди семейных забот, чтобы мастерить и вырезать в свое удовольствие. В Сибайе никто никуда не торопится и готовы ждать комод или кровать от меня. Да и дети прибегают, просят зверюшку или свистульку. Ринор уже пытается вырезать, будет из него толк.

– Это хорошо, – искренне сказал дракон. – Мне самому интересно, что получится. Можно ли изменить судьбу?

– Я уверен, что можно, – твердо ответил Гроул. – Моя же изменилась.

Миль-Авентис задумчиво кивнул, покрутив в ладони бокал с вином. Он не говорил ничего, и поэтому Гейб просто тихо продолжил рассказ – историю нужно было дарить до конца.

– Моя жена получила приглашение сюда, в столицу, в министерство финансов. Думала-думала, сказала, что и так слишком много времени потратила на цифры, а детей в периоды отчетов почти

не видит, уволилась из финансового отдела полиции и открыла в соседнем Бадене финансовые курсы для женщин, которые потом пользовались огромным успехом. Но ее любовь к работе не давала ей покоя. В результате сначала мы на жемчуг, полученный от супруга мейсис Тильды, русала Виши, закрыли куполом пещеру с горячими источниками в Сибэе и обустроили там круглогодичный курорт для семей с детьми. Наш водный парк тоже привлекает в город много туристов. А месяц назад Вилда заняла кресло мэра, когда старик Финс решил уйти на покой. Теперь хочет открыть в городе кинематограф, второй после столицы, представляешь? Говорит, что за этим будущее.

Дракон все еще молчал и словно не слушал его.

– Есть у меня еще одно дело, – проговорил Гроул, вставая. – Я, пользуясь возможностями начальника полиции, ищу по Эринетте бесклановых оборотней и предлагаю им кров и работу. Потому что по себе знаю, как тяжело быть без клана, как тяжело переносить одиночество и как важно, когда в тебя кто-то верит. Когда кто-то есть рядом. Открой подарок, старейший.

Дракон, очнувшись, со слабым любопытством раскрыл шкатулку и увидел круглое деревянное украшение на шею, на серебряной цепочке, исполненное так тонко, что выглядело кружевным. Там, в сплетении облаков, кружились, обняв друг друга, два дракона.

– Я не маг, но я желаю, чтобы ты не был одинок, старейший, – сказал Гейб. – Я-то знаю, что не только дети бывают одинокими, но и взрослые.

Миль-Авентис улыбнулся, допил вино и небрежно надел украшение на шею.

– Иди, волк, – сказал он. – Ты скрасил мне этот день, твоя история оказалась очень хороша. Нужно будет кого-нибудь распылить в воспитательных целях – обращайся. Наскучат мои студиозусы, пожалуй, загляну к тебе, в твой городишко. Посмотрю, что и как там стало. Я там последний раз лет семьсот назад был, что ли. Иди. И, – добавил он, когда Гроул уже скрылся за дверью, – спасибо.

Конец улыбатальной истории

Примечания

1

Об этих событиях можно прочитать в книге «Беги, а то заколдую!».